

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Триумф ленинских принципов
пролетарского интернационализма

Экономика МНР

Сотрудничество Вьетнама в рамках СЭВ

Японо-американские отношения

АСЕАН — сложные проблемы развития

Борцы за народное дело

4
1982

ОБРАЩЕНИЕ

Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР к Коммунистической партии, к советскому народу

Дорогие товарищи!

Коммунистическая партия Советского Союза, весь советский народ понесли тяжелую утрату. Из жизни ушел верный продолжатель великого дела Ленина, пламенный патриот, выдающийся революционер и борец за мир, за коммунизм, крупнейший политический и государственный деятель современности Леонид Ильич Брежнев.

Вся многогранная деятельность, личная судьба Л. И. Брежнева неотделимы от важнейших этапов в истории Страны Советов. Коллективизация и индустриализация, Великая Отечественная война и послевоенное возрождение, освоение целины и организация исследований космоса — это и вехи биографии славного сына рабочего класса Леонида Ильича Брежнева. Всюду, куда бы ни направляла его партия, Леонид Ильич беззаветно, с присущими ему энергией и настойчивостью, смелостью и принципиальностью боролся за ее великие идеалы.

С именем товарища Брежнева, с его неутомимой работой на постах Генерального секретаря Центрального Комитета КПСС и Председателя Президиума Верховного Совета СССР советские люди, наши друзья во всем мире справедливо связывают последовательное утверждение ленинских норм партийной и государственной жизни, совершенствование социалистической демократии. Он мудро направлял деятельность ленинского штаба партии — ее Центрального Комитета, Политбюро ЦК, показывая образец умелой организации дружной коллективной работы. Ему принадлежит выдающаяся роль в выработке и осуществлении экономической и социально-политической стратегии партии на этапе развитого социализма, в определении и реализации курса на подъем народного благосостояния, в дальнейшем укреплении экономического и оборонного могущества нашей страны.

Непреходящи заслуги Леонида Ильича Брежнева в формировании и проведении политики нашей партии на международной арене — политики мира и мирного сотрудничества, разрядки и разоружения, решительного отпора агрессивным проискам империализма, предотвращения ядерной катастрофы. Велик его вклад в сплочение мирового социалистического содружества, в развитие международного коммунистического движения.

Пока билось сердце Леонида Ильича, его помыслы и дела были всецело подчинены интересам людей труда. С массами трудящихся его всегда связывали кровные, неразрывные узы. В сознании коммунистов, сотен миллионов людей на всех континентах он был и останется воплощением ленинской идейности, последовательного интернационализма, революционного оптимизма и гуманизма.

Тяжела понесенная нами утрата, глубока наша скорбь. В этот горестный час коммунисты, все трудящиеся Советского Союза еще теснее сплываются вокруг ленинского Центрального Комитета КПСС, его ру-

ководящего ядра, сложившегося под благотворным влиянием Леонида Ильича Брежнева. Народ верит в партию, ее могучий коллективный разум и волю, всем сердцем поддерживает ее внутреннюю и внешнюю политику. Советские люди хорошо знают: знамя Ленина, знамя Октября, под которым одержаны всемирно-исторические победы, — в надежных руках.

Партия и народ вооружены величественной программой коммунистического созидания, разработанной XXIII—XXVI съездами КПСС. Эта программа неуклонно претворяется в жизнь. Партия будет и впредь делать все для подъема народного благосостояния на основе интенсификации производства, повышения его эффективности и качества работы, выполнения Продовольственной программы СССР. Партия и впредь будет проявлять всемерную заботу об упрочении союза рабочего класса, колхозного крестьянства и народной интеллигенции, об укреплении социально-политического и идейного единства советского общества, братской дружбы народов СССР, об идеологической закалке трудящихся в духе марксизма-ленинизма и пролетарского, социалистического интернационализма.

Неизменна воля советского народа к миру. Не подготовка к войне, обрекающая народы на бессмысленную растрату своих материальных и духовных богатств, а упрочение мира — вот путеводная нить в завтрашний день. Эта благородная идея пронизывает Программу мира на 80-е годы, всю внешнеполитическую деятельность партии и Советского государства.

Мы видим всю сложность международной обстановки, попытки агрессивных кругов империализма подорвать мирное сосуществование, столкнуть народы на путь вражды и военной конфронтации. Но это не может поколебать нашу решимость отстаивать мир. Мы будем делать все необходимое, чтобы любители военных авантур не застали Советскую страну врасплох, чтобы потенциальный агрессор знал: его неминуемо ждет сокрушительный ответный удар.

Опираясь на свою мощь, проявляя величайшую бдительность и выдержку, сохраняя неизменную верность миролюбивым принципам и целям своей внешней политики, Советский Союз будет упорно бороться за то, чтобы отвратить от человечества угрозу ядерной войны, за разрядку, за разоружение.

В этой борьбе с нами братские страны социализма, борцы за национальное и социальное освобождение, миролюбивые страны всех континентов, все честные люди земли. Политика мира выражает коренные жизненные интересы человечества, и поэтому за такой политикой — будущее.

Советский народ видит в партии своего испытанного коллективного вождя, мудрого руководителя и организатора. В служении рабочему классу, трудовому народу — высшая цель и смысл всей деятельности партии. Непокколебимое единство партии и народа было и остается источником несокрушимой силы советского общества. КПСС свято дорожит доверием трудящихся, постоянно укрепляет свои связи с массами. Народ на практике убедился, что наша партия при любом повороте событий, при любых испытаниях остается на высоте своей исторической миссии. Внутренняя и внешняя политика КПСС, разработанная под руководством Леонида Ильича Брежнева, будет и далее проводиться последовательно и целеустремленно.

Жизнь и деятельность Л. И. Брежнева будет всегда вдохновляющим примером верного служения Коммунистической партии и советскому народу.

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Президиум Верховного Совета СССР, Совет Министров СССР выражают уверенность в том, что коммунисты, все советские люди проявят высокую сознательность и организованность, своим самоотверженным творческим трудом под руководством ленинской партии обеспечат выполнение планов коммунистического строительства, дальнейший расцвет нашей социалистической Родины.

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ

о Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза

12 ноября 1982 года состоялся внеочередной Пленум Центрального Комитета КПСС.

По поручению Политбюро ЦК Пленум открыл и выступил с речью член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС тов. Андропов Ю. В.

В связи с кончиной Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева члены Пленума ЦК почтили память Леонида Ильича Брежнева минутой скорбного молчания.

Пленум ЦК отметил, что Коммунистическая партия, советский народ, все прогрессивное человечество понесли тяжелую утрату. Из жизни ушел выдающийся деятель Коммунистической партии, Советского государства, международного коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения, пламенный борец за мир.

Леонид Ильич Брежнев, находясь в рядах ленинской Коммунистической партии более 50-ти лет, из них 18 лет на посту ее руководителя, внес огромный вклад в укрепление монолитности ее рядов, политического, социально-экономического и оборонного могущества Советского Союза. Исключительно велика его роль в укреплении мира и международной безопасности. Имя Леонида Ильича Брежнева, с которым непосредственно связаны великие свершения в жизни нашей страны — индустриализация и коллективизация сельского хозяйства, историческая Победа советского народа в Великой Отечественной войне, послевоенное восстановление народного хозяйства нашей Родины, исследование космоса, все успехи в развитии экономики, науки и культуры Советского государства, навсегда вошло в историю Коммунистической партии Советского Союза, нашей великой Родины.

Участники Пленума ЦК выразили глубокое соболезнование родным и близким покойного.

Пленум ЦК рассмотрел вопрос об избрании Генерального секретаря ЦК КПСС.

По поручению Политбюро ЦК выступил с речью член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС тов. Черненко К. У. Он внес предложение избрать Генеральным секретарем ЦК КПСС тов. Андропова Ю. В.

Генеральным секретарем Центрального Комитета КПСС Пленум единогласно избрал тов. Андропова Юрия Владимировича.

Затем на Пленуме выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Андропов Ю. В. Он выразил сердечную благодарность Пленуму ЦК за оказанное высокое доверие — избрание его на пост Генерального секретаря ЦК КПСС.

Тов. Андропов Ю. В. заверил Центральный Комитет КПСС, Коммунистическую партию, что приложит все свои силы, знания и жизненный опыт для успешного выполнения начертанной в решениях XXVI съезда КПСС программы коммунистического строительства, обеспечения преемственности в решении задач дальнейшего укрепления экономического и оборонного могущества СССР, повышения благосостояния советского народа, упрочения мира, в осуществлении всей ленинской внутренней и внешней политики, проводившейся при Л. И. Брежневе.

На этом Пленум закончил свою работу.

Юрий Владимирович АНДРОПОВ

Юрий Владимирович Андропов родился 15 июня 1914 года в семье железнодорожника на станции Нагутская Ставропольского края. Образование высшее. Член КПСС с 1939 года.

Шестнадцатилетним комсомольцем Ю. В. Андропов был рабочим в г. Моздок Северо-Осетинской АССР. Затем его трудовая биография продолжилась на судах Волжского пароходства, где он работал матросом.

С 1936 года Ю. В. Андропов — на комсомольской работе.

Он был избран освобожденным секретарем комсомольской организации техникума водного транспорта в г. Рыбинске Ярославской области. Вскоре его выдвинули на должность комсорга ЦК ВЛКСМ судоверфи им. Володарского в г. Рыбинске. В 1938 году комсомольцы Ярославской области избирают Ю. В. Андропова первым секретарем Ярославского обкома ВЛКСМ. В 1940 году Ю. В. Андропов избирается первым секретарем ЦК ЛКСМ Карелии.

С первых дней Великой Отечественной войны Ю. В. Андропов — активный участник партизанского движения в Карелии. После освобождения в 1944 году города Петрозаводска от фашистских захватчиков Ю. В. Андропов — на партийной работе. Он избирается вторым секретарем Петрозаводского горкома партии, а в 1947 году — вторым секретарем ЦК Компартии Карелии.

В 1951 году Ю. В. Андропов по решению ЦК КПСС переводится в аппарат ЦК КПСС и назначается инспектором, а затем заведующим отделом ЦК КПСС.

В 1953 году партия направляет Ю. В. Андропова на дипломатическую работу. Несколько лет он являлся чрезвычайным и полномочным послом СССР в Венгерской Народной Республике.

В 1957 году Ю. В. Андропов был выдвинут заведующим Отделом ЦК КПСС.

На XXII и последующих съездах партии Ю. В. Андропов избирается членом Центрального Комитета КПСС.

В 1962 году Ю. В. Андропов избирается секретарем ЦК КПСС.

В мае 1967 года Ю. В. Андропов назначается председателем Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР. В июне того же года он избран кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС.

В мае 1982 года Ю. В. Андропов был избран секретарем ЦК КПСС.

С апреля 1973 года Ю. В. Андропов — член Политбюро ЦК КПСС.

Юрий Владимирович Андропов — депутат Верховного Совета СССР ряда созывов.

На всех постах, где по воле партии трудился Ю. В. Андропов, проявлялась его преданность великому делу Ленина, партии. Он отдает все свои силы, знания и опыт претворению в жизнь решений партии, борьбе за торжество коммунистических идей.

За большие заслуги перед Родиной Ю. В. Андропову — видному деятелю Коммунистической партии и Советского государства — в 1974 году присвоено звание Героя Социалистического Труда. Он награжден четырьмя орденами Ленина, орденами Октябрьской Революции, Красного Знамени, тремя орденами Трудового Красного Знамени и медалями.

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА

4 [44] 1982

НАУЧНЫЙ, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ.
ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД НА РУССКОМ,
АНГЛИЙСКОМ, ЯПОНСКОМ И ИСПАНСКОМ ЯЗЫКАХ.

170-2486

СИНОВАГИЧЕСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ
ИНИБОН АН СССР

СОДЕРЖАНИЕ

К 60-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СССР

- 9 Торжество ленинской политики интернационализма
Великий Октябрь и развитие революционного движения
в Китае
20 *Р. А. Мировицкая*

ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА

- Внешнеэкономические связи Китайской Народной Респу-
блики
28 *Э. В. Дашкевич*
Народное хозяйство МНР в условиях интеграции
40 *Т. А. Якимова*
Социальные сдвиги и политическая борьба в Японии
49 *Ю. Д. Кузнецов*
Социально-экономическая политика КРП
68 *М. Е. Тригубенко*
Японо-американские отношения: старые проблемы, но-
вые тенденции
79 *Н. Н. Николаев,
А. Н. Александров*
Некоторые аспекты развития экономики КНДР
96 *М. Е. Глебова,
В. В. Михеев*
Социальные последствия научно-технического прогресса
в Японии
106 *Ю. И. Березина*

ИСТОРИЯ

- 114 Из истории агрессии США во Вьетнаме
Ф. М. Сергеев
Борцы за народное дело
Жизнь, отданная борьбе за свободу
131 *А. В. Панцов*

ТРИБУНА КОММЕНТАТОРА

- 137 Советскому Дальнему Востоку — 60
героических лет
Натиск империализма на АСЕАН
144 *Н. И. Макаров*
Исторические факты и их фальсификаторы
151 *Ю. И. Огнев*

КУЛЬТУРА

- 164 Лу Синь и борьба за реализм в китайском кино
С. А. Торопцев
177 На выставке китайской керамики и фарфора
Л. И. Кузьменко

ОБОЗРЫ, СООБЩЕНИЯ, СПРАВКИ

- 188 Япония — КНР: кредитно-финансовые отношения
Ю. П. Шилов
195 Сотрудничество Вьетнама в рамках СЭВ
М. П. Петров
203 Международные компании «развивающихся территорий»
Дальнего Востока
А. В. Березной

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

- 210 Исследование по культуре социалистической Монголии
Ш. Б. Чимитдоржиев
211 Право современной Японии
Л. М. Гудошников,
Е. Г. Пащенко
214 Англия и Дальний Восток
С. И. Кузнецов
215 Антимилитаристская книга японского ученого
А. А. Шмырев
218 Откуда пришли первые обитатели Хоккайдо?
К. Е. Черевко

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 221 На XXVIII Европейском конгрессе китаеведов
В. Ф. Сорокин

Адрес редакции: Москва, 117218
ул. Красикова, 27
тел. 124-09-04

© «Проблемы
Дальнего Востока»,
1982

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. И. СЛАДКОВСКИЙ (главный редактор),
В. А. АРХИПОВ (зам. главного редактора),
Г. В. АСТАФЬЕВ, **Р. С. БЕЛОУСОВ**, **Г. А. БОГДАНОВ**,
Б. Г. ГРЕБЕННИКОВ (зам. главного редактора),
М. С. КАПИЦА, **И. И. КОВАЛЕНКО**, **В. А. КРИВЦОВ**,
О. Б. РАХМАНИН, **Б. В. САГАРЕВ** (отв. секретарь),
В. М. СОЛНЦЕВ, **М. Л. ТИТАРЕНКО**,
С. Л. ТИХВИНСКИЙ, **Р. А. УЛЬЯНОВСКИЙ**,
Н. Т. ФЕДОРЕНКО, **В. И. ШАБАЛИН**

Торжество ленинской политики интернационализма

Исторический опыт Страны Советов показал, что национальный вопрос — одна из кардинальных проблем современности — может быть разрешен только на основе осуществления социалистических общественных преобразований, на основе принципов пролетарского интернационализма.

Пролетарский интернационализм — идеология международного пролетариата, выражающая его интересы на всех стадиях его борьбы и развития вплоть до становления бесклассового общества. Он выражает интернационалистскую сущность рабочего класса, поскольку это единственный класс, интересы и потребности которого в данной стране не противоречат интересам и потребностям рабочего класса любой другой страны, поскольку это единственный класс, который по своим объективным характеристикам заинтересован в демократически организованных отношениях между странами и нациями, в их сотрудничестве и равенстве, а значит, наиболее последовательно выражает потребности человечества. «Мы — противники национальной вражды, национальной розни, национальной обособленности, — подчеркивал В. И. Ленин. — Мы — международники, интернационалисты»¹.

Опыт шести десятилетий созидательной деятельности рабочего класса и трудящихся всех наций и народностей Советского Союза явился ярким и весомым доказательством истинности научного предвидения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, убедительным подтверждением правоты миллионов самоотверженных борцов за дело коммунизма, за дело всенародного братства. Ленин и большевики доказали исключительную роль этого принципа в организации рабочего движения и в партийном строительстве. Сама партия, учил Ленин, должна выступать как единая, централизованная, боевая организация, опирающаяся на весь пролетариат, без различия языка и национальности, сплоченная постоянным решением теоретических и практических, тактических и организационных вопросов².

«Шестидесятилетие СССР, — отмечается в постановлении ЦК КПСС, — знаменательное событие в жизни советского народа, свидетельство торжества ленинской национальной политики КПСС, исторических достижений социализма. В эту славную годовщину Советский Союз предстает перед всем миром как дружная семья равноправных республик, совместно строящих коммунизм. Монолитно социально-политическое и идейное единство нашего общества. Нерушима сплоченность советского народа вокруг родной Коммунистической партии, ее Центрального Комитета»³.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, с. 43.

² См. там же, т. 7, с. 122.

³ О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик. Постановление ЦК КПСС от 19 февраля 1982 года. М., 1982, с. 3.

В. И. Ленину принадлежит неоценимый вклад в разработку теории национального вопроса в эпоху империализма и в переходный период от капитализма к социализму. Именно Ленин впервые обосновал вывод о том, что действительное решение национального вопроса невозможно без социальной революции пролетариата, без слияния в общий поток революционной борьбы рабочего класса и национально-освободительного движения угнетенных народов. Тем самым успех решения национального вопроса в нашей стране был подготовлен историческим обоснованием и организационной работой, выработкой ленинской стратегии и тактики партии в национальном вопросе. Это было особенно важно в стране, где политика самодержавия, помещиков и буржуазии старой России в отношении к нерусским народам состояла в том, чтобы «убить среди них зачатки всякой государственности, калечить их культуру, стеснять язык, держать их в невежестве и, наконец, по возможности русифицировать их. Результаты такой политики — неразвитость и политическая отсталость этих народов»⁴.

Полное равноправие наций, право каждой нации на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства или на объединение с другими нациями в государственное содружество, интернациональное единство классовой борьбы пролетариата за социализм — таков был магистральный путь решения национального вопроса. «Полное равноправие наций; право самоопределения наций; слияние рабочих всех наций — этой национальной программе учит рабочих марксизм, учит опыт всего мира и опыт России»⁵.

Беззаветная самоотверженность рабочего класса, героический интернационалистский подвиг русского пролетариата, воплотившего в жизнь ленинские идеи и указания ленинской партии, вызвали тот могучий подъем исторической энергии, привели к невиданным в истории результатам, послужили основой установления полного взаимного доверия наций, согласия между ними, исключения любых форм неравенства в национальных отношениях, соединили революционный энтузиазм пролетариата и широчайший порыв народов к национальному равенству и свободе.

Таким образом, создание СССР 30 декабря 1922 г. явилось результатом соединения выводов марксистско-ленинской теории по национальному вопросу и непосредственного опыта борьбы и сотрудничества народов нашей страны в ходе революции и гражданской войны.

Добровольное объединение в Союзе Республик, создание отношений дружбы народов — величайшей движущей силы нашего общества позволили добиться юридического, политического, а затем и фактического равенства, осуществить всестороннее развитие наций и народностей нашей страны.

Итогом единого процесса решения национального вопроса и социалистического строительства стало формирование свободных социалистических наций и народностей, объединенных не только общими территориями, языком, культурой и экономической организацией, но и социально-политическим и идейным единством. Сложилась и социалистические национальные отношения, отношения сотрудничества и взаимопомощи, равенства и дружбы народов, органического единства национального и интернационального в жизни народов. Все это создало условия для непрерывного и неуклонного прогресса народов, оградило их от угрозы отставания, обособленности и незащитности.

⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 2. М., 1970, с. 251—252.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, с. 320.

Социалистическое строительство привело в области экономики к созданию в каждой республике индустриальной базы и крупного механизированного сельского хозяйства, открыло путь к предсказанной К. Марксом «гармоничной национальной и интернациональной координации общественных форм производства»⁶.

В области социально-политической решение национального вопроса привело к созданию однотипных социальных структур в республиках, к развитию рабочего класса как главной социальной силы, ведущей к сближению наций, формированию социалистического крестьянства и народной национальной интеллигенции. Сложилась социалистическая многонациональная государственность, отвечающая интересам каждой нации и Союза в целом.

Культурная революция, социалистические преобразования в области духовной жизни привели к удивительным переменам. В каждой нации сложилась социалистическая система ценностей и институтов, более 50 народов обрели письменность и литературный язык, каждая республика смогла создать крупные творческие коллективы, научные объединения, систему просвещения, высшего и среднего специального образования. Достижения в области науки и культуры стали общесоюзным, а во многих случаях международным достоянием. Сложилась единая по социалистическому содержанию и многообразная по национальным формам советская культура. Развернулся процесс взаимообогащения культур.

Благотворные изменения произошли в судьбах народов. Одни были спасены от вымирания, среди других исчезли национальные распри. Получили развитие советский патриотизм и социалистический интернационализм — новые стороны духовной жизни народов СССР.

Руководящая и направляющая роль КПСС в сфере национальных отношений явилась решающим фактором прогресса советского народа, надежным гарантом единства национальных и интернациональных интересов Союза ССР. Ленинская национальная политика, основанная на принципе пролетарского, социалистического интернационализма, победила полностью и окончательно.

Результатом революционно-преобразующей деятельности народов, сплотившихся под руководством Коммунистической партии в Союз ССР, явилось построение развитого социалистического общества. В стране установились зрелые социалистические общественные отношения, решена в основном задача выравнивания уровня экономического развития советских республик. Сформировалась новая историческая общность людей — советский народ. Эта общность основывается на нераздельности исторических судеб советских людей, на глубоких объективных изменениях как материального, так и духовного порядка, на нерушимом союзе рабочего класса, крестьянства и интеллигенции. Она — результат возрастающей интернационализации хозяйственной и всей общественной жизни, развития в нашей стране социалистических наций, между которыми сложились отношения подлинного равноправия, братской взаимопомощи и сотрудничества, уважения и взаимного доверия.

Все коренные изменения в жизни социалистических наций и народов нашей страны нашли отражение и закрепление в новой Конституции СССР — конституции развитого социалистического общества.

Дальнейшее всестороннее сближение советских народов является главной тенденцией развития национальных отношений в СССР. Оно обеспечивает нарастающее упрочение нашего Союза Республик. Процесс этот не является автоматическим и стихийным, он обеспечивается марксистско-ленинской национальной политикой Коммунистической

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, с. 553.

партии Советского Союза, которая прежде всего сама выступает как единая интернациональная организация.

Сегодня успешно развивается единый народнохозяйственный комплекс страны — материальная основа братства и дружбы народов, которые совместно решают ключевую проблему общего экономического прогресса — задачу интенсификации производства.

Партия неизменно осуществляет курс на развитие материального и духовного потенциала республик и его интернационального использования в целях гармонического и целостного развития народного хозяйства страны.

Общественная, прежде всего общенародная собственность и централизованное планирование дали возможность рационально размещать производительные силы, обеспечили свободу экономического маневра, позволили углубить социалистическое разделение труда, специализацию и кооперирование производства между республиками. Интеграция хозяйственных потенциалов и ресурсов всех республик ускоряет развитие каждой из них. Целостное развитие экономики тем более важно в нашей стране, где 56 % территории приходится на северную неземледельческую зону, 15 % занимают пустыни Средней Азии и Казахстана; где более половины энергетических и сырьевых ресурсов расположены к востоку от Урала и к северу от Казахстана, в пока еще труднодоступных и малонаселенных районах; где огромные размеры территории усложняют проблемы транспорта и связи.

И в этих условиях социалистическая система хозяйства, интернациональное сотрудничество наций и народностей СССР дали поразительные результаты, блестяще опровергая домыслы антикоммунизма о «неэффективности» социалистической экономики. Объем промышленного производства за 60 лет в целом по СССР возрастет в 537 раз, РСФСР — 501, Украины — 289, Белоруссии — 729, Узбекистана — 428, Казахстана — 928, Грузии — 304, Азербайджана — 144, Латвии — 47, Литвы — 63, Молдавии — 973, Киргизии — 711, Таджикистана — 902, Армении — 1036, Туркмении — 209, Эстонии — в 50 раз (данные по Прибалтике — к уровню 1940 г.). Таковы факты, свидетельствующие о результатах социалистического ведения хозяйства, о процессах сближения уровней экономического развития республик, об итогах применения принципа социалистического интернационализма в хозяйственном строительстве.

Всю страну охватило массовое творческое движение за достойную встречу 60-летия СССР. Социалистическое соревнование трудовых коллективов, республик, областей и городов обогатилось новыми интернационалистскими формами — за выполнение интернационального долга по своевременности и качеству межреспубликанских поставок, трудовые вахты под девизом «60-летию образования СССР — 60 ударных трудовых недель» и др.

Новый этап развития нашей страны ставит в порядок дня новые задачи, требует и новых решений. Первоочередной из этих задач стало максимальное использование материальных и трудовых ресурсов каждой республики в процессе интенсификации производства в стране в целом. Дальнейший прогресс общества, рост народного благосостояния зависят сегодня прежде всего от комплексного характера решений и коллективных интернациональных усилий. Это относится и к освоению энергетических и сырьевых ресурсов Сибири, Дальнего Востока и Севера РСФСР, чтобы поставить их на службу всем народам Союза, это относится и к ускоренному развитию сельского хозяйства Российской Нечерноземья, от которого зависит экономический и социальный прогресс всей страны. Совместная общественная практика, достижение общих целей — это и примета советской жизни, и фактор дальнейшего сближения народов и укрепления их дружбы.

Развитие наций имеет весьма существенную сторону — это проблемы совершенствования социалистической демократии в сфере национальных отношений. Опыт СССР подтвердил огромную жизненную силу ленинских принципов организации многонациональной советской государственности. Органическое соединение социалистического федерализма с демократическим централизмом гарантирует специфические интересы наций и народностей, суверенных прав республик, обеспечивая повышение их роли в решении общенародных задач, преграждая путь региональной и национальной ограниченности, гарантируя общие интересы братства советских народов.

Достижения советского народа показывают, что развитие социалистической демократии ведет к возрастанию сотрудничества и взаимообогащению наций и народностей СССР, к усилению союзных основ в жизни нашего общества. Статья 70 конституции гласит: «СССР олицетворяет государственное единство советского народа, сплачивает все нации и народности в целях совместного строительства коммунизма». Именно социалистическая демократия последовательно выражает самую суть демократизма — организацию социального общения, простор общественной активности, в частности и в сфере национальных отношений. Практика полностью подтвердила ленинский вывод о том, что «выгоды крупных государств и с точки зрения экономического прогресса и с точки зрения интересов массы несомненны...»⁷.

В то же время на основе расширения межнациональных связей, интеграционных процессов в экономике возрастает вклад каждой республики в общее дело коммунистического строительства. Это требует более четкого распределения функций на республиканском уровне. Неуклонно развиваются законодательная инициатива союзных республик, их самостоятельность и ответственность в решении соответствующих вопросов.

Обогащение духовной жизни нашего общества, рост ее разнообразия, «новая приливная волна» в советском многонациональном искусстве — яркое проявление неуклонного культурного прогресса советских народов. В СССР на 1 тыс. занятых в народном хозяйстве приходится в среднем 833 человека с высшим и средним (полным и неполным) образованием.

Возросла идейно-политическая сплоченность наций и народностей СССР, находящая свое выражение в единой интернациональной культуре советского народа. Эта новая культура вбирает все общезначимое, что есть в достижениях и традициях национальных культур. И потому она более открытая, широкая и многосторонняя, чем каждая из них. Потому она способна концентрировать в себе все прогрессивное и гуманистическое, что создает мировая культура, впитывает это в себя, чтобы в свою очередь сделать достоянием национальных культур. Так яркое многоцветье духовной жизни различных наций и народностей образует единство культуры советского народа, происходит обогащение ее новым, возрождаются добрые давние традиции, изживается все устаревшее, отсталое. Без этого немислима духовная жизнь общества, немислим ее прогресс. Интернациональная природа нашей культуры ограждает нас от попыток культурной изоляции, обрекающей нации на духовный застой и бесплодие, от иллюзорных попыток придать минувшему роль «золотого века».

В условиях развитого социализма неуклонно возрастает роль руководящей, направляющей и организующей деятельности КПСС в развитии наций и народностей СССР, в укреплении их братского союза. Эта

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, с. 255.

роль — выражение объективной закономерности, непеременимое условие и гарант прогресса многонационального советского общества.

Партия чутко следит за новыми процессами и проблемами в сфере национальных отношений, обеспечивает своевременное и полное отражение этих вопросов в деятельности партийных, профсоюзных и комсомольских организаций, хозяйственных органов. Верным средством осуществления этой задачи является неукоснительное соблюдение научных принципов руководства, ленинского стиля работы, ленинской кадровой политики. Партия непрестанно разрабатывает магистральные направления национальной политики на новых этапах жизни развитого социалистического общества.

Возрастает роль КПСС в интернациональном и патриотическом воспитании трудящихся, ее функция научного центра, развивающего марксистско-ленинскую теорию национального вопроса, а также функция борьбы с буржуазными и ревизионистскими фальсификаторами ленинской национальной политики. Постоянное обогащение и совершенствование интернационального и патриотического воспитания — важнейшее условие ускорения строительства коммунизма. Партийные организации тесно увязывают совершенствование системы интернационального и патриотического воспитания с решением социально-экономических задач республики и Союза в целом.

Строительство социализма и коммунизма в нашей стране имеет своим результатом и становление нового исторического типа личности — советского человека. Данные социологических исследований показывают, что его характерной чертой является отрицание национальной ограниченности. Для советских людей важны не национальная принадлежность людей, с которыми они общаются в труде или быту, а их человеческие, духовные, идейные и профессиональные качества. Это свойство является и результатом, и прочной основой огромной жизнеспособности пролетарского, социалистического интернационализма в нашем обществе.

Поэтому обречены на провал усилия буржуазных и реакционных центров антикоммунистической пропаганды и «психологической войны» против СССР, «адресованные» республикам Союза, преследующие цели оживления национализма и шовинизма, направленные на подрыв дружбы наших народов, на деформацию советского народа как исторической, интернациональной общности.

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии подчеркивалось: «КПСС боролась и всегда будет решительно бороться против таких чуждых природе социализма проявлений, как шовинизм или национализм, против любых националистических вывихов, будь то, скажем, антисемитизм или сионизм»⁸. Успех этой борьбы обеспечивается многими факторами: научной основой патриотического и интернационального воспитания; историческим опытом КПСС в области национальной политики; единой системой средств массовой информации и органов и организаций, ведущих идейно-воспитательную работу на базе марксизма-ленинизма; интересами трудящихся всех народов нашей страны, которым претят и национальные распри, и националистическое чванство, и национальный нигилизм. Огромная жизненная сила пролетарского интернационализма — в его глубоко народных, исторических корнях.

Из этого исходит наша ленинская партия, определяя следующие главные направления национальной политики:

— неустанное укрепление ленинской дружбы народов СССР, эффективное содействие процессу упрочения и развития советского народа как новой исторической общности;

⁸ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 57.

— последовательное осуществление курса на дальнейшее материальное и духовное развитие каждой республики и вместе с тем максимальное использование их потенциала для гармонического развития всей страны;

— концентрация усилий трудящихся всех наций на решении ключевой экономической проблемы — интенсификации производства, повышении эффективности всего народнохозяйственного комплекса;

— укрепление Союза ССР, последовательное углубление социалистической демократии;

— развитие социальной структуры населения советских республик в русле становления бесклассового общества;

— всемерное содействие прогрессу духовной культуры каждой нации и народности страны, дальнейшему развитию единой социалистической культуры советского народа;

— конкретная и целенаправленная работа по патриотическому и интернациональному воспитанию трудящихся, решительный отпор клевветнической кампании империализма;

— творческое развитие ленинского учения о нациях и национальных отношениях применительно к условиям развитого социализма и постепенного перехода к коммунизму.

История человечества оставила нашему времени в наследство немало сложных и болезненных проблем, которые стали доступны научному исследованию лишь с позиций пролетарского интернационализма, марксизма-ленинизма. Только эта позиция создала историческую возможность, которая позволила народам развернуть борьбу за то, чтобы взять в собственные руки решение своих судеб, за избавление национальных отношений от насильственной ассимиляции и геноцида, колониализма и различных форм зависимости, неравенства и отсталости. Историческая возможность этого была впервые превращена в действительность Октябрьской революцией, советским народом на интернациональной основе, в неразрывной связи с решением социальных проблем.

«Пример социалистической Советской республики в России, — предвидел В. И. Ленин, — будет стоять живым образцом перед народами всех стран, и пропагандистское, революционизирующее действие этого образца будет гигантским»⁹.

Сегодня прогрессивные государства, партии и общественные движения мира широко используют различные стороны опыта КПСС в политической и идейной борьбе против империализма и реакционного национализма за подлинную самостоятельность народов и национальное возрождение.

Коммунистическое движение более столетия идет в авангарде борьбы за равноправие наций. Это происходит, во-первых, потому, что национальное освобождение в современную эпоху — одна из сторон социального преобразования мира, одна из сторон борьбы за будущее человечества. Во-вторых, борьба за демократизацию межнациональных отношений — важный фактор противодействия политике империализма, направленной на обострение международной обстановки, фактор борьбы против военной опасности, расширения и оправдания гонки вооружений.

«Наш опыт, — указывал В. И. Ленин, — создал в нас непреклонное убеждение, что только громадная внимательность к интересам различных наций устраняет почву для конфликтов, устраняет взаимное недоверие, устраняет опасение каких-нибудь интриг, создает то доверие, в особенности рабочих и крестьян, говорящих на разных языках, без

⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 250.

которого ни мирные отношения между народами, ни сколько-нибудь успешное развитие всего того, что есть ценного в современной цивилизации, абсолютно невозможны»¹⁰.

Национализм и шовинизм всегда рассматривались империализмом как средство духовного порабощения и ослепления народов, как идейный противовес коммунистическим идеям. Недавние тому подтверждения — поощрение израильской агрессии и зверств в отношении Ливана и палестинского народа, грубое вмешательство империалистов во внутренние дела Польской Народной Республики, Афганистана, Кампучии, ряда стран Африки и Латинской Америки. Такова же природа милитаристской кампании за возрождение «холодной войны», за расширение гонки вооружений, прикрываемой искусственно раздутой шовинистической истерией по поводу якобы военного отставания США, «советской угрозы» и т. п. На этой «основе» империализм усиливает борьбу против национально-освободительных движений во имя сохранения контроля монополий над экономикой и ресурсами развивающихся стран. При этом империализм США в условиях кризиса капиталистической экономики проявляет намерение недобросовестно раздуть свои «национальные» интересы — «жизненные интересы» — до планетарных масштабов и при этом открыто попирает национальные интересы и достоинство даже тех, кого он называет своими союзниками. Об этом свидетельствуют факты вмешательства США в экономические связи Западной Европы с СССР и другими странами СЭВ, стремление США оттеснить этих союзников от мировых ресурсов, навязать им свой диктат, политический и экономический, эгоистически использовать их экономические затруднения.

Характерной чертой современности является обострение национального вопроса в индустриально развитых капиталистических странах, выступающее как элемент дальнейшего углубления общего кризиса капитализма, как следствие усиления социального и национального гнета, присущего росту милитаризма. Свертывание социальных программ, рост безработицы и инфляции сильнее всего бьют по национальным меньшинствам. Это весьма наглядно проявляется в положении национальных меньшинств в самих США, где наряду с коренным населением Америки — индейцами — 11,5 % населения (26,5 млн.) составляют черные американцы, 6,4 % (14,6 млн.) — латиноамериканцы и 2,5 % (3,5 млн.) — выходцы из Азии. Здесь даже не ставится вопрос об их представительстве в государственном управлении, об автономии или реальном обеспечении экономических, социальных и культурных прав как на уровне прав общности, так и на уровне прав личности.

Борьба за сохранение национального суверенитета, за права национальных меньшинств, против «варварской политики буржуазной цивилизации»¹¹ становится в растущей мере органической частью всей системы социальных проблем капитализма, а в конечном счете сливается с задачами социалистического переустройства общественных отношений.

Образование и успешное развитие СССР имеет непреходящее международное значение, составляет важный исторический этап в вековой борьбе передового человечества за равноправие и дружбу народов, за революционное обновление мира, за решение острых проблем, в том числе национальных, которые оставляет после себя капитализм и которые он пытается утвердить и как реальность, и как принцип. И сейчас «нет такой страны или группы стран, такого идейного или политического течения, которое не испытало бы на себе в той или иной мере влияния социализма»¹². Даже империализм сегодня — это импе-

¹⁰ Там же, т. 45, с. 240.

¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 222.

¹² Материалы XXVI съезда КПСС, с. 79.

риализм, который вынужден считаться с социализмом и в отношениях между народами, и в социальных отношениях. Все попытки преодолеть и сломить это воздействие, которое особенно агрессивно пытаются осуществить ныне правящие круги США и их ближайшие союзники, обречены на провал, ибо новые международные отношения — уже не только идеал, но и прочная историческая реальность. Существуют и развиваются социалистические международные отношения суверенных, равноправных государств, сплоченных общностью коренных интересов и целей, марксистско-ленинской идеологией, скрепленных узами товарищеской солидарности, взаимопомощи и всестороннего сотрудничества. Наиболее полно эти отношения воплотились в социалистическом содружестве, где, как и в отношениях между народами в СССР, пролетарский интернационализм развился в интернационализм социалистический.

Социалистический интернационализм означает:

— развитие всестороннего экономического сотрудничества и взаимопомощи, реализацию комплексной программы социалистической интеграции, координации и согласования экономической политики братских стран и народов;

— целенаправленное сотрудничество, включая обмен опытом, в деле укрепления политического единства и сплоченности стран содружества, развития социалистической демократии, разработки согласованного курса братских стран в области внешней политики и обороны — в интересах мира, в направлении конструктивного решения международных проблем;

— упрочение идейной общности партий и народов братских стран, коллективное обогащение и развитие марксистско-ленинской теории, воспитание трудящихся в духе пролетарского интернационализма, нетерпимости к национализму, противодействие идеологическим диверсиям империализма.

Дальнейшее укрепление, развитие и внедрение в общественную практику принципов социалистического интернационализма — задача все более актуальная, поскольку не только развивается социалистическая действительность, но и активизируется подрывная деятельность реакционных сил в целях возбуждения национальной розни, культивирования архаичных предубеждений.

Империализм совершенствует приемы идейной и «психологической» войны против социалистического интернационализма, изощряется в спекуляциях на сложностях развития мирового социализма. Однако всюду, где принципы социализма осуществляются неуклонно, творчески и последовательно, эти новейшие приемы терпят крах. Лишь там, где к объективным экономическим или географическим, историческим или современным проблемам добавляются просчеты субъективного характера, империалисты могут в той или иной степени «погреть руки». Особенно «удобны» для империализма нарушения в политической практике, внешнеэкономической деятельности и в идеологии принципов пролетарского, социалистического интернационализма. Как отмечено в постановлении ЦК КПСС, практика показывает, как важно для правящей коммунистической партии заботиться об укреплении связи с массами, проводить взвешенную, реалистическую политику, воспитывать трудящихся в интернационалистском духе, крепить солидарность с братскими государствами, давать своевременный и решительный отпор противникам социализма, не допускать такой обстановки, когда могут активизироваться чуждые, антисоциалистические силы, не оставлять «щелей», в которых может затануть контрреволюция. Возникновение подобных ситуаций не неотвратимо. Надежной опорой социалистического развития, эффективного сочетания национальных и интернациональных интересов, коллективного разрешения противоречий является

ДИПЛОМАТИЧЕСКО
ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТИЧЕСКО
ОТДЕЛЕНИЕ
МАССЫ АН СССР

170-3486

ностей, возникающих в ходе строительства нового общества или под воздействием изменения международных условий развития социализма, является верность принципам социалистического интернационализма, марксистско-ленинской науке, которые открывают безграничные возможности социального творчества. Надежно служит содружеству и система институтов международного социалистического сотрудничества, охватывающая все области деятельности — экономическую и политическую, военную и дипломатическую, научную и культурную, идеологическую и теоретическую.

КПСС последовательно осуществляет курс на упрочение социалистического содружества, на сплочение мировой социалистической системы на базе принципов пролетарского, социалистического интернационализма. Неоднократно доказана верность ленинской партии принципам революционной солидарности, готовность прийти на помощь народам, подвергшимся угрозе или фактической империалистической агрессии, вмешательству в их внутренние дела. Широко известна добрая воля и сознание интернациональной ответственности нашей партии и Советского государства, проявленные в отношениях с другими странами социалистической системы, в частности готовность к нормализации отношений с Китайской Народной Республикой на справедливой и равноправной основе.

Национальная политика марксистско-ленинских партий в каждой стране конкретно реализуется в соответствии с внутренними особенностями, с историей этой страны. Нарушение принципов социалистического интернационализма внутри страны порождает, как показывает опыт, и националистические отклонения в сфере международных отношений.

КПСС и другие братские партии последовательно выступают за укрепление солидарности социалистического содружества со всеми отрядами международного коммунистического, рабочего, национально-освободительного движения.

Могучим фактором дальнейшего сплочения и роста авторитета мирового коммунистического движения является последовательная борьба коммунистов за мир, против агрессивной политики империализма, нагнетаемой им гонки вооружений, несущей народам угрозу ядерной катастрофы, борьба за подлинные интересы рабочего класса, трудящихся своих стран, за демократию, мир и социализм, то есть осуществление мировым коммунистическим движением своей интернациональной миссии.

В условиях обострения международной напряженности, вызванного политикой империализма, прежде всего американского, первостепенное значение для судеб человечества имеет активное претворение в жизнь ленинской стратегии мира, отстаиваемой нашей партией и государством с позиций пролетарского, социалистического интернационализма. Программа мира для 80-х годов, разработанная XXVI съездом КПСС и дополненная последующими инициативами нашей партии, указывает реалистические, конструктивные пути ослабления угрозы войны, углубления разрядки, широкого сотрудничества государств различных систем, решения сложных международных проблем не на путях конфронтации, а на началах честных, равноправных переговоров. Наша партия видит в этой политике осуществление своего интернационального долга и обеспечение интересов всех народов мира.

Советский Союз никому не навязывает никаких шаблонов и «моделей» государственного устройства, игнорирующих особенности той или иной страны. Он оказывает растущее влияние на ход истории самым фактом своего существования, реальной практикой нового типа социальных, международных отношений, силой примера в решении сложнейших проблем, с которыми не в состоянии справиться капитализм.

Столь же известно, что нет и не может быть дороги к социализму в обход общих закономерностей, открытых марксизмом-ленинизмом, подтвержденных опытом СССР, стран реального социализма, интернациональной практикой революционной борьбы и социалистического созидания, как не может быть успешного продвижения по этому пути без всестороннего учета национальных особенностей каждой страны.

Национальный вопрос имеет свои особенности в различных странах, и в то же время ценным подспорьем в самых разнообразных условиях является опыт СССР и других стран социализма, достаточно многосторонний и достаточно универсальный.

На базе этого опыта, на основе принципов пролетарского интернационализма СССР и братские страны социализма развивают сотрудничество с национально-освободительным движением народов Азии, Африки и Латинской Америки.

Триумф ленинских принципов пролетарского интернационализма ярко проявляется в следующем:

Во-первых, они получили теоретическое развитие и практическое воплощение в принципах социалистического интернационализма и в подлинном решении национального вопроса.

Во-вторых, на основе этих принципов сложились социалистические международные отношения, оказывающие растущее воздействие на всю систему мировых отношений.

В-третьих, реализация этих принципов в сфере отношений между социалистическими и молодыми развивающимися странами послужила важным фактором укрепления сил мира и ускорения социального прогресса в современном мире.

В-четвертых, эти принципы получили свое воплощение в непреодолимой тенденции к созданию новой системы международных отношений, в реальном процессе разрядки международной напряженности. Разрядка — это прежде всего «общий настрой государств и их руководителей не на военные приготовления и враждебность к другим государствам, а на мирное сотрудничество с ними. Это — нормальное общение между странами, между народами, добросовестное соблюдение норм международного права, уважение суверенитета каждой страны и невмешательство во внутренние дела друг друга. Это, наконец, — постоянное стремление практическими делами содействовать обузданию захлестнувшей мир гонки вооружений, стремление укреплять безопасность на основе постепенного углубления взаимного доверия на справедливых и обоюдных началах... В целом разрядка — это историческое завоевание народов. Ее ни в коем случае нельзя отдавать на растерзание узко мыслящим, эгоистичным политикам в стане империализма. Ее надо оберегать, развивать и углублять. И это будет победа человеческого рассудка над опасной бездумной агрессивностью»¹³.

Опыт современной эпохи убедительно подтвердил огромную актуальность и глубокую жизненную силу ленинских принципов пролетарского интернационализма — важной стороны марксизма-ленинизма, залога успешной реализации идеалов свободы народов и социальной справедливости.

¹³ «Правда», 27.IX.1982.

ностей, возникающих в ходе строительства нового общества или под воздействием изменения международных условий развития социализма, является верность принципам социалистического интернационализма, марксистско-ленинской науке, которые открывают безграничные возможности социального творчества. Надежно служит содружеству и система институтов международного социалистического сотрудничества, охватывающая все области деятельности — экономическую и политическую, военную и дипломатическую, научную и культурную, идеологическую и теоретическую.

КПСС последовательно осуществляет курс на упрочение социалистического содружества, на сплочение мировой социалистической системы на базе принципов пролетарского, социалистического интернационализма. Неоднократно доказана верность ленинской партии принципам революционной солидарности, готовность прийти на помощь народам, подвергшимся угрозе или фактической империалистической агрессии, вмешательству в их внутренние дела. Широко известна добрая воля и сознание интернациональной ответственности нашей партии и Советского государства, проявленные в отношениях с другими странами социалистической системы, в частности готовность к нормализации отношений с Китайской Народной Республикой на справедливой и равноправной основе.

Национальная политика марксистско-ленинских партий в каждой стране конкретно реализуется в соответствии с внутренними особенностями, с историей этой страны. Нарушение принципов социалистического интернационализма внутри страны порождает, как показывает опыт, и националистические отклонения в сфере международных отношений.

КПСС и другие братские партии последовательно выступают за укрепление солидарности социалистического содружества со всеми отрядами международного коммунистического, рабочего, национально-освободительного движения.

Могучим фактором дальнейшего сплочения и роста авторитета мирового коммунистического движения является последовательная борьба коммунистов за мир, против агрессивной политики империализма, нагнетаемой им гонки вооружений, несущей народам угрозу ядерной катастрофы, борьба за подлинные интересы рабочего класса, трудящихся своих стран, за демократию, мир и социализм, то есть осуществление мировым коммунистическим движением своей интернациональной миссии.

В условиях обострения международной напряженности, вызванного политикой империализма, прежде всего американского, первостепенное значение для судеб человечества имеет активное претворение в жизнь ленинской стратегии мира, отстаиваемой нашей партией и государством с позиций пролетарского, социалистического интернационализма. Программа мира для 80-х годов, разработанная XXVI съездом КПСС и дополненная последующими инициативами нашей партии, указывает реалистические, конструктивные пути ослабления угрозы войны, углубления разрядки, широкого сотрудничества государств различных систем, решения сложных международных проблем не на путях конфронтации, а на началах честных, равноправных переговоров. Наша партия видит в этой политике осуществление своего интернационального долга и обеспечение интересов всех народов мира.

Советский Союз никому не навязывает никаких шаблонов и «моделей» государственного устройства, игнорирующих особенности той или иной страны. Он оказывает растущее влияние на ход истории самим фактом своего существования, реальной практикой нового типа социальных, международных отношений, силой примера в решении сложнейших проблем, с которыми не в состоянии справиться капитализм.

Столь же известно, что нет и не может быть дороги к социализму в обход общих закономерностей, открытых марксизмом-ленинизмом, подтвержденных опытом СССР, стран реального социализма, интернациональной практикой революционной борьбы и социалистического созидания, как не может быть успешного продвижения по этому пути без всестороннего учета национальных особенностей каждой страны.

Национальный вопрос имеет свои особенности в различных странах, и в то же время ценным подспорьем в самых разнообразных условиях является опыт СССР и других стран социализма, достаточно многосторонний и достаточно универсальный.

На базе этого опыта, на основе принципов пролетарского интернационализма СССР и братские страны социализма развивают сотрудничество с национально-освободительным движением народов Азии, Африки и Латинской Америки.

Триумф ленинских принципов пролетарского интернационализма ярко проявляется в следующем:

Во-первых, они получили теоретическое развитие и практическое воплощение в принципах социалистического интернационализма и в подлинном решении национального вопроса.

Во-вторых, на основе этих принципов сложились социалистические международные отношения, оказывающие растущее воздействие на всю систему мировых отношений.

В-третьих, реализация этих принципов в сфере отношений между социалистическими и молодыми развивающимися странами послужила важным фактором укрепления сил мира и ускорения социального прогресса в современном мире.

В-четвертых, эти принципы получили свое воплощение в непреодолимой тенденции к созданию новой системы международных отношений, в реальном процессе разрядки международной напряженности. Разрядка — это прежде всего «общий настрой государств и их руководителей не на военные приготовления и враждебность к другим государствам, а на мирное сотрудничество с ними. Это — нормальное общение между странами, между народами, добросовестное соблюдение норм международного права, уважение суверенитета каждой страны и невмешательство во внутренние дела друг друга. Это, наконец, — постоянное стремление практическими делами содействовать обузданию захлестнувшей мир гонки вооружений, стремление укреплять безопасность на основе постепенного углубления взаимного доверия на справедливых и обоюдных началах... В целом разрядка — это историческое завоевание народов. Ее ни в коем случае нельзя отдавать на растерзание узко мыслящим, эгоистичным политикам в стане империализма. Ее надо оберегать, развивать и углублять. И это будет победа человеческого рассудка над опасной бездумной агрессивностью»¹³.

Опыт современной эпохи убедительно подтвердил огромную актуальность и глубокую жизненную силу ленинских принципов пролетарского интернационализма — важной стороны марксизма-ленинизма, залога успешной реализации идеалов свободы народов и социальной справедливости.

¹³ «Правда», 27.IX.1982.

Великий Октябрь и развитие революционного движения в Китае.

*Р. А. Мировицкая,
кандидат исторических наук*

Развитие мировых событий вновь и вновь подтверждает непреходящее значение победы Великой Октябрьской социалистической революции, опыта Октябрьской революции.

Большая Октябрьская социалистическая революция оказала огромное революционизирующее воздействие на судьбы народов всего мира, в том числе на весь ход национально-освободительного движения народов Азии, Африки, Латинской Америки, способствуя ускоренно процессу ликвидации системы колониального порабощения. Закономерным результатом этого процесса явился тот имеющий поистине историческое значение факт, что к 80-м годам нынешнего столетия колониальная система империализма в ее «классических» формах прекратила существование.

Отмечая 65-ю годовщину Октября, мы вновь обращаемся к первым послеоктябрьским годам, к периоду общего подъема национально-освободительного движения в странах поработанного тогда Востока, в том числе в Китае.

Глубокое идеологическое воздействие Октябрьской революции на Китай, на все основные потоки освободительного движения китайского народа уже в первые послеоктябрьские годы определялось спецификой национально-экономического развития, особенностями освободительной борьбы в этой стране. Общеизвестно, что передовые представители китайской нации долго, но безуспешно искали пути, которые могли бы вывести полуколониальный, полуфеодальный Китай из состояния отсталости и нищеты, хотя мыслители и практики-революционеры тогдашнего Китая весьма смутно представляли идеал будущего страны. И вот в соседней с Китаем России победила Великая Октябрьская социалистическая революция. Более того, она сумела защитить себя, разгромив империалистическую интервенцию и сломив внутреннюю контрреволюцию. И естественно, что прогрессивная общественность Китая, как и других стран, с острым интересом встретила известие о победе Великой Октябрьской социалистической революции. Как писал один из первых пропагандистов марксизма в Китае Цюй Цюбо, внимание китайской общественности оказалось привлеченным к «докатившемуся неслыханному доселе грохоту крушений старого общества... Всем захотелось понять сущность этой революции, ближе познакомиться с культурой России...»¹

Лучшие люди Китая приветствовали победу революции в России. В телеграмме Сунь Ятсена Советскому правительству выражалась надежда, что «революционные партии Китая и России объединятся для совместной борьбы»². Хорошо известны статьи Ли Дачжао, одного из основателей КПК, в которых он приветствовал Октябрьскую революцию «как свет новой мировой цивилизации»³. В стенах Пекинского

¹ Цюй Цюбо. Очерки и статьи. М., 1959, с. 89.

² Цит. по: Пын Мин. История китайско-советской дружбы. М., 1959, с. 68.

³ Ли Дачжао. Избранные статьи и речи. М., 1965, с. 67.

университета, на страницах «Чэньбао» и других газет он призывал внимательно прислушиваться к вестям из новой России, которая строится на принципах свободы и гуманизма, подчеркивал, что в условиях «распространяющейся клеветы» надо «изучать большевизм, знакомить с ним народы, рассказывать правду о нем обществу»⁴.

Следует помнить, что информация о русской революции в Китае была крайне скудной, туда поступали случайные по характеру сообщения, весьма приближенно отображавшие не только суть, но и последовательность событий. Западная пресса — основной тогда источник зарубежной информации — многократно предвещала скорую гибель Страны Советов. К тому же понимание широкими кругами китайской общественности существа происходивших в России изменений осложнялось рядом объективных и субъективных факторов, в том числе особенностями общественной мысли Китая. Китай до победы Великого Октября, в сущности, не знал марксизма, хотя отдельные сообщения о Марксе и Энгельсе и марксизме стали проникать в Китай в начале XX столетия, становясь достоянием очень небольшого числа китайских интеллигентов. Отражением роста общественных сил на рубеже 20-х годов XX в. явилось движение за новую культуру, направленное против феодальных устоев, за развитие науки, руководителями которого были Ли Дачжао, Чэнь Дусю, Лу Синь и др. Идеалы социализма казались им в тот период недостижимыми, главным образом в силу экономической отсталости Китая.

В этих условиях важным источником информации были свидетельства очевидцев и участников событий. Это прежде всего рассказы китайских рабочих, возвращавшихся на родину из России⁵, а также впечатления о Советской России и встречах с руководителями Советской Республики западных корреспондентов и политических деятелей, время от времени появлявшиеся в западной прессе. Цай Юаньпэй, известный буржуазный демократ, просветитель, выступая в ноябре 1918 г. на массовом митинге в Пекине, говорил, что возвратившиеся на родину китайские рабочие принесли в Китай «славу победившего государства».

И все же из прессы тех дней внимательный читатель мог понять, что к власти в России пришли рабочие и крестьяне, что Октябрьская революция в корне отличается от всех прошлых революций. В газетах, а также журналах («Тайпинъян», «Дунфан») мелькали некоторые данные о политических мероприятиях и политических установках Советской власти — предложении о заключении мира и прекращении войны, о разделе земли между крестьянами, о проведении выборов, о введении рабочего контроля на производстве. Однако классовый характер новой власти в России вряд ли был понятен даже читающей публике Китая.

В китайской прессе было опубликовано сообщение об отмене неравноправных договоров царской России с иностранными государствами⁶. Прогрессивные газеты «Миньго жибао», «Бэйцзин жибао» писали о негативной политике Советской власти по отношению к Японии, которая, как известно, в то время расширяла масштабы агрессии в Китае, о миролюбивых принципах советской внешней политики, благодаря которым, как отмечалось в ряде статей, укреплялось международное положение Советской России. Была опубликована заключительная часть Инструкции НКВД РСФСР Международным делам краевых совдепов, которой был предпослан следующий призыв: «Если китайский народ хочет дать отпор японо-европейским капиталистам и бороться с

⁴ Ли Дачжао. Избранные статьи и речи, с. 67, 134, 14—24.

⁵ «Цзиньдайши цзыляо». Пекин, 1957, № 5, с. 100; Советско-китайские отношения. 1917—1957. Сборник документов. М., 1959, с. 45—46.

⁶ См.: «Шэньбао», 17.II.1918.

тиранней и несправедливостью, он должен теснее сплотиться с русским народом, так как русские — лучшие друзья угнетенных народов».

Публиковались также статьи, комментировавшие с большей или меньшей долей объективности внешнеполитические принципы и дипломатическую практику Советского правительства, в особенности его борьбу против колониализма. Например, 27 мая 1918 г. газета «Миньго жибао» писала: «Новое правительство России... исходя из принципа невмешательства, энергично выступило против политики гнета... и делает все для того, чтобы народы обрели счастье... оно выразило глубокое недовольство агрессивной политикой Японии... Правительство Ленина в России укрепилось потому, что оно руководствуется миролюбивыми принципами невмешательства. Для Китая это пример, достойный подражания». Ряд статей в «Дунфан цзачжи», «Лаодун» и др. был посвящен деятельности В. И. Ленина. Была опубликована «Краткая биография вождя социалистической революции в России»⁷.

В условиях фактической изоляции Китая от России только отдельные, выдающиеся умы могли проявить подлинный интерес к идеям Октября и тем более подняться до понимания их основ. Среди них первым надо назвать Ли Дачжао, крупнейшего китайского марксиста, коммуниста-интернационалиста, профессора Пекинского университета, а также Цюй Цубо, Чэнь Дусю, Дэн Чжунся, Цай Хэсэня, Юнь Дайина и др. Ли Дачжао одним из первых не только приветствовал победу Октябрьской революции, но и усмотрел в русской революции будущее своего народа. В статьях, написанных вскоре после Октябрьской революции — «Сравнение французской революции с русской», «Поражение «пан...измов» и «Победа демократии» (июль 1918 г.), «Победа большевизма» и «Победа народа» (ноябрь 1918 г.), — он первым в Китае написал об исторической неизбежности повторения в международном масштабе опыта Октябрьской революции, которую называл «зарей свободы». «Будущий мир будет миром Красного знамени», — утверждал он⁸.

Значение его деятельности, направленной на то, чтобы привлечь внимание общественности страны к событиям в России, трудно переоценить. В статьях, зачастую публиковавшихся одновременно в ряде толковых и провинциальных прогрессивных периодических изданий, в лекциях студентам Пекинского университета, где он читал специальный курс исторического материализма, истории социалистических учений и социалистических движений, социального законодательства, в стенах педагогических вузов, где читал лекции по социологии, философии истории и истории женского движения, он объяснял суть происходивших в России событий, обращая особое внимание на особенности Октябрьской революции, характер внутренней и внешней политики Советской власти. Он и его ближайшие единомышленники много сделали для того, чтобы события в России заняли достойное место в политической жизни страны, чтобы китайским патриотам «захотелось понять сущность этой революции»⁹. Они обратились к изучению марксизма, опыта Октября.

В первой четверти XX в. одной из наиболее острых для Китая проблем была проблема достижения суверенитета и независимости страны. Известны, например, надежды и разочарования китайцев в период Версальской конференции. Именно поэтому внешняя политика Советской России оказалась тем явлением советской действительности, которое оказало, пожалуй, наибольшее влияние на общедемократическое

⁷ «Дунфан цзачжи», т. 15, 1918, № 3; «Лаодун», 1918, № 2.

⁸ Ли Дачжао. Избранные статьи и речи, с. 67.

⁹ Там же, с. 134. Подробно см.: В. А. Кривцов, В. А. Краснова. Ли Дачжао. От революционного демократизма к марксизму-ленинизму. М., 1978; Ю. М. Гаушьянц. Предисловие к сб.: Ли Дачжао. Избранные статьи и речи. М., 1965.

общественное мнение Китая, привлекло его внимание к Октябрьской революции.

С установлением в России власти рабочего класса пролетарский интернационализм, на основе которого строились отношения между национальными отрядами пролетариата разных стран, превратился в один из коренных принципов государственной политики Страны Советов. Руководствуясь идеями интернационализма, Советское государство и строило свои отношения со странами Востока. С первых дней своего существования правительство диктатуры пролетариата прилагало усилия к установлению новых, действительно дружественных, равноправных отношений с Китаем в соответствии с выработанной еще до Октября внешнеполитической платформой.

На рубеже 1917—1918 гг. Советское правительство, как известно, пыталось вступить в переговоры с миссией Китая в Петрограде об установлении дружественных отношений между странами на основе полного равенства. Оно предложило вступить в переговоры об отказе от всех особых прав и привилегий России в Китае — экстерриториальности, консульской юрисдикции, концессий, «боксерской» контрибуции (то есть платежей, которые Китай был обязан выплачивать России в возмещение убытков во время восстания «ихэтуаней» — «боксеров» в 1900 г. в размере 184 млн. руб. по курсу 1901 г.). Советское правительство восстанавливало суверенитет Китая на территориальную полосу, по которой была проложена КВЖД. Оно предложило обсудить возможность досрочного выкупа самой дороги путем возмещения китайским национальным капиталом части вложенных в строительство КВЖД денег или ее совместной советско-китайской коммерческой эксплуатации. Советское правительство объявило не имеющими силы договоры, которые считало неравноправными: русско-китайский договор 1896 г., Пекинский протокол 1901 г., а также тайные русско-японские договоры 1907—1916 гг. в части, касающейся Китая¹⁰. В соответствии с этими договорами царской России были предоставлены концессии и привилегии на строительство КВЖД (включая полосу отчуждения), разграничены сферы влияния в Маньчжурии.

Это была программа возвращения китайскому народу всего того, что было отнято у него царским правительством либо самостоятельно, либо заодно с японцами и союзниками.

4 июля 1918 г. Советское правительство во внешнеполитическом отчете V Всероссийскому съезду Советов подтвердило курс в вопросах советско-китайских отношений.

Советское правительство не только провозгласило курс по Китаю, отвечавший интересам советского и китайского народа, но активно добивалось развития отношений с этой величайшей полуколонией на принципах равенства и взаимного уважения. Советские инициативы следовали одна за другой. Однако до весны 1920 г. в прессу Китая проникали лишь отрывочные сообщения о советской внешнеполитической программе. Положение коренным образом изменилось весной 1920 г., когда в издававшихся в Китае органах массовой информации на китайском и западных языках было опубликовано известное Обращение Совнаркома РСФСР «К китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая» от 25 июля 1919 г., в котором была в третий раз повторена советская программа развития отношений с Китаем¹¹. С этого времени китайская общественность стала активной силой, толкавшей правительство своей страны на путь урегулирования отношений с Советским правительством, а кампания за нормализацию отно-

¹⁰ См.: Документы внешней политики СССР, т. II. М., 1958, с. 223 (далее — ДВП).

¹¹ См.: М. С. Капица. Важный документ из истории советско-китайских отношений. — «Проблемы Дальнего Востока», 1979, № 2, с. 141—146.

ше дело, в особенности организация ваших Советов, вашей армии и народного образования. Я хотел бы знать все, что Вы и другие можете сообщить мне об этих вещах, в особенности об образовании. Подобно Москве, я хотел бы заложить основы Китайской Республики глубоко в умах молодого поколения — тружеников завтрашнего дня». Сунь Ятсен выразил лучшие пожелания «моему другу Ленину и всем тем, кто так много совершил для дела человеческой свободы»¹⁶. Ознакомившись с этим посланием, В. И. Ленин рекомендовал Г. В. Чичерину: «надо всячески быть любезным, писать регулярно»¹⁷.

В советской исторической литературе обстоятельно проанализирован путь Сунь Ятсена как признанного лидера гоминьдана, великого революционера-демократа и главы южнокитайского правительства к союзу и дружбе с СССР, сыгравший огромнейшую роль в дальнейших судьбах китайского народа и китайского государства. Известной вехой на этом пути было коммюнике советского полпреда в Китае А. А. Иоффе и Сунь Ятсена (январь 1923 г.) и обращение последнего к советскому правительству об оказании поддержки южнокитайскому правительству и освободительному движению китайского народа (май 1923 г.). Стремление перенять, творчески перенести на китайскую почву опыт русской революции в партийном и военном строительстве и практические шаги в этом направлении — приглашение советских политических и военных советников в Южный Китай, высокая оценка вклада в дело реорганизации гоминьдана, включая подготовку основополагающих документов I съезда гоминьдана, как и другие факты, вовсе не означают, что на каком-то этапе своей деятельности Сунь Ятсен разделял коммунистическую идеологию. Да, он пошел значительно дальше по пути сотрудничества с КПК, рабоче-крестьянским движением в своей стране, чем его соратники по борьбе, но последовательно придерживался взглядов революционно-демократических, далеких от марксистского подхода к оценке китайского общества, проблем политического устройства, роли империализма.

Важнейшей задачей, стоявшей перед революционными силами страны в начале 20-х годов, было объединение всех объективно революционных патриотических сил в единый фронт. В борьбу против господства империализма вовлекались практически все основные классы полуколониального общества.

Известно, что разработка основных установок политики единого фронта, определение союзников пролетариата в борьбе за национальное и социальное освобождение принадлежит В. И. Ленину, который в «Первоначальном наброске тезисов по национальному и колониальному вопросам» указал на «необходимость помощи всех коммунистических партий буржуазно-демократическому освободительному движению» в отсталых странах.

Проработка общего и специфического в развитии революционного процесса в Китае, то есть соединение марксизма-ленинизма с практикой китайской революции, проходила с участием китайских коммунистов и патриотов на уровне Коминтерна. Вопрос о тактических формах решался главным образом на месте, в Китае, совместно с китайскими и советскими коммунистами.

Руководствуясь ленинскими указаниями, Коминтерн помог китайскому революционному движению выработать формы единого фронта. Учитывая ситуацию в Китае — относительная слабость рабочего и коммунистического движения, отчетливо выраженные антиимпериалистические тенденции в практической политике Сунь Ятсена, опора Сунь Ят-

¹⁶ Советско-китайские отношения. 1917—1957, с. 57—59.

¹⁷ Цит. по: А. И. Каргунова. Сунь Ятсен — друг советского народа. — «Вопросы истории КПСС», 1966, № 10, с. 30.

сена в борьбе за решение коренных проблем страны на СССР и готовность Сунь Ятсена сотрудничать с китайскими коммунистами, — Коминтерн рекомендовал гоминьдан в качестве организационной формы единого фронта, который, однако (и Сунь Ятсен был согласен), надлежало реорганизовать. Следовало четко определить его программу, структуру, он должен был превратиться в орган революционной коалиции рабочего класса, крестьянства, мелкой и национальной буржуазии — всех основных классов, принявших участие в китайской революции.

20 января 1924 г. в Гуанчжоу открылся первый съезд гоминьдана. Он взял курс на ликвидацию неравноправных договоров с иностранными державами и заключение соглашений на основе соблюдения равенства и суверенитета обеих сторон.

Сунь Ятсен и гоминьдан, орган единого фронта, приветствовали установление 31 мая 1924 г. советско-китайских дипломатических отношений, не только явившееся событием в советско-китайских отношениях, но и наносившее удар по всей системе колониализма в Китае. Это содействовало общему подъему национально-освободительного движения в стране, началу революции в общенациональном масштабе.

В середине 20-х годов освободительное движение китайского народа, развернувшееся под воздействием идей Октября, вступило в полосу революций и национально-освободительных войн. Защита и поддержка китайской революции на всех ее этапах была важнейшим элементом советской дальневосточной политики.

Разумеется, развитие революционного процесса в мире никогда не было и не может быть простым и прямолинейным. «Представлять себе всемирную историю, идущей гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад, недialeктично, ненаучно, теоретически неверно»¹⁸. Одновременно история учит: чтобы быть в состоянии закрепить и защитить революцию перед лицом неизбежных попыток реакции ее уничтожить, необходимо оставаться на уровне ленинских требований, не отступать от последовательных классовых, интернационалистских позиций.

---

¹⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, с. 6.

Внешнеэкономические связи Китайской Народной Республики

*З. В. Дашкевич,
кандидат экономических наук*

Внешнеэкономические связи КНР, являющиеся одним из наиболее динамично развивающихся элементов народнохозяйственного комплекса, оказывают эффективное воздействие на реализацию внутриэкономической политики, направленной на преодоление хозяйственной отсталости страны и дальнейшее укрепление ее экономического потенциала.

Для начала 70-х годов характерно было усиление процесса расширения и углубления экономических связей КНР с капиталистическими государствами.

Провозглашая концепцию «независимости и самостоятельности, опоры на собственные силы», КНР на практике не могла отказаться от заимствования иностранных современных машин и оборудования, технологии, технической документации и материалов, от использования зарубежного производственного и управленческого опыта. Хозяйственная необходимость вынудила ее пойти на расширение контактов с внешним миром. КНР возобновила импорт машин и оборудования¹, заключив в 1972—1974 гг. ряд контрактов (в основном с фирмами Японии, ФРГ и США) на закупку машин, комплектного оборудования и другой техники на сумму примерно 1,8 млрд. долл.² Упомянутыми контрактами предусматривалось завершение поставок до конца 1978 г. оборудования для предприятий химических удобрений и химических волокон, металлургической и угледобывающей промышленности, а также для заводов нефтехимии. Всего в первой половине 70-х годов Китай ввез машин и оборудования на сумму, незначительно превышающую 3,8 млрд. долл. Импорт этой группы товаров увеличился в 1974 г. по сравнению с 1970 г. примерно в четыре раза.

Эта тенденция объективно проявилась в расширении внешнеэкономических связей Китая и наиболее зримо — в росте его внешней торговли. Так, внешнеторговый оборот КНР (в стоимостном выражении, в текущих ценах) увеличился за первую половину 70-х годов почти в 2,5 раза, однако такой значительный рост, особенно в 1973—1974 гг., стал возможным главным образом за счет фиктивного расширения объема внешней торговли, в основе которого лежали инфляционные явления, происходившие в мировой капиталистической экономике; внешнеторговый оборот, исчисленный на основе неизменных цен 1970 г., увеличился лишь в 1,3 раза³.

¹ В 50-х годах на импорт отдельных видов техники и комплектного оборудования в основном из Советского Союза и социалистических стран Центральной и Юго-Восточной Европы было израсходовано около 2,7 млрд. долл. В 60-х годах ввоз машин и оборудования из Японии и стран Западной Европы оценивался примерно в 0,3 млрд. долл. С 1966 по начало 70-х годов импорт машин практически не осуществлялся. См.: Чжунго цзинцзи няньцзянь 1981. Пекин, 1981, с. IV—131.

² Рассчитано по: Экономика КНР: транспорт, торговля и финансы (1949—1975). М., 1979, с. 182; Чжунго цзинцзи няньцзянь 1981, с. IV—131, 132.

³ Рассчитано по: Экономика КНР: транспорт, торговля и финансы (1949—1975), с. 150; «Гоцзи маон вэньти», 1981, № 3, с. 13.

Во второй половине 70-х годов произошли существенные изменения во внешнеэкономической политике Китая. После смерти Мао Цзэдуна и прихода к власти новых лидеров претерпел очевидную корректировку общий подход к решению экономических проблем страны, что, несомненно, оказало влияние и на сферу ее внешних торгово-экономических связей. Практически отказавшись от концепции «опоры на собственные силы», которая в ее ортодоксальном понимании характеризовалась использованием исключительно внутренних ресурсов в целях развития народного хозяйства страны, руководство КНР приняло курс на активное привлечение внешнего фактора в сферу внутреннего экономического развития: массовый ввоз современных машин и оборудования, использование передовой технологии, привлечение иностранных капиталов, изучение зарубежных научно-технических достижений, а также форм организации и управления производством.

Основным элементом внешнеэкономических связей Китая является его торговля с зарубежными странами.

Условия реализации товарообмена КНР с внешним миром характеризовались в 70-х годах тем, что в начале этого периода среднегодовые темпы прироста объема (физического) мировой торговли составляли 10 %, а после 1975 г. они снизились до 5 %. С наступлением 80-х годов произошло дальнейшее их падение (в 1980 и 1981 гг. — примерно до 1 %) ⁴. На международном рынке, на конъюнктуру которого оказывало воздействие кризисное состояние мировой капиталистической экономики, в течение всего исследуемого периода наблюдался инфляционный (хотя и не равномерный, но постоянно действующий) рост цен как на готовые изделия, так и на сырье, а также усиливались протекционистские тенденции со стороны развитых в экономическом отношении капиталистических государств, направленные против импорта товаров из стран — торговых партнеров, в том числе и против некоторых изделий, вывозимых на внешние рынки Китая.

Если принять во внимание условия торговли ⁵ в течение всего периода 70-х годов, то в общем они были для КНР благоприятными, о чем свидетельствуют следующие данные (1970 г. = 100):

Анализ показателей, приведенных в табл. 1, свидетельствует о том, что в 1970—1972 гг. изменения в условиях торговли КНР были незначительными. Когда же экономика развитых капиталистических стран в 1973 г. оказалась в периоде циклического подъема и одновременно обострилась мировая инфляция, а цены на международном рынке резко подскочили, общий уровень цен на китайские экспортные товары поднялся на 54 % при повышении соответствующего показателя по товарам импорта КНР лишь на 29 %. В результате индекс условий торговли в указанном году поднялся до 125 пунктов. В 1974—1975 гг. экономику Запада охватил самый глубокий после второй мировой войны экономический кризис. Вследствие значительного падения цен на международном рынке в 1975 г. общий уровень цен на китайские товары, вывозимые на внеш-

Таблица 1

Год	Индекс средних экспортных цен	Индекс средних импортных цен	Индекс «условий торговли»
1971	95	94	102
1972	102	97	105
1973	157	125	125
1974	207	176	117
1975	198	189	105
1976	186	160	116
1977	219	161	137
1978	237	177	133
1979	264	220	119

Источник: «Гоцзи маон вэньпи», 1981, № 3, с. 13.

⁴ См.: «Гоцзи маон вэньпи», 1981, № 4, с. 11.

⁵ Термин «условия торговли» выражает отношение индекса средних цен экспорта к индексу средних цен импорта.

ние рынки, снизился на 4 %, а уровень цен на ввозимые товары поднялся на 7 %. В результате показатель условий торговли сократился до 105 пунктов. Однако, несмотря на то, что в 1976 г. уровни цен как на экспортные, так и на импортные товары снизились (на вывозимые — на 6 %, на ввозимые — на 15 %), условия торговли поднялись до 116 пунктов. В 1976 г. западная экономика начала восстанавливаться. Цены на международном рынке заметно повысились. В 1977 г. общий уровень цен на экспортные товары Китая поднялся на 18 %, а на импортные — лишь на 0,6 %. Вследствие этого индекс условий торговли поднялся до 137 пунктов. Это был самый высокий показатель за весь период 70-х годов. В последующие годы, 1978 и 1979, из-за того, что рост экспортных цен отставал от роста импортных цен, общие уровни экспортных цен поднялись соответственно на 8 и 11 %, а импортных — на 10 и 24 %. Как следствие, условия торговли для КНР стали неблагоприятными. Это становится еще более очевидным, если за базу расчета взять 1977 год:

Таблица 2

Год	Индекс средних экспортных цен	Индекс средних импортных цен	Индекс «условий торговли»
1977	100	100	100
1978	108	110	98
1979	120	137	88

Источник: «Гоцзи маон вэньти», 1981, № 3, с. 14.

годов составляла примерно 20 %) ⁷; на продукцию машиностроительной промышленности приходилась крайне незначительная часть экспорта КНР (в 1979 г. всего 2,4 %) ⁸. Ввоз с внешних рынков преимущественно состоял из промышленного сырья и предметов потребления (пшеница, хлопок, сахар, животные и растительные жиры, железная руда, чугун, стальной прокат, химические удобрения, химические волокна, овечья шерсть, искусственный шелк, каучук, целлюлоза, бумага, медь, алюминий, свинец, никель, фосфаты, лесоматериалы, кожа, джут и др.), которые в основном являются также сырьем и полуфабрикатами (на них приходилось, как и в экспорте, свыше 50 %) ⁹; удельный вес машин, комплектного оборудования и технологии составлял примерно 20 % ¹⁰.

В целом до 1977 г. цены на китайские экспортные товары возросли больше, чем на импортные товары. Поэтому условия торговли были для Китая благоприятны. Однако после упомянутого года обстановка изменилась. Условия торговли стали ухудшаться, так как рост импортных цен превысил рост экспортных. Мировые цены на такие массовые товары, на которые приходилось более половины (в стоимостном выражении) объема импорта КНР (сахар, масло, хлопок, химические удобрения и химические волокна, каучук, железная руда, фосфаты, бумага), значительно повысились, а на такие важнейшие товары китайского экспорта, как металлические руды, химикаты, изделия кустарной, легкой и текстильной, машиностроительной промышленности, а также продукция сельскохозяйственного происхождения, в том числе

⁶ См.: «Гоцзи маон вэньти», 1981, № 3, с. 14.

⁷ См.: Чжунго цзинци няньцзянь 1981, с. IV—48.

⁸ См. там же, с. IV—129.

⁹ См.: «Гоцзи маон вэньти», 1981, № 3, с. 14.

¹⁰ См. там же.

Изменения в условиях торговли Китая в течение 70-х годов, помимо того что на них оказывали влияние колебания цен на международном рынке, в значительной степени были связаны с товарной структурой как экспорта, так и импорта страны. В вывозе на внешние рынки основное место занимали сырье и полуфабрикаты (более 50 %) ⁶, а также изделия легкой и текстильной отраслей промышленности (доля текстиля в конце 70-х

продовольствие, поднялись в меньшей степени (исключение составляла нефть, цена на которую возросла тоже значительно).

В обстановке, изложенной выше, внешняя торговля Китая развивалась во второй половине 70-х и в начале 80-х годов сравнительно высокими темпами и характеризовалась следующими данными (в млрд. долл., в текущих ценах):

Таблица 3

	1975 г.	1976 г.	1977 г.	1978 г.	1979 г.	1980 г.	1981 г.
Оборот	14,8	13,1	15,0	21,1	29,3	38,0	40,4
Экспорт	7,3	7,2	7,7	10,0	13,6	18,1	20,9
Импорт	7,5	5,9	7,3	11,1	15,7	19,9	19,5
Сальдо	-0,2	+1,3	+0,4	-1,1	-2,1	-1,8	+1,4

Источники: Подсчитано по: «Жэньминь жибао», 28.VI. 1979, 30.IV и 30.VIII.1982; Чжун-го цзинцзи няньцзянь 1981, с.VI—4; «China Business Review», July—August 1980, vol. 7, N 4, p. 35.

Сопоставление приведенных в табл. 3 данных показывает, что внешнеторговый оборот увеличился в 1979 г. по сравнению с 1975 г. приблизительно в два раза, в том числе экспорт—в 1,9 раза, а импорт—в 2,1 раза. Если же принять за базу отчета 1976 год, когда против предыдущего года произошло сокращение объема внешней торговли примерно на 11 %, то рост внешнеторгового оборота составит 2,2 раза (при расширении экспорта в 1,9 раза, а импорта в 2,7 раза). Однако исчисление на основе неизменных цен 1975 г. показывает, что оборот увеличился в 1,6 раза, экспорт—в 1,4 раза, а импорт—в 1,8 раза; аналогичные подсчеты на базе цен 1976 г. свидетельствуют о том, что оборот, а также экспорт и импорт возросли в 1979 г. всего в 1,4 раза¹¹. В начале 80-х годов произошло дальнейшее увеличение объема внешней торговли (в текущих ценах): в 1981 г. против 1979 г. на 38 %, в том числе экспорта—на 54 %, а импорта—на 24 %.

Характерной чертой динамики внешней торговли КНР в конце 70-х годов было то, что годовые темпы прироста ввоза всегда превышали темпы вывоза. Так, упомянутые показатели (исчисленные на основе текущих цен) составили в 1977 г. по импорту 24 %, а по экспорту лишь 7 %; в 1978 г.—52 и 30 % соответственно; в 1979 г.—41 и 36 %. Эта тенденция как следствие принятой импортной политики привела сперва к сокращению положительного сальдо внешнеторгового баланса, а потом—к появлению и возрастанию отрицательного сальдо. Однако в 1980 г. соотношение годовых темпов прироста ввоза и вывоза изменилось: темп прироста экспорта превысил аналогичный показатель по импорту, составив соответственно 30 и 27 %. А в 1981 г. при увеличении экспорта более чем на 15 % импорт сократился примерно на 2 %, в результате чего образовалось активное сальдо внешнеторгового баланса.

В общем внешняя торговля Китая в 1975—1981 гг., особенно в период после смерти Мао Цзэдуна, развивалась под воздействием совокупности определенных факторов, проявление которых было зачастую разнонаправленным. С одной стороны, это инфляционные явления на мировом рынке и активная, но несбалансированная реализация политики так называемых «четырёх модернизаций», побудительно действовавшие на рост показателей объемов внешнеторговых связей, с дру-

¹¹ Сопоставление показателей, определенных на основе неизменных товарных цен, отражает соотношения фактических объемов товаров, вовлеченных во внешнеторговые сделки, тогда как использование показателей, исчисленных на базе текущих цен, дает реальную картину эффекта внешнеторговых операций в данное время.

гой — оказывавшие сдерживающее влияние протекционистские акции, предпринимавшиеся важнейшими торговыми контрагентами КНР — экономически развитыми капиталистическими государствами, а также меры, осуществленные китайским руководством после переоценки экономического потенциала страны.

Отмеченные факторы, воздействовавшие на динамику внешней торговли, а также новые масштабы и сроки реализации планов народно-хозяйственного развития оказали определенное влияние и на формирование товарной структуры как вывоза на внешние рынки, так и ввоза с них.

В 1975 г. на долю промышленных товаров (включая готовые изделия и полуфабрикаты) приходилось примерно 70 % всего экспорта Китая (в стоимостном выражении), в 1978 г. этот показатель повысился до 72 %, в 1979 г. — до 77, в 1980 г. — до 81 и в 1981 г. — до 82 %. Доля сырья сельскохозяйственного происхождения сокращалась соответственно с 30 до 28 %, а затем до 23, 19 и 18 %¹². Удельный вес готовых промышленных изделий увеличился в 1981 г. до 53 % против 50 % в 1980 г., а сырья и полуфабрикатов соответственно сократился до 47 % против 50 %¹³.

Анализ данных, приведенных в табл. 4, показывает, что при росте общей суммы экспорта в 1981 г. по сравнению с 1977 г. приблизительно в 2,7 раза вывоз изделий тяжелой промышленности увеличился более чем в 4,5 раза, а изделий легкой промышленности и сельскохозяйственной продукции лишь немногим более чем в два раза (хотя удельный вес последних двух товарных групп из года в год сокращался). Столь значительное расширение экспорта товарной группы «изделия тяжелой промышленности» объясняется прежде всего тем, что в нее, помимо готовых промышленных товаров и полуфабрикатов, в соответствии с китайскими статистическими группировками включены также минеральное сырье и топливо (руды металлов и концентраты, нефть и нефтепродукты, уголь), мировые цены на отдельные виды которых в течение указанного периода повысились весьма заметно (конечно, данном случае имело значение и развитие производства в указанной отрасли промышленности).

В структуре импорта из зарубежных стран, как и в структуре экспорта, произошли определенные изменения. Если в 1975 г. на средства производства приходилось примерно 85 %, а на предметы потребления около 15 %¹⁴, в 1978—1979 гг. упомянутые показатели составили соответственно приблизительно 81 и 19 %¹⁵, что в общем близко к среднегодовому уровню за 30 лет существования КНР¹⁶. Удельный вес готовых промышленных изделий сократился в 1981 г. до 63 % по сравнению с 65 % в 1980 г., сырья и полуфабрикатов соответственно увеличился до 37 % против 35 %¹⁷.

Из данных, приведенных в табл. 5, вытекает, что при общем увеличении суммы импорта в 1980 г. против 1978 г. почти в два раза ввоз товаров группы, включающей сырье и полуфабрикаты для тяжелой промышленности, а также машины, оборудование и приборы, возрос примерно только в 1,5 раза, в то же время ввоз, например, сырья для легкой промышленности увеличился почти в 2,3 раза, средств производства для сельского хозяйства — более чем в 2,1 раза, а предметов потребления — в 2 раза. В 1981 г. при снижении общего объема им-

¹² См.: Чжунго байкэ няньцзянь 1980, Пекин — Шанхай, 1980, с. 306; Чжунго цзинцзи няньцзянь 1981, с. VI—22; «Жэньминь жибао», 30. VIII. 1982.

¹³ См.: «Жэньминь жибао», 30. IV. 1982.

¹⁴ См.: Чжунго цзинцзи няньцзянь 1981, с. VI—22.

¹⁵ См.: Чжунго байкэ няньцзянь 1980, с. 306.

¹⁶ См.: «Нанькай сюэбао», 1981, № 1, с. 2.

¹⁷ См.: «Жэньминь жибао», 30. IV. 1982.

Таблица 4

Структура экспорта КНР в 1977—1981 гг.
(сумма—в млрд. Долл., удельный вес—в %)

	1977 г.			1978 г.			1979 г.			1980 г.			1981 г.		
	Сумма	Уд. вес	Сум- ма	Уд. вес	% к 1977 г.	Сум- ма	Уд. вес	% к 1978 г.	Сумма	Уд. вес	% к 1979 г.	Сумма	Уд. вес	% к 1980 г.	
															Сумма
Всего	7,7	100,0	10,0	100,0	129,9	13,6	100,0	136,0	18,1	100,0	133,1	20,9	100,0	115,5	
Изделия тяжелой промышленности	2,0	26,4	2,5	25,5	125,0	4,3	31,9	172,0	7,1	39,4	165,1	9,1	43,4	128,2	
Машины и оборудование	...	...	0,2	2,0	...	0,3	2,4	130,8	0,5	2,7	166,7	...	...	...	
Изделия легкой промышленности	...	...	4,7	46,9	...	6,1	45,0	129,8	7,6	41,8	124,6	8,1	38,9	106,6	
Продукция сельского хозяйства	5,7	73,6	2,8	27,6	131,6	3,2	23,1	114,3	3,4	18,8	106,2	3,7	17,7	108,8	

Источники: «Жэньминь жибао», 28.VI и 28.IX.1979; 31.VIII и 12.XI.1980, 30.VIII.1982; «Гоцзи малю вэньцзи», 1980, № 1, с. 15, 16; 1981, № 3, с. 5; Цзунго байцэ вэньцзи, 1980, с. 303; Цзунго вэньцзи вэньцзи, 1981, с. IV—128, 129.

Таблица 5

Структура импорта КНР в 1978—1981 гг.
(сумма—в млрд. долл., удельный вес—в %)

	1978 г.			1979 г.			1980 г.			1981 г.		
	Сумма	Уд. вес	% к 1978 г.	Сумма	Уд. вес	% к 1978 г.	Сумма	Уд. вес	% к 1979 г.	Сумма	Уд. вес	% к 1980 г.
	Всего	11,1	100,0	141,4	15,7	100,0	141,4	19,9	100,0	126,8	19,5	100,0
Сырье и полуфабрикаты для тяжелой промышленности, машины, оборудование, приборы	6,2	55,7	148,4	9,2	58,3	148,4	9,4	47,2	102,2	...	...	...
Машин, оборудование, приборы	0,7	6,7	328,6	2,3	14,7	328,6	5,5	27,5	239,1	5,1	26,2	92,7
Комплектное оборудование	0,2	2,0	500,0	1,0	7,6	500,0	2,6	12,9	260,0	...	...	...
Зерно, жиры животные и растительные, волокна, удобрения и сырье химические, целлюлоза, промышленные товары народного потребления	4,9	44,3	132,7	6,5	41,7	132,7	10,5	52,8	161,5	...	...	...
Сырье для легкой промышленности	2,1	19,4	128,6	2,7	17,2	128,6	4,8	24,3	177,8	...	...	...
Средства производства для сельского хозяйства	0,7	6,3	128,6	0,9	5,9	128,6	1,5	7,3	166,7	...	...	...
Предметы потребления	2,1	18,6	138,1	2,9	18,6	138,1	4,2	21,2	144,8	5,3	27,4	126,2

Источники: Подсчитано по: «Жэньминь жибао», 28.VI.1979, 30.IV.1981, 9.VIII.1982; Чжунго байкэ няньцзянь 1980, с. 303; Информационный бюллетень агентства Синьхуа, 10.II.1980, с.5; Чжунго цзинцзи няньцзянь 1981, с. IV—128, VI—4; «Japan Economic Journal», January 29, 1980.

порта лишь на 2 % ввоз машин, оборудования и приборов сократился более чем на 7 %, а предметов потребления увеличился на 26 %. Эти показатели отражают те изменения во внешнеэкономической политике, в частности в области импорта, которые произошли в конце 70-х годов и стимулировали расширение ввоза товаров, необходимых для развития сельского хозяйства и легкой промышленности, а также для стабилизации внутреннего рынка. Меры, принятые государственными органами в соответствии с упомянутыми изменениями в политике, оказали влияние на фактическое осуществление торгово-экономических связей. Они выразились в сокращении импорта машин, оборудования и металлов, то есть товаров, имеющих непосредственное индустриально-производственное назначение, и в одновременном увеличении ввоза товаров, которые направляются в конечном счете в основном на удовлетворение потребительского спроса населения.

Изменения во внешнеэкономической политике КНР в конце 70-х годов выразились прежде всего в увеличении импорта машин, оборудования и технологии производства, а также в привлечении заемных средств и иностранных капиталов.

Во второй половине 70-х годов импорт машин и оборудования по сравнению с первой половиной этого периода резко возрос (примерно в 6,6 раза). В 1975—1977 гг. были заключены контракты на сумму порядка 2,2 млрд. долл. Особенно высокая активность в этом отношении наблюдалась в 1978—1979 гг., когда сумма сделок достигла 9,6 млрд. долл.¹⁸ (максимум пришелся на 1978 г. — 7,8 млрд. долл., или почти в два раза больше, чем за пять предыдущих лет). При этом, как было предусмотрено контрактами, подписанными в 1973—1978 гг., свыше 80 % суммы сделок, достигшей 11,7 млрд. долл., приходилось на поставки комплектного оборудования¹⁹; в 1979 г. объем сделок на крупное комплектное оборудование заметно сократился.

Всего за 1975—1979 гг. Китай импортировал машин и оборудования более чем на 12 млрд. долл., что в три раза превышает соответствующий показатель за первую половину 70-х годов. В 1980—1981 гг. импорт товаров указанной группы оценивался примерно в 11 млрд. долл. Крупномасштабный ввоз этих товаров осуществлялся, как правило, при незначительном импорте технологии. Средства, использовавшиеся на закупки собственно технологии, в 70-х годах не достигали в среднем и 3 % общей суммы ввоза машин и оборудования, в отдельные же годы на них приходился лишь 1 % и даже еще меньше. В 80-х годах в этой области наметились радикальные изменения. В 1980 г. доля затрат на приобретение технологии в общем объеме затрат на импорт машин, оборудования и технологии составила 12,6 %, а в 1981 г. — уже 28,9 %²⁰.

В начале 1979 г. стало ясно, что форсированный импорт машин и оборудования в условиях недостаточной развитости инфраструктуры, ограниченности золото-валютных запасов²¹, нехватки квалифицированных рабочих и инженерно-технических кадров, напряженности с энергетическими ресурсами и при наличии других слабых мест в экономике вызвал значительное перенапряжение материальных, финансовых и людских ресурсов Китая. Руководство страны вынуждено было принять меры к сокращению ввоза указанных товаров с внешних рынков. В 1979 г. сумма закупок машин и оборудования (в соответствии с

¹⁸ Рассчитано по: Экономика КНР: транспорт, торговля и финансы (1949—1975), с. 182; Чжунго цзинцзи няньцзянь 1981, с. IV—131, 132.

¹⁹ См.: Чжунго цзинцзи няньцзянь 1981, с. IV—131.

²⁰ См. там же; «Шинце цзинцзи даобао», 15.III.1982.

²¹ В 1979 г. золото-валютные запасы КНР составляли сумму порядка 7,5 млрд. долл. (рассчитано по: «Чжунго цзиньжун 1981», № 7, с. 15).

подписанными контрактами) снизилась до 1,8 млрд. долл.²², хотя фактический импорт продолжал расти (2,3 млрд. долл. против 0,7 млрд. долл. в 1978 г.).

В конце 1979 г. состоялось Всекитайское совещание по внешней торговле. Оно вскрыло и обобщило негативные явления в деятельности по импорту машин и другой техники и выработало ряд директивных установок, направленных на исправление сложившегося положения. Важнейшие указания сводились к тому, чтобы впредь ввоз машин, оборудования и технологии осуществлялся на основе требований «урегулирования экономики», то есть основное внимание следует уделять развитию сельского хозяйства, легкой и текстильной промышленности, а также усилению некоторых звеньев народного хозяйства страны; импорт указанной группы товаров должен способствовать развитию энергетических ресурсов, базовых отраслей промышленности и транспорта, содействовать вскрытию потенциальных резервов, обновлению и технической реконструкции имеющихся предприятий, а также учитывать растущие производственные мощности китайского машиностроения и, в частности, его возможности по доукомплектованию иностранного промышленного оборудования. Совещание поставило вопрос о необходимости строгого контроля над импортом комплектного оборудования.

Сокращение активности в деле закупок машин и оборудования отражало скорее реалистическую оценку китайской стороной собственных возможностей приобретения и использования иностранной техники и технологии, нежели изменение в подходе к роли внешнего фактора в реализации задач народнохозяйственного развития. КНР не отказалась от крупномасштабного ввоза современной зарубежной техники. Она лишь пытается осуществлять его в пределах своих действительных возможностей, с тем чтобы он не усугублял уже существующие проблемы и не порождал новых (но это не всегда удается; например, возникла острейшая проблема защиты национальной промышленности, которая стала подвергаться огромному давлению со стороны почти не ограничиваемого, лавиноподобного ввоза как средств производства, так и предметов потребления)²³.

Расширение импорта из развитых капиталистических стран поставило перед Китаем сложную задачу оплаты. До недавнего времени основным источником финансирования ввоза с внешних рынков были, как правило, поступления от реализации китайских товаров на этих рынках. Однако несмотря на то, что в КНР предпринимались и предпринимаются значительные усилия, направленные на укрепление экспортной базы, возможности расширения вывоза, прежде всего в развитые капиталистические государства, остаются по-прежнему довольно ограниченными. Это обстоятельство явилось одной из важнейших причин, вызвавших радикальные изменения в политике использования внешних заемных средств и привлечения иностранного капитала.

Привлечение иностранных финансовых средств для ускорения темпов экономического развития Китайская Народная Республика начала осуществлять практически сразу же после своего образования. Так, в феврале 1950 г. правительство Китая заключило с правительством Советского Союза соглашение, по которому СССР предоставил КНР пятилетний кредит на сумму 300 млн. долл. (270 млн. руб.), из расчета 1% годовых с погашением в течение десяти лет (1954—1963)²⁴. Всего же за 1950—1961 гг. Советский Союз предоставил Китаю креди-

²² См.: Чжунго цзинцзи няньцзянь 1981, с. IV—131.

²³ См., например, передовую статью «Защищать и развивать национальную промышленность», опубликованную в «Жэньминь жибао» 24 апреля 1982 г.

²⁴ См.: Советско-китайские отношения (1917—1957). Сборник документов. М., 1959, с. 223.

ты на цели как народнохозяйственного, так и военного строительства по общую сумму около 2 млрд. руб.²⁵

Примерно с середины 1978 г. китайские организации начали устанавливать контакты и проводить переговоры с представителями финансовых кругов развитых в экономическом отношении капиталистических стран с целью получения кредитов. К концу 1979 г. Банк Китая подписал с зарубежными контрагентами ряд кредитных соглашений, по которым сумма предоставленных заемных средств достигла 27,6 млрд. долл.²⁶, в том числе экспортные кредиты Англии, Франции, Италии, Канады, Швеции, Австралии и Бельгии составили 11,8 млрд. долл. Однако КНР подходит крайне осторожно к использованию столь значительной суммы. По данным на конец 1979 г., фактическое использование упомянутых кредитов ограничилось суммой около 3 млрд. долл.²⁷ Вполне вероятно, что КНР не пойдет на использование всей суммы заемных средств, так как упомянутый объем кредитов и условия их погашения, несомненно, приведут к серьезной внешней задолженности. Вместе с тем если в 1979 г. в доходной части государственного бюджета КНР, равной 110,3 млрд. юаней (около 71 млрд. долл.), иностранные кредиты составляли 3,5 млрд. юаней (примерно 2,3 млрд. долл.), или 3,2 % к итогу, то в 1981 г. при доходной части в 108,9 млрд. юаней (59,8 млрд. долл.) иностранные кредиты равнялись 4 млрд. долл., или 6,7 %²⁸.

Привлекая иностранные финансовые средства, Китай отдает предпочтение долгосрочным и низкопроцентным кредитам, предоставляемым правительствами зарубежных стран или международными валютными организациями, хотя ясно, что они, в отличие от высокопроцентных кратко- или среднесрочных коммерческих и банковских займов, обычно сопровождаются определенными условиями и ограничениями. К такого рода заемным средствам относится, например, кредит в 2 млрд. долл., полученный от Японского экспортно-импортного банка по соглашению, подписанному 15 мая 1979 г.²⁹, а также кредит правительства США в сумме 2 млрд. долл., переговоры о котором велись в сентябре 1979 г. во время визита в КНР вице-президента Мондейла³⁰.

Новой формой привлечения иностранного капитала в экономику страны явилось создание совместных предприятий с использованием как китайских, так и иностранных капиталовложений. Еще в 1978 г. появились сообщения о том, что китайская сторона стала предлагать фирмам из капиталистических государств принять участие в создании таких предприятий на территории КНР.

Закладывая юридические основы сотрудничества с зарубежными частными предпринимателями, 2-я сессия ВСНП пятого созыва 1 июля 1979 г. приняла Закон о совместных предприятиях с участием китайского и иностранного капиталов, определивший важнейшие принципы, на основе которых иностранный капитал допускается к участию в смешанных обществах: минимальная доля участия, порядок утверждения соглашений, состав правлений, порядок распределения доходов и перерода прибылей за границу и пр.

²⁵ См.: Ленинская политика СССР в отношении Китая. М., 1968, с. 204, 205.

²⁶ К концу 1981 г. сумма возможного заимствования в соответствии с кредитными соглашениями, подписанными Китаем с зарубежными государствами, приблизилась к 31 млрд. долл. (подсчет автора).

²⁷ См.: Чжунго цзинцзи няньцзянь 1981, с. IV — 132, 133.

²⁸ Подсчитано по: «Жэньминь жибао», 13.IX.1980, 24.VIII.1982.

²⁹ См.: «Жэньминь жибао», 4.IX.1979; «Japan Times», 31.III.1979.

³⁰ См.: «Жэньминь жибао», 29.IX.1979 (конкретное соглашение до сих пор еще не достигнуто).

Однако на Западе упомянутый закон был встречен довольно сдержанно. Объясняется это, по-видимому, тем, что он носит общий характер и не содержит постановлений по многим конкретным вопросам (налогообложение, охрана инвестиций, обращение иностранной валюты и т. п.), которые интересуют зарубежных вкладчиков капиталов прежде всего.

На 10-й сессии Постоянного комитета ВСНП 30 июля 1979 г. было принято решение о создании Комитета КНР по контролю за иностранными капиталовложениями, основные задачи которого определялись следующим образом: разработка совместно с соответствующими организациями политики и законодательных актов, касающихся привлечения иностранного капитала; разработка методов управления смешанными предприятиями, организация рассмотрения и утверждения соответствующими инстанциями соглашений и контрактов, заключаемых совместными предприятиями, а также их уставов; осуществление единого контроля за деятельностью как центральных, так и местных органов по использованию иностранного капитала.

В октябре 1979 г. решением Государственного совета КНР была создана Китайская международная кредитно-инвестиционная компания, которая по поручению местных и центральных отраслевых органов в соответствии с Законом о совместных предприятиях с участием китайского и иностранного капиталов, а также другими соответствующими государственными законодательными актами должна привлекать, направлять и использовать иностранный капитал, импортировать современное оборудование и технологию, совместно создавать смешанные предприятия.

Важным средством привлечения иностранного капитала в экономику страны является сотрудничество с зарубежными фирмами в области разведки и добычи нефти на континентальном шельфе Китая. В 1978—1979 гг. соответствующие китайские организации рассматривали возможности такого сотрудничества. В итоге было принято решение прибегнуть к заключению так называемых «рисковых контрактов», которые предусматривали бы два этапа сотрудничества: первый — проведение геофизических изысканий, второй — осуществление дальнейшей разведки, а также налаживание добычи нефти.

Не менее, а возможно, и более важной формой привлечения иностранного капитала было создание «особых экономических зон» на территории КНР. В июле 1979 г. китайское правительство приняло решение о проведении в провинциях Гуандун и Фуцзянь особой политики, а также о создании в этих провинциях «особых экономических зон» (в провинции Гуандун — Шэньчжэньской, Чжухайской и Шаньтоуской, в провинции Фуцзянь — Сямэньской), с тем чтобы поощрить иностранные фирмы и отдельных лиц, а равно и зарубежных китайцев, соотечественников из Гонконга и Макао, их компании и предприятия создавать в упомянутых зонах с участием капитала китайской стороны или самостоятельно промышленные, сельскохозяйственные, торговые, туристические, строительные и бытовые предприятия.

С целью увеличения поступления иностранной валюты и привлечения современного промышленного оборудования китайские внешнеторговые организации стали осуществлять переход от прямых сделок купли-продажи к так называемым «сделкам по встречной торговле» — промышленно-торговой кооперации и компенсационным соглашениям (первые обычно предусматривают поручительскую переработку сырья или сборку изделий из деталей, предоставленных заказчиком, вторые — поставку контрагентом оборудования, стоимость которого оплачивается произведенной на нем продукцией).

В июле 1978 г. китайское правительство приняло решение о развитии сотрудничества с зарубежными фирмами на основе компенсацион-

ной торговли, а также переработки сырья и сборки изделий из деталей, переданных ими для обработки или сборки. В сентябре 1979 г. Госсовет КНР опубликовал документ под названием «Методы осуществления переработки сырья и сборки изделий из деталей, предоставленных иностранными заказчиками, а также средних и мелких компенсационных сделок». Этим государственным актом сделки, осуществляемые на основе упомянутых гибких торговых форм, освобождены от таможенных пошлин и торгово-промышленного налога.

Перечисленные формы привлечения иностранных финансовых и материальных средств в экономику страны с целью ее развития не получили еще в конце 70-х — начале 80-х годов полного и всестороннего раскрытия. Пока же китайская сторона приняла ряд мер, направленных на расширение и укрепление правовой и организационной базы сотрудничества с зарубежными предпринимателями. Так, разработаны или приняты новые законодательные акты, регулирующие функционирование иностранного капитала в КНР, ведутся переговоры по проблемам охраны зарубежных инвестиций (с некоторыми странами договорные документы по данному вопросу уже подписаны), заключаются новые кредитные соглашения, создаются отраслевые внешнеторговые компании и т. д.

Китайское руководство рассматривает внешнеэкономические связи не только как вспомогательный инструмент экономического развития страны при активном использовании в первую очередь внутренних ресурсов, но и как важный элемент стабилизации народного хозяйства, одно из важнейших средств осуществления программы «четыре модернизации».

Состоявшийся в начале сентября 1982 г. XII съезд КПК в общих чертах обсудил проблемы внешнеэкономической политики. В отчетном докладе ЦК КПК съезду³¹ утверждается, что осуществление «открытой политики в области внешних экономических отношений», расширение внешних экономических и технических связей на основе равенства и взаимной выгоды является «незыблемым стратегическим курсом КНР», подчеркивается стремление к всемерному расширению внешней торговли.

³¹ См.: «Жэньминь жибао», 8.IX.1982.

Народное хозяйство МНР в условиях интеграции

Т. А. Якимова,
кандидат исторических наук

В комплексной программе социалистической экономической интеграции в качестве первостепенной задачи указано на необходимость формирования современной высокоэффективной структуры национального хозяйства в каждой из стран — членов СЭВ, создание оптимального народнохозяйственного комплекса. Что касается европейских стран СЭВ, то там, в связи с тем что вопрос создания народнохозяйственных комплексов ими в основном уже решен, идет процесс совершенствования комплексов, улучшение их структуры и дальнейшей взаимосвязки.

В отношении МНР ставится задача не только улучшения народнохозяйственной структуры, но в большей мере установления тесной связи между отраслями экономики МНР и народнохозяйственными структурами других стран СЭВ, а также оптимизации высокоэффективной структуры. Формирование оптимального народнохозяйственного комплекса в МНР требует создания таких отраслей материального производства, для которых имеются благоприятные природно-экономические условия, и развития их не только в масштабах страны, но и с учетом потребностей всего региона социалистического содружества.

Указывая на важность учета этого момента, Генеральный секретарь ЦК МНРП, Председатель Президиума Великого Народного Хула тов. Ю. Цеденбал говорил: «...при разработке перспектив развития промышленного и сельскохозяйственного производства в МНР МНРП исходит из того, что необязательно налаживание внутреннего производства всех видов продукции. Напротив, с учетом международного разделения труда внутри страны следует развивать те виды производств, для которых имеются соответствующие природно-экономические условия. Поэтому при определении перспектив развития соответствующих отраслей промышленности и сельского хозяйства МНР принимает во внимание не только внутренние потребности, но и потребности других социалистических стран»¹.

Возможность создания оптимального народнохозяйственного комплекса обеспечивается участием страны в международном социалистическом разделении труда и социалистической экономической интеграции. Оптимальность хозяйственного комплекса в значительной степени определяется тем, насколько полно используются преимущества международного социалистического разделения труда; на этой основе также создаются возможности обеспечения высоких темпов экономического развития.

Отраслевая структура хозяйства, отвечающая нуждам экономического и научно-технического прогресса, позволяющая использовать выгоды международного разделения труда, не может быть совершенно однотипной у всех участвующих в нем стран. Возможны и даже необходимы различия, обусловленные рядом специфических факторов. Однако нежелательность параллелизма в формировании национальных

¹ Ю. Цеденбал. Доклады, статьи, речи, т. III. Улан-Батор, 1967, с. 331.

хозяйственных комплексов стран социализма не следует понимать как отсутствие общих черт и тенденций в этом процессе, вытекающих из общих закономерностей как современного научно-технического прогресса, так и строительства социалистического общества.

Взаимодействие национальных хозяйственных комплексов социалистических стран, взаимоприспособление их отраслевых структур происходит как путем перестройки сложившейся структуры, так и путем формирования ее новых элементов. При этом ясно, что преобразование отраслевой структуры народного хозяйства — дело длительное, связанное с преодолением значительной силы инерции.

В условиях интенсивного международного разделения труда существенно меняются представления об оптимальном сочетании отраслей в народнохозяйственном комплексе.

Самое общее требование к формированию оптимальной структуры национальных хозяйственных комплексов социалистических стран вытекает из цели социалистического производства и направлено на непрерывное повышение материального и культурного уровня жизни народа. Именно здесь проявляется воздействие потребностей общества на развитие народнохозяйственного комплекса. Оптимальным вариантом развития является такой, который позволяет обеспечить максимальный физический объем национального дохода при данных затратах ресурсов.

Структурная политика не может, однако, не учитывать различия объективных возможностей в создании современной высокоэффективной структуры народного хозяйства вследствие прежде всего неодинаковых фондов накопления, которыми располагают разные страны. В связи с этим различаются конечные и промежуточные цели структурной политики. Ясно, что ввиду ограниченности инвестиционных возможностей задачу индустриализации народного хозяйства и выравнивания уровня экономического развития можно решать лишь поэтапно.

Каждой ступени экономического развития страны присущ свой оптимум отраслевой структуры народного хозяйства. При жестко определенных фондах капитальных вложений и ресурсах квалифицированного труда, сравнительно узкой собственной базе производства средств производства (особенно орудий труда) модернизация и оптимизация отраслевой структуры могут заключаться в форсировании развития немногих отраслей, которые в конкретных условиях данной страны обеспечивают наибольший прирост производительности общественного труда, а следовательно, и наибольшие возможности увеличения национального дохода. При этом исключительно важно в максимальной степени приспособить отраслевую структуру к имеющимся природным ресурсам и экономическим факторам производства. Так, наличие плодородных земельных угодий, лесных богатств, запасов полезных ископаемых дает стране, при прочих равных условиях, значительные преимущества в развитии соответствующих отраслей народного хозяйства.

Действие закона преимущественного роста производства средств производства по сравнению с производством предметов потребления в условиях Монголии приобретает некоторые специфические черты. Опираясь на технико-экономическую помощь СССР и других социалистических стран, МНР получает все необходимые народному хозяйству машины, оборудование, нефтепродукты и другие материалы.

На современном этапе развития монгольской экономики некоторые внутренние факторы развития могут быть использованы только в сочетании с внешними. Например, освоение сырьевых и природных ресурсов Монголии немыслимо без помощи Советского Союза и других стран — членов СЭВ, без привлечения внешних финансовых и материальных источников, поскольку имеющиеся внутренние средства не могут обеспечить развитие тех или иных материалоемких, требующих

больших капитальных вложений отраслей и тем более осуществления структурных изменений народного хозяйства.

Политика социалистической индустриализации МНР определена четвертой Программой МНРП (1966) и решениями последующих съездов партии. В 1981 г. на XVIII съезде МНРП были выработаны конкретные направления дальнейшей индустриализации МНР, ее пути. Съезд отметил, что решение задач завершения строительства материально-технической базы социализма должно осуществляться путем социалистической индустриализации промышленности и сельского хозяйства, повышения уровня технической оснащенности всех отраслей народного хозяйства Монгольской Народной Республики.

За последние десятилетия в структуре народного хозяйства МНР произошли определенные структурные сдвиги. В 1980 г. на долю промышленности приходилось около 40 % совокупного общественного продукта и более 65 % суммарной чистой продукции сельского хозяйства и промышленности, в национальном доходе (произведенном) доля промышленности составляла 29 % против соответственно 24,5—39 и 14,6 % в 1960 г.²

Вышеприведенные данные говорят о том, что идет процесс индустриализации народного хозяйства, всемерного развития промышленности — превращения Монголии в индустриально-аграрное государство.

Для развития промышленности Монголии характерно то, что наряду с быстрым ростом топливной и энергетической отраслей происходит рост отраслей легкой и пищевой промышленности, работающих на сельскохозяйственном сырье, главным образом животноводческом.

Численность занятых в отдельных отраслях промышленности также отражает эту специфику. Так, например, на предприятиях легкой промышленности работает 29,5 % всех занятых в промышленности и производится 26 % валовой промышленной продукции³. На долю пищевой промышленности приходится более 11 % занятых во всех отраслях промышленности и 19 % объема валовой промышленной продукции⁴.

В последнее десятилетие в стране происходит быстрое развитие отраслей сферы нематериального производства как важнейшей составной части народнохозяйственного комплекса МНР. В 1980 г. в сфере нематериального производства было занято 24,2 % всех занятых в народном хозяйстве, в том числе в сфере образования, культуры и искусства 9,4 %, в здравоохранении 6,1 % и т. д.⁵

В настоящее время структурное соотношение между сферами материального и нематериального производства составляет по численности занятых 76:24, по основным фондам — 68:32 (1980 г.)⁶, что отвечает, с одной стороны, требованиям создания материально-технической базы общественного производства, с другой — требованиям повышения культурно-бытовых условий жизни трудящихся.

Важнейшей основой пропорционального развития народнохозяйственного комплекса является обеспечение оптимального соотношения двух подразделений общественного производства. В условиях социалистического расширенного воспроизводства в МНР наряду с ускорением темпов роста всего общественного производства осуществлялись принципы достижения опережающего роста первого подразделения, то есть производства средств производства.

² См.: Народное хозяйство МНР. 1921—1981. Улан-Батор, 1981, с. 115.

³ См.: там же, с. 271, 312.

⁴ См.: там же, с. 271, 312.

⁵ См. там же, с. 142.

⁶ См. там же, с. 140, 133—134.

В МНР для обеспечения высоких темпов роста, рациональных пропорций и эффективности развития народного хозяйства очень важное значение имело планомерное распределение ресурсов национального дохода, прежде всего оптимальное соотношение между фондом накопления и фондом потребления, которое служит одним из основных элементов воспроизводственной структуры народнохозяйственного комплекса. Доля фонда накопления в используемом национальном доходе сравнительно высока. Это объясняется необходимостью ускорения темпов развития отраслей материального производства и расширения объемов культурно-бытового строительства.

Изменения в структуре отраслей народного хозяйства приводят к количественным и качественным изменениям в структуре трудовых ресурсов. Главной отличительной чертой этих изменений является то, что в результате индустриализации народного хозяйства значительно вырос уровень технической оснащенности общественного производства, в том числе сельскохозяйственного. В связи с этим численность занятых сократилась в сельском хозяйстве и выросла в промышленности. Если в 1960 г. на сельское хозяйство приходился 61 % всех занятых в народном хозяйстве, то в 1980 г. — только 40 %. За то же время удельный вес занятых в промышленности (от общего числа занятых в народном хозяйстве) вырос с 12 до 15 %⁷.

Вместе с развитием процесса социалистической индустриализации, повышением уровня технической оснащенности производства, внедрением в народное хозяйство страны передовой техники и технологии быстрыми темпами растет число квалифицированных рабочих и специалистов. Число специалистов с высшим, средним специальным образованием, работающих в народном хозяйстве, возросло за 1971—1975 гг. на 52 %, за 1976—1980 гг. — на 36 %⁸. Увеличивается удельный вес занятых в нематериальной сфере, что объясняется быстрым развитием науки, здравоохранения, культуры и других отраслей; это одно из основных изменений, происходящих в структуре трудовых ресурсов Монголии.

В результате ускорения темпов роста общественного производства и улучшения отраслевой и территориальной структур народного хозяйства, повышения общей эффективности экономики происходит рост масштабов производства, расширение материально-технической базы и увеличение производительности общественного труда, которая в 1980 г. по сравнению с 1960 г. возросла в 2,3 раза. В настоящее время за счет роста производительности труда обеспечивается около 70 % прироста производства национального дохода.

Благодаря ускоренному развитию общественного производства и повышению его эффективности значительно повысились материальное благосостояние и культурный уровень монгольского народа на основе осуществления широкой программы социального развития. Убедительным доказательством этого является, в частности, высокий рост реальных доходов населения и розничного товарооборота за 1960—1980 гг. в 3,5 раза при росте численности населения в 1,8 раза.

В достижении высоких темпов развития народнохозяйственного комплекса МНР и повышении благосостояния монгольского народа решающую роль играет всестороннее сотрудничество с братскими социалистическими странами, особенно с Советским Союзом.

Генеральный секретарь ЦК МНРП, Председатель Президиума Великого Народного Хурала МНР Ю. Цеденбал в докладе на торжественном заседании, посвященном 60-летию Монгольской Народной революции, подчеркнул: «...многосторонняя братская помощь Советского

⁷ См. там же, с. 141.

⁸ См. там же, с. 156.

Союза служит и будет служить могучим фактором неуклонного развития нашей экономики, культуры, дальнейшего повышения материального благосостояния и культурного уровня монгольских трудящихся»⁹.

Только в 1976—1980 гг. с помощью Советского Союза возведено более 150 объектов производственного и культурно-бытового назначения, в их числе Шарынгольский и Адун-Чулунский угольные разрезы, домостроительный комбинат, керамзитовый завод, завод по первичной обработке кожевенного сырья, прядильная и ковровая фабрики. Реконструированы и расширены предприятия энергетической промышленности, ТЭЦ в городах Улан-Баторе и Чойбалсане и пр. За этот же период большая помощь оказана Советским Союзом в области развития сельскохозяйственного производства: создано 11 госхозов на целинных землях, построено 7 тыс. буровых и шахтных колодцев, 8 тыс. помещений для скота, молочных ферм и ряд других помещений для животноводческих хозяйств¹⁰. Обводнено 60 млн. га пастбищ, сооружено свыше 30 тыс. водопойных пунктов¹¹.

В настоящее время на предприятиях, построенных при материально-технической помощи Советского Союза, производится около 50 % всего объема промышленной продукции, в том числе более 95 % электроэнергии, 85 % угля, 85 % муки, более 70 % кондитерских и хлебобулочных изделий, 100 % мытой шерсти, войлока, шерстяных тканей, комбикормов и пр.¹².

Осуществляется сотрудничество в области жилищного строительства. За последние 10 лет с помощью Советского Союза были сданы в эксплуатацию дома общей площадью свыше 500 тыс. кв. м¹³.

Большая помощь оказывается Советским Союзом в подготовке национальных кадров. В профессионально-технических училищах, созданных при содействии СССР, обучаются тысячи монгольских юношей и девушек. Они получают различные рабочие специальности, необходимые для отраслей народного хозяйства страны.

За 1981—1985 гг. экономическая и научно-техническая помощь Советского Союза Монголии по сравнению с предшествующим пятилетием увеличится в два раза. При помощи СССР в МНР будет сооружено 340 объектов производственного и культурно-бытового назначения, освоено 150 тыс. га целинных земель, обводнено 12 млн. га пастбищ¹⁴.

Значительную технико-экономическую помощь оказывают Монголии и другие страны — члены СЭВ.

При помощи Народной Республики Болгарии построены овчинно-шубная фабрика в Дархане, мясокомбинат в Чойбалсане, теплицы и плодо-овощное хозяйство под Улан-Батором и некоторые другие производственные объекты.

При содействии Венгерской Народной Республики построены блоккомбинат и швейная фабрика в Улан-Баторе, осуществлены большие водохозяйственные работы в сельском хозяйстве (построены колодцы и водопойные пункты).

Германская Демократическая Республика оказала МНР содействие в строительстве полиграфического комбината глубокой печати, крупного мясокомбината и ковровой фабрики в Улан-Баторе, а также в расширении вольфрамового предприятия в Бурэн-Цогдо и некоторых других сельскохозяйственных и промышленных объектов.

Польская Народная Республика оказала технико-экономическое содействие в сооружении деревообрабатывающего комбината, завода си-

⁹ «Унэн», 11.VII.1981.

¹⁰ См.: «Унэн», 27.V.1981; «Новости Монголии», 27.V.1981.

¹¹ См.: «Внешняя торговля», 1981, № 3, с. 6.

¹² См. там же, 1980, № 5, с. 13.

¹³ См. там же, с. 12.

¹⁴ См.: «Унэн», 4.IV.1981.

ликатного кирпича, спиртового завода, станции ремонтного обслуживания автомашин.

При содействии Социалистической Республики Румынии сооружено здание цирка в Улан-Баторе, построена мебельная фабрика.

ЧССР оказала технико-экономическое содействие в строительстве обувной фабрики, завода крупных кож и производственно-исследовательского центра кожевенной промышленности. С ее помощью построен большой больничный комплекс в Улан-Баторе¹⁵.

В Комплексной программе социалистической экономической интеграции стран — членов СЭВ, проникнутой духом социалистического интернационализма, предусмотрена целая система мероприятий, направленных на ускорение развития и повышение эффективности экономики Монгольской Народной Республики.

Достигнутый уровень социально-экономического развития Монгольской Народной Республики, расширение и углубление сотрудничества с Советским Союзом и другими социалистическими странами позволили XVIII съезду МНРП, состоявшемуся в мае 1981 г., наметить новые социально-экономические задачи.

В «Основных направлениях развития народного хозяйства и культуры МНР на 1981—1985 гг.» записано, что главной задачей седьмой пятилетки является обеспечение поступательного развития общественного производства и повышение его эффективности путем повышения производительности труда, внедрения научно-технических достижений и передового опыта, значительного улучшения использования производственных мощностей, материальных, финансовых, трудовых ресурсов, а также дальнейшее наращивание экономического потенциала страны и достижение на этой основе неуклонного роста благосостояния народа¹⁶. В целях претворения в жизнь этой главной задачи съезд считает, что необходимо добиться увеличения совокупного общественного продукта на 41—45 %, производства национального дохода на 38—41 %, увеличить основные фонды народного хозяйства на 55—60 %, в том числе производственные на 60—65 %. Для этого необходимо увеличить капитальные вложения в народное хозяйство на 23—26 %. Предусматривается направить более 70 % капитальных вложений на развитие отраслей материального производства. Производительность общественного труда планируется повысить на 24—26 % и за счет этого обеспечить $\frac{2}{3}$ прироста производства национального дохода¹⁷.

Поставлена задача улучшить подготовку квалифицированных кадров для всех отраслей народного хозяйства.

На основе всемерного развития материального производства намечена обширная программа социального развития монгольского общества, повышения уровня жизни народа. Предусмотрен рост реальных доходов на душу населения на 10—12 %¹⁸.

Намечен комплекс мероприятий, направленных на совершенствование форм и методов планирования и управления народным хозяйством как инструмента реализации экономической политики МНРП.

Особое место в «Основных направлениях развития народного хозяйства и культуры МНР на 1981—1985 гг.» занимает проблема расширения и углубления сотрудничества с Советским Союзом и другими социалистическими странами в области экономики, политики, культуры и идеологии. XVIII съезд МНРП в своих решениях по развитию производительных сил страны особое место в седьмой пятилетке отводит одной из основных отраслей экономики — сельскому хозяйству.

¹⁵ См.: «Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ», 1978, № 1, с. 22—23.

¹⁶ См.: XVIII съезд Монгольской народно-революционной партии, М., 1982, с. 109.

¹⁷ См.: XVIII съезд МНРП, с. 110—111.

¹⁸ См. там же, с. 113.

Ставится задача обеспечить устойчивый рост сельскохозяйственного производства, повышение его эффективности и на этой основе более полное удовлетворение возрастающих потребностей населения в продуктах питания, промышленности — в сырье, увеличение экспортных ресурсов. Намечается увеличить среднегодовой объем производства сельскохозяйственной продукции по сравнению с предыдущей пятилеткой на 22—26 %. В области животноводства выдвинута задача обеспечения роста производства животноводческой продукции на основе увеличения поголовья скота и повышения его продуктивности. К концу пятилетки поголовье скота (в переводе на условное поголовье) планируется увеличить на 4—5 %. Среднегодовой объем производства мяса возрастет на 5—6 %, молока — на 9—11 %, сливочного масла — на 20—25 %, шерсти — на 3—4 %¹⁹.

В области земледелия ставится задача обеспечить более устойчивый рост продукции растениеводства, довести среднегодовое производство зерна до 580—640 тыс. т, картофеля — до 80—90 тыс. т, овощей — до 38—46 тыс. т, кормовых культур — до 130—180 тыс. т²⁰.

В целях дальнейшего укрепления экономической базы сельскохозяйственных объединений и госхозов, а также повышения уровня жизни сельских тружеников намечено повысить заготовительные цены на отдельные виды животноводческой продукции. Будет совершенствоваться система экономического стимулирования увеличения производства в сельском хозяйстве, особенно в животноводстве, а также система планирования и руководства сельскохозяйственного производства.

В области развития промышленного производства XVIII съезд МНРП поставил в качестве основной задачи более полное удовлетворение потребностей народного хозяйства и населения в промышленной продукции путем полного использования производственных мощностей, дальнейшего наращивания промышленного потенциала, повышения эффективности производства и качества продукции.

Поставлена задача увеличить объем производства валовой продукции промышленности на 52—58 %, производительность труда — на 4—26 %. Съезд определил следующие темпы развития отраслей промышленности: производство в топливно-энергетической промышленности намечено увеличить на 66—72 %; в горнорудной промышленности — в 2,1—2,3 раза; в легкой промышленности — на 50—55 %; в пищевой промышленности — на 32—36 %; в лесной и деревообрабатывающей — на 16—19 %; в промышленности строительных материалов — в 1,7—1,8 раза²¹. Для обеспечения таких темпов развития намечена обширная программа дальнейшего повышения эффективности производства и повышения качества выпускаемой продукции.

В целях обеспечения плановых заданий в области расширения промышленного производства предусмотрено довести капитальные вложения в эту отрасль до 7,2—8,2 млрд. тугриков²², улучшать планирование и руководство, снизить непроизводительные расходы, значительно усовершенствовать систему оплаты труда и материального стимулирования.

Седьмой пятилетний план предусматривает всемерное развитие всех видов транспорта для обеспечения нужд народного хозяйства и населения в перевозках. Намечено увеличить грузооборот всех видов транспорта на 30—32 % и пассажирооборот — на 24—25 %. Обращается внимание на необходимость расширения использования гужевого транспорта для внутригородских и внутрихозяйственных перевозок. Ставит-

¹⁹ См. там же, с. 116—117.

²⁰ См. там же, с. 120.

²¹ См. там же, с. 124—125, 128.

²² См. там же, с. 124.

ся задача снизить транспортные издержки народного хозяйства путем повышения эффективности работы всех видов транспорта. Поставлена цель обеспечить дальнейший рост грузооборота железнодорожного транспорта на 33—37 %, пассажирооборота — на 18—22 %. Для этого планируется обновить парк локомотивов, пополнить парк пассажирских и товарных вагонов, ускорить оборот вагонов, повысить среднесуточную производительность локомотивов. На автомобильном транспорте намечено увеличить грузооборот на 18—22 %, пассажирооборот — на 22—24 %. В седьмой пятилетке возрастет роль воздушного транспорта. Планируется рост пассажирооборота на внутренних и внешних линиях на 31—33 %, а грузооборота — на 15—17 %.

В новой пятилетке предполагается продолжить создание единой сети связи, увеличить протяженность телефонных каналов на 40—45 %, емкость телефонных станций — на 20—21 %²³, ввести в эксплуатацию радиотелеграфные линии связи от Улан-Батора в направлении западных и восточных аймаков.

Развитие капитального строительства в седьмой пятилетке будет продолжаться довольно быстрыми темпами. Планируется увеличить за пятилетие общий объем строительно-монтажных работ на 24—27 %, в том числе объем работ, выполняемых силами монгольских строительных организаций, на 45—50 %, повысить производительность труда в строительстве на 25—28 %²⁴.

Ставится задача сосредоточить все силы и средства на завершении пусковых объектов и сооружении новых, имеющих важное народнохозяйственное значение; улучшить подготовку специалистов для строительных организаций и предприятий, осуществить меры, направленные на закрепление кадров в строительстве.

XVIII съезд МНРП в области развития науки и внедрения научно-технического прогресса поставил перед научными учреждениями задачу повысить эффективность и качество научных исследований и разработок для их внедрения в производство, совершенствовать планирование и координацию научно-исследовательских работ, улучшить систему внедрения научных достижений и передового опыта в народное хозяйство. Ставится задача более широкой подготовки кадров научных работников, укрепления научно-производственной и экспериментальной базы научных учреждений.

Большое место в решении проблем, связанных с научными исследованиями, отводится сотрудничеству МНР с Советским Союзом в области науки и техники.

Вопросы, связанные с социальным развитием и повышением народного благосостояния, были в центре внимания работы XVIII съезда МНРП. В «Основных направлениях развития народного хозяйства и культуры МНР на 1981—1985 гг.», принятых съездом, предусмотрен дальнейший подъем народного благосостояния. Планируется увеличить реальные доходы на душу населения на 10—12 %. Рост среднемесячной заработной платы рабочих и служащих составит 4—6 %, денежные доходы членов сельскохозяйственных объединений от общественного и личного хозяйства увеличатся на 20—23 %²⁵.

В седьмой пятилетке предусмотрено широкое жилищное строительство. Будут построены жилые дома полезной площадью 830—860 тыс. кв. м. Объем бытовых услуг населению возрастет на 44—48 %²⁶.

Ускорение темпов развития народного хозяйства и культуры страны и необходимость широкого применения научно-технических достижений требуют дальнейшего повышения народного благосостояния. Планиру-

²³ См. там же, с. 131—134.

²⁴ См. там же, с. 135.

²⁵ См.: там же, с. 139.

²⁶ См. там же, с. 145—146.

ется вести подготовительную работу по постепенному осуществлению всеобщего полного среднего образования детей школьного возраста. С этой целью за пятилетие будут введены в эксплуатацию новые школы на 52—57 тыс. ученических мест. Число учащихся в общеобразовательных школах возрастет на 10—12 %. Сеть профессионально-технических училищ расширится на 4 тыс. мест²⁷.

Большие задачи выдвинуты в области развития здравоохранения. Планируется укрепить материальную базу медицинских учреждений, увеличить число больничных коек на 14—16 %, число мест в санаторно-курортных учреждениях — на 15—18 %, подготовить за пятилетие 6—7 тыс. врачей и медицинских работников со средним специальным образованием²⁸.

В соответствии с ростом денежных доходов и покупательной способности населения намечено увеличить розничный товарооборот государственной и кооперативной торговли на 27—31 %, увеличить объем коммунальных услуг населению на 23—27 %, расширить и улучшить бытовое обслуживание населения.

Для удовлетворения духовных потребностей монгольского общества намечена обширная программа развития культуры и искусства. Будет расширена сеть кинотеатров, библиотек, музеев. Дальнейшее развитие получат издательское дело и полиграфическая промышленность.

На XVIII съезде МНРП была дана высокая оценка сотрудничеству МНР с братскими социалистическими странами и было подчеркнуто, что реализация задач седьмого пятилетнего плана возможна только при условии всемерного расширения и углубления этого сотрудничества. Тов. Ю. Цеденбал в своем выступлении сказал: «...для нашей страны с ее относительно ограниченными трудовыми и материально-финансовыми ресурсами неопределима роль стабильного роста интеграционных процессов в области экономики с Советским Союзом и другими социалистическими государствами, развития межгосударственной собственности на средства производства, формирования и развития вместе с заинтересованными странами международных экономических комплексов на базе использования природных ресурсов страны»²⁹.

«Основными направлениями» предусматривается обеспечить рациональное использование технико-экономической помощи Советского Союза и других социалистических стран, направляя ее в первую очередь на решение узловых проблем социально-экономического развития Монголии.

Планируется увеличить объем внешнеторгового оборота на 50—55 % по сравнению с предыдущей пятилеткой, в том числе экспорт на 55—60, а импорт на 48—52 %, улучшить качество и расширить ассортимент экспортной продукции³⁰.

Монгольский народ под руководством МНРП, опираясь на бескорыстную помощь и поддержку Советского Союза и других социалистических стран и всестороннее сотрудничество с ними, успешно осуществляет выдвинутые XVIII съездом МНРП очередные задачи социалистического строительства.

²⁷ См. там же, с. 141.

²⁸ См. там же, с. 142—144.

²⁹ Там же, с. 47.

³⁰ Там же, с. 147.

Социальные сдвиги и политическая борьба в Японии

Ю. Д. Кузнецов

В период после второй мировой войны и вплоть до нынешнего десятилетия в классовой структуре Японии произошли крупные сдвиги, значительно изменившие социальную картину японского общества. В первые послевоенные годы эти сдвиги были вызваны социально-политическими и экономическими преобразованиями, последовавшими за разгромом японского милитаризма во второй мировой войне (аграрная реформа, ликвидация монополистических концернов — «дзайбацу» и т. д.). В дальнейшем, примерно с середины 50-х годов, движущей силой изменений в социальной структуре японского общества стала серьезная структурная перестройка экономики страны, развивавшейся к тому же довольно высокими темпами на протяжении указанного периода.

Масштабы и глубина изменений социальной структуры, происшедших в сравнительно короткий срок, увеличивались под воздействием научно-технической революции, развернувшейся в Японии как раз в это время. Разностороннее взаимодействие глубоких социальных сдвигов с научно-технической революцией стало мощной силой, стимулировавшей быстрое развитие японской экономики и облегчавшей ей преодоление негативных последствий неоднократных кризисов и спадов. Перестройка как экономической, так и социальной структуры страны, подобной которой по глубине не наблюдалось в этот период ни в США, ни в странах Западной Европы, была одним из «секретов» японской экономики, позволивших ей обеспечить высокие для капиталистического строя темпы роста.

Среди важнейших социальных сдвигов в Японии в 50—70-х годах следует назвать прежде всего рост армии наемного труда, то есть неуклонную пролетаризацию занятого населения. За 1950—1980 гг. число работающих по найму увеличилось с 14 до почти 40 млн. человек, то есть в 2,8 раза, а их доля в занятом населении — с 39,3 до 71,8 %, или в 1,8 раза¹.

Отражением процесса пролетаризации населения был рост рядов рабочего класса — с 13,9 млн. человек, или 38,2 % самостоятельного населения, в 1950 г. до 38 млн. человек, или 66,6 %, в 1980 г.² Рабочий класс превратился в главную социальную силу японского общества.

Послевоенное развитие японского капитализма характеризовалось, наряду с созданием мощного экономического потенциала в результате высоких темпов роста экономики, также и заметным увеличением численности класса буржуазии — с 681 тыс. человек в 1950 г. до 2,7 млн. человек в 1980 г. Выросла и доля класса капиталистов в самостоятельном населении — соответственно с 1,9 до 4,7 %³. По-видимому, дан-

¹ См.: Сёва годзю гонэн кокусэй тёса хококу (Итоги общенациональной переписи населения 1980 г.). Токно, 1981, с. 292.

² См.: Нихон родо нэнкан 1980 (Японский ежегодник по труду). Токно, 1980, с. 51; «Акахата», 2.IV.1981.

Расчеты классовой структуры Японии сделаны прогрессивными японскими учеными, например, Р. Охаси в книге «Классовая структура Японии» («Нихон-но кайкю косэй»), а также советскими учеными (см., например, «Япония», М., 1972).

³ См. там же.

ные о численности класса капиталистов, приводимые японскими учеными, несколько завышены, главным образом за счет включения в него всех, кто называет себя «директорами и управляющими компаний». Однако в низшем слое этой группы немало мелких собственников — товаропроизводителей, которые в целях получения налоговых льгот объявляют свои индивидуальные хозяйства акционерными компаниями, а себя — их директорами, но не являются в действительности капиталистами.

Отмеченная динамика классовой структуры японского общества наглядно отражает непрерывный процесс классовой поляризации населения. Современная Япония полностью подтверждает мысль К. Маркса о том, что развитие капитализма означает больше капиталистов или более крупных капиталистов на одном полюсе, больше наемных рабочих — на другом⁴.

Что касается средних слоев, их численность резко сократилась — с 21,4 млн. человек в 1950 г. до 15,5 млн. в 1980 г., а доля в самодеятельном населении — соответственно с 58,9 до 27,3%⁵. Однако для различных групп, входящих в состав средних слоев, в рассматриваемый период были характерны нередко диаметрально противоположные процессы. Общая численность преобладающей, «традиционной» части средних слоев — самостоятельных хозяев, взятых вместе с помогающими членами семьи, другими словами, мелкой буржуазии города и деревни, — сократилась за 1950—1980 гг. на 6,2 млн. человек. Это сокращение произошло в основном за счет помогающих членов семьи, то есть неоплачиваемых семейных работников, число которых уменьшилось на 5,9 млн. человек, хотя и составляло в 1980 г. почти 6,3 млн. человек. Таким образом, непосредственно слой самостоятельных хозяев, по существу, остался в полном объеме, его «чистое» сокращение составило примерно 300 тыс. человек⁶.

Сохранение слоя самостоятельных хозяев было результатом двух ротивоположных социальных процессов. Один из них — сокращение почти в 1,5 раза за 1950—1980 гг. занятости в сельском хозяйстве и рыболовстве, где преобладали мелкотоварные собственнические хозяйства. Число крестьянских дворов за этот же период уменьшилось с 6176 тыс. до 4661 тыс. Другой процесс — это рост численности городских самостоятельных хозяев — в обрабатывающей промышленности и на транспорте (в 1,7 раза), в торговле (почти в 1,5 раза) и особенно в сфере услуг (в 4,6 раза). Этот рост был результатом не только выносливости мелких собственников и их умения приспособиться к новой экономической структуре, но и политики монополистического капитала, стремившегося использовать мелкотоварное производство в своих интересах для повышения нормы эксплуатации трудящихся и соответственно нормы прибылей.

Капитализм и на своей последней стадии не может существовать без массы мелких и мельчайших предприятий, без массы мелкой буржуазии. Пример Японии наглядно подтверждает высказанное В. И. Лениным положение о том, что «чистый империализм без основной базы капитализма никогда не существовал, нигде не существует и никогда существовать не будет»⁷.

«Модернизация» мелкой буржуазии, качественные изменения в ее структуре за счет сокращения численности помогающих членов семьи способствовали сохранению средних слоев как в социально-экономическом, так и в политическом плане. С другой стороны, в процессе роста японской экономики высокими темпами, развертывания научно-техни-

⁴ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 627—628.

⁵ См.: Нихон родо нэнкан 1980, с. 51; «Акахата», 2.IV.1981.

⁶ См. там же.

⁷ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 38, с. 151.

ческой революции и сдвигов в экономической структуре происходило быстрое расширение «новых средних слоев»: научно-технической интеллигенции, лиц свободных профессий, а также самостоятельных хозяев в новых, прогрессирующих отраслях. В различных отраслях численность специалистов, имеющих собственное дело, увеличилась за 1950—1980 гг. в 2,2 раза — с 362 до 794 тыс. человек⁸.

В результате отмеченных социальных сдвигов Япония значительно приблизилась по своей социальной структуре к другим странам развитого капитализма, хотя и сохраняет в этом плане известные отличия. Например, в начале 80-х годов по удельному весу наемных работников в занятом населении Япония, находясь на уровне Италии, значительно уступала не только Англии и США, но и ФРГ и Франции. Что касается доли самостоятельных хозяев, то она была в Японии ниже, чем в Италии, несколько выше, чем во Франции, но почти вдвое больше, чем в ФРГ, и в два с лишним раза больше, чем в США и Англии⁹.

В целом в социальной структуре Японии сохраняются такие специфические черты, как меньшая степень пролетаризации по сравнению с другими странами развитого капитализма, более многочисленный слой самостоятельных хозяев и, следовательно, большая численность средних слоев, сравнительно большая численность класса капиталистов — за счет довольно широкого слоя средней буржуазии.

В результате для японской экономики по-прежнему характерна так называемая «двойственная структура», то есть наличие наряду с крупными современными монополистическими предприятиями обширной сферы мелкого и среднего предпринимательства и городского мелкотоварного производства, играющего важную роль в занятости, в создании валового национального продукта, в экспорте. 90 % японских фирм — это мелкие и средние предприятия, на их долю приходится 75 % рабочей силы, 51 % производства обрабатывающей промышленности, 54 % оптовой торговли, 80 % розничной торговли и 30 % экспорта промышленных изделий¹⁰.

Мелкое и среднее предпринимательство играет важную экономическую и социальную роль, создавая обширную сферу занятости не только для миллионов самостоятельных хозяев, но и для большей части рабочего класса, занятой на мелких и средних предприятиях. «Двойственная структура» экономики служит своеобразным амортизатором между трудом и капиталом. Одной из ее функций является ослабление давления рабочего класса на существующий социально-политический строй и, таким образом, содействие дальнейшему сохранению этого строя.

Несмотря на крупные социальные сдвиги в послевоенной Японии, на возрастание роли рабочего класса, политическое положение в стране характеризуется сравнительной стабильностью, которая выражается в том, что длительно (более четверти века) у власти находится одна и та же политическая партия — Либерально-демократическая, отражающая интересы монополистического капитала и бюрократической верхушки. Такая ситуация заметно отличается от обстановки в других странах развитого капитализма, где в этот период имело место либо чередование правящих партий в рамках «двухпартийной» системы, либо образование коалиционных правительств в различных сочетаниях.

Возникает вопрос: почему значительные изменения в социальной структуре послевоенной Японии, особенно превращение рабочего класса в большинство самодеятельного населения, не привели к аналогичным по масштабам политическим переменам, иначе говоря, к переходу политической власти из рук монополий в руки рабочего класса? Для

⁸ См.: Нихон родо энкан 1980, с. 51; «Акахата», 2.IV.1981.

⁹ См.: Сёва годзю гонэн кокусэй тёса хококу, с. 293.

¹⁰ In: «Financial Times», 20.X.1980.

ответа на него необходимо проанализировать ход внутривнутриполитической борьбы в стране, неоднократно принимавшей довольно острый характер на протяжении последних десятилетий, изменения в расстановке политических сил за это время.

Послевоенная история Японии — это в значительной мере история острой борьбы между политическими силами, выражающими интересы двух полюсов капиталистического общества — монополистической буржуазии и рабочего класса, борьбы за использование в своих классовых, политических интересах сдвигов в социальной структуре японского общества, за привлечение на свою сторону постоянно изменявшихся как по численности, так и по внутренней структуре промежуточных слоев и классов. На примере послевоенной Японии хорошо видно, что от способности каждого из двух основных противоборствующих классов привлечь на свою сторону массовых союзников и попутчиков из промежуточных классов и слоев населения в большой степени зависят судьбы политического и социального развития, соотношение сил на внутривнутриполитической арене.

При рассмотрении хода политической борьбы в послевоенной Японии необходимо постоянно соотносить ее развитие с экономическим ростом, с изменениями в социальной структуре общества. Это позволяет выделить три крупных периода, каждый из которых имеет свою характеристику с точки зрения расстановки политических сил в стране.

Первое послевоенное десятилетие можно назвать периодом формирования двухпартийной политической структуры (1945—1955). Это был период послевоенных преобразований, затронувших экономику, социальную структуру, политическую сферу. В это время был достигнут довоенный уровень экономики и созданы условия для ее последующего развития.

Следующие пятнадцать лет могут считаться периодом превращения двухпартийной системы в многопартийную (1955—1970). Это период структурной перестройки японской экономики, ее быстрого роста, выдвинувшего страну в число ведущих капиталистических государств.

Сущностью третьего периода внутривнутриполитической борьбы в Японии можно считать борьбу двух противоположных классовых и политических сил за союзников. Его важной специфической чертой являются поиски промежуточными силами так называемого третьего пути, то есть иллюзорные попытки выйти за пределы главного классового антагонизма буржуазного общества. Это период болезненного перехода от высоких к умеренным темпам роста экономики, сопровождавшегося глубокими циклическими и структурными кризисами экономики Японии. Он начался примерно в 1970 г., но относительно его окончания могут быть различные мнения в зависимости от того, насколько основательным и прочным считать поворот во внутривнутриполитической борьбе, происшедший в 1980 г. в результате внушительной победы Либерально-демократической партии на одновременных выборах в обе палаты японского парламента. Обстановка в Японии пока не дает достаточно материала для вывода о том, закончился ли в 1980 г. третий период политической борьбы и расстановки сил или все еще продолжается. Такой материал могут дать итоги предстоящих политических сражений 1983 г., в частности нескольких избирательных кампаний.

При анализе изменений в расстановке сил на внутривнутриполитической арене нередко приходится прибегать к данным об итогах парламентских выборов. Разумеется, эти данные нельзя считать точным отражением реального соотношения сил, поскольку избирательная система в Японии содержит элементы неравенства, в основном в пользу буржуазных партий. Тем не менее итоги выборов закрепляют фактическую расстановку сил на несколько лет и обладают мощным психологическим воздействием на политическую борьбу в последующие годы. Кро-

ме того, при рассмотрении за длительный период они помогают улавливать некоторые тенденции в политическом развитии общества.

Послевоенный период был начат различными политическими силами Японии отнюдь не с одинаковых «стартовых» позиций. Буржуазные партии — прогрессивная (симпото) и либеральная (дзюто) — формально были созданы через некоторое время после капитуляции милитаристской Японии, в ноябре 1945 г., но фактически они стали преемниками довоенных партий сэйюкай (партии конституционного правления) и минсэйто (демократической партии), бывшие руководители которых сразу же после окончания войны захватили инициативу в политической борьбе, пользуясь широкой поддержкой американских оккупационных войск.

Левым же партиям, особенно коммунистической, после войны пришлось практически заново создавать свои организации. Компартия Японии, в течение двадцати с лишним лет находившаяся в подполье и подвергавшаяся жестоким репрессиям, впервые получила возможность легальной деятельности после разгрома японского милитаризма. Руководители КПЯ были освобождены из тюремного заключения лишь в октябре 1945 г. В сложном положении была и социалистическая партия, образованная в ноябре 1945 г. на основе объединения членов довоенных социал-демократических партий и групп, в позициях которых по самым актуальным вопросам имелись довольно значительные расхождения.

В первые послевоенные годы в соотношении политических сил в Японии наблюдались резкие колебания. Они отражали общую неустойчивость, порожденную поражением в войне, экономическим упадком, а также ломкой прежней политической структуры и начавшимися социальными сдвигами. В процессе послевоенных реформ большинство главных элементов прежнего правящего блока — абсолютнистская монархия, включая придворное окружение, помещики, военщина — либо совершенно исчезло с политической арены, либо было настолько серьезно ослаблено, что не могло оказывать заметного влияния ни на политику страны, ни на расстановку сил в политической борьбе. Из господствовавших социальных сил довоенной и военной Японии сохраняли влияние монополистический капитал и привилегированная бюрократия. Однако позиции монополий в первые годы были подорваны роспуском «дзайбацу» и другими антимонополистическими мероприятиями. Что же касается высшей бюрократии, то она, хотя и контролировала мощный государственный аппарат, не играла самостоятельной политической роли и не могла действовать без политической поддержки.

В обстановке общего ослабления позиций господствующих классов, подъема рабочего и демократического движения японские монополии и бюрократический государственный аппарат были не в состоянии удерживать власть в своих руках, они нуждались в серьезном укреплении политических позиций. В такой обстановке задачу сохранения устоев капитализма в Японии взяли на себя американские оккупационные войска. Именно в этом был социальный смысл так называемой «политики обратного курса», то есть отказа оккупационных властей от продолжения демократических реформ. Классовая солидарность империалистов в критический для буржуазного строя момент оказалась сильнее конкурентной вражды и соперничества. Правящие круги США пришли на помощь своим недавним противникам, лишь бы не допустить поворота Японии на путь, ведущий к социализму, и вместе с тем на длительное время сохранить свое влияние на японскую политику.

Распад прежнего правящего блока вызвал довольно длительное брожение в буржуазном лагере Японии, не сразу сумевшем приспособиться к новой политической обстановке и стабилизировать свои позиции. В течение первого послевоенного десятилетия в Японии существовали

две крупные буржуазные партии, как бы продолжая довоенную традицию. Неоднократные слияния и расколы, изменения наименований этих партий отражали сумятицу, царившую в то время среди японской буржуазии.

В результате первых послевоенных выборов в палату представителей японского парламента в октябре 1946 г. обе буржуазные партии, вместе взятые, не смогли завоевать даже половины голосов избирателей, но им досталось несколько больше половины депутатских мест. Однако тяжелое положение народных масс в обстановке послевоенной экономической разрухи и острой инфляции, подъем рабочего движения и образование большого числа профсоюзов и других массовых демократических организаций, увеличение численности городских мелкобуржуазных масс и рост их недовольства создавшимся положением привели в дальнейшем к заметному усилению влияния Социалистической партии, которая на выборах в палату представителей в апреле 1947 г. завоевала свыше четверти голосов избирателей и вышла на первое место среди всех политических партий по числу депутатских мест.

Однако большинство мест в парламенте по-прежнему оставалось у буржуазных партий, и лишь острые разногласия между ними помешали им договориться о совместном формировании правительства. Это открыло путь к созданию коалиционного кабинета во главе с тогдашним лидером социалистов Т. Катаяма.

Приход социалистов к власти, хотя и в составе коалиции с буржуазной демократической партией, отражал тенденцию полевения масс в Японии и более широкую тенденцию изменения соотношения сил в мире в пользу социализма и демократии. Однако СПЯ, в руководстве которой в то время преобладали правые реформисты, не смогла использовать благоприятные возможности в интересах рабочего класса, других слоев трудящихся, всех демократических сил Японии. Правительства с участием социалистов занимали половинчатую позицию, с одной стороны, обещая трудящимся массам улучшить их положение, а с другой, не решаясь посягнуть на привилегии крупного капитала.

Это подорвало престиж Социалистической партии: кабинет Т. Катаяма просуществовал всего десять месяцев. Сменивший его другой коалиционный кабинет, в котором также участвовали социалисты, но уже на второстепенных ролях, продержался у власти лишь семь месяцев. С октября 1948 г. и до настоящего времени власть в Японии неизменно находится в руках буржуазных партий. Что касается СПЯ, то на парламентских выборах 1949 г. она понесла тяжелый урон: почти в два раза сократилась доля избирателей, голосовавших за эту партию, и втрое — число депутатских мест. Так неудачно закончился единственный опыт участия японских социалистов в правительстве.

Поражение социалистов частично компенсировалось продвижением вперед Компартии Японии, что свидетельствовало о сохранении значительных левых настроений в массах. КПЯ получила около 3 млн. голосов (почти 10 %) и 35 депутатских мест. Такого успеха японские коммунисты добились впервые.

В то же время значительно укрепили свои позиции буржуазные партии, получившие вместе свыше двух третей мест в палате представителей. Этот результат был одним из важных последствий проведения аграрной реформы: крестьянство, получившее землю, стало отходить от активного участия в демократическом движении. Появление в японской деревне многочисленных мелкособственнических крестьянских хозяйств рассматривалось правящими кругами Японии, а также американскими оккупационными войсками как важный фактор социальной стабильности в интересах консервативных сил, как путь к превращению деревни в социальную базу буржуазных партий. Другой опорой этих партий становились многочисленные городские средние слои, по-

ложение которых постепенно улучшалось с восстановлением экономики. Наконец, консолидации буржуазного лагеря способствовало и фактическое прекращение оккупационными властями демократических реформ в результате перехода на «обратный курс», то есть на путь укрепления японской реакции.

Определенная стабилизация буржуазного режима в конце 40-х — начале 50-х годов позволила ему перейти в наступление против демократических сил при прямой поддержке оккупационных войск, которые считали чрезмерным даже приход к власти социалистов и весьма опасались обозначившегося роста влияния КПЯ. С конца 40-х годов начались сфабрикованные судебные процессы, использовавшиеся для гонений на коммунистов и профсоюзных активистов. Начало войны в Корее было использовано для репрессий против КПЯ, что фактически поставило партию на полулегальное положение. В профсоюзах началась так называемая «чистка красных», в ходе которой с руководящих постов изгонялись коммунисты и симпатизирующие им люди. В 1950 г. была осуществлена «реорганизация» профсоюзного движения Японии: был создан новый общенациональный профцентр — Генеральный совет профсоюзов (Сохё), который замышлялся как послушное орудие классового сотрудничества, но впоследствии не оправдал этих надежд, превратившись в боевую организацию японских трудящихся. Наконец, в 1951 г. правым силам удалось расколоть Социалистическую партию.

Ослабление демократических сил привело к безраздельному господству буржуазных партий в политической жизни страны в первой половине 50-х годов. Однако это господство не было прочным и длительным. Острые разногласия между буржуазными партиями в результате борьбы за лидерство, а также начавшиеся новые изменения в социальной структуре (рост численности рабочего класса с восстановлением экономики, выталкивание рабочей силы из деревни для нужд промышленности, что подрывало социальную базу буржуазных партий) несколько ослабили позиции буржуазного лагеря. На парламентских выборах 1955 г. буржуазные партии утратили абсолютное большинство (то есть две трети мест) в палате представителей, которым они располагали в течение шести лет. С тех пор консервативным силам так и не удалось вновь получить две трети мест в парламенте, что имело и имеет важнейшие политические последствия, поскольку срывается намеренная реакция пересмотреть действующую конституцию.

Тревожные тенденции побудили правящий лагерь консолидировать свои ряды. В 1955 г. произошло объединение демократической и либеральной партий. Новая партия, получившая название Либерально-демократической, стала единственной выразительницей интересов монополистического капитала, что обеспечило ей мощную поддержку с его стороны.

В том же году воссоединились левая и правая социалистические партии, воэсздав единую СПЯ. Таким образом, в Японии фактически сложилась двухпартийная система, поскольку компартия в 1955 г. только вернулась к легальной деятельности и принимала меры к восстановлению своих позиций в массах, в значительной мере утраченных в первой половине 50-х годов.

Консолидация двух противоположных политических лагерей произошла в тот период, когда в Японии завершились восстановление экономики, преобразование социальных отношений в деревне в результате аграрной реформы. Определенная стабилизация в соотношении сил на политической арене отражала обстановку в стране в результате послевоенных преобразований и вызванных ими социальных сдвигов.

Однако эта стабилизация, достигнутая в середине 50-х годов, была относительной, поскольку быстрый рост экономики, начавшийся вскоре после восстановления ее довоенного уровня, изменения в экономиче-

ской структуре — возникновение и развитие новых отраслей — открыли путь к новым глубоким социальным сдвигам, в первую очередь к усилению пролетаризации населения, к росту численности «новых» городских средних слоев.

Изменения в структуре занятого населения — уменьшение занятости в первичных отраслях (сельском хозяйстве, лесоводстве, рыболовстве) и ее увеличение во вторичных (промышленность, транспорт, связь), а затем и в третичных отраслях (торговля, сфера услуг и т. д.) — находили отражение и в области политической борьбы. Это проявилось в неуклонном ослаблении влияния Либерально-демократической партии, в укреплении сил, выступавших за экономические и социальные преобразования.

Несмотря на объединение консервативных сил, они не смогли преодолеть тенденцию сокращения доли избирателей, голосующих за представителей правящего лагеря, которая наметилась с начала 50-х годов (1952 г. — 66,1 %, 1953 г. — 65,7 %, 1955 г. — 63,2 %). На парламентских выборах 1958 г. ЛДП получила лишь 57,8 % голосов. Социалистическая партия, напротив, несколько укрепила свои позиции в результате воссоединения, завоевав на выборах 1958 г. свыше трети депутатских мест. Она, таким образом, получила возможность собственными силами блокировать попытки ЛДП пересмотреть конституцию.

Новая обстановка, сложившаяся в середине 50-х годов на внутривнутриполитической арене, казалось, создавала возможность для закрепления в Японии двухпартийной системы, например английского образца. Однако наметившиеся тенденции развития социальной структуры создавали на этом пути серьезные препятствия. В этом же направлении действовала и политическая обстановка в стране.

Примерно в 1960 г. рабочий класс превысил половину самостоятельного населения, превзойдя по численности слой самостоятельных хозяйств, взятых вместе с помогающими членами семьи. Это заметно усилило роль рабочего класса, его политических партий и организаций в общественной жизни страны. Как раз в это время, в конце 50-х годов, Компартия Японии выдвинула лозунг превращения в массовую авангардную партию. Более боевой и активной стала деятельность Социалистической партии, в которой усилилось влияние левого крыла.

Эта новая ситуация отчетливо проявилась в ходе широкой, подлинно всенародной борьбы против японо-американского «договора безопасности», развернувшейся в 1959—1960 гг. Невиданному до тех пор в Японии массовому характеру этой борьбы способствовало тесное сотрудничество коммунистической и социалистической партий, профсоюзов, других массовых демократических организаций, в ходе которого был фактически создан единый фронт демократических сил. И хотя предотвратить подписание нового японо-американского «договора безопасности» не удалось, под напором народных масс в 1960 г. было вынуждено уйти в отставку правительство Киси, несмотря на большинство, которым располагала в парламенте Либерально-демократическая партия, пришлось отменить намечавшийся визит в Японию тогдашнего президента США Эйзенхауэра.

Борьба народных масс против «договора безопасности» серьезно напугала правящие круги Японии, опасавшиеся дестабилизации режима ЛДП. В начале 60-х годов в стране получила широкое распространение точка зрения, согласно которой дальнейшие социальные сдвиги, в первую очередь рост рядов рабочего класса и уменьшение численности крестьянства, приведут к дальнейшему ослаблению позиций ЛДП и в конечном счете — к утрате ею политической власти.

Чтобы не допустить такого нежелательного развития событий, правящие круги приняли радикальные меры. В 1960 г. правительство Икэда провозгласило так называемую «политику удвоения доходов», стре-

мясь путем определенного повышения доходов трудящихся отвлечь их от участия в политической борьбе, культивировать в их сфере потребительские интересы. Эта политика в значительной степени была направлена на привлечение городских средних слоев на сторону правящей партии.

В 1961 г. парламент утвердил Основной сельскохозяйственный закон, предусматривавший «совершенствование структуры» сельского хозяйства путем создания современных крупных капиталистических хозяйств, сокращения занятости в сельском хозяйстве, вытеснения из деревни беднейшей части крестьянства. Нашедшая конкретное воплощение в этом законе аграрная политика правящих кругов была направлена на преобразование мелкотоварного крестьянского хозяйства в капиталистическое хозяйство фермерского типа, на массовое перемещение избыточной рабочей силы из деревни в город для удовлетворения быстро возраставших нужд промышленности и других отраслей в интересах монополистического капитала. Был взят курс на преимущественное развитие так называемых «жизнестойких хозяйств», сельскохозяйственный доход которых по меньшей мере равен доходу средней городской семьи. Именно такие хозяйства призваны были составить массовую опору Либерально-демократической партии в деревне в новых условиях начавшегося быстрого роста японской экономики.

Сохранившаяся после восстановления довоенного уровня экономики ее «двойственная структура» оказалась жизнеспособной и в период структурной перестройки экономики, высоких темпов ее роста. Сокращение числа крестьянских хозяйств в результате расслоения крестьянства и массового отлива рабочей силы в города в определенной степени компенсировалось увеличением мелкособственных хозяйств в городе, в первую очередь в торговле и сфере услуг. Если в 1950 г. 77 % самостоятельных хозяев составляли крестьяне, то в 1965 г. доля городской мелкой буржуазии внутри этого слоя возросла до 39 %, то есть более чем в полтора раза за 15 лет¹¹.

Самостоятельные товаропроизводители, таким образом, постепенно все в большей степени сосредоточивались в городах, в первую очередь в наиболее крупных, где особенно быстро росло население и вместе с ним — розничный товарооборот и спрос на услуги. «Новые» городские средние слои, в том числе интеллигенция, также концентрировались в крупных и крупнейших городах. Обострение конкурентной борьбы в результате увеличения числа мелких предприятий в городах, понижение статуса интеллигенции по мере роста массовости этого слоя, усиление гнета монополий вызывали недовольство городской мелкой буржуазии, других городских средних слоев, приводили к постепенным изменениям в политической ориентации их различных составных групп.

Внутренние изменения в составе мелкой буржуазии (сокращение числа крестьянских хозяйств, увеличение численности самостоятельных товаропроизводителей в городах) вели в начале 60-х годов к ослаблению массовой базы Либерально-демократической партии. В этих условиях ЛДП возлагала большие надежды на рост «новых» городских слоев, дифференциация которых в тот период еще не достигла больших масштабов и которые в подавляющем большинстве все еще находились под влиянием иллюзий о своем «особом», отличном от других слоев трудящихся положении.

Однако ослабление влияния ЛДП в увеличивавшемся слое городских самостоятельных хозяев и среди неорганизованных рабочих мелких и средних предприятий, число которых также возрастало, создавало определенный «вакуум» в расстановке сил, заполнить который

¹¹ См.: Рюкэн Охаси. Нихон-но кайкю коээй (Классовая структура Японии). Токио, 1977, с. 84.

левые партии в то время были не в состоянии в силу своих ограниченных возможностей. Тем самым возникла объективная база для появления в Японии новых политических партий центристского характера.

Начало отхода от двухпартийной системы было положено в 1960 г. расколом Социалистической партии в результате выхода из нее правой группировки и образованием на этой основе правореформистской Партии демократического социализма. Для образования подобной партии, стремившейся опираться на наиболее привилегированную часть рабочего класса и на городские средние слои, в особенности на их «новые» группы, имелись объективные условия, однако непосредственное ее возникновение было вызвано политическими мотивами, и прежде всего стремлением реакции подорвать единство демократических сил, сложившееся в борьбе против японо-американского «договора безопасности» в 1959—1960 гг.

Вместе с тем для создания ПДС были и более глубокие социальные причины долговременного порядка. Перспективы дальнейшего роста и укрепления рабочего класса, особенно быстрого в условиях высоких темпов экономического развития, на поддержание которых ориентировалась вся политика правящих кругов, создавали серьезную угрозу для политического господства либерал-демократов, а отмеченные выше тенденции в развитии мелкой буржуазии, ее настроениях и поведении еще больше осложняли положение правящей партии.

Создание ПДС в такой обстановке, политически закрепляя раскол рабочего класса, объективно облегчало положение либерал-демократов. Это сказалось на результатах парламентских выборов 1960 г. Правящая партия увеличила свое представительство в палате представителей, хотя доля голосовавших за нее избирателей продолжала уменьшаться (до 57,6 %). В результате раскола СПЯ потеряла почти 2 млн. голосов и 21 депутатское место. 17 из них сумела получить ПДС, которая в результате этих выборов утвердилась как самостоятельная политическая сила. Ее массовой базой стало правореформистское профсоюзное объединение «Дзэнро кайги», в которое с помощью предпринимателей вовлекались профсоюзы, создаваемые на строящихся предприятиях, особенно в новых отраслях. Таким путем имелось в виду привлечь рабочих ключевых отраслей японской промышленности в профсоюзы, проводящие линию сотрудничества труда и капитала, и не допустить укрепления левого крыла рабочего движения и его политических партий — СПЯ и КПЯ. С этой же целью несколько позже, в 1964 г., было осуществлено объединение профсоюзов правореформистской ориентации в единый профцентр — Всеяпонскую конфедерацию труда (Домэй), которая и стала главной массовой базой ПДС.

Высокие темпы роста японской экономики способствовали увеличению мелкого и среднего предпринимательства, быстрому росту занятости в этой сфере. Однако рабочие мелких и средних предприятий в своем большинстве оставались вне влияния профсоюзов (степень организованности японских рабочих еще в конце 50-х годов остановилась на уровне 34—35 %) ¹². Различные политические партии вели упорную борьбу за влияние среди неорганизованных рабочих, численность которых в середине 60-х годов достигла 18 млн. человек, однако не смогли добиться заметных успехов в их организационном сплочении на своей стороне.

Это обстоятельство умело использовала влиятельная массовая буддийская организация «Сока гаккай», уже в начале 60-х годов объединившая около 10 млн. человек. Она развернула активную деятельность в низших слоях городского населения, в том числе и среди рабочих мелких и средних предприятий, утверждая, что лишь с помощью новой,

¹² См.: Нихон родо нэнкан 1974. Токио, 1974, с. 191.

более отзывчивой к человеку религии они смогут не только найти утешение, столь необходимое в трудных жизненных условиях, но и добиться изменений в лучшую сторону. «Сока гаккай» обращалась прежде всего к тем довольно многочисленным элементам городского населения, которые сравнительно недавно покинули деревню, еще не обрели устойчивого места в новой жизни и потому нуждались в любой поддержке.

Усиленно добиваясь расширения своего влияния в городских низах, «Сока гаккай» все сильнее втягивалась в политическую борьбу. Японское законодательство запрещает религиозным организациям заниматься политической деятельностью, поэтому «Сока гаккай» создала для участия в парламентских выборах Лигу чистой политики, которая в 1964 г. была преобразована в Партию чистой политики (Комэйто). Массовой базой новой партии, имевшей по преимуществу мелкобуржуазный характер, стали неорганизованные низшие слои городского населения, среди которых «Сока гаккай» к тому времени сумела добиться довольно большого влияния.

Создание Комэйто завершило второе десятилетие послевоенного социально-политического развития Японии, важнейшей политической характеристикой которого было формирование многопартийной системы. К середине 60-х годов в массовую партию (около 300 тыс. человек) превратилась Компартия Японии, влияние которой в массах продолжало возрастать. Многопартийная система в известном смысле стала продуктом быстрого роста японской экономики, усложнившейся социальной структуры общества.

Новое соотношение сил в рамках многопартийной системы определилось на парламентских выборах, проводившихся в 1967 и в 1969 гг. Итоги этих выборов показали, что выдвижение на политическую арену новых сил заставило потесниться «традиционные» партии. Продолжалось уменьшение доли избирателей, голосующих за ЛДП (48,8 % в 1967 г., 47,6 % в 1969 г.). Правящая партия потеряла также часть депутатских мест. Тяжелый урон понесла Социалистическая партия (140 мест в 1967 г., 90 мест в 1969 г.). Заметными силами на политической арене стали ПДС и Комэйто, получившие в палате представителей соответственно 30 и 25 мест. Успеха добилась и КПЯ, которая провела в нижнюю палату 14 своих кандидатов.

В целом результаты выборов в палату представителей в 1969 г. показали, что так называемой системе двух больших партий пришел конец. Особенностью возникшей вместо нее многопартийной системы было то, что она образовалась «слева от ЛДП», в оппозиционном лагере, не затронув существенным образом позиции правящей партии, но зато сильно подорвав влияние крупнейшей оппозиционной партии — СПЯ.

В новых условиях либерал-демократам противостояли уже не одна, а четыре оппозиционные партии. Это обостряло политическую борьбу, в том числе и для правящей партии, но в то же время облегчало ей возможность сохранять свое господство, особенно в обстановке разногласий между оппозиционными партиями, не в последнюю очередь вызывавшихся общностью их социальной базы и, следовательно, борьбой за влияние в массах. Убедительной иллюстрацией новой политической обстановки в стране была сравнительная легкость, с которой правительству удалось в 1970 г. добиться продления на неопределенный срок японо-американского «договора безопасности». Оппозиции, выступавшей против этой акции, так и не удалось развернуть массовое движение протеста, которое хоть сколько-нибудь напоминало бы всенародную борьбу против военного союза с США 1959—1960 гг.

Социальные сдвиги в японском обществе — рост армии наемного труда, усложнение состава и структуры рабочего класса, отраслевое и территориальное перемещение значительных масс рабочей силы, рас-

ширение «новых» средних слоев, а также развитие многопартийности в политической структуре общества — остро поставили вопрос о том, на чью сторону — монополистической буржуазии или рабочего класса — встанут средние слои и выражающие их интересы политические силы, то есть центристские политические партии (ПДС и Комэйто). Борьба за союзников стала одной из главных движущих сил развития внутривнутриполитической обстановки в Японии в 70-х годах.

Еще с конца 60-х годов в связи с ростом многопартийности в практику стало входить сотрудничество ряда оппозиционных партий (СПЯ, КПЯ, а также Комэйто) в борьбе за осуществление общих требований, содержащихся в их программных документах, в первую очередь за изменение политики страны в сторону большего учета интересов широких народных масс. Однако такое сотрудничество носило в основном эпизодический характер. Лишь руководство ПДС, неизменно придерживающееся антикоммунистических позиций, упорно выступало против любых совместных действий с компартией. ПДС нередко поддерживала политику либерал-демократов, в том числе и в парламенте, за что ее все чаще стали характеризовать как «вторую консервативную партию».

Сотрудничество оппозиционных партий легче налаживалось на местах, в масштабе префектур и городов, особенно при выборах руководителей местной администрации. Начало этому было положено еще в первые послевоенные годы, когда в некоторых префектурах были избраны губернаторы при поддержке прогрессивных сил. Однако в то время это были лишь эпизоды, хотя, например, совместный кандидат социалистов и коммунистов Т. Нинагава, избранный в 1950 г. губернатором префектуры Киото, занимал этот пост около 30 лет.

В обстановке подъема массового демократического движения во время борьбы против «договора безопасности» в конце 50-х — начале 60-х годов кандидаты демократических сил стали мэрами ряда крупных городов: Иокогама, Киото, Осака, Фукуока, Китакусю, Сэндай, Окаяма и др. В 1967 г. СПЯ, КПЯ, Комэйто, прогрессивные профсоюзы и другие демократические организации добились избрания своего общего кандидата на пост губернатора Токио (в 1971 и 1975 гг. он переизбирался на этот пост). Эта победа послужила началом своего рода «цепной реакции» — образования демократической местной администрации. В последующие годы демократические силы, выступая совместно (а ядром этой совместной борьбы было сотрудничество социалистов и коммунистов), одержали победу на выборах губернаторов префектур Осака, Окинава, Сайтама, мэров крупных городов Кобэ, Нагоя и др.

В 1959 г. три губернатора (из 46) и 30 мэров крупных городов (из 112) представляли демократические силы. К 1974 г. число губернаторов, избранных в результате сотрудничества прогрессивного лагеря, увеличилось до семи, а число мэров крупных городов — до 47 (из 163)¹³. К концу 1974 г. число членов Ассоциации прогрессивных мэров городов достигло 136¹⁴. Общее число органов местной администрации, руководимых представителями демократических сил, увеличилось за 1967—1977 гг. с 50 до 210, а население, которое они представляли, — с 5 до 48 млн. человек¹⁵. Иначе говоря, свыше 42 % населения Японии жило в тех районах, в которых руководители органов местной власти были избраны благодаря сотрудничеству демократических сил.

Особенно большое значение имело то, что совместные кандидаты демократических сил побеждали на выборах руководителей местной

¹³ См.: Тихо кэнрёку (Власть на местах). Токио, 1974, с. 304—305.

¹⁴ См.: Т. Цумура. Какусин дзититай (Прогрессивные органы местного самоуправления). Токио, 1978, с. 46.

¹⁵ In: XIV Congress of the Japanese Communist Party. Tokyo, 1977, p. 74.

администрации в крупнейших городах и важнейших промышленных районах, где сосредоточена основная часть рабочего класса. Практически все крупные города и наиболее важные индустриальные районы Тихоокеанского побережья, играющие ключевую роль в экономике страны, к середине 70-х годов стали управляться демократической местной администрацией. В этих районах левые партии получали значительное число голосов и на парламентских выборах.

Разумеется, демократическая местная администрация не могла изменить политического режима, существовавшего в стране, не говоря уже о социально-экономической системе. Она зависела от центрального правительства в области финансов и в ряде других важных вопросов. Тем не менее фактическое формирование на местах единого фронта демократических сил и переход в его руки ряда важных органов местной власти представляли реальную угрозу политическому режиму Либерально-демократической партии.

Избрание представителей демократических сил на многие посты руководителей местной администрации происходило на фоне резкого обострения проблем городов (загрязнение окружающей среды, жилищный и транспортный кризисы и пр.), вызванного политикой высоких темпов экономического роста, а также усиливавшейся урбанизацией и концентрацией населения в городах, особенно в крупных. ЛДП не смогла разработать и предложить эффективные меры по урегулированию этих проблем, что способствовало появлению многочисленных движений протеста местных жителей, требовавших их решения. Недовольство жителей крупных городов политикой ЛДП стало той силой, которая привела к появлению демократической местной администрации во многих районах.

Замедление темпов экономического роста с начала 70-х годов, а затем экономический кризис 1974—1975 гг. еще более обострили противоречия японского капитализма, экономические и социальные проблемы страны, подрывая тем самым позиции правящей партии. Крупные города становились оплотами прогрессивных сил и в значительной степени уходили из-под влияния либерал-демократов. Правящая партия все в большей степени становилась партией сельских районов и небольших городов, поскольку именно там она получала на выборах большую часть голосов. Однако в связи с резким сокращением сельскохозяйственного населения эта ее база оказалась серьезно подорванной, что нашло отражение в неуклонном уменьшении доли избирателей, голосовавших за ЛДП (47,6 % в 1969 г., 46,9 % в 1972 г., 41,8 % в 1976 г.). Параллельно уменьшалось число депутатов, которых либерал-демократам удавалось проводить в палату представителей: 288 в 1969 г., 271 в 1972 г., 249 в 1976 г., то есть меньше половины состава палаты¹⁶. Правящей партии удалось в 1976 г. сохранить свое большинство в нижней палате, необходимое для формирования однопартийного правительства, лишь после присоединения к ее депутатской фракции ряда «независимых» депутатов.

В течение ряда лет голоса избирателей, разочаровавшихся в ЛДП, перехватывали ПДС и Комэйто — центристские, или «промежуточные», партии, провозгласившие основой своей политики «средний путь» между правым и левым курсом или, в более широком плане, между капитализмом и социализмом. Они в немалой степени были обязаны ростом своего влияния во второй половине 60-х — первой половине 70-х годов именно массовому отходу от ЛДП ее прежних сторонников. Однако этот процесс развивался неровно, периоды роста влияния партий «среднего пути» сменялись периодами его падения. Эти перепады от-

¹⁶ См.: Нихон токэй нэнкан 1979 (Японский статистический ежегодник). Токно, 1979, с. 638.

ражали колебания мелкобуржуазных масс, на которые в значительной степени опираются Комэйто и ПДС. К тому же ни ПДС, ни Комэйто не предлагали и не могли предложить действительно позитивной альтернативы политике ЛДП. Не всегда партии «среднего пути» справлялись со своей основной задачей — удержать под своим влиянием массу избирателей, недовольных политикой ЛДП, и не допустить их перехода на позиции левых партий.

В первой половине 70-х годов значительно укрепила свои позиции и влияние в массах Компартия Японии, превратившаяся в крупную силу, последовательно выступающую против монополистического капитала и выражающей его интересы правящей партии. К XIII съезду КПЯ (ноябрь 1973 г.) тираж ее печатного органа, ежедневной газеты «Акахата», был доведен до 600 тыс. экземпляров, а ее воскресного выпуска — до 2,2 млн. экземпляров. Масса читателей «Акахаты», с которыми партия стремится поддерживать постоянный контакт, в определенной степени служит для нее такой базой, какой для СПЯ является Сохё, для ПДС — Домэй, а для Комэйто — «Сока гаккай». Важным преимуществом КПЯ перед другими оппозиционными партиями было то, что она выдвигала широкую программу решения наиболее актуальных проблем внешней и внутренней политики страны, противопоставив эту программу политике правительства, служащей прежде всего интересам монополистического капитала.

К середине 70-х годов на внутривнутриполитической арене Японии сложилась ситуация, при которой ни одна из существовавших тогда четырех оппозиционных партий не была в состоянии соперничать с ЛДП в борьбе за власть, начавшую ускользать из рук правящей партии. Диалектика развития многопартийной системы закономерно подводила к необходимости усиления сотрудничества оппозиционных партий, объединения их усилий в борьбе против правительства монополий.

Эта тенденция в полной мере соответствовала объективным процессам, происходившим в социальной структуре японского общества. Сближение в ходе развития государственно-монополистического капитализма интересов рабочего класса и средних слоев города и деревни, подвергающихся гнету монополий, обострение противоречий между этими классами и слоями, с одной стороны, и монополистическим капиталом — с другой, создавали объективные предпосылки для формирования широкого антимонополистического союза. Политической формой такого союза мог бы быть единый фронт демократических сил.

В 70-х годах были выдвинуты три формулы или модели политического блока оппозиционных партий, который мог бы бросить вызов ЛДП. Компартия выдвигала лозунг единого фронта демократических сил, ядром которого были бы совместные действия коммунистов и социалистов. Социалистическая партия выступала за сотрудничество всех оппозиционных партий. ПДС предлагала создать блок оппозиционных партий без участия КПЯ. Комэйто преимущественно колебалась между позициями СПЯ и ПДС. Из-за разногласий между оппозиционными партиями ни одна из перечисленных концепций так и не была претворена в жизнь. Единый фронт не удалось поднять до общенационального уровня.

Партия демократического социализма, категорически отвергавшая всякое сотрудничество с коммунистами, еще в начале 70-х годов выдвинула идею «реорганизации оппозиционных партий», предусматривавшую либо объединение ПДС, Комэйто и СПЯ (или ее правого крыла) в новую партию правореформистского толка, либо образование «трехпартийной коалиции» в том же составе. Социальной базой такой новой партии, которая олицетворяла бы собой «третий путь», были бы городские средние слои, а также часть рабочего класса.

Оба варианта «реорганизации оппозиционных партий» были направлены на изоляцию компартии и на создание в Японии буржуазной двухпартийной системы, то есть в конечном счете на укрепление существующего режима. Эта реорганизация должна была сопровождаться «объединением трудового фронта», то есть фактической ликвидацией Сохё и других профсоюзов, отстаивающих линию классово-борьбы, и созданием нового общенационального профсоюзного объединения на позициях сотрудничества труда и капитала.

Осуществление этих планов было призвано помочь монополистическому капиталу сохранить господствующее влияние на политическую жизнь страны в условиях крупных социальных сдвигов, характеризовавшихся ростом сил рабочего класса, укреплением его связей с другими слоями трудящихся. Однако попытки преобразовать существующую структуру политических партий в целях стабилизации существующего строя в 70-х годах потерпели провал: центристские партии были недостаточно влиятельны для этого, к тому же между ними не всегда существовало единство мнений.

Центристские партии получили неожиданную поддержку в середине 70-х годов с появлением двух новых политических организаций. В 1976 г. группа молодых депутатов вышла из ЛДП в знак протеста против коррупции, усилившейся в рядах правящей партии и выявившейся в связи с разоблачениями скандальных махинаций по делу о взятках американской самолетостроительной компании «Локхид». Подлинной причиной создания Нового либерального клуба (так была названа новая организация, созданная этой группой) было стремление путем политических маневров создать более привлекательную для масс консервативную партию на тот случай, если ЛДП окажется не в состоянии удержать власть в своих руках. НЛК был призван остановить отход от ЛДП разочаровавшихся в ее политике масс, поддержать правящую партию в случае ее серьезного кризиса. Новую партию поддержали «молодые группировки» крупного капитала.

На парламентских выборах 1976 г., через полгода после создания, НЛК получил 2,3 млн. голосов и 17 депутатских мест, сразу же превратившись в заметную политическую силу и заняв место правее центра. Многопартийная система, таким образом, продолжала развиваться, но на этот раз в принципиально новом направлении: если раньше новые политические партии возникали либо путем раскола существующих оппозиционных партий, либо заново, но в секторах «левее ЛДП», то на этот раз новая организация образовалась непосредственно за счет правящей партии, нанеся ей существенный ущерб.

Следующим шагом в сторону многопартийности было образование в 1978 г. вышедшими ранее из СПЯ деятелями ее правого крыла новой группировки — Социал-демократического союза. Эта организация, с самого начала вставшая на правореформнистские позиции, так и осталась «мини-партией», не получив сколько-нибудь заметной массовой поддержки, однако ее создание несколько ослабило позиции СПЯ.

Новый либеральный клуб и Социал-демократический союз дополнили центристскую оппозицию, почти постоянно сотрудничая с партиями «среднего пути», хотя НЛК время от времени оказывал существенную поддержку правящей партии.

Выборы в обе палаты парламента, состоявшиеся в 1977 и в 1979 гг., привели к сокращению до минимума большинства либерал-демократов. В парламенте сложилась небывалая до тех пор ситуация близкого к равенству соотношения сил между правящей партией, с одной стороны, и оппозиционным лагерем — с другой. Для проведения нужных ей законопроектов через парламент ЛДП все чаще вынуждена была прибегать к поддержке центристской оппозиции или хотя бы ее части.

Казалось, либерал-демократы находились накануне утраты политической власти или по меньшей мере своего монопольного положения правящей партии. В оппозиционном лагере, особенно в центристской его части, стали в спешном порядке выдвигаться различные проекты создания коалиционного правительства. Какого-то широкого блока оппозиционных партий создать не удалось, однако в конце 1979 — начале 1980 г. были заключены два соглашения о программе возможного коалиционного правительства: одно между Комэйто и ПДС, другое между Комэйто и СПЯ. Условием соглашения с СПЯ Комэйто поставила отказ социалистов от сотрудничества с компартией, и СПЯ под давлением правых сил приняла это условие. Тем самым была резко ослаблена возможность совместных действий левых сил в критический момент обострения внутривнутриполитической борьбы в начале 80-х годов.

Однако надеждам центристской оппозиции прийти к власти в той или иной форме не суждено было сбыться: в конце 70-х годов начался процесс восстановления позиций ЛДП. Это было результатом действия различных по своему характеру факторов.

Во-первых, правящая партия в целях укрепления своих позиций в городских средних слоях приняла во второй половине 70-х годов ряд мер, направленных на поддержку мелких и средних предприятий, сильно пострадавших от экономического кризиса 1974—1975 гг. По принятому в 1976 г. закону пострадавшим от кризиса мелким и средним предпринимателям предоставлялись льготы в области финансирования, налогообложения, чтобы они могли заняться другими видами деятельности. В 1977 г. был принят закон, ставивший целью ограничить вторжение крупного капитала в сферы деятельности мелкого и среднего бизнеса, а также закон о предотвращении банкротств мелких и средних предприятий. В том же 1977 г. правительство приняло решение увеличить до беспрецедентно высокого уровня — 35,2 % — долю продукции мелких и средних предприятий в государственных закупках¹⁷.

Во-вторых, правительство упорно сохраняет введенную еще в годы второй мировой войны систему государственных закупок производимого крестьянскими хозяйствами риса. Государство гарантирует крестьянам не только покрытие растущих издержек по выращиванию риса, но и определенную прибыль. Оно ежегодно несет огромные расходы на дотацию крестьянам-рисопроизводителям, покрываемые за счет потребителей и налогоплательщиков. Однако правительство сохраняет эту систему, несмотря даже на возражения со стороны крупного бизнеса, заинтересованного в снижении издержек сельскохозяйственного производства, поскольку эта система помогает сохранять поддержку ЛДП значительной частью крестьянства. В этих же целях в 1980 г. был пересмотрен принятый в первые послевоенные годы закон о сельскохозяйственной земле: была разрешена не только денежная, но и натуральная форма аренды.

В-третьих, правительство и правящая партия искусственно сохраняют неравенство избирательных округов по выборам в парламент с точки зрения числа голосов, необходимого для избрания. С помощью этого политического механизма ЛДП удерживает свои позиции в условиях размывания ее важной социальной базы — крестьянства. В результате массового перемещения населения из сельской местности в города сейчас для избрания в парламент от сельского округа необходимо в 2—3 раза меньше голосов, чем в крупных городских агломерациях. Именно это в значительной степени помогает ЛДП сохранять большинство в парламенте без поддержки большинством населения страны. В 1976 г. Верховный суд Японии постановил, что неравенство пред-

¹⁷ См.: Асахи нэнкан 1978 (Ежегодник «Асахи»). Токно, 1978, с. 361—362.

ставительства в парламенте между малонаселенными и перенаселенными избирательными округами неконституционно¹⁸, однако это не изменило существующей практики, поскольку за ней стоят влиятельные интересы правящей партии.

В-четвертых, восстановлению позиций ЛДП способствовала широкая кампания увеличения численности правящей партии в 1977—1978 гг., в результате которой число ее членов увеличилось более чем втрое, превысив 1,5 млн. человек, что более чем вдвое превышало численность всех оппозиционных партий, вместе взятых¹⁹, хотя, безусловно, значительная часть новых членов была взята в ЛДП чисто номинально. В 1979 г. численность ЛДП превысила 3 млн. человек.

В-пятых, в конце 70-х годов правящая партия стала широко прибегать к сотрудничеству с центристской оппозицией, стремясь, с одной стороны, расширить свою базу, а с другой — не допустить совместных действий всей оппозиции. Сотрудничество ЛДП с центристами приняло особенно широкие масштабы в ходе выборов руководителей местной администрации. В 1977—1979 гг. кандидаты, поддерживавшиеся либерал-демократами, победили на выборах губернаторов 34 префектур из 37, в которых эти выборы проводились, и на выборах 268 мэров городов (из 328)²⁰. В большинстве случаев эти же кандидаты поддерживались и центристскими партиями.

В-шестых, необычно широкая апелляция ЛДП к массам способствовала на первых порах привлечению на ее сторону части колеблющихся слоев населения. Эти слои в конце 70-х годов приобрели большое значение в политическом плане. Массовое разочарование политикой ЛДП в предшествующие годы не сопровождалось адекватным усилением влияния оппозиционных партий, а породило аполитичность. Согласно опросам общественного мнения, доля не поддерживающих никакую политическую партию во второй половине 70-х годов колебалась на уровне 30 %, достигнув в мае 1979 г. 31,5 %²¹.

В-седьмых, одним из важных факторов восстановления влияния ЛДП было ослабление напора рабочего класса на устои государственно-монополистического капитализма, вызванное длительным экономическим кризисом и спадом. Именно в период спада, во второй половине 70-х годов, наблюдалось определенное ослабление борьбы японских трудящихся, в том числе и традиционных «весенних наступлений». Если в 1974 г. в Японии был зарегистрирован 9581 конфликт с участием 5325 тыс. человек, то в 1980 г. число трудовых конфликтов уменьшилось до 3737, а число участников — до 1768 тыс. человек²².

Определенный спад борьбы трудящихся произошел в значительной степени под давлением хронической массовой безработицы. С 1975 г. в стране более 1 млн. полностью безработных, с 1976 г. безработица превышает 2 % общей численности рабочей силы²³. Одновременно существует большая частичная безработица (по некоторым оценкам, до 2,5 млн. человек, или 6,5 % рабочей силы)²⁴. Буржуазное государство и монополистический капитал использовали массовую безработицу для давления на рабочий класс и его организации, чтобы сделать их более «сговорчивыми», создать более благоприятный для себя социальный климат в стране. В этом им немалую помощь оказывало правореформист-

¹⁸ In: «Japan Times», September 16, 1978.

¹⁹ Ibid., November 11, 1978.

²⁰ In: «Japan Times», January 23, 1978; «Токио симбун», 28.XII.1978; «Асахи», 2.II.1980.

²¹ См.: «Ёмиури», 10.III.1979.

²² См.: Асахи нэнкан 1982, с. 391.

²³ См.: Родо токэй ёран (Обзор трудовой статистики). Токио, 1981, с. 86.

²⁴ In: «Japan Times», February 6, 1979.

ское крыло профсоюзного движения Японии, продолжавшее происки, направленные на подчинение всех профсоюзов идеологии классового сотрудничества.

Все эти факторы помогли правящей партии не только преодолеть весной 1980 г. острый политический кризис, возникший в результате беспрецедентного вотума недоверия правительству Охира, но и одержать внушительную победу на одновременных выборах в обе палаты парламента в июне того же года. Впервые за ряд лет ЛДП увеличила свое представительство в обеих палатах, получив твердое большинство. Увеличилась и доля избирателей, голосовавших за правящую партию, — до 47,9 %.

События конца 70-х годов показали провал попыток центристов завладеть политической инициативой в период многопартийности и представить коалицию партий «среднего пути» в качестве наилучшего ответа на сложные проблемы, выдвигаемые новой обстановкой. Центристские концепции не получили прочной поддержки в массах, отвергнувших идею «среднего пути». Однако центристам удалось воспрепятствовать единству левых сил, которое было бы единственной альтернативой господству монополий.

Почему же все-таки крупные социальные сдвиги в послевоенной Японии не привели к сдвигам политическим, то есть к формированию нового большинства, опирающегося на рабочий класс и другие трудящиеся массы?

Монополистический капитал, сознавая опасность, грозившую существующему строю, выступал сплоченно на протяжении всего послевоенного периода. «Четверка» высших организаций крупного капитала («Кэйданрэн», «Никкэйрэн», «Кэйдзай доюкай» и «Ниссё») свидетельствует не о расколе монополий на отдельные группировки, а о функциональном «разделении труда», при котором две из этих организаций («Никкэйрэн» и «Ниссё») служат для проведения политики капитала в отношении двух других классов японского общества — пролетариата и мелкой буржуазии. «Четверка» сумела последовательно провести классовые интересы монополий, не допуская чрезмерного обострения конфликтных ситуаций в правящем лагере, неконтролируемого усиления межмонополистической конкуренции. Монополиям удалось добиться единства политических сил, представляющих и выражающих их интересы. Крупный капитал стоял за спиной консолидации консерваторов и был фактически главной движущей силой образования ЛДП.

С другой стороны, не удалось обеспечить единство рядов рабочего класса. Организация рабочих в профсоюзы, достигшая 55,8 % в 1949 г., в 1980 г. составляла немногим больше 30 %²⁵. Организованное профсоюзное движение расколото в течение тридцати с лишним лет, оно представлено четырьмя профсоюзными центрами, проводящими различную политику. Часть профсоюзного движения находится под идейным влиянием капитала, проповедуя идеи классового сотрудничества, спекулирует на стремлении рабочего класса к единству и пытается перевести все профсоюзы на платформу отказа от классовой борьбы. Эти попытки встречают отпор рабочих масс, но продолжают при поддержке со стороны монополий.

Четыре политические партии — КПЯ, СПЯ, ПДС и Комэйто — в той или иной степени опираются на различные слои рабочего класса. Массовая социальная база этих партий в определенной степени совпадает, что служит источником борьбы между ними, затрудняя сотрудничество и единство действий. Даже когда в мае 1980 г. ЛДП в результате внутреннего раздора была на грани утраты политической

²⁵ См.: Нихон кокусэй дзюэ (Данные национальной переписи Японии в таблицах и диаграммах). Токио, 1981, с. 216.

власти, оппозиция оказалась не в состоянии объединить свои усилия, чтобы сформировать собственное правительство.

Борьба между буржуазией и рабочим классом за влияние на средние слои шла с перевесом в пользу капитала. Монополии и ЛДП в целом сохраняют свое влияние на старые средние слои — как в городе, так и особенно в деревне. Значительная часть «новых» средних слоев также попадает под идейно-политическое господство крупного капитала, который противопоставляет эти слои рабочему классу, пытаясь создать стену между ними и не допустить формирования широкого антимонополистического союза. Часть «новых» средних слоев поддерживает ПДС и Комэйто, что послужило одной из причин сдвига этих партий вправо. Вместе с тем в средних слоях ведут активную работу коммунисты, добиваясь заметных успехов.

Крупному капиталу и ЛДП удается через мелких и средних предпринимателей распространять свое влияние на значительную часть неорганизованного слоя рабочего класса (свыше 26 млн. человек), в особенности на занятых на мелких и средних предприятиях.

Либерал-демократы раскололи оппозицию, привлекли к сотрудничеству ее правоцентристскую часть. Фактически это расширило опору существующего режима.

Все эти процессы, однако, не означают длительного укрепления господства монополий. Напротив, начался фактический процесс эрозии власти ЛДП, особенно заметный на местах, где консерваторы в большинстве случаев не в состоянии удержать руководство местной администрацией без помощи центристских партий. Распространение этого процесса на общенациональный уровень, по-видимому, вопрос времени.

Длительное существование однопартийного режима ЛДП в немалой степени объясняется возникновением центристских партий, которые привлекли на свою сторону часть недовольных консервативной политикой и образовали своего рода «буферную зону», амортизировавшую противоборство сил прогресса и реакции. Место центристских партий во внутриполитическом спектре Японии объективно определяется сохранением сравнительно многочисленных средних слоев. Пока значительная часть этих слоев ориентируется на ЛДП, будет сохраняться и ее однопартийное господство, и правый крен у центристских партий.

Такая ориентация средних слоев вызвана тем, что либерал-демократам в течение ряда лет удавалось удовлетворять их интересы, сглаживая внутренние противоречия японского капитализма за счет трудящихся других стран — как развивающихся, так и развитых — с помощью широкой внешнеторговой экспансии. Однако такие возможности для японского монополистического капитала сужаются, что повлечет за собой обострение внутренних экономических и социальных противоречий, а стало быть, и внутриполитической борьбы.

В ходе этой борьбы будет неизбежно возрастать роль и влияние рабочего класса. Быстрый рост численности, расширение состава и усложнение структуры рабочего класса за последнюю четверть века привели к уменьшению его социальной однородности, к усилению влияния мелкобуржуазной идеологии. Сейчас происходит процесс внутренней консолидации рабочего класса, повышения его зрелости. Иначе говоря, если раньше процесс развития рабочего класса шел вширь, то сейчас он идет вглубь, укрепляется классовое сознание. Это неизбежно приведет к более активному воздействию рабочего класса, его политических партий и организаций на дальнейшее политическое развитие страны.

М. Е. Тригубенко

Экономическая стратегия Вьетнама — это стратегия переходного периода, поэтому она отражает общезначимые черты политики, которую проводят страны, вступившие на путь социалистических преобразований общества. Главными из них являются преобразования многоукладной экономики и всей системы общественных отношений, включая идеологию, сознание, культуру, создание политической организации общества на социалистической основе, построение материально-технической базы социализма. Вместе с тем Вьетнаму как слаборазвитой стране приходится решать ряд задач, которые не встают перед странами, прошедшими капиталистическую стадию развития. Специфику определения экономической стратегии КПВ обуславливают сложные исторические условия ее развития. На всем протяжении строительства социализма (сначала в Северном, а после воссоединения страны во всем Вьетнаме) на ход социалистического строительства, методы и формы решения основных проблем переходного периода большое влияние оказывала необходимость отражения агрессии империалистических или гегемонистских сил. Экономическое строительство, социалистические преобразования общества и укрепление обороноспособности страны составляют содержание генеральной линии партии начиная с 1960 г., когда III съезд КПВ определил основные направления социалистического строительства в ДРВ.

Длительное время в стране имело место негативное влияние на социалистическое развитие внутренней контрреволюции, представленной в основном крупной компрадорской буржуазией, прямо или косвенно связанной с международной реакцией и империалистическими кругами.

Прежде чем перейти к изложению социально-экономической стратегии Вьетнама, принятой V съездом КПВ весной 1982 г., важно отметить наличие преемственности ее основных положений, которые нашли отражение в решениях III (1960) и IV (1976) съездов партии.

На всех высших форумах КПВ подчеркивалось, что страна осуществляет непосредственный переход к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. В связи с этим ставились задачи, которые должны решаться в стране, не прошедшей капиталистической фазы развития: замена мелкого, раздробленного производства крупным, социалистическим; осуществление трех революций — в сфере производственных отношений, идеологии и культуры, а также научно-технической революции, при этом приоритет отдавался скорейшей ликвидации отставания Вьетнама в научно-технических областях. К этому кругу проблем относилось осуществление социалистической индустриализации, которая рассматривалась как «центральное звено», или «основная задача», всего переходного периода¹.

¹ См.: III съезд Партии трудящихся Вьетнама. М., 1961, с. 43; IV съезд Коммунистической партии Вьетнама. М., 1977, с. 33, 34, 49, 50; «Няи Зан», 28.III.1982. Определяющим признаком экономики СРВ является мелкотоварный характер производства. IV съезд КПВ указал, что «...страна находится в процессе прямого перехода от общества, в экономике которого преобладает мелкое производство, к социализму» (см.: IV съезд Коммунистической партии Вьетнама, с. 412).

С момента образования ДРВ вьетнамские коммунисты провозгласили курс на развитие всестороннего сотрудничества с братскими социалистическими странами и взаимной помощи. Поэтому в экономической стратегии КПВ интернационализм был выделен как решающий фактор строительства социализма.

Коренным вопросом в экономической стратегии переходного периода является выбор типа народнохозяйственного комплекса, соответствующего экономическим возможностям и целям строительства социалистической экономики. Уже на III съезде КПВ выдвинула задачу создания во Вьетнаме целостного современного народнохозяйственного комплекса с учетом собственных потребностей и международного социалистического разделения труда. Вместе с тем основные направления структурной политики тогда еще не были конкретизированы. В решениях III съезда КПВ указывалась необходимость одновременного развития тяжелой, легкой промышленности и сельского хозяйства, причем тяжелую промышленность предполагалось создавать ускоренно².

Эта общая линия в структурной политике нашла подтверждение и на IV съезде КПВ в 1976 г., который утвердил генеральный курс на строительство социалистического общества в рамках объединенного Вьетнама³. Таким образом, в этих документах еще не был выделен этап до развертывания индустриализации (иначе говоря, подготовительный этап), предшествующий началу массового строительства промышленных объектов.

В Отчетном докладе ЦК КПВ V съезду партии Генеральный секретарь ЦК КПВ Ле Зуан отметил: «Нами в недостаточной мере были оценены сложность продвижения к социализму в условиях преобладания мелкого производства, масштабность больших экономических и социальных изменений, происшедших в стране после продолжительной войны»⁴.

Послевоенная обстановка, крайне сложный круг проблем, связанных с воссоединением Севера и Юга, где длительное время формировались противоположные общественно-политические системы, и с преодолением последствий неокolonизма на Юге, диктовали длительные сроки восстановления народного хозяйства. Велики были материальный ущерб, нанесенный войной, последствия деятельности антисоциалистических элементов в экономической и политической областях на Юге, а также других негативных факторов, возникших в военные годы и несколько ослабивших позиции социалистического сектора. Сказывалась неспособность системы управления, сложившейся преимущественно в военные годы, быстро приспособиться к новым условиям развития Вьетнама. В целом вопрос о длительности, интенсивности социалистических преобразований в расширительном понимании включает экономические и социальные аспекты, его успешное решение во многом зависит от правильного понимания конкретно-исторической обстановки в стране.

Сложным явилось после государственного воссоединения Вьетнама решение основного вопроса переходного периода, в основу которого был положен опыт социалистических преобразований в экономике ДРВ⁵.

² См.: III съезд Партии трудящихся Вьетнама, с. 80.

³ См.: IV съезд КПВ, с. 49.

⁴ «Нян Зан», 28.III.1982.

⁵ IV съезд КПВ призвал начать преобразования многоукладной экономики южных районов Вьетнама сразу же после воссоединения и в основном завершить их в течение пяти лет (с 1976 по 1980 г.). Решение IV съезда КПВ перекликается с решением III съезда, который также выдвигал задачу завершить преобразования в течение первого пятилетнего плана (1961—1965), которая была реализована, хотя и не до конца, поскольку в 1975 г. в социалистическом секторе производилось 84 % национального дохода ДРВ. — См.: III съезд Партии трудящихся Вьетнама, с. 80; «Нян Зан», 11.XII.1980.

Вместе с тем расстановка классовых сил, позиции отдельных классов в южновьетнамской экономике отличались от ДРВ ко времени революционных преобразований, о чем схематично дают представление следующие данные:

Северный Вьетнам
(1954—1955 гг.)

Южный Вьетнам
(1975—1976 гг.)

Крестьянство

В основном преобладали бедняки, господствовал натуральный тип хозяйства.

В основном преобладали крепкие середняки. Имелся помещичий класс. Сильны позиции кулачества. В сельском хозяйстве развивался товарный тип производства.

II. Частный сектор в промышленности и торговле

В промышленности преобладали кустари и ремесленники. Имелось значительное число мелких торговцев.

Капиталистическая фабрично-заводская промышленность и капиталистическая торговля были почти не развиты. Иностранный капитал практически отсутствовал.

Значительное влияние на экономику (оптовая торговля, промышленность, транспорт, финансы и кредит, закупки сельхозпродукции) оказывала крупная compradorская буржуазия, сотрудничающая с иностранными фирмами (Гонконга, Сингапура, Тайваня, США, Японии, Франции и пр.), имевшими свои многочисленные филиалы в Южном Вьетнаме. В промышленности и торговле получил развитие национальный капитал. Имелось огромное количество мелких торговцев, в том числе китайской национальности.

В силу указанных различий Южный Вьетнам не был «отсталым аграрным районом», каким являлась, по формулировке III съезда партии, ДРВ. В Сайгонской зоне, в примыкающих к ней районах дельты реки Меконг получил некоторое развитие капитализм, начал складываться товарный тип производства. Поэтому само содержание термина «многоукладная экономика», формы и методы ее преобразования нуждались в конкретизации применительно к южным районам Вьетнама сегодняшнего дня.

В годы второго пятилетнего плана (1976—1980) развернулись преобразования на Юге, хотя степень их интенсивности была различной в Центральных (Чунгбо) и Южных (Намбо) районах. В Центральном Вьетнаме частнокапиталистических предприятий было и осталось немного. Там почти закончено кооперирование крестьян и более 50 % кустарей. Иная картина в Южном Вьетнаме. В социалистический сектор сельского хозяйства вовлечено лишь 7 % обрабатываемых земель и 10 % крестьянских дворов, охваченных в основном низшей формой кооперирования⁶. До конца не преобразован частнокапиталистический сектор в промышленности и не ликвидирована капиталистическая торговля. К началу 1979 г. в Южном Вьетнаме 1,5 тыс. частнокапиталистических предприятий были преобразованы в 650 государственных и смешанных государственно-частных предприятий с числом занятых 130 тыс. человек. Общая стоимость валовой продукции этих предприятий достиг-

⁶ См.: «Нгиен кыу кинь те», 1981, № 122, с. 28.

ла в тот период почти 70 % всей стоимости промышленной продукции Юга⁷.

В целом по стране доля социалистического сектора в создании национального дохода в 1980 г. составила 49,2 %, а в основной отрасли экономики — сельском хозяйстве, производящем 40 % национального дохода и использующем 75 % трудовых ресурсов, — достигла в том же году 53,4 % (из них 35,2 % непосредственно в кооперативном секторе и 18,2 % — в подсобных хозяйствах членов сельхозкооперации)⁸. Таким образом, в СРВ основной вопрос переходного периода еще не решен.

V съезд КПВ определил, что сроки социалистических преобразований на Юге должны охватить 80-е годы. Наиболее сложным остается вопрос об отношении к южновьетнамскому крестьянству. В течение 1981—1985 гг. должен в основном завершиться перевод крестьянских хозяйств южных провинций на коллективные формы ведения хозяйства. Крестьяне будут преимущественно вовлекаться в низшие формы кооперирования, какой является производственная бригада. Признается важность развития потребительских и кредитных кооперативов на селе.

Определена политика в отношении кустарного производства. V съезд КПВ признал более правильным развивать две формы труда — коллективную и единоличную. Была подчеркнута необходимость постепенного перевода мелких торговцев в сферу производства и другие отрасли обслуживания.

Относительно капиталистического сектора съездом была дана директива использовать частнокапиталистическую промышленность и одновременно преобразовать ее через различные формы смешанных государственно-частных предприятий, окончательно ликвидировать капиталистическую торговлю. В целом V съезд КПВ признал необходимость сохранения многоукладной экономики Вьетнама в течение определенного периода. Как сказано в Отчетном докладе ЦК КПВ, «в северной части страны некоторое время будут существовать три сектора экономики: государственный, коллективный и индивидуальный; в южновьетнамских провинциях — пять: государственный, кооперативный, индивидуальный, государственно-частный и частнокапиталистический»⁹.

В стратегическом плане признание КПВ правомерности сосуществования и взаимодействия различных форм хозяйствования при укреплении позиций государственного сектора на начальном этапе переходного периода, каким являются, по определению V съезда КПВ, 80-е годы, соответствует ленинским принципам. Успешная реализация этой политики зависит от возможности государства управлять госсектором, развивать и укреплять его, от выработки гибких форм отношений с частным сектором. В этом неocenимую помощь может оказать использование исторического опыта перехода к социализму СССР, других социалистических стран с учетом специфики Вьетнама.

V съезд КПВ подвел итоги развития экономики СРВ в период выполнения пятилетнего плана (1976—1980), основные направления и задачи которого были утверждены на IV съезде. Отмечалось, что восстановлены почти все объекты в сельском хозяйстве, промышленности, на транспорте, средства коммуникации. Были предприняты первые шаги по перераспределению общественных трудовых ресурсов. Хотя имело место сокращение объема производства в ряде отраслей промышленности, к 1980 г. возросли производственные мощности. Так, мощности по производству электроэнергии возросли на 100 тыс. кВт, угля — на 2 млн. т, цемента — на 500 тыс. т. Было восстановлено и вновь построено 1,7 тыс. км железных и 3,8 тыс. км шоссейных дорог; построены мосты

⁷ См.: «Вопросы экономики», 1982, № 5, с. 126.

⁸ См.: «Нян Зан», 11 и 13.III.1980; Статистические данные Социалистической Республики Вьетнам, 1979. Ханой, 1980, с. 15—18.

⁹ «Нян Зан», 28.III.1982.

общей протяженностью 30 км и морские причалы — 4 км. Объем основных производственных фондов в народном хозяйстве возрос (в стоимостном выражении) в 1980 г. на 10,2 млрд. донгов.

Наряду с этим, как отмечалось тов. Ле Зуаном в Отчетном докладе, не удалось уменьшить несбалансированность отраслей; рост народонаселения превышает темпы роста производства; не созданы собственные источники накопления; остается напряженным положение в энергетике и на транспорте; наблюдается нехватка продовольствия, тканей, других товаров народного потребления. Уровень жизни трудящихся, особенно рабочих и служащих, занятых в госсекторе, остается низким. Число не устроенных на работу лиц еще значительно. Отсутствует стабильность рынка и цен, нет сбалансированности между доходами и расходами, товарной массой и денежными фондами, между экспортом и импортом.

Среди причин тяжелого экономического положения СРВ выделялись как объективные (последствия войн, неокolonнализма, неблагоприятных перемен в международном положении, стихийных бедствий), так и субъективные факторы, связанные с «трудностями при изживании слабостей в управлении экономикой и составом». «Мы проявили субъективизм и скоропалительность при составлении планов с высокими показателями, превосходящими по масштабности наши возможности, в темпах капитального строительства и развития производства, особенно на начальной стадии», — отмечал в Отчетном докладе тов. Ле Зуан¹⁰.

На крупномасштабное строительство в промышленности была вложена значительная доля средств, однако планы капитального строительства не всегда опирались на наличие необходимых ресурсов, квалифицированной рабочей силы, на что обратил внимание тов. Ле Зуан: «Планирование и развертывание ряда строек велось без надлежащего изучения документации и тщательной подготовки»¹¹.

V съезд КПВ констатировал, что опыт прошедшей пятилетки подтвердил необходимость конкретизации курса партии в разработке экономической стратегии на «начальной стадии социалистической индустриализации». Временные рамки «начальной стадии индустриализации» охватывают, по определению съезда, текущее десятилетие, то есть весь период 80-х годов. Съезду наметил основные цели и направления социально-экономической стратегии этого этапа переходного периода, которые состоят в следующем:

1. Удовлетворять самые насущные, первоочередные потребности народа, поэтапно улучшать материальные и культурные условия его жизни, в первую очередь решить продовольственный вопрос.

2. Продолжить создание материально-технической базы социализма, главным образом в целях ускоренного развития сельского хозяйства, товаров широкого потребления и экспортных товаров, создавать условия для более мощного развития тяжелой промышленности в последующие годы.

3. Завершить социалистические преобразования в южных провинциях, продолжить процесс совершенствования социалистических производственных отношений в северной части страны, укреплять социалистические производственные отношения по всей стране.

4. Укреплять обороноспособность, сохранять политическую безопасность и общественный порядок.

Новое в экономической стратегии КПВ, таким образом, состоит в том, что на V съезде был выделен предэтап до развертывания индустриализации, определены отраслевые приоритеты. Упор сделан на традиционные, более развитые и обеспеченные ресурсами и рабочей силой отрасли экономики. Определена основная задача ближайшего периода:

¹⁰ «Нян Зан», 28.III.1982.

¹¹ Там же.

решить продовольственную проблему, в целом улучшить материальные условия жизни народа. Повышена роль крестьянства, мелкого производства и частного сектора в экономическом строительстве. Подтвержден курс на рациональное сочетание и развитие централизованных плановых начал в управлении и товарно-денежных отношений.

V съезд КПВ утвердил линию в хозяйственной политике, касающуюся более тесного сочетания экономических и социальных интересов, поставил задачу удовлетворения насущных материальных и культурных нужд народа, повышения роли трудящихся в управлении экономикой и обществом в качестве главного направления деятельности партии.

С учетом опыта минувшей пятилетки и перехода к более взвешенной структурной политике пятилетний план развития экономики СРВ на 1981—1985 гг., основные направления и задачи которого утвердил V съезд КПВ, является планом относительно низких темпов экономического роста: среднегодовой темп прироста национального дохода и валовой промышленной продукции составит за пятилетие 4,5—5 %, валовой продукции сельского хозяйства — 6—7 %. Капитальные вложения в целом по народному хозяйству определены на пятилетие в размере 16—18 млрд. донгов, то есть на уровне затрат за прошедшее пятилетие. Предполагается снизить среднегодовой прирост населения с 2,4 % в 1981 г. до 1,7 % в 1985 г.¹²

Как было отмечено в докладе члена Политбюро ЦК КПВ, Председателя Совета Министров СРВ Фам Ван Донга «Основные направления, цели и задачи социально-экономического развития СРВ на 1981—1985 гг. и до конца 80-х годов» V съезду КПВ, «производство продовольствия и продуктов питания является основной и первостепенной задачей для стабилизации и улучшения уровня жизни народа, развития экономики и укрепления обороны»¹³. Планируется довести среднегодовой сбор зерна в 1981—1985 гг. до 17 млн. т (в пересчете на неочищенный рис), что на 3,6 млн. т больше среднегодового производства в период с 1976 по 1980 г., производство продовольствия составит в 1985 г. 19—20 млн. т (в пересчете на рис), что на 32 % больше, чем в 1980 г. Государственные закупки зерна составят к концу планового периода 3,5 млн. т.

Партия определила основные пути резкого увеличения производства зерна в нынешнем пятилетии: прежде всего путем более производительного использования сельхозугодий, повышения интенсивности крестьянского труда. Предполагается реконструировать ирригационную систему и начать массовое строительство малых ирригационных объектов, поднять уровень агротехники, применять высокоурожайные сорта риса, шире внедрять достижения науки и техники в сельскохозяйственное производство, расширить применение минеральных удобрений. Предполагается полностью освоить введенный в севооборот в предыдущее пятилетие пахотный клин площадью 600 тыс. га, а также продолжить освоение целинных земель путем строительства новых экономических районов. Намечено поднять производство других продовольственных культур: кукурузы, батата, маниоки, сорго, чтобы довести к 1985 г. уровень их производства до 3,5 млн. т против 1,6 млн. т, собранных в 1976 г., а удельный вес в зерновом балансе — до 18—20 %. Каждая провинция и сельскохозяйственный район должны установить баланс производства и потребления продуктов питания с учетом сложившейся структуры и условиями развития. Разрешается плановое перераспределение продовольствия между районами страны.

¹² См.: «Нян Зап», 30.III.1982.

¹³ Статистические данные Социалистической Республики Вьетнам, 1979. Ханой, 1980, с. 60.

Совет Министров СРВ принял летом 1982 г. постановление о мерах по решению продовольственной проблемы, одним из важнейших вопросов которого является всемерное расширение заготовок зерна (до весны 1983 г. намечено заготовить от 2,8 до 3 млн. т продовольствия в пересчете на рис, тогда как в 1981 г. было закуплено 2,5 млн. т, что было выше уровня всех предыдущих лет). Общее производство зерна должно составить в 1982 г. 16 млн. т против 14 млн. т, собранных в 1980 г., и 15 млн. т — в 1981 г.¹⁴

Таким образом, уже в этом пятилетии планируется решить в основном продовольственную проблему и отказаться в дальнейшем от закупки зерна за границей, чтобы направить валютные средства на выполнение задачи создания собственных накоплений, необходимых для осуществления социалистической индустриализации. Признано важным развивать меры материального стимулирования, совершенствовать систему организации и оплаты труда в сельскохозяйственных и производственных кооперативах, государственную систему закупок продовольствия по хозяйственным, систему контрактных цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию.

В последнее время получила распространение практика организации и оплаты труда в кооперативах или госхозах по конечным результатам в рамках так называемого семейного подряда, по которой вся или большая часть продукции, произведенной сверх плана, поступает в личное распоряжение крестьянской семьи, взявшей подряд. Таким образом, оплата труда крестьян находится в более тесной зависимости от количества и качества произведенной каждой семьей продукции. По новой системе специализированные производственные бригады СХПК или госхоза выполняют работы, связанные с пахотой, мелиорацией, выращиванием рисовой рассады, а крестьянская семья на отведенном участке, применяя удобрения, сельхозтехнику или тягловую силу, осуществляет посев, обработку и уборку урожая риса, других продовольственных или технических культур. Тягловый скот, принадлежащий СХПК, закреплен за отдельными семьями¹⁵. На новую систему организации и оплаты труда по конечным результатам к августу 1982 г. перешло более 70 % СХПК и госхозов, а производительность труда в сельском хозяйстве повысилась после ее внедрения на 30 %¹⁶.

По мнению вьетнамского руководства¹⁷, переход большинства кооперативов и госхозов на новую систему организации и оплаты труда затронул всю систему управления, он был вызван объективными условиями развития сельского хозяйства. При этом учитываются и некоторые негативные явления новой системы: возможность увеличения различий в уровне доходов крестьян, кооперативов, отдельных узлов и провинций. КПВ подчеркивает, что следует всемерно изучать новый опыт, избегать механического копирования, выделить общезначимые положительные моменты, изучить негативные. Государство должно продолжить курс на всемерное снабжение сельского хозяйства материально-техническими средствами, совершенствовать систему управления сельским хозяйством, социалистической торговли на селе. Более полно, указывает руководство КПВ, должны соблюдаться в кооперативах принципы трех интересов: личного, коллективного и общественного (государственного) для стимулирования внедрения в сельское хозяйство современных агротехнических средств. Вьетнамское руководство считает, что новая система управления рассчитана на длительный период, до полной механизации сельскохозяйственного производства.

¹⁴ См.: «Нян Зан», 5.VI.1982, 21.XII.1981.

¹⁵ См. там же, 9.VI.1982.

¹⁶ См. там же, 10.II, и 13.VIII.1982.

¹⁷ См.: Ле Дык Тхо. Развивать новые факторы, совершенствовать новый механизм управления в сельскохозяйственных кооперативах. — «Нян Зан», 4.IX.1982.

Наряду с решением продовольственной проблемы в сельском хозяйстве всемерно стимулируется развитие производства экспортной продукции, прежде всего технических культур: кофе, чая, натурального каучука, сои. В 1985 г. посевные площади под гевеей должны составить 150—160 тыс. га, кофе — 30—40 тыс. га, чаем — 60—70 тыс. га¹⁸. Указано на необходимость развивать животноводство путем рационального сочетания государственной, кооперативной и личной собственности, поощрять и стимулировать выращивание скота в семьях членов кооперативов. В целом к 1985 г. планируется довести поголовье свиней до 13 млн. голов, численность домашней птицы — до 100 млн. единиц¹⁹ против 9,2 млн. голов и 88,2 млн. единиц соответственно в 1976 г.

В политике отраслевых приоритетов на 1981—1985 гг. и на более отдаленную перспективу выделены лесное хозяйство и рыбная промышленность как традиционные отрасли вьетнамской экономики.

Ставится задача более полной увязки развития лесного хозяйства с сельским хозяйством и промышленностью, рационального использования лесных ресурсов, занимающих 15 млн. га. В 1981—1985 гг. предполагается осуществить лесопосадки на площади около 300 тыс. га. Большое внимание уделено переработке древесины для внутренних нужд и на экспорт, общий объем производства круглого леса составит за пятилетие 8 млн. м³. В рыбной промышленности производство морепродуктов и продукции прудового хозяйства составит в 1985 г. около 700 тыс. т, в том числе 470—500 тыс. т морской рыбы (рост на 25 % к 1980 г.), увеличится производство рыбного соуса.

Среди отраслей, призванных решить насущные проблемы, связанные с повышением жизненного уровня населения, созданием экспортных ресурсов, важное место отведено производству товаров потребления, особенно развитию кустарной и местной промышленности.

Указывается на необходимость проведения комплексной политики для полного использования имеющихся производственных мощностей и резервов легкой, пищевой промышленности, включая промышленность местного и центрального подчинения, для расширения деятельности мелкой и кустарной промышленности в городской и сельской местности. КПВ считает, что следует обеспечить взаимосвязь и пропорциональность между государственным, кооперативным и единоличным производством потребительских товаров. Особенно большое внимание будет уделяться производству товаров потребления в Ханое, Хошимине, Хайфоне, Дананге.

КПВ ставит задачу расширять экспортно-импортные операции и производственное сотрудничество с другими странами, использовать экономические рычаги и стимулы для ускорения развития производства потребительских товаров, особенно товаров мелкой и кустарной промышленности, развивая как традиционные, так и новые виды производства.

Курс на всемерное развитие сельского хозяйства, кустарной и местной промышленности позволяет решить важную социальную проблему — более полного использования трудовых ресурсов, которые в силу высоких темпов прироста населения ежегодно возрастают на 1 млн. человек. В предыдущем пятилетии было трудоустроено 6 млн. человек²⁰.

Перенесение центра тяжести в экономической политике на отрасли, более полно обеспеченные рабочей силой, сырьевыми ресурсами и имеющие давние традиции развития, не означает, что в текущем пятилетии не будет создаваться база индустриального развития Вьетнама. Новый подход к перспективам развития промышленности состоит в том, что

¹⁸ См.: «Нян Зан», 30.III.1982.

¹⁹ См. там же; Статистические данные Социалистической Республики Вьетнам, с. 74.

²⁰ См. там же, 21.XII.1981.

цели ее развития, отраслевая структура и структура капиталовложений в эту отрасль полнее учитывают необходимость создания агропромышленного комплекса, материального обеспечения экспортной направленности экономической стратегии. Всемирное внимание уже в этом пятилетии уделено таким базовым отраслям, как топливно-энергетическая промышленность, транспорт. Было признано целесообразным сократить объем строительства в тяжелой промышленности, кроме строительства наиболее важных объектов, имеющих народнохозяйственное значение²¹.

В энергетике основные средства направлены на строительство ТЭС «Фалай» мощностью 640 тыс. кВт и ГЭС на реке Черной (Да) мощностью 1920 тыс. кВт. V съезд поставил задачу разработать комплексный план развития энергетики на 15—20 лет. В 1985 г. должно быть произведено 5,5—6 млрд. кВт·ч электроэнергии, рост к 1980 г. на 51 %. В угольной промышленности будут созданы мощности по производству в следующем пятилетии (1986—1990) дополнительно 5 млн. т угля, а производство угля к концу текущей пятилетки должно быть доведено до 8—9 млн. т, или на 54 % выше, чем в 1980 г. Важный вклад в решение топливно-энергетической проблемы внесет разработка нефте-газовых месторождений Вьетнама. В 1981 г. СССР и СРВ подписали соглашение об учреждении совместного предприятия по разведке и добыче нефти и газа на континентальном шельфе в Южном Вьетнаме. Уже согласованы многие сложные вопросы взаимодействия на этом объекте.

Создание собственной строительной индустрии поставлено в один ряд с топливно-энергетическими отраслями промышленности. В текущем пятилетии планируется завершить строительство цементных заводов в Бимшоне, Хатнене, Хоангхате, расширить мощности цементного завода в Хайфоне, наладить производство стройматериалов на местах.

Развитие очень многих энергоемких, металлоемких отраслей вьетнамской индустрии, в том числе носителей научно-технического прогресса, таких, как черная и цветная металлургия, химическое производство, многоотраслевое машиностроение, сдерживается острой нехваткой энергии, топлива, сырья и материалов. Хотя Вьетнам намерен создавать целостный народнохозяйственный комплекс, в текущей пятилетке развитие указанных отраслей индустрии связано с общей генеральной линией на нормализацию, достижение роста и повышение эффективности экономики.

Планируется увеличение объема производства фосфорных удобрений до 350—400 тыс. т на базе разработки крупнейших залежей апатитов в районе Лаокая (до 1 млрд. т) и расширения завода в Ламтхао мощностью до 300 тыс. т суперфосфата и 120 тыс. т серной кислоты в год²². V съезд указал также на необходимость увеличения мощностей по производству автомобильных и велосипедных шин, резины для технических нужд, соды и некоторых других продуктов химической промышленности.

В 1981—1985 гг. машиностроение будет специализироваться по ограниченному набору отраслей и производств. Это в основном производство несложной техники для сельского хозяйства, оборудования для производства промышленных товаров массового спроса, в том числе по переработке продовольственных культур, а также оборудования для сахарных заводов. Будет продолжено производство электротехники, электродвигателей, шахтного оборудования, транспортных средств средней и малой мощности.

Долговременный курс на создание крупного социалистического производства неразрывно связан не только с фундаментальными, коренными перестройками экономической структуры, преобразованном общест-

²¹ См.: «Нян Зан», 2.XII.1981; 28, 30.III.1982.

²² См.: Социалистическая Республика Вьетнам. Социально-экономические проблемы. М., 1982, с. 165, 170.

венных отношений на социалистической основе, но и с такими качественными параметрами реального обобществления основных средств производства и создания социалистического строя в СРВ, как осуществление научно-технического прогресса и формирование новой системы хозяйственного управления. Как было подчеркнуто в Отчетном докладе тов. Ле Зуана, «научно-технический прогресс должен стать главной составной частью социально-экономических планов во всех отраслях и на всех уровнях. Необходимо должным образом использовать научно-техническое сотрудничество с Советским Союзом и другими братскими странами, а также получаемую от них в этой области помощь»²³. На V съезде была подтверждена решимость развивать и усиливать плано-вые начала в управлении народным хозяйством, устанавливать хозрасчетные отношения на предприятиях госсектора, продолжить обновление и совершенствование аппарата управления. Съезд указал на необходимость более полно учитывать действие закона стоимости в условиях переходного периода, роль товарно-денежных отношений, правильно сочетать хозрасчетные социалистические отношения с развитием социалистического предпринимательства. Постепенно будет формироваться новый социалистический порядок в области распределения и обращения, чтобы стабилизировать и повысить материальный уровень жизни населения. Для этого разрабатывается комплекс мер по стабилизации финансово-денежной системы, пресечению инфляционных процессов; усилено внимание к совершенствованию действующей системы цен в социалистической торговле и системы заработной платы. Как отмечает тов. Ле Зуан, ценный опыт Советского Союза помогает Вьетнаму повышать эффективность управления во всех сферах народного хозяйства.

На V съезде вьетнамских коммунистов были определены главные направления внешнеэкономической политики — расширение и укрепление всестороннего сотрудничества с Советским Союзом, развитие сотрудничества с другими странами — членами СЭВ в соответствии с социалистической экономической интеграцией, активное участие в международном разделении труда, специализации и кооперации производства в ряде отраслей экономики; расширение отношений всестороннего сотрудничества и взаимопомощи между Вьетнамом, Лаосом и Кампучией в целях развития экономического потенциала каждой из трех стран. Вместе с тем Вьетнам готов расширять внешнеэкономические связи со странами, не входящими в мировую систему социализма.

Получила дальнейшую конкретизацию экспортная политика. Особое внимание придается расширению производства на экспорт продукции тропического сельского хозяйства, в том числе продукции земледелия, животноводства и лесного хозяйства, производству морепродуктов, некоторых видов товаров широкого потребления, горнорудной продукции и продукции ряда других отраслей тяжелой промышленности.

Экспортная политика направлена на создание резервов для внутренних накоплений, она должна способствовать индустриализации страны. V съезд КПВ призвал осуществлять экономию в потреблении продукции, производимой СРВ, особенно для расширения экспорта. Тов. Ле Зуан подчеркнул в Отчетном докладе, что наряду с этим должны искореняться изживенческие настроения в отношении помощи извне, следует повышать эффективность использования экономической помощи Советского Союза и других стран социализма, добиваться завоевания Вьетнамом авторитета в международном экономическом сотрудничестве. В 1981—1985 гг. планируется увеличить экспорт в два раза по сравнению с уровнем 1976—1980 гг.²⁵

²³ «Правда», 28.III.1982.

²⁴ См. там же, 2.III.1982.

²⁵ См.: «Нян Зан», 30.III.1982.

80-е годы станут периодом согласования долгосрочной экономической политики братских стран, что позволит им перейти к более тесному взаимодействию текущих и перспективных целей экономического развития, более полному их согласованию с направлениями и формами торгово-экономического сотрудничества. Как отмечалось в речи члена Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева, главы делегации Коммунистической партии Советского Союза на V съезде КПВ, «совместных хозяйственных дел у нас уже намечено много — и в промышленности, и в транспорте, и в сельском хозяйстве. Это обязывает нас постоянно заботиться о повышении эффективности сотрудничества, его, как говорится, 100-процентной отдаче. Это очень важно для успешного выполнения созидательных задач, которые наши партии ставят на текущую пятилетку и в целом на 80-е годы»²⁶. В настоящее время накоплен значительный опыт советско-вьетнамского сотрудничества, позволяющий по-новому, с более высокой отдачей решать совместные проблемы, в том числе задачу усиления взаимодействия экономики СССР с экономикой СРВ.

²⁶ «Правда», 29.III.1982.

Японо-американские отношения: старые проблемы, новые тенденции

*Н. Н. Николаев,
А. Н. Александров*

О тношения с США неизменно находятся в центре внимания правящих кругов Японии, являются доминирующим направлением во внешней политике этой страны.

В последние годы, особенно после прихода к власти в Вашингтоне администрации Р. Рейгана, японо-американские отношения вступают в новую фазу своего развития, многие отличительные черты которой начали формироваться в 70-е годы. Этот период характеризовался как вспышками кризисных явлений, так и поисками компромиссов, что в целом отражало процесс приспособления американо-японского союза к новым реалиям расстановки сил на международной арене и внутривнутриполитической обстановке в обеих странах. Причем японский партнер играл в этом процессе инициативную роль, заставляя Вашингтон не только на словах, но и на деле шаг за шагом идти все дальше по пути признания возросших политических, экономических, а также в определенной степени и военных возможностей Японии. На фоне ослабления глобальных стратегических позиций США в 70-е годы это привело к увеличению удельного веса японской стороны в двустороннем союзе.

Проведение регулярных консультаций с японской стороной на разных уровнях, в том числе и на самом высоком, по актуальным международным проблемам, и особенно относительно положения в Азиатско-Тихоокеанском регионе, привлечение Японии к совместной с крупными западноевропейскими странами разработке и проведению внешнеполитической и экономической стратегии, стремление решать взаимные острые торгово-экономические проблемы путем переговоров, не затрагивая существующего военно-политического союза, активизация усилий, направленных на принятие Японией больших обязательств в сфере военного сотрудничества, — все это свидетельствует не просто о признании возросших возможностей Японии в мировых делах, но и о том, что Вашингтон вынужден все более учитывать их в двусторонних отношениях, приспособляясь к одним из них и стремясь использовать в своих интересах другие.

Процесс выравнивания отношений в американо-японском союзе далек от завершения. США по-прежнему играют ведущую роль, однако качественные сдвиги налицо.

Характерной особенностью изменения соотношения сил в американо-японском союзе является то, что укрепление позиций Токио не приводит к развитию самостоятельного, без постоянной оглядки на США, внешнеполитического курса Японии. События последних лет показывают, что Токио в нынешней ситуации проводит курс на активную поддержку Вашингтона на международной арене. Это объясняется в первую очередь укреплением японо-американского союза на рубеже 80-х годов в результате действий, предпринятых обеими сторонами.

В 70-е годы, не говоря уже о более раннем периоде, Вашингтон нередко забывал о том, что его отношения с Токио являются, как это подчеркивалось во всех американских внешнеполитических документах и официальных заявлениях руководителей Белого дома, краеугольным камнем азиатской политики США. В своей практической деятельности

американская дипломатия нередко не только игнорировала мнение своего дальневосточного союзника, но и действовала вопреки его интересам. Наиболее открыто это проявилось в период пребывания у власти президента Р. Никсона, когда экономические меры антияпонского содержания были подкреплены и некоторыми внешнеполитическими акциями такого же характера.

В ответ Токио предпринял шаги, которые хотя и носили осторожный характер, тем не менее показывали, что в подобной ситуации японскому правительству не остается ничего другого, как приступить к осуществлению внешнеполитических инициатив по острым международным проблемам без согласования их с Белым домом и даже в некоторых случаях вразрез с его внешнеполитическим курсом. Именно такой характер носила внешнеполитическая деятельность правительства К. Такаки, которое без консультаций с Вашингтоном установило дипломатические отношения с КНР, начало разработку собственного курса в отношении арабских стран, установило дипломатические отношения с СРВ, МНР, ГДР, предприняло шаги к развитию отношений с СССР. Появились даже высказывания, в том числе руководителей правящей Либерально-демократической партии, о возможности если не отказа от японо-американского договора о взаимном сотрудничестве и гарантии безопасности, то о его пересмотре, включая вывод американских войск с территории Японии.

Развитие подобной тенденции обеспокоило США.

После поражения во Вьетнаме и ухода из Индокитая Вашингтон пытался определить наиболее выгодный для США курс в Азиатско-Тихоокеанском регионе в соответствии с новой расстановкой сил и уменьшившимися американскими возможностями. Расчеты на усиленные позиции и активизацию политики США в этом регионе после нормализации отношений с КНР во многом не оправдались. Несмотря на начавшиеся при президенте Картере контакты США с АСЕАН, Вашингтон так и не смог разработать последовательный курс в отношении этой организации в целом и стран, входящих в нее в отдельности. В то же время с учетом возросших экономических и внешнеполитических возможностей Японии усилилась заинтересованность США в более активном вовлечении Токио в разработку и проведение совместно с другими развитыми капиталистическими странами общей стратегии, направленной на укрепление заметно пошатнувшихся позиций западного мира.

В связи с этим уже при президенте Дж. Форде в американскую политику в отношении Японии были внесены определенные коррективы в плане подтягивания отношений с этой страной до уровня взаимоотношений с западноевропейскими союзниками. Во времена президентства Дж. Картера этот курс довольно последовательно претворялся в жизнь.

Со своей стороны Токио также сделал шаги навстречу Вашингтону. Особую активность в этом проявил премьер-министр Японии М. Охира, о котором американская пресса писала, что он «более проамерикански настроен, чем некоторые из его недавних предшественников»¹. Д. Судзуки, занявший пост премьера после смерти М. Охиры, продолжал курс ориентации на США.

Проамериканская позиция отражает те изменения во взглядах японских правящих кругов на политическую и экономическую роль, которую должна и в состоянии, по их мнению, играть Япония в современном мире.

Если в начале 70-х годов преобладало мнение о возможности сохранения высоких темпов экономического развития страны и на этой

¹ «Wall Street Journal». 21.IV.1980; «Washington Post», 19.I.1980.

основе активной реализации выдвинутой правящими кругами Японии концепции о повышении политического влияния в мире в соответствии с возросшим экономическим потенциалом, то после обострения сырьевого и энергетического кризисов, спада производства усилились позиции сторонников «умеренного роста экономики», более активного участия Японии совместно с другими промышленно развитыми капиталистическими странами в решении общих экономических проблем и укреплении союзнических связей с США.

Анализируя внешнею международную обстановку в целом и положение в Азиатско-Тихоокеанском регионе в частности, японские правящие круги пришли к выводу о том, что интересам Японии на настоящем этапе в большей степени отвечает укрепление союза с США, нежели отход от жестких союзнических обязательств и активизация самостоятельной дипломатии. При этом в расчет принимаются следующие факторы.

Во-первых, правящие круги Японии обеспокоены усилением позиций социализма в Юго-Восточной Азии, то есть в районе, который они хотели бы видеть сферой своего влияния.

Во-вторых, несмотря на активное развитие отношений с Пекином, в Токио сохраняется неуверенность в отношении перспектив развития внутривнутриполитической обстановки в Китае и его внешнеполитического курса.

В-третьих, Япония заинтересована в сохранении американского военного присутствия в регионе, особенно в Южной Корее, так как в японских внешнеполитических концепциях проблема обеспечения безопасности страны традиционно увязывается с ситуацией на Корейском полуострове.

Токио беспокоит, что Япония может оказаться неготовой в политическом и особенно в военном плане к неожиданному развитию событий в ЮВА и на Корейском полуострове. События последнего времени наглядно продемонстрировали возможность осуществления военных акций в Азиатско-Тихоокеанском регионе без перерастания их в «большую войну» для решения определенных задач. С одной стороны, Япония не исключает перспективы подобных акций, непосредственно направленных против ее интересов, с другой — в стране есть силы, выступающие за усиление военных приготовлений, имея в виду не только повышение ценности Японии как военного союзника, но и возможность использования военной силы в интересах Токио.

Пока существуют конституционные ограничения и вооруженные силы Японии не готовы взять на себя выполнение этих функций, по-прежнему актуальными остаются военные обязательства США в отношении Токио. Не случайно Япония настойчиво добивалась от администрации Дж. Картера отказа от плана вывода американских войск из Южной Кореи, ставя этот вопрос на всех двусторонних встречах на высшем уровне, и положительно восприняла решение сохранить военное присутствие США в этой стране.

Наконец, серьезную озабоченность у правящих кругов Японии вызывает нестабильность обстановки на Ближнем Востоке, и особенно в районе Персидского залива, откуда Япония получает $\frac{2}{3}$ потребляемой нефти.

По мнению Токио, в условиях отсутствия военных возможностей и стратегической уязвимости страны решение проблем, возникающих в связи с вышеназванным, возможно только на основе укрепления союза с США. США рассматриваются как гарант обеспечения поставок сырья, в первую очередь нефти, а также поддержания безопасности в районах, непосредственно прилегающих к Японии.

Новым в подходе к развитию отношений с Вашингтоном является оценка современного положения США в мире и их стратегических воз-

можностей. Непосредственно после визита в Вашингтон премьер-министр М. Охира в мае 1980 г. заявил о том, что «США более не являются сверхдержавой». Впоследствии, разъясняя свое высказывание, он пояснил, что имел в виду «просто уменьшение силы США в мире»².

Высказывание японского премьера было не случайным. Летом 1980 г. группой японских ученых-международников во главе с Масамити Иноки специально для премьер-министра был подготовлен доклад, в котором отмечалось, что «наиболее фундаментальным изменением, которое произошло в международной обстановке в 70-е годы, является конец как военного, так и экономического превосходства США»³.

Как бы ни истолковывалось высказывание японского премьера, факты свидетельствуют о намерении японских правящих кругов «принести на помощь» своему союзнику в трудное для него время, взяв на себя большую долю ответственности в политической, а также военной областях по реализации совместных стратегических и тактических целей.

Как откровенно заявил бывший заместитель министра иностранных дел Японии С. Хогэн, Японии ни при каких обстоятельствах нельзя попустительствовать действиям, направленным на ослабление мощи США⁴.

В Токио рассчитывают использовать сложившуюся ситуацию для того, чтобы повысить роль Японии в японо-американском союзе, добиться от Вашингтона признания «равенства сторон» во всех аспектах двусторонних отношений.

В 60-е годы, не говоря уже о более раннем периоде, принято было говорить, что у Японии нет самостоятельной дипломатии и внешняя политика страны в целом укладывается в рамки японо-американских отношений. В 70-е годы, опираясь на возросший экономический потенциал страны, руководители японского правительства стали говорить о том, что отношения Японии и США носят характер «взаимозависимости». Наконец, в совместном коммюнике, опубликованном по окончании визита премьер-министра Д. Судзуки в Вашингтон в мае 1981 г., впервые японо-американские отношения оценены как «союзнические». Фиксация этого положения в официальном документе особенно важна для Японии, так как тем самым признается равенство сторон в сфере как взаимных обязательств, так и интересов каждого из участников союза.

Несмотря на то что президент Р. Рейган публично не высказывался в отношении всего комплекса американской политики в Азиатско-Тихоокеанском регионе, анализ того, что излагалось высокопоставленными сотрудниками его администрации, а также конкретные действия Вашингтона дают представление об основных положениях «доктрины Р. Рейгана» для этого региона. Являясь, по существу, региональным преломлением глобальной антисоветской стратегии вашингтонской администрации, азиатско-тихоокеанская «доктрина Р. Рейгана» характеризуется стремлением, не создавая какой-либо новой организации или блока, что весьма затруднительно в связи с разнородной политической ориентацией стран региона, путем укрепления двусторонних отношений подталкивать эти страны к проведению антисоветской политики. В конечном итоге, по замыслам американских стратегов, это должно привести к созданию де-факто антисоветской коалиции на Дальнем Востоке и в бассейне Тихого океана. Полностью отказавшись от планов вывода войск из Южной Кореи, нынешняя американская администрация укрепляет отношения с сеульским режимом. Прекращена критика

² «Congressional Record», 25.VIII.1980.

³ «Foreign Affairs», Spring 1981, p. 852.

⁴ См.: «Санкэй симбун», 26.IV.1982.

в его адрес, а также правительства Филиппин за нарушение гражданских прав. Увеличена военная помощь Таиланду и Индонезии. Поддержка афганских контрреволюционных банд и полпотовцев рассматривается в Вашингтоне как вклад в параллельные стратегические интересы⁵. Центральное место отводится Японии, которая, как основной союзник США в Азии, должна значительно расширить свою экономическую и военную роль в регионе.

В опубликованном 24 апреля 1981 г. заявлении государственного департамента США по вопросам внешней политики подчеркивается, что американо-японские отношения являются не только краеугольным камнем политики США в Азии, «но и одними из наиболее тесных и важных отношений в американской глобальной союзнической структуре»⁶.

Вашингтон заинтересован в том, чтобы Токио активнее использовал свой экономический потенциал в политических целях. Это совпадает и с планами Токио. Развивая торгово-экономические отношения со странами Азии, долгосрочный расчет делается на их привязку к капиталистической экономике, к закреплению на антисоветских позициях. Оказание экономической помощи Южной Корее рассматривается в качестве подпорки репрессивно-диктаторскому режиму. Экономическое проникновение в страны АСЕАН призвано обеспечить рычаги воздействия на их политику. Увеличение займов и безвозмездной помощи Турции, Египту и Пакистану дополняет американские усилия по удержанию этих «стратегически важных стран» на проамериканских позициях. Заявления о готовности отменить санкции и возобновить торгово-экономические связи с Вьетнамом и другими странами ЮВА обуславливаются принципиальными политическими уступками с их стороны.

Если для США эти действия Токио являются подспорьем в реализации планов создания «санитарного кордона» против социализма в Азиатско-Тихоокеанском регионе, то для Японии — к тому же и заявка на ведущие политические позиции в регионе, претензия на роль непрошеного «выразителя и защитника» интересов расположенных здесь государств.

Таким образом, взаимная заинтересованность сторон в укреплении военно-политического союза на настоящем этапе является превалирующей, что накладывает отпечаток на конкретные аспекты двусторонних отношений.

Наибольшая «гармония» достигнута в политической области. Японское правительство полностью разделяет точку зрения Вашингтона на причины ухудшения международной обстановки, поддерживает курс администрации Р. Рейгана на развертывание под предлогом выравнивания баланса сил нового витка гонки вооружений.

По сравнению с западноевропейскими союзниками США японское правительство заняло более проамериканскую позицию в связи с событиями в Иране, Афганистане и Кампучии. Токио поддержал американскую политику «санкций» против Советского Союза, Польши, Вьетнама, Ирана, в результате чего политические контакты с этими странами были заморожены, а торгово-экономические отношения серьезно ограничены. Поддержка американской политики была должным образом оценена Вашингтоном. Как заявил посол США в Токио М. Мэнсфилд, эта поддержка особенно ценна тем, что в отличие от других американских союзников Япония понесла ущерб, так как лишилась иранской нефти, которая составляла 13 % в общем импорте нефти Японии, а также многих крупных советских заказов, которые перехватили

⁵ «US News and World Report», 10.VIII.1981.

⁶ «Christian Science Monitor», 7.V.1981.

Франция и ФРГ⁷. Как подчеркивал заместитель заведующего договорным отделом МИД Японии К. Такакадзу, этим курсом Япония «впервые открыто продемонстрировала свою солидарность с Соединенными Штатами в интересах политических целей и действовала согласованно с другими странами западного лагеря»⁸.

Проамериканская линия проявляется и в подходе Японии к наиболее острым международным проблемам. Причем все более отчетливо видна тенденция своеобразного «разделения труда» между Вашингтоном и Токио. Для администрации Р. Рейгана во внешней политике характерна ставка на силу, жесткость, эгоистичность. Это проявилось и в англо-аргентинском конфликте вокруг Фолклендских (Мальвинских) островов, и в связи с агрессией Израиля в Ливане, и в отношении так называемой «проблемы Север — Юг», и многих других. Токио же, опасаясь, что такие методы американской дипломатии могут обострить противоборство развивающихся стран с Западом и толкнуть их в сторону Советского Союза и социалистических стран, пытается проводить более гибкую линию, смягчать нежелательные для капиталистического лагеря последствия американской политики. Например, как сообщалось, японское правительство решило активизировать связи с арабскими странами, исходя из того, что произраильский курс США в связи с событиями в Ливане вызывает все усиливающуюся отрицательную реакцию этих стран, в результате чего Советский Союз может увеличить свое влияние на Ближнем Востоке⁹.

В периоды обострения отношений Вашингтона с западноевропейскими союзниками со стороны Токио предпринимаются усилия играть роль промежуточного звена, которое как бы не дает сторонам далеко «отрываться» друг от друга.

Это проявилось на встрече «большой семерки» — руководителей наиболее развитых капиталистических стран — в Версале в июне 1982 г., когда Япония, с одной стороны, вроде бы была склонна поддерживать западноевропейские страны в критике своекорыстной позиции Вашингтона по торгово-экономическим проблемам, а с другой — в большей степени, чем другие участники встречи, принимала во внимание аргументацию американской стороны. Показательно и отношение японского руководства к решению администрации Р. Рейгана о введении дополнительных санкций на поставки в Советский Союз оборудования, изготавливаемого в западноевропейских странах и Японии по американским лицензиям. Хотя японское правительство и выразило свое негативное отношение к этому решению, так как оно наносит существенный ущерб японским компаниям, в целом по сравнению с западноевропейскими странами Япония заняла более сдержанную позицию. Премьер-министр Д. Судзуки заявил в парламенте, что, настаивая на пересмотре решения американской администрации, Япония тем не менее не намерена выступать по этому вопросу совместно со странами Западной Европы¹⁰. За этим скрывается не просто нежелание создавать единый антиамериканский фронт из союзников Вашингтона, а намерение найти пути урегулирования разногласий, не доводя дело до крайнего обострения, в результате которого мог бы быть нанесен непоправимый ущерб союзническим отношениям в западном лагере. Как сообщала японская пресса, в связи с озабоченностью по поводу все более открытых расхождений между западными странами по вопросу о политике в отношении СССР МИД Японии подготовил секретный документ, в котором перед японским правительством ставится задача добиваться «согласования позиции Западной Европы, США и Японии

⁷ Ил: «US News and World Report», 16.XI.1981.

⁸ «Тью корон», 1981, № 4, с. 292.

⁹ См.: «Нихон кэйдзай симбун», 5.VII.1982.

¹⁰ См.: «Эмиури симбун», 26.VI.1982.

в отношении СССР» и подчеркивается, что Япония и западноевропейские страны должны по мере возможности участвовать в совместных «санкциях» и других антисоветских мероприятиях, а также наращивать свои вооруженные силы, с тем чтобы облегчить бремя США¹¹.

Правящие круги Японии подхватили и активно эксплуатируют подброшенный Вашингтоном миф о «советской военной угрозе». Создается впечатление, что в Токио преобладают настроения в максимально выгодном для себя плане использовать нынешнюю напряженность международной обстановки. Подводится и соответствующая теоретическая база. В журнале, издаваемом правящей Либерально-демократической партией, японские политологи доказывают, что именно годы «холодной войны» сблизили США с ФРГ и Японией, что Япония неплохо заработала на военных заказах в период корейской и вьетнамских войн¹². Ныне расчет делается на то, что при проведении глобальной антисоветской стратегии Вашингтон будет вынужден больше ценить своего дальневосточного союзника, в результате чего Токио получит большую свободу маневра и, кроме того, сможет менее опасаться репрессалий за активное проникновение на американский рынок.

Кроме того, запугивая несуществующей «советской военной угрозой» страны Азиатско-Тихоокеанского региона, японское правительство пытается убедить их в необходимости создания так называемого «тихоокеанского сообщества».

В связи с тем что расчеты японских правящих кругов на быстрое повышение влияния страны на международной арене не оправдались, они стали склоняться к тому, чтобы попытаться решить эту задачу в «меньших масштабах», на региональном уровне, в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Выступлением 16 июня 1982 г. в Гонолулу премьер-министр Д. Судзуки вновь пытался привлечь внимание к идее создания «тихоокеанского сообщества». Примечательно, что в отличие от своего предшественника М. Охиры — инициатора выдвижения этой идеи, японский премьер сделал акцент не на экономических, а на политических ее аспектах. При этом США и Япония характеризовались как основные «гаранты мира и стабильности» в регионе, тогда как политика Советского Союза представлялась в качестве главного фактора, якобы порождающего напряженность. Стремясь создать под эгидой Японии на Тихом океане и в прилегающих к нему районах «региональное сообщество», Токио пытается добиться экономическими методами того, что не удалось милитаристской Японии в период второй мировой войны, — объединить «семь углов под одной японской крышей» в «сферу процветания». Запугивая «советской угрозой», Токио рассчитывает, что страны этого района станут более сговорчивыми и поддержат его неоколониалистские планы.

Добиваясь в ходе визита министра иностранных дел Е. Сакураути в августе 1982 г. в Новую Зеландию поддержки идеи «тихоокеанского сообщества», японская сторона особо отмечала достигнутое согласие в оценке «советской угрозы южной части Тихого океана».

Наконец, спекулируя в условиях обострившейся международной обстановки мифом о «советской военной угрозе», японские руководители, с одной стороны, пытаются оказывать дополнительное давление на Советский Союз, в том числе в плане подкрепления своих незаконных и необоснованных так называемых «территориальных притязаний», а с другой — оправдать наращивание собственной военной мощи.

Не случайно представитель делового мира Ю. Муран в своей книге «Домыслы об угрозе с севера рождаются в Токио» усматривает четкую взаимосвязь тезиса о так называемой «угрозе с севера» с курсом

¹¹ См.: «Нихон кэйдай», 17.VIII.1982.

¹² См.: «Дзю мнсю», октябрь 1981.

правительства на укрепление военного потенциала страны, с попыткой пересмотреть мирные положения конституции¹³.

Несмотря на известное выравнивание японо-американских отношений, объективные условия этого союза таковы, что Япония продолжает оставаться младшим партнером. Вместе с тем японские правящие круги заинтересованы в том, чтобы придать процессу выравнивания отношений необратимый характер. Именно поэтому в Токио стали прилагать больше усилий к расширению обязательств в военной области, то есть к подтягиванию до соответствующего уровня наиболее слабого «военного звена».

Что же касается того, каким должен быть этот уровень, единства мнения в настоящее время в японских правящих кругах нет.

Руководящие деятели управления национальной обороны, представители правого крыла правящей партии, старшее поколение японского делового мира выступают за увеличение военных расходов до уровня 2—3% ВВП, за пересмотр конституционных ограничений на развертывание вооруженных сил, оснащение «сил самообороны» наступательным оружием, введение воинской повинности.

Однако преобладает мнение «умеренной группировки», считающей, что на настоящем этапе не следует прибегать к резкому повороту в сторону милитаризации, отвлекать значительные средства от реализации экономической политики, обеспечивающей Японии преимущества перед другими развитыми капиталистическими странами, надо решать задачу наращивания военного потенциала постепенно, не вступая в острый конфликт с оппозицией и не вызывая негативной реакции в соседних странах, шаг за шагом преодолевая по-прежнему довольно широко распространенные среди населения антивоенные настроения.

Этим, в частности, объясняются противоречивые толкования представителями японского правительства заявления, сделанного премьер-министром Д. Судзуки в Вашингтоне в мае 1981 г., о намерении обеспечить в недалеком будущем патрулирование японскими вооруженными силами океанских коммуникаций в радиусе до 1000 миль от берегов Японии. С одной стороны, говорится, что премьер-министр якобы высказался в «теоретическом плане» относительно «будущих намерений», с другой — министр иностранных дел Е. Сакураути, выступая в парламенте, подчеркивает, что «оборона морских коммуникаций», по которым Японии доставляются нефть и другие товары, является «естественным делом»¹⁴. Примечательно, что, по признанию посла Японии в США Е. Окавара, заявление Д. Судзуки было сделано без давления с американской стороны и воспринимается в Вашингтоне как обязательство Токио добиваться реализации этой задачи в ближайшее время¹⁵.

США поддерживают и поощряют намерение японского правительства расширить возможности Японии по патрулированию морских коммуникаций в радиусе 1000 миль.

Еще президент Дж. Картер на основе оценок Пентагона, согласно которым события в Иране продемонстрировали недостаточность американских военных, в первую очередь военно-морских, возможностей в случае возникновения в Азиатско-Тихоокеанском регионе более чем одного конфликта, затрагивающего интересы США, принял решение ввести в действие новый стратегический план. В соответствии с этим планом Вашингтон отныне не будет перебрасывать свои тихоокеанские силы в Европу в случае возникновения там военного конфликта и, более того, значительно увеличит свое военно-морское присутствие в Ин-

¹³ См.: «Майнити симбун», 8.I.1981.

¹⁴ См.: «Ёмиури симбун», 31.III.1982.

¹⁵ In: «Mainichi Daily News», 22.II.1982.

дийском океане, в том числе за счет передислокации в этот район части 7-го тихоокеанского флота¹⁶.

Одновременно возрастает заинтересованность США в том, чтобы Япония взяла на себя часть американского военного бремени в регионе. Пока же, согласно докладу министерства обороны США, опубликованному в августе 1981 г., вклад Японии «в дело защиты Запада» расценивается как «самый низкий среди основных американских союзников»¹⁷.

Вопрос о том, до какого предела Вашингтон может «позволить» Токио наращивать вооруженные силы, чтобы это не могло нанести ущерба американским интересам в случае непредвиденного развития внутривнутриполитической обстановки в Японии, остается предметом дискуссии в США.

В кругах Пентагона считают, что японское правительство должно резко увеличить расходы на вооружение и довести их до уровня 4—5 % ВВП (в настоящее время — 0,9 %). Однако в политических кругах, в том числе в государственном департаменте, а также среди ученых-международников преобладает мнение, что в настоящее время достаточным было бы их увеличение до 1,5 % ВВП, так как при более значительном увеличении военных расходов не исключается возможность дестабилизации внутривнутриполитической обстановки в Японии и всей системы отношений с США.

Нынешняя американская администрация склоняется к промежуточной между этими точками зрения позиции.

Во время визита в Токио в марте 1982 г. министр обороны США К. Уайнбергер заявил, что, увеличив расходы на вооружение до 2 % ВВП и выделяя ежегодно из бюджета на эти цели не менее 12 %, Япония сможет в течение десятилетия создать вооруженные силы, способные выполнить задачи по патрулированию в 1000-мильной зоне¹⁸.

По-прежнему преобладает мнение о том, что в настоящее время объективные и субъективные факторы препятствуют выходу Японии из-под «ядерного зонтика» США. И, таким образом, из-под американского контроля. В этой обстановке Вашингтон готов пойти на значительное расширение рамок обычных вооружений Японии, особенно военно-морских и военно-воздушных.

Наращивание вооруженных сил Японии должно, по мнению Вашингтона, быть направлено, во-первых, на то, чтобы обеспечить оборону японских островов обычными (неядерными) средствами ведения войны и, во-вторых, расширить зону патрулирования вокруг японских островов, а в перспективе осуществлять и блокирование морских проливов для передвижения советского флота.

Вместе с тем американские стратеги не хотели бы лишаться не только «ядерного рычага» воздействия на Японию, но и других каналов воздействия в сфере военной политики. По их мнению, усиление японских «сил самообороны» не должно сопровождаться уменьшением американского военного присутствия на Дальнем Востоке и в бассейне Тихого океана. Более того, это присутствие планируется увеличить. Активным сторонником такого подхода является посол США в Японии М. Мэнсфилд, выступающий за наращивание военно-воздушных и военно-морских сил США в Азиатско-Тихоокеанском районе до уровня этих сил в районе Атлантического океана и Западной Европы¹⁹.

Как заявил в конгрессе влиятельный американский сенатор Г. Нанн, «Соединенные Штаты не должны стремиться к тому, чтобы улучшенная японская военная мощь заменила военное присутствие США в Азии»,

¹⁶ In: «New York Times», 25.V.1980.

¹⁷ «Mainichi Daily News», 25.VII.1982.

¹⁸ См.: «Емпури симбун», 27.III.1982; «Асахи симбун», 2.IV.1982.

¹⁹ In: «Baltimore Sun», October 10, 1979.

а должны заставить Японию «взять на себя значительно большую ответственность за свою оборону против непосредственной угрозы ее собственной территории», что позволило бы «вооруженным силам США уделить большее внимание другим приоритетным целям, таким, как оборона США и коммуникационных линий на удаленных от Японии участках, особенно в Индийском океане»²⁰.

О конкретном разделении военных ролей и согласовании действий в районе Тихого океана Вашингтону и Токио еще предстоит договориться. Однако очевидно, что и контроль за морскими коммуникациями США не хотели бы полностью отдавать на откуп своему партнеру. Как в этой связи откровенно дал понять бывший министр обороны США Г. Браун, речь может идти не о полностью самостоятельных действиях Японии, а об американо-японском сотрудничестве²¹. Именно поэтому в США склоняются к мнению, что японские военно-морские силы не должны располагать авианосцами, без которых невозможен самостоятельный контроль за морскими коммуникациями и бомбардировщиками дальнего действия²².

Таким образом, цель США состоит в том, чтобы по-прежнему держать Японию в зависимости, отводя ей растущую, но тем не менее вспомогательную роль в своей военной стратегии.

На настоящем этапе такой подход устраивает и японские правящие круги. С одной стороны, они показывают, что под давлением Вашингтона им якобы не остается ничего другого, как, выполняя союзнические обязательства и расплачиваясь за американский «ядерный зонтик», идти на удовлетворение американских требований по увеличению военного вклада. Проводится мысль, что этим Япония также смягчает критику в свой адрес за активное экономическое проникновение на американский рынок. С другой стороны, общественность страны пытаются успокоить тем, что наращивание вооружений якобы не выходит за определенные рамки и не носит характера широкой милитаризации.

Принципиальное значение имеет то, что все это является отражением качественных изменений в политике японских правящих кругов в военной области.

Использование термина «союз» в американо-японском коммюнике 1981 г. не было «лингвистической ошибкой», а заявление Д. Судзуки о планах патрулирования 1000-мильной зоны — «оговоркой», как пытаются порой трактовать его некоторые официальные японские представители. Это два взаимосвязанных события, что подтверждается в той части коммюнике, где говорится о «желательности соответствующего разделения ролей между Японией и США» в Дальневосточном регионе. Речь идет о качественном изменении японо-американского военно-политического союза путем увеличения обязательств Японии и значительном расширении географической сферы действия «договора безопасности», придании ему фактически глобального характера. В перспективе ставится задача полномасштабного подключения американо-японского союза к системе НАТО.

В американских политических и научных кругах все более активно обсуждаются пути создания глобального тройственного военно-политического союза (США, Западная Европа, Япония).

Атлантический совет США и Токийский исследовательский институт по проблемам мира и безопасности подготовили доклад, в котором подчеркивается возрастающая взаимозависимость между США, Западной Европой и Японией не только в экономическом плане, но и в сфере обеспечения безопасности. В этой связи выдвигается концепция «сбалансированного сдерживания», в соответствии с которой три им-

²⁰ «Congressional Record», 2.XI.1979.

²¹ См.: «Емпури симбун», 6.IV.1982.

²² In: «Wall Street Journal», 2.IV.1980; «US News and World Report», 10.VIII.1981.

перналистических центра должны объединить и скоординировать свои усилия таким образом, чтобы Советский Союз вынужден был разделить свои силы и держать их на трех фронтах — европейском, ближневосточном и тихоокеанском²³.

Что касается Японии, то она на своем тихоокеанском фланге должна значительно расширить свои военные возможности в плане укрепления как «сил самообороны», так и военного союза с США²⁴.

Выступая в октябре 1980 г. на сессии парламента с программной речью, премьер-министр Д. Судзуки заявил, что в «японской дипломатии наиболее важным является усиление солидарности во всех областях (подчеркнуто нами. — Авт.), прежде всего с США, странами ЕЭС и другими либеральными странами, которые придерживаются общих с Японией идей в политике и экономике»²⁵.

Это заявление можно рассматривать как проявление японским правительством принципиальной готовности подключиться к политике НАТО, от чего Япония ранее воздерживалась.

Не случайно на состоявшемся в январе 1982 г. заседании японо-американской консультативной комиссии по «договору безопасности», в котором приняли участие с японской стороны министр иностранных дел Японии Е. Сакураути и начальник управления национальной обороны С. Ито, а с американской — посол США в Японии М. Мэнсфилд и командующий американскими вооруженными силами на Тихом океане адмирал Р. Лонг, впервые был поставлен вопрос о планировании совместных японо-американских действий за пределами японской территории в случае «чрезвычайных обстоятельств на Дальнем Востоке».

Активизируются действия, направленные на создание внутри Японии атмосферы, благоприятствующей внесению соответствующих изменений в «договор безопасности». В марте 1982 г. был создан так называемый «Комитет 100», в который вошло около 200 видных деятелей ЛДП. Подчеркивая, что «договор безопасности» носит односторонний характер, так как закрепляет обязательства по обеспечению безопасности Японии только за американской стороной, комитет заявил о намерении выступить за его пересмотр в плане придания ему «равноправного характера» путем увеличения военного вклада Токио²⁶.

Настроения в пользу придания договору «взаимного характера» высказываются и в США. Американский специалист в области международных отношений Э. Олсен предлагает, подключив Японию к пакту АНЗЮС, создать новое военно-политическое формирование — ДЖАНЗЮС, что, по его мнению, позволило бы «вытащить Японию из раковины» и заставить ее играть более активную роль в обеспечении интересов США²⁷.

Взаимная заинтересованность Токио и Вашингтона на настоящем этапе в укреплении военно-политического союза побуждает их искать пути преодоления противоречий в торгово-экономических отношениях. Именно в этой области они проявляются наиболее открыто и остро и, как отмечалось выше, нередко в прошлом приводили к известному ухудшению атмосферы в политических взаимоотношениях.

С целью не допустить этого вновь обе стороны предпринимают известные усилия к тому, чтобы торгово-экономические трения не вышли из-под контроля и не превратились в политическую проблему, угрожающую основам союза.

²³ In: The Common Security Interests of Japan, the United States and NATO. The Atlantic Council of the United States. Policy Papers. Washington — Tokyo, December 1980, p. 6.

²⁴ Ibid., p. 36—37.

²⁵ «Асахи симбун», 6.X.1980.

²⁶ См.: «Токио симбун», 16.III.1982.

²⁷ In: «New York Times», 13.V.1981.

Несмотря на серьезное недовольство в США хроническим огромным дефицитом в торговле с Японией (в 1981 г. — 18 млрд. долл.), Белый дом стремится по возможности сдерживать рост антияпонских настроений в стране.

В американских деловых и профсоюзных кругах, связанных с отраслями промышленности, несущими наибольшие потери от наплыва японских товаров, а также в поддерживающих их местных средствах массовой информации антияпонские настроения по-прежнему проявляются достаточно остро. Это оказывает влияние на позицию конгрессменов, которые, опасаясь потерять голоса избирателей, выступают с довольно резкой критикой японского правительства, а в последнее время стали вносить в конгресс в массовом порядке законопроекты, требующие введения «санкций» против Японии, а также принимать резолюции, призывающие японское правительство осуществить «комплексные меры» по сглаживанию торгово-экономических противоречий.

Нынешняя американская администрация, так же как и ее предшественница, занимает внешне более сдержанную позицию, чтобы не способствовать дальнейшему накалу эмоций. Но, используя в качестве одного из аргументов эти антияпонские настроения, Белый дом оказывает постоянное давление на японскую сторону и продолжает добиваться от нее все новых экономических уступок.

Важную роль в сдерживании антияпонских настроений и переходе от политики «шоковой дипломатии» к переговорам сыграло посольство США в Японии. Под руководством посла М. Мэнсфилда, пользующегося влиянием у многих конгрессменов, в среде которых он провел длительное время, занимая, в частности, в течение 25 лет пост лидера демократического большинства, посольство США заняло позицию, которую американская пресса охарактеризовала как прояпонскую. М. Мэнсфилд неоднократно подчеркивал, что японское правительство полностью осознает остроту торгово-экономических проблем и делает «почти все возможное для их решения»²⁸. В японской прессе посла США в связи с этим стали даже характеризовать как посла Японии в США²⁹.

Примечательно, что после прихода к власти президент-республиканец Р. Рейган оставил на посту посла США в Токио демократа М. Мэнсфилда. Это решение было положительно встречено в конгрессе.

В американской прессе, академических изданиях участились публикации, в которых анализируются причины экономических достижений Японии и предпринимаются попытки сформулировать рекомендации по выравниванию дефицита.

Причем успехи японских компаний на американском рынке объясняются уже не демпингом, а лучшим качеством товаров, их быстрой доставкой и хорошим обслуживанием. Одновременно американские компании упрекаются в отсутствии активности в изучении особенностей японского рынка и проникновения на него. Им предлагается, в частности, расширить сеть торговых представительств в Японии (в настоящее время только в Нью-Йорке более 20 тыс. представителей японских фирм, в то время как в Токио всего лишь 1 тыс. американских), серьезнее изучать потребности японского рынка, резко увеличить наем японского персонала, организовать продажу товаров через сеть маленьких магазинов. Высказываются и более серьезные соображения. Отмечается, что американские компании проигрывают своим конкурентам в первую очередь в темпах роста производительности труда.

²⁸ «New York Times», November 25, 1978.

²⁹ In: «Washington Post», November 28, 1980.

Появилось немало исследований американских экономистов, политологов, специалистов по Японии, в которых предпринимается попытка вскрыть причины успехов Японии не только в торговле с США, но и в управлении экономикой в целом. В наиболее обобщенном и концентрированном виде эти вопросы нашли освещение в книге профессора Гарвардского университета Э. Вогеля «Япония на первом месте. Уроки для Америки», которая привлекла к себе большое внимание в США. Автор предлагает воспользоваться опытом Японии, который, по его мнению, заключается в более эффективном, чем в США, использовании методов государственно-монополистического регулирования.

Свои шаги, и довольно значительные, по удовлетворению требований Вашингтона об «открытии» японского рынка для действий американских компаний и устранению так называемых «нетарифных барьеров» сделала и Япония.

В январе 1978 г. было подписано японо-американское торгово-экономическое соглашение, в соответствии с которым японская сторона пошла на значительное открытие своего рынка для американских товаров. Затем последовал целый ряд новых уступок. С 1980 г. в Японии введено новое законодательство, устраняющее ограничения на доступ иностранного капитала на рынок ценных бумаг. В декабре того же года было подписано трехгодичное соглашение, позволяющее американским компаниям участвовать в ежегодных торгах на сумму 8 млрд. долл. на поставки оборудования для японских полугосударственных корпораций, в том числе для японской телеграфно-телефонной компании. Япония согласилась на «добровольное» ограничение экспорта своих автомобилей в США в течение 1981—1984 гг. на уровне 1 млн. 670 тыс., сняла тарифы на импорт запчастей для американских автомобилей и взяла обязательство увеличить импорт автомобилей американского производства. Идя навстречу требованиям американских автомобильных компаний и Вашингтона, японское правительство побуждает японских производителей автомобилей вкладывать средства в строительство заводов по производству японских автомобилей в США. Несмотря на сомнения относительно прибыльности подобных предприятий, компании «Хонда» и «Ниссан», уступая давлению японского правительства, заявили о намерении построить автосборочные заводы на американской территории. Под предлогом того, что американские производители риса несут потери, связанные с наплывом на мировом рынке японского риса, продаваемого по низким ценам, США добились согласия Японии снизить экспорт риса почти на $\frac{1}{3}$ и повысить его цену. Расширены Японией закупки американской военной техники.

Наконец, в январе 1982 г. японское правительство сняло частично или полностью ограничения на ввоз из США и стран Западной Европы товаров 67 наименований, а в мае этого же года дало обязательство с 1 апреля 1983 г. сократить дополнительно таможенные тарифы по 215 статьям импорта, в том числе снять их полностью по 96 статьям, упростить таможенные процедуры и осуществить либерализацию в сфере торговли услугами.

Токио идет на уступки только после длительных переговоров и после соответствующего нажима со стороны США и стран Западной Европы, которые настойчиво требуют от Японии изменения тарифной политики и снятия ограничений на действия иностранных компаний на японском рынке, обвиняя Токио в проведении в этой области политики, характерной не для промышленно развитой, а для развивающейся страны. Уступки в торгово-экономической области рассматриваются в Токио в качестве необходимой платы за принятие Японией в «клуб ведущих капиталистических стран» и признание за ней равного с другими членами клуба статуса.

В кругах японской бюрократии, среди представителей делового и финансового мира имеет место недовольство японскими уступками США и западноевропейским странам в торгово-экономических отношениях, однако преобладающим является признание их в качестве «неизбежного зла» и стремление в максимальной степени уменьшить отрицательные последствия, которые эти уступки могут повлечь за собой. Они также исходят из того, что специфические особенности японской экономической структуры и внутреннего рынка даже при отмене большинства ограничений на торгово-экономическое проникновение иностранных компаний не позволят последним сколь-либо серьезно потеснить позиции японского бизнеса. Поэтому наибольшее сопротивление оказывается в отношении тех требований, осуществление которых могло бы привести к серьезным негативным не столько внутриэкономическим, сколько политическим последствиям.

Вашингтон настойчиво ставит вопрос о снятии ограничений на экспорт в Японию продукции американского сельского хозяйства, которая, как считают в США, обладает большей конкурентоспособностью, чем японская. Однако уже в настоящее время, ввозя значительное количество фуражного зерна, мяса, другой сельскохозяйственной продукции, Япония имеет по этим статьям дефицит в своей торговле в размере около 10 млрд. долл. По сравнению с другими развитыми капиталистическими странами самообеспеченность Японии продовольствием находится на более низком уровне (53 % в пересчете на калории)³⁰. Дальнейшая либерализация импорта сельскохозяйственной продукции, по заявлениям руководящих деятелей японского правительства, невозможна, так как этот шаг не только воспрепятствует достижению поставленной задачи поднять степень самообеспеченности страны продовольствием, но и серьезно осложнит положение в японской деревне. Не исключается, что японские крестьяне-единоличники, голосующие за правящую партию «в благодарность» за традиционную поддержку со стороны правительства в виде искусственного завышения закупочных цен, могут изменить свою позицию, если правительство отменит ограничения на импорт зерновых, цитрусовых, мяса, морепродуктов, табачных изделий.

Особенностью японо-американских торгово-экономических противоречий является то, что они проявляются не по одному-двум направлениям, а охватывают практически все аспекты деловой активности в обеих странах и носят хронический характер. Как подчеркивает один из крупнейших американских специалистов в области международных отношений в Азии Р. Скалапино, японо-американские торгово-экономические противоречия сохраняются и будут сохраняться³¹.

Это объективный процесс, связанный с дальнейшим укреплением позиции японского монополистического капитала в межимпериалистическом противоборстве. Дело не в том, пойдет Япония на новые уступки или не пойдет. Несмотря на принятые меры по «открытию» японского рынка, дефицит США и западноевропейских стран в торговле с Японией не только не уменьшается, но продолжает расти.

Более молодой, энергичный японский империализм побеждает своего американского конкурента благодаря более высоким темпам роста производительности труда, что не в последнюю очередь связано с более значительными капиталовложениями в мирные отрасли экономики. По подсчетам американских экономистов, для реконструкции и модернизации американской металлургической промышленности, с тем чтобы она могла выдержать внешнюю конкуренцию, необходимы капита-

³⁰ Ип: «Daily Yomiuri», 25.IV.1982.

³¹ Ип: R. Scalapino. Asia at the End of the 1970's. — «Foreign Affairs», N 3, 1980.

довложения в размере 100 млрд. долл. Однако политика администрации Р. Рейгана, направленная на наращивание в огромных масштабах военного потенциала, препятствует изысканию средств для развития производства на мирные цели. Загнав себя в «военный угол», Вашингтон пытается оказывать давление на те японские отрасли, которые составляют наибольшую конкуренцию американской промышленности (сталелитейная, автомобильная) или могут в ближайшее время обеспечить преимущества японским производителям (электроника — дело о промышленном шпионаже японских компаний на предприятиях Ай-би-эм, авиационное). С другой стороны, все большие надежды возлагаются на то, чтобы, добываясь от Японии увеличения расходов на военные цели, вынудить ее отвлекать средства от развития мирных отраслей экономики, успешно конкурирующих с американскими. При обсуждении бюджета на 1982 финансовый год многие члены японского правительства получили письма от руководящих деятелей американской администрации с напоминанием о необходимости выполнять «союзнический долг» в области наращивания вооружений. Еще более бесцеремонно действовали 68 конгрессменов, направившие письмо премьер-министру Д. Судзуки с требованием принять меры к усилению японских «сил самообороны», в том числе за счет увеличения закупок американской военной техники. В конгрессе США было выдвинуто даже предложение потребовать от Токио выплачивать сумму в размере 2 % ВВП в виде налога за американский «ядерный зонтик».

Понимая, что за требованием США об увеличении бюджетных расходов на вооружение кроется также и намерение ослабить позиции японских монополий, в японских правящих кругах на данном этапе преобладает мнение не выходить за рамки расходов на эти цели в размере 1 % ВВП. Это порождает еще один источник трений — обвинения с американской стороны в «бесплатном проезде Японии в автобусе, безопасность которого обеспечивают США», и контраргументы японцев, что США бесплатно используют базы на японских островах, в первую очередь для обеспечения своих интересов в противоборстве с Советским Союзом, а японское правительство несет 50 % расходов по содержанию американских военнослужащих в Японии, выплачивая Вашингтону ежегодно около 1 млрд. долл.

Анализ развития японо-американских отношений на рубеже 70—80-х годов позволяет сделать вывод о том, что, поставив задачу повышения своих международных позиций (США — до уровня мирового доминирования, Япония — пока до регионального), обе стороны проявляют заинтересованность в использовании ради достижения этого своего военно-политического союза. В результате предпринятых правящими кругами США и Японии усилий по активизации политического и военного сотрудничества, сдерживанию накала торгово-экономических противоречий японо-американский военно-политический союз в известной степени укрепился, усилилась его агрессивность, возросла угроза с его стороны в отношении азиатских стран как в плане экономического проникновения и закабаления, так и в плане военного давления.

Уже на данном этапе Япония располагает значительными вооруженными силами, и курс на их дальнейший рост и качественное совершенствование не может не вызывать самой серьезной тревоги. Заявления представителей японского правительства о том, что Япония не намерена становиться крупной военной державой, в данной ситуации звучат малоубедительно.

Во многих азиатских странах все более отчетливо понимают опасность тенденции усиления военно-политического союза США и Японии. Как заявила премьер-министр Индии И. Ганди, наращивание США и Японией гонки вооружений в Юго-Восточной Азии приведет к вой-

не, а не к миру, неизбежно усилит конфронтацию и напряженность, особенно в районе Индийского океана³².

Серьезную обеспокоенность предпринимаемыми в последнее время в Японии действиями, направленными на наращивание вооружений, выразил премьер-министр Малайзии Махатхир³³. Еще более определенно высказался министр иностранных дел Индонезии М. Кусумаатмаджа. «Помня о второй мировой войне, мы, — сказал он, — будем противодействовать любому японскому намерению играть более активную роль в вопросах обороны Азиатско-Тихоокеанского региона»³⁴. Если ранее руководящие деятели Филиппин выражали «понимание» усилий Японии в сфере оборонной политики, то теперь президент Ф. Маркос заявляет о «беспокойстве в связи с наращиванием военной мощи Японии»³⁵. Аналогичные изменения проявляются и в высказываниях руководства Сингапура. Примечательно, что об этом беспокойстве Ф. Маркос заявил во время своего недавнего визита в США. С предостережениями от возрождения японского милитаризма выступил и президент Индонезии Сухарто, когда в октябре с. г. находился с официальным визитом в Вашингтоне и Токио. Широкую волну протестов в азиатских странах вызвали попытки японского правительства оправдать агрессивную политику милитаристской Японии в годы второй мировой войны путем внесения соответствующих изменений в учебники истории для японских школ.

Вместе с тем внутри японо-американского союза под воздействием объективных процессов зарождаются глубокие противоречия, которые в перспективе будут играть все более важную роль, подрывая его основы.

Среди реалистически мыслящих представителей японских правящих кругов курс на использование возросших возможностей страны исключительно в плане еще большей привязки Японии к внешнеполитической стратегии Вашингтона и наращивания вооружений вызывает определенные сомнения.

Милитаристский, авантюристический курс администрации Р. Рейгана создает реальную угрозу безопасности собственно Японии, так как в планах «ограниченной» или «затяжной ядерной войны» вашингтонские стратеги рассчитывают вести ядерную войну в первую очередь на территориях своих союзников. Осознание этого привело к небывалому за многие годы подъему антивоенного движения в Японии. Однако правящие круги Японии не хотят считаться с мнением большинства в стране и все больше связывают себя с милитаристским курсом Вашингтона. Разве не об этом свидетельствует достигнутая недавно договоренность между военными ведомствами США и Японии о размещении американских истребителей-бомбардировщиков «Ф-16» на американской базе в Мисава? Ни в Вашингтоне, ни в Токио не скрывают, что эти самолеты, способные нести ядерное оружие, нацелены против Советского Союза.

Японские деловые и финансовые круги проявляют недовольство тем, что, проявив излишнюю лояльность, Япония поддержала американские так называемые «санкции» в отношении Советского Союза, в результате чего лишилась многих выгодных заказов, которые взялись выполнять западноевропейские компании. Вопреки нажиму со стороны США японские деловые круги заявили о намерении продолжить сотрудничество с советскими организациями в осуществлении соглашения о поиске нефти и газа на шельфе острова Сахалин.

³² In: «Times of India», 1.I.1981.

³³ См.: «Майинти симбун», 27.VIII.1982.

³⁴ «Newsweek», 21.XII.1981.

³⁵ «Асахи симбун», 7.IX.1982.

Это является свидетельством того, что все активнее проявляются противоречия не только в двустороннем торгово-экономическом обмене, но и в экономической политике обеих стран в отношении третьих стран.

Признавая японские экономические интересы в отношении стран ЮВА, в том числе АСЕАН, США вовсе не хотели бы видеть бесконтрольное хозяйничанье японских монополий на этом выгодном и быстро растущем рынке, где прямые инвестиции США достигли 4 млрд. долл. Торговый оборот США со странами АСЕАН превышает товарооборот США с такими странами, как Франция и Италия³⁶. Конкуренция на рынках стран АСЕАН между американскими и японскими компаниями, писала газета «Вашингтон пост», обостряется³⁷. Согласно докладу, подготовленному ЦРУ, американские компании в последнее время потеснили японских конкурентов на рынках стран Дальнего Востока, особенно Сингапура, Тайваня и Южной Кореи³⁸.

Вместе с тем в японских правящих кругах, в том числе в министерстве иностранных дел, считают, что Япония должна играть «ключевую роль»³⁹ в экономическом развитии стран региона, обеспечивая себе источники сырья, рынки сбыта товаров и экспорта капитала, а также одновременно решая задачу по удержанию этих стран в западном лагере.

Подталкивая Японию к увеличению военной мощи, США взращивают конкурента и своим военным амбициям в Азиатско-Тихоокеанском регионе. По прогнозам таких известных американских политологов, как Г. Кан, И. Шапиро, не исключена возможность создания Японией к концу нынешнего столетия собственного ядерного потенциала, превращения страны в крупную военную державу⁴⁰. Нетрудно предвидеть, какие опасные для дела мира и безопасности на Дальнем Востоке и во всем мире последствия имело бы развитие событий в таком направлении.

Послевоенная история международных отношений на Дальнем Востоке и развитие американско-японского союза показывают, что увеличение обязательств Японии в военно-политическом союзе с США, усиление проамериканского курса, активизация милитаристских приготовлений приводят к обострению международной обстановки, ухудшению отношений Японии со многими соседними странами, втягиванию страны в действия, прямо противоположные ее национальным интересам, наносящие серьезный ущерб ее международным политическим и экономическим позициям.

³⁶ In: «Congressional Record», 17.VI.1980.

³⁷ In: «Washington Post», 12.X.1980.

³⁸ In: «Wall Street Journal», 11.V.1981.

³⁹ In: «Christian Science Monitor», 22.I.1981.

⁴⁰ In: «Foreign Policy», № 41, 1980—1981.

Некоторые аспекты развития экономики КНДР

М. Е. Глебова,
В. В. Михеев

Вопросы определения основных направлений экономической политики занимают центральное место в документах съездов и пленумов Трудовой партии Кореи. Для ТПК, как и других братских партий, стала закономерной разработка долгосрочной политики, выделение основных звеньев, характерных для каждого этапа развития страны по социалистическому пути.

Весьма условно эволюцию общей экономической стратегии ТПК можно в историческом плане разделить на два этапа.

На первом этапе формировались необходимые условия для ликвидации последствий колониальной зависимости Кореи от Японии, искусственного раскола Кореи по вине американского империализма после ее освобождения, последствий американской агрессии, для вступления на путь социалистической индустриализации и ее завершения. Главная экономическая задача в строительстве социализма, определяющая содержание экономической стратегии и отраженная в документах III (1956), IV (1961) и V (1970) съездов Трудовой партии Кореи, состояла в преодолении экономической отсталости, уродливости экономической структуры, ее преобразовании на макроуровне для формирования современного народнохозяйственного комплекса. Центральным звеном этого этапа переходного периода являлось осуществление развернутой социалистической индустриализации на основе максимального использования собственных ресурсов и экономической помощи стран социализма¹.

Состоявшийся в ноябре 1970 г. пятый съезд Трудовой партии Кореи констатировал, что, несмотря на трудности развития, страна завершила индустриализацию и культурную революцию и вступила в этап развернутого строительства материально-технической базы социализма².

Первый период, вплоть до начала 70-х годов, характеризовался решением задач, связанных с созданием крупного социалистического производства в ходе социалистической индустриализации, утверждением и дальнейшим развитием социалистических производственных отношений, культурным строительством и т. д. Опыт КНДР еще раз подтвердил возможность перехода слаборазвитых стран к социализму и построения экономического фундамента социалистического общества, полностью минуя стадию капитализма или же развитых его форм, при опоре на интернациональную помощь и поддержку более развитых стран социализма в относительно короткий исторический срок.

На съездах ТПК в общих чертах сформулирована концепция экономического строительства, которая предполагает в качестве конечной цели создание материально-технической базы социализма, адекватной победившему социалистическому обществу. Ее содержание определяют следующие основные моменты: ориентация страны на сохранение высоких темпов экономического развития; достижение комплексности и сбалансированности в развитии отдельных отраслей экономики; создание развито-

¹ См.: III съезд Трудовой партии Кореи. Документы и материалы. М., 1959, с. 45—46; Ким Ир Сен. Избранные произведения, т. III, Пхеньян, 1971, с. 79.

² См.: Ким Ир Сен. Избранные произведения, т. V, Пхеньян, 1972, с. 460, 492.

го народнохозяйственного комплекса с его основой — тяжелой индустрией — при опоре преимущественно на использование собственных ресурсов; использование вместе с тем в определенных отраслях экономического сотрудничества с другими странами, развитие с ними торгово-экономического сотрудничества на принципах «взаимодополняемого обмена»; развитие научно-технической революции, проведение модернизации.

Экономическая концепция являлась составной частью генеральной линии ТПК в социалистическом строительстве, которая состоит в проведении трех революций — идеологической, технической и культурной — для того, чтобы «добиться дальнейшего укрепления и развития социалистического строя и приблизить полную победу социализма»³.

Второй, современный этап развития, отсчет которого начался с шестилетнего плана (1971—1976) и который продолжается в годы текущей, второй семилетки (1978—1984), выдвигает наряду с решением указанной главной стратегической задачи новые проблемы, связанные с переходом экономики КНДР на качественно более высокий уровень развития. Как было закреплено в заданиях второй семилетки и в резолюции VI съезда ТПК (1980), главным теперь является развертывание процессов научно-технической революции, а следовательно, переход в последующие годы на интенсивный путь развития.

Вместе с тем, как и в прежние годы, приоритет в своей экономической политике ТПК отдает высоким темпам роста для всемерного наращивания экономического потенциала, достижения экономической самостоятельности. В 1971—1979 гг. объем промышленного производства возрос в 3,8 раза (среднегодовой темп роста составил 15,9 %), в том числе рост производства средств производства — 3,9 раза, предметов потребления — 3,7 раза. Согласно семилетнему плану, в 1978—1984 гг. предполагается увеличить национальный доход в 1,9 раза (за шестилетку он возрос в 2,2 раза), валовой продукции промышленности — в 2,2 раза, рост производства средств производства — в 2,2 раза, производства предметов потребления — в 2,1 раза.

Непрерывно высокие темпы развития могут приводить к «перегреву» экономики и вынуждают иногда снижать их, особенно перед началом нового планового периода. Поэтому в КНДР 1977 год был объявлен «годом урегулирования», необходимого для того, чтобы разрядить напряженность на транспорте, в добывающих и топливно-энергетических отраслях промышленности, возникшую в годы выполнения шестилетки, и подготовиться к началу выполнения нового перспективного плана⁴. 1981 год по решению пленума ЦК ТПК (декабрь 1980 г.) был объявлен «годом нормализации»⁵.

Специфику экономической стратегии КНДР, позволяющей ей наращивать экономический потенциал наряду с модернизацией и техническим обновлением, определяет тот фактор, что страна имеет резерв трудовых и природных ресурсов.

Сохранение высоких среднегодовых темпов прироста населения (2 %), благоприятная демографическая ситуация (почти 80 % численности населения КНДР приходится на лица в возрасте до 40 лет, в том числе более 40 % — в возрасте до 14 лет) обеспечивают стабильный приток трудоспособного населения в народное хозяйство⁶. За счет увеличения массы живого труда в 1971—1979 гг. было обеспечено около 60 % прироста национального дохода.

³ Ким Ир Сен. Отчетный доклад ЦК Трудовой партии Кореи VI съезду партии. — «Нодон синмун», 11.XI.1980; Социалистическая конституция Корейской Народно-Демократической Республики, Пхеньян, 1972, с. 2.

⁴ См.: Новогодняя речь Генерального секретаря ЦК ТПК, президента КНДР Ким Ир Сена. — «Нодон синмун», 1.I.1977.

⁵ «Правда», 22.XII.1980.

⁶ In: Statistical Yearbook for Asia and the Pacific, New York, 1976, p. 220; Хангук Мирэ, Сеул, 1975, с. 140.

Экономика КНДР довольно хорошо обеспечена собственными ресурсами энергии и ряда полезных ископаемых. Запасы гидроресурсов КНДР составляют примерно 10 млн. кВт, угля — 6,6 млрд. т, железной руды — 2 млрд. т. Велики запасы таких цветных металлов, как свинец и цинк. В то же время в КНДР полностью отсутствуют запасы нефти, природного газа, невелики запасы меди, никеля, марганцевых руд⁷.

С начала 70-х годов КНДР удалось получить крупные заемные средства и для модернизации, и для продолжения строительства, в основном в промышленности, что дало стране возможность ежегодно тратить в течение всего этого периода крупные суммы капиталовложений, а темп их годового прироста составлял, по официальным данным, более 15%⁸.

На заемные средства, полученные от капиталистических стран, а также при использовании большой помощи Советского Союза и ряда других стран социализма в КНДР за прошедшее десятилетие было построено около 40 крупных и средних объектов. Прирост мощностей промышленных предприятий, построенных на предоставленные средства, составил, по расчетным данным, за десятилетие в энергетике — 2 млн. кВт, в добыче угля — 6,5 млн. т, в производстве стального проката — 1 млн. т, цемента — 3 млн. т. Было построено два нефтеперерабатывающих завода общей мощностью 3,5 млн. т нефти, крупный нефтехимический комплекс.

Особенно весомые изменения имели место в ведущих отраслях корейской индустрии: энергетике, угольной, металлургической, химической, цементной промышленности, а также в машиностроении. В энергетике начался процесс наращивания мощностей тепловых электростанций, работающих на отечественном угле. Их общая суммарная мощность за 1970—1978 гг. возросла в два раза, а удельный вес электроэнергии, вырабатываемой на этих станциях, составил 50%⁹.

В угольной промышленности продолжен процесс комплексной механизации путем применения современных крупногабаритных и высокопроизводительных угольных машин и комбайнов; в металлургии шло наращивание мощностей по производству различных видов марок сталей и стального проката, получили распространение автоматизация производственных процессов и дистанционное управление.

Дальнейшее развитие получила химическая промышленность, где на базе построенных нефтеперегонных заводов создана собственная нефтехимия, возросло производство химических удобрений и синтетических волокон. Особое внимание уделялось развитию цементной промышленности, мощности по производству цемента за десятилетие возросли в 2,2 раза.

Машиностроение получило в КНДР интенсивное развитие с самого начала осуществления социалистической индустриализации. В этом ей большую помощь оказали страны социалистического содружества. В рассматриваемый период происходило совершенствование внутриотраслевой структуры по линии улучшения образцов и типов производимой продукции, преимущественно в станкостроении, развивалось транспортное, сельскохозяйственное машиностроение, увеличилось производство продукции машиностроения для отстающих звеньев, прежде всего добывающей промышленности. Доля машиностроения в валовой промышленной продукции КНДР увеличилась в 1977 г. до 33,7% по сравнению с 29% в 1970 г.

В целом развитие промышленности КНДР на макроуровнях завершено; промышленный комплекс КНДР приобрел четкую отраслевую структуру. Его характерными признаками являются: ведущая роль тяжелой промышленности, преобладание энергоемких и металлоемких отраслей промышленности, развитая топливно-энергетическая и сырьевая

⁷ См.: Г. В. Грязнов. Строительство материально-технической базы социализма в КНДР. М., 1979, с. 98, 104, 109.

⁸ См.: «Нодон синмун», 4.IV.1980.

⁹ См. там же, 11.X.1980.

база, многоотраслевое машиностроение, крупные масштабы производства, соответствующие уровню промышленно развитой страны.

Созданные производственные мощности могут позволить КНДР производить в год свыше 30 млрд. кВт·ч электроэнергии, добывать 50 млн. т угля, выплавлять 4 млн. т стали, производить 3—4 млн. т химических удобрений, 9 млн. т цемента, 30—40 тыс. станков, 600—700 млн. м тканей¹⁰.

С учетом скорректированных на VI съезде ТПК прогнозных данных о производстве к концу 80-х годов основной продукции и заданий на 1984 г. по семилетнему плану объем производства основных видов промышленной продукции в 80-х годах должен составить по электроэнергии — 120 млн. кВт·ч (56—60 млрд. кВт·ч 1984 г.), углю — 120 млн. т (56—60 млн. т в 1984 г.), производству стали — 15 млн. т (7,4—8 млн. т в 1984 г.), цветных металлов — 1—1,5 млн. т, цемента — 20 млн. т (12—13 млн. т в 1984 г.), химических удобрений — 7 млн. т, тканей всех видов — 1,5 млрд. м.

Выдвинуты задачи значительного увеличения продукции сельского и рыбного (морского) хозяйства. В 80-е годы предполагается довести сбор зерна до 15 млн. т (9 млн. т в 1979—1980 гг.), выловить 5 млн. т морепродуктов, включая рыбу¹¹.

Ориентация на высокие темпы развития и стремление к одновременному быстрому развитию многих отраслей тяжелой промышленности привели к нарушению сбалансированности как в развитии отдельных отраслей промышленности, так и между отдельными производственными отраслями и инфраструктурой. На это негативное явление руководство ТПК не раз обращало внимание хозяйственных руководителей и плановых органов.

Необходимость обеспечения опережающего развития добывающей промышленности и энергетики подчеркивалась на XVII (декабрь 1978 г.) и XIX (декабрь 1979 г.) пленумах ЦК ТПК 5-го созыва. В добывающую промышленность направляется основная часть всех промышленных капиталовложений: от 33,3 % в 1979 г. до 37,1 % в 1980 г. Неуклонно увеличиваются ассигнования на развитие энергетики.

Наряду с параллельным строительством и расширением крупных ГЭС и ТЭС (таких, как Тэдонганская ГЭС, Миримская шлюзовая электростанция, Пукчанская ТЭС, Намганская ГЭС и др.) начато строительство средних и мелких. В 1979 г. в КНДР было развернуто всенародное движение «за строительство средних и мелких ГЭС», инициатором которого выступил XIX пленум ЦК ТПК. Создание средних и мелких ГЭС особенно важно для решения задач электрификации села в отдаленных и труднодоступных районах. Немалую роль оно играет и в развитии местной промышленности, перед которой вторым семилетним планом поставлена задача обеспечить более 60 % производства предметов народного потребления¹².

Принятые меры по укреплению топливно-сырьевой и энергетической базы КНДР позволили продолжить наращивание производства. В 1978—1979 гг. среднегодовой прирост электроэнергии составил 12 %¹³ против 9,2 % в шестилетку¹⁴, в первой половине 1979 г. производство угля возросло на 11 %¹⁵ по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года, в то время как в 1970—1976 гг. среднегодовые темпы прироста его производства составили 7,7 %¹⁶.

¹⁰ См.: «Проблемы Дальнего Востока», 1978, № 3, с. 27; «Нодон снимун», 11.X.1980.

¹¹ См.: «Нодон снимун», 4.IV.1980.

¹² См. там же, 18.XII.1977.

¹³ См. там же, 1.I.1979 и 1.I.1980.

¹⁴ Рассчитано по: «Нодон снимун», 10.XI.1970 и 17.XII.1977.

¹⁵ См. там же, 6.VII.1979.

¹⁶ Рассчитано по: «Нодон снимун», 10.XI.1970 и 17.XII.1977.

Однако в силу ряда объективных трудностей (неблагоприятные погодные условия, усложнение добычи и др.) развитие добывающей и энергетической промышленности по темпам роста пока отстает от развития промышленности КНДР в целом, что обуславливает необходимость продолжать концентрацию усилий на этом участке хозяйственной политики ТПК.

Важная роль в политике ТПК, направленной на обеспечение сбалансированного и пропорционального развития, отводится увеличению пропускной способности транспорта. В последние годы транспортная проблема неизменно находится в числе ключевых задач корейской экономики. В 1977 г. капиталовложения в транспорт возросли на 30 % по сравнению с предшествующим годом, в 1978 г. — на 50 %, в 1980 г. — еще на 15,4 %. Предполагается электрифицировать 440 км железных дорог и довести уровень электрификации железнодорожной сети КНДР до 85 %¹⁷.

Одновременно с приоритетным развитием добывающих отраслей промышленности, энергетики и транспорта ТПК проводит курс на совершенствование микроструктуры промышленности как главного направления структурной политики. Большая роль в совершенствовании микроструктуры корейской промышленности отводится модернизации основных фондов, повышению уровня механизации и автоматизации производства.

Наряду с комплексной механизацией и автоматизацией отраслей промышленности задачи модернизации корейской экономики, выдвинутые второй семилеткой, предусматривают также индустриализацию и модернизацию сельского хозяйства и «облегчение труда трудящихся». Важная роль в осуществлении модернизации народного хозяйства КНДР отводится развитию отечественной науки, ускорению научно-исследовательских работ, «переводу на новый научный фундамент производственно-технологических процессов, методов производства и хозяйственной деятельности»¹⁸. Одним из важнейших результатов активизации научно-технической политики ТПК в конце 70-х годов явился рост числа открытий, изобретений и рационализаторских предложений, успешно внедряемых в промышленное производство. Так, только в 1978 г. их число составило около 70 тыс.

Для решения поставленных проблем правительство КНДР увеличивает ассигнования на нужды науки и техники; в 1979 г. они возрастают на 20 %, а в 1980 г. — еще на 50 %¹⁹. За десятилетие число вузов в стране увеличилось со 129 до 170. Вновь был открыт 481 повышенный техникум²⁰. Современная научно-техническая политика ТПК непосредственно затрагивает деятельность корейских предприятий. Начиная с 1979 г. в их производственные планы включается специальный раздел научно-технического развития предприятия, одновременно вводится должность инженера или помощника главного инженера по вопросам научно-технического развития.

Важную роль в научно-технической политике ТПК играет привлечение трудящихся масс к активному участию в развитии научно-технической революции. Новый размах получает движение «за научно-техническое новаторство», в котором участвуют тысячи рабочих, ученых, членов сельхозкооперативов. В целях обеспечения более тесного сотрудничества науки и производства на предприятия направляются специально созданные группы корейских ученых, непосредственно участвующих во внедрении достижений науки и техники в производство.

Важным достижением стала подготовка 600 тыс. специалистов, что позволило выполнить программную задачу V съезда ТПК по созданию миллионной армии корейской интеллигенции. Доля высококвалифициро-

¹⁷ См.: «Нодон синмун», 4.IV.1980.

¹⁸ См. там же, 10.XI.1970 и 17.XII.1977.

¹⁹ См. там же, 4.IV.1980.

²⁰ См. там же, 11.X.1980.

ванных техников и специалистов в общем числе занятых в народном хозяйстве КНДР возросла с 15,8 % в 1969 г. до 19,2 % в 1976 г., а число специалистов-аграрников на каждый сельхозкооператив увеличилось соответственно с 17,5 до 55 человек²¹.

Среди направлений развития корейской науки ведущее место принадлежит прикладным исследованиям в области топливно-сырьевых отраслей, машиностроения и сельского хозяйства. Перед учеными КНДР стоит задача в первую очередь направить свои усилия на решение научно-технических проблем использования отечественного сырья, топлива, развития электроники и производства средств автоматизации, на создание высокопроизводительных современных машин и оборудования, на усиление исследовательской работы по выведению новых элитных сортов риса, кукурузы и других важнейших для КНДР зерновых и технических культур, изучению методов стимулирования роста растений, разработке мер по предотвращению ущерба от заморозков и др. Для успешного решения этих проблем ТПК считает необходимым улучшить работу по комплектованию исследовательских учреждений научными кадрами, повышению их научно-технического уровня, обеспечению современным лабораторным оборудованием научно-экспериментальных заводов и т. д.

На VI съезде ТПК было указано на необходимость усилить исследовательскую работу в области фундаментальных наук (математика, физика, химия, биология), а также в новых направлениях науки (цитология и гистология, физика высоких давлений и низких температур, лазерная физика и физика плазмы). Признано необходимым также развивать исследовательскую деятельность в области использования атомной энергии и энергии Тихого океана, изыскивать новые источники энергии.

Уделяя первостепенное внимание в своей экономической стратегии промышленному производству, развитию инфраструктуры, ТПК не забывает проблемы, связанные с уровнем народного благосостояния, самообеспечения КНДР зерном и другими продуктами питания. Этого удалось добиться благодаря дальнейшей интенсификации сельского хозяйства. Применение тракторов в расчете на 100 чонбо (1 чонбо — 0,99 га) составило в равнинной местности 7 единиц (в пересчете на 15-сильные тракторы), в других районах — 6 единиц. На 1 чонбо посева вносится по 1,5 т минеральных удобрений. На 97 % всех площадей применяются гербициды и ядохимикаты. Тем самым урожайность основной сельскохозяйственной культуры — риса — была повышена до 72 ц с 1 чонбо, кукурузы — до 63 ц с 1 чонбо, а общий сбор зерна доведен до 9 млн. т²². Производство зерна на душу населения составляет 529 кг. Успешно решается задача комплексности в развитии отдельных отраслей сельского хозяйства. Получило интенсивное развитие животноводство на промышленной основе, а также производство овощей и фруктов, в том числе поставляемых на экспорт.

Ориентация на расширение масштабов экономики, увеличение производства в наиболее капиталоемких отраслях, таких, как транспорт, энергетика, добывающая промышленность, наряду с проблемой сбалансированности экономики ставят проблему дефицитности капитальных вложений уже в 80-е годы. Поэтому наряду с ассигнованиями для создания новых производственных мощностей увеличена доля средств для возмещения производственных фондов, машин и оборудования. Намечающийся сдвиг в инвестиционной политике в сторону увеличения доли интенсивных капиталовложений призван способствовать решению одной из важных задач — «развития экономики без больших дополнительных капиталовложений на основе использования уже созданной экономической базы»²³.

²¹ См.: «Нодон синмун», 10.XI.1970 и 17.XII.1977.

²² См. там же, 11.X.1980.

²³ См. там же, 17.XII.1977.

Курс на всемерную экономию, «максимальное использование действующего оборудования, имеющейся рабочей силы и материалов» активно начал внедряться с 1981 г. — «года нормализации»²⁴. В связи с этим силы научных и инженерно-технических работников всемерно направляются на изыскание резервов, улучшение качественных показателей работы промышленных предприятий, более продуктивное использование и изучение собственных ресурсов сырья и топлива. Особое внимание уделяется режиму экономии в энергетике, металлургии, химической, горнодобывающей и ряде других отраслей тяжелой промышленности²⁵.

Хотя выше говорилось о масштабе намечаемых сдвигов в уровне и объеме общественного производства в течение всего периода 80-х годов, с начала осуществления намечаемых проектов, а конкретнее — с 1981 г., Трудовая партия Кореи внесла значительные коррективы. Они состоят в том, что на период ориентировочно до 1988 г. утвержден новый план комплексного развития экономики КНДР, иначе говоря, «План преобразования природы», который, по-видимому, должен внести коррективы в предыдущие планы развития экономики КНДР в 80-е годы. В октябре 1981 г. состоялся VI пленум ЦК ТПК, который обсудил вопросы введения в сельскохозяйственный оборот 200 тыс. га целинных земель и 300 тыс. га солончаков, что позволит на 40 % увеличить площадь сельхозугодий²⁶. Земли под солончаками осваиваются на Западном побережье (провинция Северная Пхенан и Южная Хванэх), где будут построены плотины и дамбы для расширения посевов риса. Целинные земли предполагается использовать в труднодоступных районах, где целесообразно выращивать табак и масличные культуры, поставляемые на экспорт. Освоение указанных земель позволяет не только более полно обеспечивать потребности страны в продовольствии и экспорте сельхозпродукции, но и частично решать проблемы производства электроэнергии за счет строительства на отводных каналах гидроэлектростанций средней и малой мощности. Кроме того, предполагается строительство крупной Тэчхонской ГЭС мощностью 660 тыс. кВт с последующим расширением до 2 млн. кВт.

Будут решаться и транспортные проблемы в результате строительства в Нампхо шлюза: возведения плотины длиной 7,8 км и высотой 30 м и водохранилища емкостью 2,7 млрд. м³. Строительство шлюза в Нампхо (быстро развивающегося порта на Западном побережье КНДР) позволяет поднять уровень воды в реке Тэдонган, дать толчок развитию речного транспорта и переложить часть транспортных перевозок с железнодорожного на речной транспорт, а также увеличить пропускную способность не только порта Нампхо, но и портов Сонним и Пхеньян²⁷.

Для реализации плана преобразования природы (1982 г. назван годом начала преобразования природы)²⁸, как это было подчеркнуто в речи Генерального секретаря ЦК ТПК, президента КНДР Ким Ир Сена по случаю Нового, 1982 г., потребуются значительный контингент рабочей силы, особенно молодежи, строительной техники и оборудования, цемента, металлоконструкций. В связи с этим, видимо, будут внесены коррективы в плановые задания второй семилетки и экспортные планы.

Вместе с тем новый план позволяет КНДР более успешно решать сложные проблемы инфраструктуры и сельского хозяйства в едином комплексе.

Проблема дефицитности капиталовложений, необходимость строжайшей экономии и максимального использования собственных ресурсов поставила на повестку дня вопросы совершенствования хозяйственного ме-

²⁴ См.: «Нодон синмун», 29.VII.1981.

²⁵ См. там же, 16.VI.1981.

²⁶ См. там же, 7 и 8.X.1981; «Правда», 8.X.1981.

²⁷ См.: «Нодон синмун», 7 и 8.X.1981.

²⁸ См. там же, 1.I.1982.

ханизма, предоставления большей хозяйственной самостоятельности на местах, усиления их ответственности за выполнение планов развития районов и провинций.

В последнее время начался процесс некоторой реорганизации системы управления экономикой в сторону усиления действия территориальных принципов. Наряду с сохранением отраслевых комитетов и министерств как центрального звена по управлению народным хозяйством в 1981 г. создан новый орган провинциального управления — провинциальный комитет по управлению экономикой и ликвидированы административные комитеты провинций, городов и уездов. Провинциальным комитетам по управлению экономикой переданы функции непосредственного руководства промышленными предприятиями, в основном местного подчинения, строительством. Ранее были организованы провинциальные и уездные комитеты по управлению сельским хозяйством, которые распространяют свои права административно-хозяйственного руководства на сельскохозяйственные предприятия и связанные с аграрной сферой объекты: материально-техническое снабжение, транспорт, закупки сельхозпродукции и пр.

Управление всеми другими отраслями материальной и нематериальной сферы (торговля, городское коммунальное хозяйство, трудовая администрация, здравоохранение, культура, образование) осуществляют провинциальные и уездные народные комитеты. Новая система управления местной экономикой создала новые формы объединения усилий административно-хозяйственных органов в лице провинциальных комитетов и органов народной власти. Провинциальные органы по управлению экономикой непосредственно подчинены Административному комитету КНДР, им передан ряд функций отраслевых комитетов и министерств. Последние руководят местной экономикой, таким образом, не прямо, а косвенно, то есть определяют экономическую и научно-техническую политику, увязывают и координируют планы развития провинций и тем самым проводят курс на усиление концентрации и централизации общественного производства.

«Сегодня одним из серьезных недостатков в управлении социалистической экономикой является неумелое использование закона стоимости, отсутствие финансового контроля и неправильное установление цен на товары, что является главной причиной большого расточительства производственных фондов, сырья и материалов», — говорил Генеральный секретарь ЦК ТПК, президент КНДР Ким Ир Сен²⁹.

Усиление финансового контроля над деятельностью предприятий со стороны банковских органов призвано повысить финансовую и производственную дисциплину, покончить с «недисциплинированным, своевольным и беспорядочным расходованием финансов», изжить случаи «превышения расходов госбюджета, порождаемые безрассудной растратой средств на излишний ритуал, например на ненужные банкеты и собрания, на бессмысленные подарки, а также затратами на внеплановые стройки»³⁰.

Важная роль в укреплении финансовой дисциплины отводится системе местных бюджетов КНДР. Положение о системе местных бюджетов КНДР, принятое в декабре 1978 г., было направлено на укрепление правовых основ развития местной экономики и ее связи с центром. Положение укрепило роль местных органов власти в хозяйственной жизни в провинциях и уездах КНДР.

Большое внимание уделяется укреплению трудовой дисциплины и более рациональному использованию рабочей силы, что отражено в принятом в 1978 г. Социалистическом законе о труде и Положении о трудовой дисциплине. Закон усиливает экономические рычаги регулирования деятельности предприятий, повышает роль материального стимулирования,

²⁹ См.: «Нодон синмун», 25.XII.1978.

³⁰ Там же.

более точно регламентирует охрану труда, порядок предоставления отпусков и т. д. Положение «регламентирует трудовую жизнь трудящихся, начиная с вопросов прихода и ухода с работы, работы в разные смены и кончая вопросами организации свободного времени»³¹.

Важное значение для КНДР имеет также проблема обеспечения рациональной занятости и борьба с текучестью кадров. Выступая на слете работников трудовой администрации (сентябрь 1979 г.), Ким Ир Сен отметил, что 25% занятых в местной промышленности являются фактически «излишней рабочей силой», а на заводах и фабриках центрального подчинения «также имеются лишние рабочие руки»³². Улучшение организационной работы, в частности более рациональное распределение рабочей силы, может открыть дополнительные резервы трудовых ресурсов.

Укрепление трудовой дисциплины должно также способствовать борьбе с практикой штурмовщины в конце каждого месяца, имеющей место на некоторых предприятиях³³. С конца 1979 г. введены личные трудовые книжки, в которых ежедневно фиксируются результаты данного работника в социалистическом соревновании в трудовом коллективе.

Неотъемлемой чертой совершенствования механизма управления является развитие системы стимулирования. В КНДР данная проблема решается, исходя из программных положений второго семилетнего плана о необходимости «правильного сочетания моральных и материальных стимулов»³⁴.

КНДР проводит политику государственного регулирования уровня реальных доходов населения, что при сохраняющейся системе нормированного снабжения рабочих и служащих основными продуктами питания и товарами широкого потребления открывает возможность для экономического маневрирования. Вместе с тем это обстоятельство мешает социальной стратегии стать составной частью стратегии экономической, а социальному фактору — одним из регуляторов пропорций общественного производства.

Важной особенностью решения проблем увеличения объемов производства и повышения производительности труда на современном этапе экономического развития КНДР является широкое использование внеэкономических факторов повышения активности корейских трудящихся. Это проявляется прежде всего в той особой роли, которую играют морально-политические и идейно-политические стимулы, а также в развертывании всенародного социалистического соревнования, получившего название «скоростного боя».

В последние годы в КНДР усилено внимание к внешней торговле как одному из факторов экономической стратегии партии. В Политписьме ЦК ТПК (январь 1978 г.), в решениях XIX пленума ЦК ТПК (декабрь 1979 г.), VI съезда партии развитие внешней торговли выдвигается в качестве одного из ключевых направлений. Признается важным развивать экспортные производства. На VI съезде была поставлена задача увеличить объем экспорта к концу 80-х годов в 4,2 раза по сравнению с нынешним уровнем. Для достижения этой цели должно быть осуществлено развитие производства экспортной продукции, главным образом сырья и материалов, и повышена экспортная квота. В конце 70-х годов КНДР форсировала производство магнезитового клинкера, объем которого за семилетку должен возрасти в четыре раза³⁵, цемента, нерудных ископаемых, черных и цветных металлов и др. По мнению корейских экономистов, резкий рост экспорта нерудных ископаемых к концу семилетки

³¹ «Нодон синмун», 29.IX.1979.

³² Там же.

³³ См. там же.

³⁴ Там же, 18.XII.1977.

³⁵ См.: «Внешняя торговля КНДР», 1979, № 5, с. 2.

«обеспечит более устойчивое положение КНДР на международном рынке»³⁶.

Параллельно с мерами по расширению экспортной базы предпринимаются шаги по реорганизации внешнеторгового аппарата: было создано при ведущих отраслевых комитетах или министерствах КНДР 10 внешне-торговых фирм³⁷, подчиненных как соответствующему отраслевому комитету или министерству, так и Министерству внешней торговли КНДР. Задачей данных внешне-торговых фирм является реализация дополнительной, «сверхплановой» продукции, не включенной в план экспорта МВТ КНДР, или дополнительные закупки продукции, не предусмотренной по плану импорта на соответствующий год.

Активизация внешнеэкономической деятельности КНДР положительно сказалась на росте внешнеторгового оборота страны. Так, в 1979 г. экспорт КНДР возрос на 30 %³⁸ против предшествовавшего года, в то время как в 1971—1978 гг. среднегодовые темпы его прироста составляли 6,7 %.

Социалистические страны по-прежнему занимают основное место во внешнеэкономических отношениях КНДР, являются поставщиками остродефицитной продукции, осуществляют строительство ряда предприятий, научно-техническое сотрудничество. От дальнейшего развития и углубления связей с социалистическими странами во многом будет зависеть реализация экономической программы, принятой на VI съезде Трудовой партии Кореи. Как подчеркнул Ким Ир Сен в Отчетном докладе ЦК ТПК VI съезду, «партия будет прилагать неустанные усилия для укрепления сплоченности с социалистическими странами и развития дружбы и сотрудничества с ними на основе принципов самостоятельности и пролетарского интернационализма».

³⁶ «Внешняя торговля КНДР», 1979, № 5, с. 2.

³⁷ Такие фирмы были созданы при комитетах горнодобывающей, легкой промышленности, сельского хозяйства, министерстве машиностроения и др.

³⁸ См.: «Нодон синмун», 1.1.1980.

Социальные последствия научно-технического прогресса в Японии

Ю. И. Березина,
кандидат географических наук

Научно-техническая революция в Японии совпала с переходом от преимущественно экстенсивной модели развития к интенсивной, который заметно запоздал здесь по сравнению со многими другими индустриально развитыми капиталистическими странами и совершался ускоренным темпом. Используя опыт, технику, научные достижения и открытия других стран, Япония проделала этот переход в соответствии со своими историческими особенностями.

Научно-технический прогресс явился одним из наиболее важных факторов развития японской экономики, прежде всего достижения ускоренного роста валового национального продукта и производительности труда. В 1955—1960 гг. научно-технический прогресс обеспечил 19,5 % роста ВВП, в 1961—1965 гг. — 24,8, в 1966—1970 гг. — 37,9, в 1971—1972 гг. — 47,1, в 1975—1980 гг. — от 63 до 67 % в год¹.

С конца 60-х и особенно в 70-х годах научно-технический прогресс в Японии приобрел принципиально новый характер, что было связано прежде всего с переходом к автоматизации производства на базе мультипрограммных ЭВМ, широкому применению электронного технологического оборудования (станки с программным управлением, автоматические поточные линии и т. д.) и промышленных роботов. Широкое внедрение электронно-вычислительной техники, особенно микроэлектроники, которая в значительной степени заменяет человеческий труд как в сфере производства, так и в сфере управления, пришлось в Японии на вторую половину 70-х годов. В это же время началось также применение ЭВМ в индустрии информации.

Внедрение научно-технических достижений в нематериальное производство — в торговлю, сферу услуг и особенно в обслуживание — происходит в Японии в отличие от других промышленно развитых капиталистических стран в довольно ограниченных масштабах. Расширение этих отраслей происходит главным образом за счет привлечения дополнительной рабочей силы, хотя нельзя не отметить, что со второй половины 70-х годов заметно увеличилось внедрение микроэлектронной техники в полиграфию, связь, медицинское обслуживание, конторское дело и т. п.

На протяжении послевоенных десятилетий в Японии, как и в других промышленно развитых капиталистических странах, происходило углубление классовой поляризации общества. Но в Японии этот процесс развивался значительно быстрее, подхлестываемый высокими темпами экономического роста на базе научно-технического прогресса. В 1950—1955 гг. численность наемных работников возрастала на 6,95 % ежегодно, в 1955—1960 гг. — на 6,1 %. На протяжении 60-х годов эти темпы несколько снизились — до 4,15 % в 1960—1965 гг. и до 3,5 % в 1965—1970 гг. Тем не менее они по-прежнему были выше, чем во многих странах Западной Европы. Результатом этого явились коренные изменения в

¹ См.: Кагаку гидзюцу хакусё. Токио, 1978, с. 2; «Кэйдзай», 1982, № 214, с. 20.

социальном составе японского общества: если в 1950 г. наемные работники составляли менее 40 % занятого самодеятельного населения, то к началу 70-х годов их доля возросла почти до 65 %.

В 70-х годах процесс пролетаризации населения несколько замедлился. Среднегодовые темпы прироста численности наемных работников составили в первой половине этого периода 2 %, а во второй половине — немногим более 1 %. Замедление явилось следствием перехода от преимущественно трудоемкой к преимущественно капиталоемкой модели развития, связанной со значительным расширением объема внедрения трудосберегающей техники и технологии.

Изменения в сфере занятости, происходившие под воздействием перемен в структуре экономики, были, однако, неоднозначными. Резкое сокращение удельного веса сельского и лесного хозяйства, рыболовства и морского промысла, обусловленное послевоенной модернизацией японской экономики, привело к значительному снижению занятости в этих прежде крайне важных отраслях. Их доля в общей занятости упала с 48,3 % в 1950 г. до 17,4 в 1970, 12,6 в 1975, 10,4 в 1980 и 10,1 % в 1981 г.²

В промышленности занятость возросла, однако для разных отраслей ее динамика была различной. В обрабатывающей промышленности увеличение занятости продолжалось до начала 70-х годов. Это создавало впечатление, будто развитие в данной области идет иным путем, чем в других промышленно развитых капиталистических странах, где рост занятости в обрабатывающей промышленности прекратился в середине 50-х (США и Англия) или в середине 60-х (ФРГ и Франция) годов. Однако к середине 70-х годов рост занятости в обрабатывающей промышленности сменился ее падением. Иными словами, проявилась та же тенденция, что и в других странах развитого капитализма, но с опозданием на 5—10 лет³.

В наиболее наукоемких отраслях, таких, как приборостроение и электромашиностроение, где трудосберегающий эффект новой технологии еще не компенсировал необходимость создания новых рабочих мест, обусловленного расширением масштабов производства, занятость продолжала расти. Численность постоянных наемных работников на предприятиях приборостроительной промышленности в 1980 г. составила 109,9 % к уровню 1975 г., на электромашиностроительных предприятиях — 111,3 %.

Увеличением или примерной стабильностью занятости характеризовалась ситуация в пищевой и швейной отраслях, что связано со значительным расширением производства и ассортимента, а также с ограниченными масштабами перехода на новую технологию. В то же время в таких важных отраслях, как химическая, нефте- и углеперерабатывающая, транспортное и общее машиностроение, металлообработка, а также в текстильной и полиграфической промышленности, несмотря на расширение объемов производства, под воздействием новой технологии и техники занятость неуклонно сокращается. Численность постоянных наемных работников на предприятиях химической промышленности составила в 1980 г. 90,2 % к уровню 1975 г., нефте- и углеперерабатывающей — 91,2, в транспортном машиностроении — 87,3, в общем машиностроении — 88,3, в металлообработывающей промышленности — 93,5, в текстильной — 79, в полиграфии — 93 %.

Эти показатели общей статистики были подтверждены в результате проведения специальных обследований. В 1979 г. им подверглись 565 фирм, действующих в обрабатывающей промышленности. Согласно данным обследований, число занятых на этих фирмах сократилось в 1978 г. по сравнению с 1973 г. на 298 тыс. человек (11 %). За этот же период

² См.: Кэйдай токэй нэмпо. Токио, 1970, с. 270; Родо токэй ёран 1980. Токио, 1980, с. 28; Родо токэй ёран 1982. Токио, 1982, с. 25.

³ В конце 70-х и начале 80-х годов вновь наблюдается незначительное увеличение как абсолютной, так и относительной занятости в обрабатывающей промышленности.

объем продаж продукции на одного занятого увеличился на 70 %, объем добавленной стоимости в расчете на одного занятого — на 60 %, а фондовооруженность — на 55 %⁴.

В строительстве в отличие от обрабатывающей промышленности быстрый рост занятости продолжался до конца 70-х годов. Удельный вес этой отрасли в общей занятости увеличился с 7,7 % в 1970 г. до 9,9 % в 1980 г., а абсолютная численность занятых выросла на 1535 тыс. человек.

Рост занятости был зафиксирован в сфере транспорта, связи, энерго-, газо- и водоснабжения. Это также было связано с тем, что расширение производства в названных отраслях происходило быстрее, чем внедрение трудосберегающей техники.

Вплоть до конца 70-х годов повышение потребности в рабочей силе, характерное для строительства, транспорта и других перечисленных выше отраслей, с лихвой компенсировало высвобождение рабочей силы в обрабатывающей и добывающей промышленности, обеспечивая своеобразное положительное сальдо для промышленности в целом. Однако наиболее значительное воздействие на рынок труда в Японии оказала динамика занятости в нематериальной сфере. Если в целом по всем отраслям число добавленных рабочих мест составило за 1970—1975 гг. 1290 тыс., а за 1975—1980 гг. — 3120 тыс., то в торговле и финансах занятость выросла соответственно на 1525 тыс. и на 1415 тыс., а в сфере услуг — на 1055 тыс. и 1715 тыс. человек. В 1965 г. доля непроектируемых отраслей в общей занятости составляла 42 %, в 1970 г. — 47,3, а в 1980 г. возросла до 54,6 %⁵.

Таким образом, в Японии проявилась та же тенденция, которая наметилась в 50—60-е годы в других странах развитого капитализма. Ее более отчетливое проявление здесь связано с особой интенсивностью процесса урбанизации, а также с европеизацией быта, следствием которых явился рост семейных расходов на дополнительные индивидуальные услуги и товары.

Согласно прогнозам, составленным в Японии, в стране предвидится дальнейший рост занятости в нематериальной сфере. Так, Японский центр экономических исследований предполагает, что в 1985 г. соотношение между тремя отраслевыми группами (сельское хозяйство, промышленность и сфера услуг) по занятости будет следующим: 8,9 %, 36,3, 54,8 %⁶. По подсчетам Научно-исследовательской ассоциации по проблемам политики найма, в 1985 г. соответствующие показатели составят 7 %, 35,3 и 57,6 %⁷.

В основе этих расчетов лежит предположение, что, с одной стороны, возможности расширения сферы нематериального производства далеко не исчерпаны, а с другой — внедрение трудосберегающей техники в эту сферу не выйдет за сравнительно скромные пределы. Эти предположения, однако, не подтверждаются особенностями реального процесса развития, характерными для других промышленно развитых капиталистических стран. Исходя из этого, можно предположить, что речь в данном случае может идти лишь о временной задержке с вступлением в такую фазу развития, когда интенсивное внедрение новой техники и технологии в непроектирующую сферу лишит ее функции резервуара, поглощающего «излишнюю» рабочую силу.

Хотя научно-техническая революция активно способствует вытеснению из производства мелких и средних предприятий старого типа, не сумевших обеспечить высокую эффективность и включиться в систему свя-

⁴ См.: «Кэйдзай», 1980, № 190, с. 48.

⁵ См.: Кацуё родо токэй 1970. Токно, 1970, с. 65; Кэйдзай ёран 1980. Токно, 1980, с. 260; Родо токэй ёран 1982, с. 25.

⁶ In: The Future of Labor Problems in Japan. Tokyo, 1977, p. 60.

⁷ См.: «Нихон кэйдзай кэнкю сэнта кайхо», 1976, № 275, с. 29.

зи, созданную крупными фирмами, роль мелкого производства в Японии остается более высокой, чем в других промышленно развитых капиталистических странах. К началу 70-х годов мелкие и мельчайшие предприятия (с числом занятых от 1 до 100 человек) составляли 99,2 % всех предприятий, а доля занятых на них — 72,3 %. В обрабатывающей промышленности удельный вес мелкотоварного производства равнялся 97,8 %, а доля занятых — 54,8 %, в сфере торговли — соответственно 96,8 и 72,8 %⁸.

Углубление общественного разделения труда и изменение структуры спроса в условиях научно-технической революции способствует использованию для выполнения определенных задач (производства уникальной, малосерийной продукции, отделочных работ и т. д.) именно мелких предприятий. Это существенно тормозит вытеснение мелких производственных единиц. Во второй половине 60-х годов наметился даже рост количества мелких предприятий с числом занятых от 4 до 9 человек (214 тыс. в 1968 г. против 79 тыс. в 1960 г.) при одновременном сокращении количества мельчайших предприятий с числом занятых от 1 до 3 человек (223 тыс. в 1968 г. против 249 тыс. в 1960 г.)⁹.

Показательно, что увеличение общей занятости в промышленности, о котором шла речь выше, происходило главным образом за счет ее расширения на средних, мелких и мельчайших предприятиях, лишенных возможности вкладывать крупные суммы в приобретение новой дорогостоящей техники. Об этом свидетельствуют показатели изменения численности занятых в зависимости от размеров предприятия. В 1975—1978 гг. количество наемных работников на предприятиях с числом занятых 1—4 человека возросло на 6,7 %, на предприятиях с числом занятых 30—99 человек — на 7,3 %, на предприятиях с числом занятых 100—499 человек — на 2,6 %, на предприятиях с числом занятых свыше 500 человек сократилось на 10,1 %¹⁰.

Очевидно, что в дальнейшем положение в сфере занятости будет в значительной степени зависеть от того, насколько новая техника и технология, обладающие высоким трудосберегающим эффектом, станут доступными мелким и средним японским предприятиям. В США и Западной Европе эта степень доступности, обусловленная внедрением микроэлектроники, уже достигнута.

Важным следствием научно-технической революции является изменение требований, объективно предъявляемых к качеству рабочей силы. Это находит отражение в росте общеобразовательного уровня трудящихся, в изменении профессионально-квалификационной структуры работников, содержания и характера их труда.

В 70-е годы темпы увеличения численности лиц, занимающихся преимущественно умственным трудом, опережали соответствующие показатели для лиц физического труда. Происходило также неуклонное повышение в составе наемных работников удельного веса лиц, получивших высшее образование. Удельный вес лиц, закончивших высшие учебные заведения и вышедших на рынок труда, вырос с 20,7 % в 1970 г. до 38,5 % в 1980 г., главным образом за счет резкого сокращения доли выпускников неполных средних школ (с 20,4 % в 1970 г. до 8,3 % в 1980 г.).

В 80-е годы почти все трудящиеся охвачены профессиональным образованием, при этом на крупных фирмах — за счет средств предпринимателей, на мелких — за счет средств из госбюджета. Широкое распространение получила в Японии подготовка рабочих на инструктажах по повышению качества продукции. В 1962—1980 гг. такие инструктажи прошли 7 млн. рабочих. Заметно изменилась социально-профессиональная структура контингента наемных работников. Сдвиги в структуре наемного

⁸ Подсчитано по: Кэйдай бран 1971. Токио, 1971, с. 188—189.

⁹ См.: «Тод кэйдай», 26.VII.1970, с. 9.

¹⁰ См.: «Нихон родо кёкай дзэссэн», 1980, № 3, с. 14.

труда Японии выражаются прежде всего в непрерывном и значительном увеличении численности и повышении удельного веса инженерно-технических специалистов, научных работников, административно-управленческого персонала. Доля же сельскохозяйственных рабочих, рыбаков, охотников, лесорубов, а также неквалифицированных рабочих в промышленности, строительстве, на транспорте и в области связи неуклонно сокращается. Особенно заметные сдвиги произошли в 70-е годы, главным образом во второй половине десятилетия, когда внедрение новой технологии и техники было особенно интенсивным. В 1970—1979 гг. рост доли технических специалистов, административно-управленческого персонала и торговых служащих среди мужчин составил 4,3 %, среди женщин — 8,4 %. Таким образом, удельный вес лиц, занимающихся преимущественно умственным трудом, особенно быстро увеличивался среди женщин. И это не случайно, так как заметно повысился образовательный уровень женщин-работниц. В настоящее время 94,4 % женщин получают полное среднее образование (мужчин — 92,7 %) и 33,7 % — высшее (мужчин — 31,9 %) ¹¹.

Ряды промышленных и строительных рабочих, а также рабочих транспорта и связи пополнялись главным образом за счет квалифицированных работников. Однако в 70-е годы, особенно во второй половине десятилетия, в результате внедрения новой техники и технологии получили распространение новые виды не только сложного, но и простого труда. Вследствие этого сложился новый тип неквалифицированного рабочего, который обладает высокой общеобразовательной подготовкой и выполняет простые функции в сфере нефизического труда.

Следует учитывать, что воздействие научно-технической революции на характер труда проявляется крайне неравномерно. На фоне новейших технических и технологических достижений сохраняется большое число предприятий и участков с крайне отсталой производственной базой и технологией производства. Современный высококвалифицированный труд соседствует с малосодержательным, физически тяжелым. Согласно обследованиям, проведенным во второй половине 70-х годов, только 21,1 % рабочих Японии трудились в условиях полной механизации, в то время как 27,3 % вынуждены были в процессе работы вручную поднимать и переносить грузы весом 20—50 и даже более 50 кг ¹². Это обстоятельство весьма остро ставит проблему неполного или неадекватного использования квалифицированной рабочей силы.

Рост общеобразовательного уровня японского рабочего класса способствовал сближению различных его отрядов. Об этом свидетельствует интенсивность межпрофессиональных перемещений. Высоким уровнем мобильности характеризуются отношения между инженерно-техническим персоналом и квалифицированными промышленными рабочими. Около 45 % японских предприятий в случае необходимости прибегали к временному использованию инженерно-технических работников вместо квалифицированных рабочих, а 16 % предприятий при дефиците инженерных кадров переводили на их места квалифицированных рабочих. В случае нехватки квалифицированных рабочих 61 % предприятий имели возможность при соответствующем обучении использовать на их местах неквалифицированных рабочих ¹³.

Расширение масштабов, повышение качества профессионально-квалификационной подготовки привели к ослаблению прежней изоляции рабочих мелких предприятий. Значительно более активными стали перемещения рабочих между предприятиями разных размеров: с мелких на крупные в периоды подъема и в противоположном направлении — во время спада.

¹¹ Ип: «Japan Labor Bulletin», 1979, N 12, p. 7.

¹² См.: Родо токэй нэмпо 1977. Токио, 1977, с. 307.

¹³ См.: Кокумин сэйкацу токэй нэмпо. Токио, 1976, с. 21.

В конце 70-х годов одной из особенностей рынка труда в Японии стала его феминизация. Важнейшим ее фактором явилось прежде всего повышение коэффициента трудовой активности женщин, совпавшее с существенным понижением этого коэффициента у мужчин. За это десятилетие число женщин, работающих по найму, выросло почти вдвое — с 10,9 млн. до 20,8 млн. человек. К концу десятилетия в сфере наемного труда было занято примерно 50 % всего трудоспособного женского населения¹⁴. Удельный вес женщин среди работающих по найму составил в 1980 г. 33,9 % (в 1950 г. он составлял 26 %, в 1960 г. — 30,4, в 1970 г. — 32,4 %) ¹⁵.

Значительному расширению сферы применения женского труда способствовали изменения в характере производственных операций вследствие внедрения новой технологии. Благодаря этому существенно выросло число женщин в машиностроении, особенно транспортном, в электромашиностроении и приборостроении. В этих отраслях уже имеются отдельные участки и даже предприятия, которые полностью или почти полностью обслуживаются женщинами. Такое положение существует, например, в фирме «Ямаха кацудока», где на конвейерной линии по сборке мотоциклов после введения новой технологии работают только женщины.

Особенно быстро увеличивается численность женщин, занятых в непроизводственных отраслях. Так, в сфере обслуживания она составила в 1980 г. 57,2 %, среди конторских служащих, в области финансов, кредита, страхования, операций с недвижимостью — 50,4 %, в оптовой и розничной торговле — свыше 40 % ¹⁶.

Средний возраст трудящихся женщин продолжал увеличиваться. К концу 70-х годов он составил 33,9 года против 30,3 лет в 1970 г. (в 1954 г. — 25,3 года). Это свидетельствует о расширении применения труда женщин старших возрастов, в том числе замужних. К концу 70-х годов доля трудящихся замужних женщин выросла до 54,5 % против 40,1 % в 1970 г. и 32,7 % в 1962 г. Продолжительность трудового стажа женщин увеличилась до 5,8 лет против 3,6 лет в 50-х годах. Вместе с тем численность женщин в сфере наемного труда росла главным образом за счет временных, поденных и частично занятых работниц, доля которых в составе женского наемного труда поднялась с 12,2 % в 1970 г. до 19,3 % в 1980 г. ¹⁷.

Интенсивное вовлечение женщин в сферу наемного труда с особой остротой поставило на повестку дня проблему обеспечения равноправия женщин с мужчинами в области занятости и оплаты труда (средняя заработная плата работниц составляет до сих пор примерно половину средней зарплаты мужчин).

Важнейшей качественной характеристикой рабочей силы в условиях научно-технического прогресса является способность к переобучению и профессиональным перемещениям. В этой связи возрастает значение молодых поколений. Большая физическая и духовная мобильность, а также более высокий уровень профессиональной подготовки облегчают молодежи адаптацию к изменениям техники и технологии.

В то же время в Японии сокращается приток молодых работников на рынок труда. Это связано как с повышением возраста приобщения к общественному труду из-за растущей продолжительности обучения, так и с быстрым старением японского населения вследствие падения рождаемости и увеличением продолжительности жизни. Коэффициент рождаемо-

¹⁴ См.: Нихон родо энкан 1978. Токио, 1978, с. 75; Нихон родо энкан 1981. Токио, 1981, с. 70; Country Labor Profile: Japan. Washington, 1978, p. 8.

¹⁵ In: «Japan Labor Bulletin», 1979, N 12, p. 7.

¹⁶ См.: «Нихон родо кёкай дзассэн», 1981, № 1, с. 22; Сёва годзю гонэн кокусэй тэса хококу. Токио, 1981, с. 101.

¹⁷ См.: «Кэйдай», 1981, № 4, с. 149.

сти уменьшился с 28,1 % в 1950 г. до 18,5 % в 1970 г. и 14,9 % в 1978 г. Средняя продолжительность жизни мужчин увеличилась с 58 лет в 1960 г. до 69,3 лет в 1970 г. и 73 лет в 1978 г., а женщин — соответственно с 61,5 лет до 74,7 лет и 78,3 лет¹⁸. В результате удельный вес лиц в возрасте 15—24 лет сократился за 1960—1975 гг. с 23,4 до 15,5 %, в то время как соответствующие показатели для лиц в возрасте 25—34 лет выросли с 25,7 до 26,1 %, 35—44 лет — с 19,6 до 24,2 %, 45—54 лет — с 16,1 до 19 % и 55—64 лет — с 10,3 до 10,6 %¹⁹. По оценке японского Института демографии, удельный вес лиц старше 45 лет в населении трудоспособного возраста возрастет до 42,8 % в 1985 г. и 49,1 % в 1995 г., а лиц старше 55 лет — до 49,1 и 50,4 % соответственно²⁰.

Япония занимает первое место среди промышленно развитых капиталистических стран по удельному весу лиц пожилого возраста, остающиеся министерства труда, проведенное в 1980 г., в Японии в это время работало по найму 88,9 % всех лиц в возрасте 55—59 лет, 74,5 % 60—64-летних и 61,3 % 65—69-летних²¹.

Быстрое старение населения в целом и высокая трудовая активность лиц старшего возраста приводят к более интенсивному старению рабочей силы в Японии по сравнению с другими индустриально развитыми капиталистическими странами. В результате уже к середине 70-х годов на рынке труда наметилось явное преобладание работников среднего и пожилого возраста.

Удельный вес пожилых работников в общей численности лиц наемного труда равнялся в середине 1980 г. 6,2 %. При этом доля пожилых трудящихся в составе рабочей силы существенно различалась в зависимости от размера предприятия. Так, на предприятиях с числом занятых 100—299 человек она составляла 8,9 %, на предприятиях с числом занятых 300—499 человек — 7,1 %, с числом занятых 500—999 человек — 6,3 %, на крупных предприятиях (100 человек и более) — 4,5 %²². Число активно ищущих работу в возрасте 55—59 лет увеличилось за 70-е годы вдвое, а спрос на труд лиц пожилого возраста значительно сократился.

Соотношение числа вакансий и числа ищущих работу для различных возрастов свидетельствует о том, что на протяжении 70-х годов сохранялся дефицит молодых работников, особенно до 19 лет. В то же время на лиц среднего и пожилого возраста спрос заметно снизился. Это в значительной степени связано с переключением спроса на труд женщин, обладающих, как правило, более высоким образовательным уровнем, получающих меньшую заработную плату и способных лучше, чем пожилые рабочие, адаптироваться к быстрым изменениям техники и технологии.

К началу 80-х годов на рынке труда в Японии сложилась противоречивая обстановка, характеризующаяся некоторым спросом на рабочую силу (главным образом высококвалифицированную) при сохранении и даже увеличении уровня безработицы. В то же время число вакансий для высококвалифицированных работников стало уменьшаться.

В 50—60-е годы в Японии происходило как абсолютное, так и относительное уменьшение численности безработных, так как в это время темпы роста экономики опережали темпы увеличения объема рабочей силы. До 70-х годов уровень безработицы не превышал 1—1,3 % самодеятельного населения. Однако в 1970 г. он увеличился почти вдвое по сравнению с 1960 г., а затем опять почти вдвое, хотя последующего показателя 1978 г. несколько снизился.

¹⁸ См.: Родо токэй ёран 1980, с. 22.

¹⁹ См.: «Нихон кэйдай кэнкю сэнта кайхо», 1980, № 379, с. 18.

²⁰ См.: «Кэйдай», 1981, № 4, с. 152.

²¹ См.: «Родо токэй тэса гэнпо», 1980, № 8, с. 35.

²² См.: «Кэйдай», 1981, № 4, с. 153.

В отличие от других промышленно развитых капиталистических стран, где наблюдается высокий уровень безработицы среди молодежи и женщин, в Японии безработица выше всего среди мужчин, главным образом среднего и старшего возраста. Особенно усилилась эта тенденция в 70-е годы. Если в 1970 г. 37,3 % полностью безработных были в возрасте от 15 до 24 лет, 32,2 % — от 25 до 39 лет и 30,5 % от 40 лет и выше, то уже в 1976 г. соответствующие показатели составили 22,8, 36,2 и 41 %²³. Увеличилась также длительность пребывания без работы мужчин среднего и пожилого возраста. Так, если в 1974 г. в Японии пожилых безработных, находившихся без работы более года, насчитывалось 70 тыс. (7,9 % от общего числа безработных), то в 1978 г. их было уже до 240 тыс. человек (17 %) ²⁴.

Из 1160 тыс. безработных, зарегистрированных в декабре 1979 г., 780 тыс. (67,2 %) составляли мужчины и 380 тыс. — женщины. Согласно докладу японского министерства труда, 61,7 % безработных составляли те, которые искали работу повторно, 8,5 — те, кто не смог найти работу после окончания учебного заведения, и 29,8 % — ищущие работу по другим причинам.

Следует учитывать, что официальная японская статистика приводит сведения только о полностью безработных. Лица, работающие хотя бы один час в неделю, рассматриваются как частично занятые. Поэтому приведенные данные не раскрывают объема действительной безработицы. Ведь основную массу безработных составляют именно частично занятые, временные, поденные и другие непостоянные рабочие.

В конце 60-х годов в несельскохозяйственных отраслях было занято 2,7 млн. непостоянных наемных работников, в том числе 1,4 млн. временных, 590 тыс. поденных, 690 тыс. надомников. В конце 70-х годов эти показатели составили 5,2 млн., 2,7 млн., 1,6 млн., 940 тыс. Численность работающих менее 200 дней в году выросла с 1,4 млн. в конце 60-х годов до 3,9 млн. в конце 70-х²⁵. Так как в периоды экономических спадов регулирование занятости начинается прежде всего с увольнения временных, поденных, субподрядных работников и лиц, занятых неполный рабочий день, то все эти представители «неустойчивого найма» при неблагоприятной конъюнктуре немедленно пополняют армию полностью безработных.

Безработица в Японии проникла во все отрасли и профессии, но в среднем удельный вес безработных значительно выше в отраслях материального производства и значительно ниже в непродовольственных отраслях, особенно в сфере услуг, что объясняется более высокими темпами технического перевооружения и технологического совершенствования в промышленности, строительстве и т. д. В целом отраслевая структура безработицы несет на себе следы изменений в структуре занятости.

Хотя уровень безработицы в Японии до сих пор ниже, чем в других промышленно развитых капиталистических странах, все же проблема обеспечения занятости становится все более острой по мере увеличения объемов и расширения масштабов внедрения новой техники и технологии. Не случайно поэтому борьба за обеспечение занятости, за увеличение пособий по вынужденной безработице и за создание условий для профессиональной переподготовки рабочих и служащих среднего и пожилого возраста выдвигается в современном рабочем и профсоюзном движении на передний план среди других экономических требований.

²³ См.: «Кэйдай хёрон», 1977, № 5, с. 78.

²⁴ См.: «Кэйдай», 1980, № 190, с. 61.

²⁵ См. там же, 1981, № 4, с. 150.

Из истории агрессии США во Вьетнаме

Ф. М. Сергеев

Теперь уже не является тайной, что в своих попытках поставить вьетнамский народ на колени и не допустить объединения страны Соединенные Штаты обрушили на Вьетнам не только всю мощь своей военной машины. Был пущен в ход и весь арсенал американской разведки. Как теперь доподлинно известно, ЦРУ уже с самого момента ухода из Вьетнама французских колонниалистов развернуло там в невиданных до того масштабах тайную войну. Ничем не брезговал и ни перед чем не останавливался американский империализм в своем стремлении лишить вьетнамский народ его революционных завоеваний.

Между тем послушный правящей верхушке идеологический аппарат США, желая ввести в заблуждение мировую общественность и снять с американского империализма ответственность за агрессию во Вьетнаме, представляет дело таким образом, будто в роли агрессора выступала Демократическая Республика Вьетнам. Именно с этой целью предпринимаются попытки извратить подлинную историю вьетнамской войны. Однако появившиеся в последнее десятилетие на Западе документальные свидетельства помогают раскрыть тайну, в которой рождалась империалистическая агрессия во Вьетнаме, воссоздать картину того, как США спланировали и организовали вьетнамский конфликт.

* * *

Победа августовской революции 1945 г. во Вьетнаме привела к образованию ДРВ. Французские империалисты, не желавшие примириться с потерей своей бывшей колонии, развернули военные действия, захватив вскоре Сайгон и другие крупные города, а также установили контроль над важнейшими дорогами в Южном Вьетнаме. Однако план молниеносной вооруженной агрессии был сорван в результате мужественной борьбы вьетнамского народа. В стране началась затяжная партизанская война, превратившаяся впоследствии в современную маневренную войну.

На оккупированной территории французские колонизаторы сформировали в 1948 г. марионеточное правительство Нгуен Сюана, а год спустя объявили о создании «государства Вьетнам» во главе с бывшим императором Бао Даем. Трудности, вставшие перед Францией в связи с ведением военных действий, вынудили ее обратиться за помощью к американскому правительству. Используя это обстоятельство, США решили вмешаться во внутренние дела Вьетнама.

В беседе с журналистами 25 июля 1950 г. президент Хо Ши Мин говорил: «Французские колонизаторы ведут войну во Вьетнаме, Камбодже и Лаосе на деньги американцев, оружием американцев и по указке американцев»¹. Только в 1950—1951 гг. из США в поддержку французским войскам было переброшено 73 тыс. т военного снаряжения и 126 боевых самолетов. Но несмотря на все разрастающуюся американскую помощь (в 1950—1951 гг. она составила 15 % всех военных расходов француз-

---

¹ Хо Ши Мин. Избранные статьи и речи. М., 1959, с. 346.

ских оккупантов во Вьетнаме, в 1952 г. — 35, в 1953 г. — 45, в 1954 г. — 80 %), положение экспедиционного корпуса становилось все более безнадежным. В начале 1954 г. Народная армия ДРВ нанесла сокрушительный удар по войскам оккупантов под Дьенбьенфу, сорвав расчеты империалистов на затягивание войны в Индокитае. «Этот выдающийся успех, завершивший девятилетнюю войну Сопrotивления против французских колонизаторов, — говорил товарищ Ле Зуан, — вошел в мировую историю XX в. как блестящая военная победа, прорвавшая цепь господства империалистической системы колониального порабощения»².

Серьезные поражения в ходе боевых действий, огромные людские потери (с декабря 1946 по июль 1954 г. французские колонизаторы потеряли в Индокитае свыше 466 тыс. солдат и офицеров), а также настойчивые требования сил мира и демократии во главе с Советским Союзом положить конец колониальной войне во Вьетнаме заставили правительство Франции сесть за стол переговоров. В июле 1954 г. на международном совещании в Женеве с участием великих держав были подписаны соглашения, признавшие права народов Вьетнама, Лаоса и Камбоджи (Кампучии) на независимость, суверенитет, единство и территориальную целостность и призванные обеспечить их нейтралитет.

Поставить свою подпись под Женевскими соглашениями о мирном урегулировании в Индокитае администрация Эйзенхауэра отказалась. Совет национальной безопасности квалифицировал их как «бедствие». Однако официально Белый дом выступил с «односторонней декларацией» о том, что США принимают Женевские соглашения к сведению и не собираются совершить действий, идущих вразрез с ними³. За этим дипломатическим маневром скрывались далеко идущие тайные замыслы Вашингтона, реализация которых была возложена на ЦРУ.

Президент Эйзенхауэр сравнивал в те годы Азию с домиком, построенным из костяшек домино. «Если, — говорил он, — выбить хоть одну из них... то ясно, что будет с другими, — они очень быстро опрокинуты. Это и есть начало процесса распада, который будет иметь самые глубокие последствия». Если коммунисты захватят Индокитай, продолжая Эйзенхауэр, то «следующими могут рухнуть Бирма, Таиланд, Малайя и Индонезия. Падающие костяшки домино способны также опрокинуться на островную оборонительную цепь Америки, состоящую из Японии, Формозы (Тайвань), Филиппин, и дальше на юг, угрожая Австралии и Новой Зеландии»⁴. Так была сформулирована знаменитая теория «домино», взятая затем на вооружение вашингтонскими стратегами, добивавшимися установления господства США в различных районах мира.

Наряду с «распространением коммунистического влияния» в Юго-Восточной Азии Соединенные Штаты пугала и утрата «незаменимых источников сырья». Об этом открыто заявил Эйзенхауэр в 1953 г. на конференции губернаторов штатов: предположим на минутку, что мы потеряли Индокитай, тогда прекратятся поставки олова и вольфрама, столь ценных для нас... Таким образом, когда Соединенные Штаты решают отпустить 400 млн. долл. на военную помощь, они не выбрасывают деньги на ветер. Эти деньги позволят предотвратить случайности, которые могут иметь для нас самые пагубные последствия... а именно утрату нашего господства и возможностей получать нужное сырье из богатейших районов Индокитая и Юго-Восточной Азии⁵.

Именно в это время на вьетнамской авансцене появляется Эдвард Лэнсдейл, с именем которого связано превращение Филиппин в начале

² Ле Зуан. Избранные статьи и речи (1965—1970 гг.). М., 1971, с. 178.

³ См.: По ступеням войны и обмана. М., 1971, с. 34.

⁴ R. J. Donovan. Eisenhower. The Inside Story. New York, 1956, p. 261.

⁵ См.: Доктор Спок. Покончить с войной во Вьетнаме. М., 1970, с. 20—21.

50-х годов в «одну из арен наиболее успешной деятельности ЦРУ»⁶. «Роль империализма США в поражении хуков, — пишет известный американский историк У. Помрой, — открыто, часто и самым хвастливым образом признается правительством США, его военными и разведывательными службами. При этом заслуга приписывается генералу (тогда полковнику) Эдварду Лэнсдейлу, агенту ЦРУ, который благодаря его филиппинской удаче был позднее направлен в Южный Вьетнам...»⁷

Под свежим впечатлением победы над хуками на Филиппинах администрация США приобретенный ею там опыт вознамерилась использовать и во Вьетнаме. Разгром французов в 1954 г. вынудил президента Эйзенхауэра и государственного секретаря Джона Фостера Даллеса начать поиски подходящего кандидата на пост главы марионеточного правительства в Сайгоне, который сумел бы воздвигнуть бастион «для защиты страны от полного завоевания коммунистами». Деликатная миссия поиска марионетки была поручена полковнику Лэнсдейлу. Вскоре ему удалось напасть на след одного южновьетнамского эмигранта, проживавшего в то время в Нью-Йорке. Как пишет Поль Джефферс, «Лэнсдейл разыскал невысокого коренастого человека с весьма странной деревянной походкой и такими движениями, что невольное казалось, будто это марионетка»⁸. То был не кто иной, как Нго Динь Дьем, католик, человек, который, как показалось Лэнсдейлу, «обременен массой забот и нуждается в друзьях». И Лэнсдейл сделал все, чтобы стать ему «настоящим и преданным другом»!

Уверовав в то, что Дьем, этот ярый антикоммунист, является наиболее подходящим человеком для уготовленной ему роли в сайгонской администрации, Лэнсдейл сообщил о своей «находке» директору ЦРУ Даллесу. Последний информировал об этом брата — государственного секретаря США, а тот в свою очередь — президента Эйзенхауэра. Все нашли предложение стоящим. Оставляя ЦРУ за кулисами событий, американский журнал «Лук» писал: «Государственный секретарь Джон Фостер Даллес подобрал Дьема, сенатор Мэнсфилд одобрил эту кандидатуру, кардинал Спеллман благословил его, вице-президент Ричард Никсон полюбил, а президент Дуайт Эйзенхауэр утвердил в должности»⁹.

Уже 26 октября 1954 г. Эйзенхауэр направил Дьему письмо, в котором, в частности, говорилось: «Хотя основная ответственность за защиту независимости Южного Вьетнама будет всегда, как и в прошлом, лежать на вьетнамском народе и его правительстве, я хочу заверить Вас, что Соединенные Штаты, насколько это будет в наших силах, и впредь готовы поддерживать Вьетнам в этой тяжелой, но перспективной борьбе».

С первых же своих шагов сайгонское правительство во главе с Нго Динь Дьемом, пользовавшееся полным покровительством США, стало на путь подрыва Женевских соглашений, закрепления раскола страны и упрочения в Южном Вьетнаме проамериканского режима. Любые попытки патриотических сил выступить за объединение страны жестоко подавлялись, деятельность демократических организаций была строго-настроено запрещена, все декреты правительства ДРВ, а также мероприятия, проведенные народной властью в 1945—1954 гг. на территории свободных и партизанских районов, объявлялись незаконными.

⁶ В свое время Лэнсдейл был специалистом по рекламе. Он славился большим умением «пропагандировать» американский образ жизни. Став позже офицером ВВС, он превратился в одну из ведущих фигур инспирированной ЦРУ борьбы против патриотических сил на Филиппинах. «Подвиги» Лэнсдейла сначала на Филиппинах, а затем во Вьетнаме приобрели такую известность, что он послужил прототипом главных персонажей двух бестселлеров — романов «Безобразный американец» У. Ледерера и Ю. Бердика и «Тихий американец» Г. Грина.

⁷ W. Pomroy. An American Made Tragedy. New York, 1974, p. 82.

⁸ P. Jeffers. The CIA. A Close Look at the Central Intelligence Agency. New York, 1970, p. 84.

⁹ «Look», 28.I.1964.

С 1 января 1955 г. США приступили к форсированному оказанию прямой военной помощи Южному Вьетнаму. Уже 12 февраля туда было направлено несколько сот американских военных советников для обучения и подготовки южновьетнамской армии. Через четыре дня на свет появился новый военный блок — СЕАТО (Договор об обороне Юго-Восточной Азии), призванный служить орудием экспансионистской политики США в этом районе мира и взявший под особое покровительство Южный Вьетнам. Одну из своих главных задач правящие круги США видели в том, чтобы не допустить объединения Северного и Южного Вьетнама на демократических началах. Как подчеркивал бывший государственный секретарь Дин Раск, 17-я параллель в Индокитае — это граница между капитализмом и социализмом, и США не допустят, чтобы она была разрушена¹⁰.

На пост руководителя специальной миссии в Сайгоне Аллен Даллес предложил кандидатуру Лэнсдейла. На совещании высокопоставленных деятелей администрации США он легко убедил присутствующих, в том числе Эйзенхауэра, что именно Лэнсдейл должен быть поставлен во главе миссии, потому что он владеет всеми неортодоксальными методами ведения борьбы¹¹.

Приступив к исполнению своих новых обязанностей, Лэнсдейл разработал широкую программу диверсионных акций против Северного Вьетнама. Перед людьми Лэнсдейла, которых стали тайно засылать в Ханой сразу же после ухода оттуда французских войск, была поставлена задача разрушения коммуникаций, нефтехранилищ и промышленных предприятий. Одновременно был предложен план «психологической войны», в которой Лэнсдейл считался «непревзойденным авторитетом». План этот предусматривал в качестве первой меры распространение в Ханое сфабрикованных ЦРУ «черных листовок», приписываемых фронту левых демократических организаций Вьетнама. В них излагалось содержание новых административных правил, которые якобы должны были вступить в силу в октябре 1954 г. и касались немущественного положения различных слоев населения, предстоящей денежной реформы и т. п. Цель фальшивки состояла в том, чтобы спровоцировать панику среди населения, подорвать систему денежного обращения и вызвать поток беженцев на юг страны. Помимо «черных листовок», специальная сайгонская миссия выпускала «Астрологические альманахи», которые затем получали хождение по всей территории страны, и прежде всего в тех районах Южного Вьетнама, где положение марионеточных властей становилось шатким. Составители альманахов, играя на религиозных предрассудках отдельных слоев населения, делали пророческие предсказания приближающегося краха народной власти.

Американские авторы В. Маркетти и Д. Маркс в книге «ЦРУ и культ разведки» так оценивают деятельность Лэнсдейла в Сайгоне: «Он быстро включился в организацию диверсий и проведение тайных подрывных операций против Северного Вьетнама, но наиболее эффективно действовал на юге. Здесь он развернул несколько программ психологической войны и помог Нго Динь Дьему разделиться с его политическими противниками»¹².

Лэнсдейл играл важную роль в подготовке и проведении избирательной кампании, когда Дьем официально баллотировался на пост президента Южного Вьетнама. В результате всевозможных махинаций Дьему была обеспечена победа на выборах, и 26 октября 1955 г. он становится первым президентом Южного Вьетнама. В США Лэнсдейлу воздали

¹⁰ См.: История дипломатии, т. V, кн. 2. М., 1979, с. 251.

¹¹ In: G. Gold (ed.). The Pentagon Papers as published by «The New York Times». New York, 1971, p. 35.

¹² V. Marchetti, J. Marks. The CIA and the Cult of Intelligence. London, 1974, p. 28.

должное за успешное проведение этой «чрезвычайно ответственной операции».

Дьемовская группировка установила в Южном Вьетнаме режим военной диктатуры, который опирался на наиболее реакционные проамериканские круги помещиков и компрадорской буржуазии. Несмотря на жестокий террористический характер внутренней политики диктатора, в стране стремительно нарастало национально-освободительное движение. С середины 1959 г. во многих сельских районах стали возникать народные отряды самообороны, а к концу 1960 г. патриотические силы уже контролировали значительную часть территории Южного Вьетнама.

20 декабря 1960 г. в одном из освобожденных районов Намбо состоялся учредительный съезд Национального фронта освобождения Южного Вьетнама (НФОЮВ), который принял манифест и программу, избрал временный ЦК. Программа декларировала построение независимого, демократического, мирного и нейтрального Южного Вьетнама, объединение страны мирными средствами. В соответствии с Женевскими соглашениями ДРВ неоднократно выдвигала конкретные предложения о проведении всеобщих выборов с целью объединения страны, но сайгонская администрация заявила о непризнании Женевских соглашений и отвергла созыв консультативной конференции и проведение всеобщих выборов.

Президент Эйзенхауэр в своих мемуарах признавал, что, если бы в 1956 г., как это предусматривалось Женевскими соглашениями, во Вьетнаме были проведены всеобщие выборы, «возможно, 80 % населения проголосовали бы за коммуниста Хо Ши Мина»¹³.

Используя марионеточный режим Дьема, США делали все возможное, чтобы создать на юге Вьетнама «государство», в котором идеи коммунизма были бы объявлены вне закона.

За всеми событиями, которые разворачивались на сайгонской сцене зримо и незримо, угадывалась деятельность миссии Лэнсдейла. Будучи наиболее последовательным и горячим сторонником Дьема, он помог ему одержать верх в ряде политических столкновений в первые месяцы пребывания у власти. Однако Дьем, немного освоившись, стал претендовать на определенную самостоятельность в своих действиях, нередко не совпадавших с тактикой «большой игры», проводимой Лэнсдейлом. Например, вопреки советам последнего он не считал нужным прибегать к маневрированию, с тем чтобы создать в стране видимость социальных преобразований. Отказываясь от осуществления даже самых куцых политических реформ, Дьем вызывал все большую ненависть народа и тем самым ставил под угрозу «жизненные интересы» США.

В Вашингтоне тем не менее продолжали считать, что режим Дьема является единственной альтернативой установлению народной власти в Южном Вьетнаме и поэтому необходимо всячески поддерживать Дьема, невзирая на широко предпринимаемые им репрессивные меры. Однако правительство Дьема постепенно стало утрачивать контроль над большей частью территории страны — активность партизан усиливалась с каждым днем. Сообщения, которые поступали из Сайгона в адрес нового президента — Джона Кеннеди, становились все более тревожными. В Южном Вьетнаме угрожающе росло недовольство террористической политикой режима Дьема и терпимым отношением властей к коррупции в высших правительственных сферах. В марте 1961 г. ЦРУ представило Белому дому информацию, в которой утверждалось, что влияние НФОЮВ возрастает, число районов, находящихся под его контролем, увеличивается, а позиции Дьема все более теряют устойчивость.

Стремясь как-то стабилизировать экономическое положение в Южном Вьетнаме, администрация Кеннеди в марте и июле 1961 г. предоста-

¹³ D. Eisenhower. Mandate for Change. The White House Years. 1953—1956. New York, 1963, p. 372.

вила сайгонскому режиму помощь в виде поставок продовольствия и других сельскохозяйственных товаров. Причем половина поступлений от этих поставок (в местной валюте) должна была пойти на покрытие расходов посольства США в Сайгоне, другая же предназначалась для приобретения сайгонскими властями военного снаряжения, материалов, оборудования. Эти отчисления предусматривались программой «совместной обороны» США и Южного Вьетнама.

Кроме того, Вашингтон, желая укрепить власть сайгонского диктатора, выделил ему средства для увеличения численности армии на 20 тыс. человек и гражданской гвардии на 32 тыс. человек. В марте 1961 г. президент Кеннеди одобрил план комитета начальников штабов, который предоставлял военному командованию США возможность вплотную заняться «горячей войной» во Вьетнаме. Тем самым санкционировалось прямое вмешательство США в дела суверенного государства. 11 мая 1961 г. Кеннеди рассмотрел программы тайных действий, предложенные оперативной группой по Вьетнаму, возглавляемой главным военным советником президента генералом Максуэллом Тэйлором и Уолтом Ростоу, входившим в состав Совета национальной безопасности. В итоге были одобрены такие акции, как отправка агентов по воздуху в Северный Вьетнам с помощью самолетов гражданской авиации, проникновение специальных южновьетнамских сил в Юго-Восточный Лаос с целью разрушения баз и линий коммуникаций НФОЮВ, создание «сети сопротивления, секретных баз и специальных групп для подрывных и беспокоящих действий» на территории Северного Вьетнама, полеты над ним для сбрасывания листовок с призывами к антиправительственным выступлениям. Так было положено начало «особой войне» против вьетнамского народа¹⁴.

В течение только первого года пребывания в Белом доме Кеннеди провел около 50 совещаний на высшем уровне с обсуждением вопросов, связанных с политикой США в Индокитае. В этих совещаниях принимали участие руководящие деятели госдепартамента, Пентагона, ЦРУ, а также представители частных корпораций. Выработанная ими программа предусматривала осуществление некоторых военных и социальных мер в Южном Вьетнаме, с тем чтобы «восстановить подорванное доверие» населения к власти компрадорско-феодалной сайгонской верхушки.

Лэнсдейл, отозванный в США, через некоторое время вновь появился в Сайгоне, теперь уже в чине бригадного генерала. Он докладывал в Вашингтон, что необходимо решительно противодействовать партизанской войне во Вьетнаме, используя все имеющиеся в распоряжении США средства. На основании данных ЦРУ советник президента по национальной безопасности М. Банди составил в мае 1961 г. Меморандум № 52. В нем была изложена одобренная президентом Кеннеди программа, главнейшими пунктами которой были заброска агентов в Северный Вьетнам, создание там опорных пунктов и тайных баз, организация диверсий и нападений на стратегические объекты.

Администрация США непрерывно расширяла масштабы прямого вмешательства в борьбу с партизанами. Этот этап ознаменовался возникновением особых отрядов — «зеленые береты», — проходивших усиленную специальную подготовку, которые «прославились» затем своими зверствами во время войны во Вьетнаме.

ЦРУ совместно с Пентагоном, госдепартаментом и информационным агентством значительно увеличило поток распространявшейся по различным каналам информации о «неблагоприятном положении в Северном Вьетнаме». Для «поднятия морального духа населения» в Южном Вьетнаме они активно прибегали к пропаганде и дезинформации путем

¹⁴ См.: По ступеням войны и обмана, с. 38—39.

так называемых «серых радиопередач», в которых действительные факты искусно перемешивались с откровенно ложной информацией, а источники получения сведений попросту не назывались¹⁵.

Лэнсдейл, занявший к этому времени пост помощника министра обороны по «специальным вопросам», представил президенту Д. Кеннеди доклад, в котором содержались рекомендации по усилению борьбы с национально-освободительным движением в Индокитае. В докладе особо подчеркивалась важность так называемых «несортодоксальных методов» ведения войны в развивающихся странах и указывалось, что умело поставленная пропаганда может стать весьма эффективным средством противодействия «коммунистической угрозе». Отнюдь не отказываясь от тактики «выжженной земли», Лэнсдейл призывал лишь сочетать ее с широким ведением психологической войны. По свидетельству А. Шлессинджера, доклад произвел на Кеннеди сильное впечатление и послужил импульсом для новых активных действий.

В полном и окончательном виде программа вмешательства США во внутренние дела Южного Вьетнама была сформулирована в совместном докладе министра обороны и государственного секретаря, представленном президенту Кеннеди накануне заседания Совета национальной безопасности 11 ноября 1961 г. На этом заседании «Кеннеди в целом принял рекомендации Макнамары — Раска, сделав тем самым роковой шаг на пути непосредственного вовлечения США в войну»¹⁶. 8 февраля 1962 г. во Вьетнам направляется новая группа военных советников США, а вслед за ними и американские войска; в 1963 г. их численность превысила 16 тыс. человек.

Сайгонский правитель Дьем жестоко подавлял любые формы оппозиции в стране. Особую ненависть питал он к буддийским сектам, известным своим участием в антиправительственных выступлениях.

8 мая 1963 г. правительственные войска открыли огонь по буддистам, собравшимся на религиозный праздник в городе Гуэ. Буддистов подвергли обстрелу лишь на том основании, что они нарушили указ, запрещающий шествия с религиозными знаменами. В результате столкновения было убито 9 и ранено 14 участников процессии. Повсюду в Южном Вьетнаме действия властей вызвали широкий протест. В знак гневного осуждения чудовищной акции Куанг Дук и несколько других буддийских монахов подвергли себя публичному самоожжению.

18 мая посол США Фредерик Нолтинг на встрече с Дьемом изложил ему содержание мер, на проведении которых решительно настаивала американская администрация для того, чтобы «умиротворить буддистов» и попытаться «восстановить доверие народа». Эти меры предусматривали, в частности, признание ответственности режима за события в Гуэ, выдачу компенсации раненым и близким погибших и подтверждение равноправия всех религий в стране. Но имперский окрик не возымел действия, сайгонский диктатор отверг все это.

И только 14 августа Дьем наконец согласился публично заявить о том, что буддистам будут сделаны определенные уступки. Это заявление в итоге приняло форму интервью, в котором диктатор утверждал, будто его политика по отношению к буддистам всегда была «снисходительной», и призывал к спокойствию в стране и к поддержке правительства. Однако 21 августа, вскоре после полуночи, брат президента, Нго Динь Нью, приказал верным ему войскам атаковать буддийские пагоды и подвергнуть разрушению священные сооружения по всему Южному Вьетнаму. В результате этой карательной операции более 30 монахов получили увечья и около 1400 были арестованы.

¹⁵ См.: В. В. Петрусенко. Тайное становится явным: ЦРУ и средства массовой информации. М., 1978, с. 42—43.

¹⁶ «Washington Post», 2.VII.1971.

Таким образом, Дьем оставался на своих прежних позициях. Это серьезно встревожило президента Кеннеди, опасавшегося, что может сложиться мнение, будто США поддерживают его репрессивные акции против религиозных сект. Правда, американскую администрацию при этом мало смущал тот факт, что свои расправы с буддийскими сектами Дьем чинил с помощью специальных отрядов, поддерживаемых ЦРУ¹⁷. Тем не менее госдепартамент продолжал оказывать давление на Дьема, добиваясь прекращения развязанной им антибуддийской кампании. Поддержка, оказываемая ЦРУ специальным отрядам Нго Динь Дьема, привела к тому, что и внутри самого управления возникли серьезные разногласия. Так, действовавшие в Сайгоне представители ЦРУ настаивали на том, чтобы лишить специальные отряды Дьема дотаций, в то время как в центре считали, что, поскольку эти отряды выступают составной частью сил, ведущих борьбу с коммунистами, оставить их без финансовой помощи — значит существенно ослабить эффективность действий. Руководствуясь этими соображениями, штаб-квартира предложила резидентуре ЦРУ в Сайгоне продолжать снабжать деньгами специальные отряды Дьема. Между тем кризисная ситуация в стране не только не была ликвидирована, а день ото дня обострялась.

Вскоре администрация США вынуждена была признать, что дьемовский режим не пользуется поддержкой в стране и окончательно изжил себя. Разумеется, не выступления буддистов, с такой жестокостью подавленные Нго Динь Дьемом, предопределили его участь. В конце концов, преследования буддистов не новость — они продолжались на протяжении многих лет и до 1963 г., не вызывая ни малейшей реакции со стороны Вашингтона. В основе решения Белого дома исключить сайгонского диктатора из политической игры лежали в первую очередь его полная неспособность вести войну и нежелание считаться с мнением американских военных советников, предлагавших ему свою стратегию и тактику борьбы с демократическими силами.

«Можем ли мы выиграть войну с помощью Нго Динь Дьема?» — так была озаглавлена передовая статья в газете «Нью-Йорк таймс», в которой рисовалась весьма мрачная для США перспектива развития событий во Вьетнаме. Печать пестрела сообщениями о стычках между высшими военными чинами Дьема и офицерами Харкинса¹⁸ и о нежелании южновьетнамского диктатора передать ведение всех военных дел в руки американцев. Именно этот момент имел решающее значение.

Преследования буддистов прошли бы незамеченными, свидетельствует очевидец событий известный австралийский журналист У. Бэрчетт, если бы в них не включилось отделение НФОЮВ в Сайгоне, превратившее выступление за расширение религиозных свобод в борьбу за демократические свободы вообще и организовавшее массовые демонстрации, которые сопровождалась ожесточенными уличными битвами. Многолюдность демонстраций, напористость и боевой дух их участников были полным откровением для американского командования в Сайгоне. «Оказалось, что «Вьетконг» есть в самом сердце Сайгона — это показали десятки тысяч людей, вступавших на улицах в схватку с лучшими дьемовскими войсками. Южновьетнамский президент проигрывал войну не только в деревне, но и в самом Сайгоне. Его следовало убрать»¹⁹.

В данной связи следует отметить, что в правительстве США с самого начала не было единодушия в вопросе о дальнейшей судьбе сайгонского диктатора. Так, Пентагон настаивал на том, чтобы «приструнить» президента, «призвать к порядку», «поставить на место», но не убирать

¹⁷ In: W. Colby. Honorable Men. My Life in the CIA. New York, 1978.

¹⁸ Генерал Харкинс был в то время главой американского военного командования в Сайгоне.

¹⁹ У. Бэрчетт. Война в джунглях Южного Вьетнама. М., 1965, с. 276.

вовсе со сцены, поскольку, как полагали военные, альтернативой диктатуре «сильного человека» могла стать беспомощная диктатура хунты. Противником переворота был, в частности, генерал Харкинс, который считал, что при известном давлении на Дьема можно изменить положение к лучшему. Необходимо было, по его мнению, добиться согласия сайгонского диктатора на ликвидацию сотни разбросанных по отдаленным районам дельты Меконга военных постов, что позволило бы уменьшить людские и материальные потери дьемовской армии. Эти посты, находившиеся в окружении партизан и подвергавшиеся их нападению, Харкинс рассматривал как «пункты снабжения оружием» вооруженных сил НФОЮВ. Кроме того, регулярные поставки в эти гарнизоны снаряжения и продовольствия отвлекали десятки вертолетов от основного театра военных действий. Однако Дьем категорически возражал против их ликвидации, опасаясь, что это лишит его даже номинальной власти над плодороднейшими районами страны.

«Нажать» на Дьема, настаивал Харкинс, следовало и в вопросе о передаче американским офицерам командования всеми частями и подразделениями дьемовской армии, а также о подчинении им административной власти в стране. Это должно было способствовать расширению границ «особой войны».

В отличие от Пентагона госдепартамент решительно настаивал на перевороте, поскольку «с Нго Динь Дьемом не оставалось ни малейшей возможности выиграть войну». Свержение диктатора было желательным еще и потому, что это позволяло решить сразу целый комплекс сложных проблем. Дело в том, что в весьма затруднительном положении оказался госдепартамент: вопрос о преследованиях буддистов был вынесен в октябре 1963 г. на рассмотрение сессии Генеральной Ассамблеи ООН, и представителю США с большим трудом удалось добиться отсрочки его обсуждения. Как пишет У. Бэрчетт, «обострение отношений с буддистами, не будучи главной причиной падения Дьема, явилось фактором, определившим время его свержения»²⁰.

В условиях резкого обострения обстановки в Южном Вьетнаме и активизации заговорщической деятельности генералов и офицеров южно-вьетнамской армии американское правительство решило несколько изменить расстановку главных действующих лиц. Так, вместо Фредерика Нолтинга на пост посла США в Сайгоне был назначен Генри Кэбот Лодж, поднаторевший в операциях, связанных с вмешательством во внутренние дела других стран.

24 августа 1963 г. Вашингтон направил Лоджу телеграмму, составленную с ведома президента тогдашним помощником государственного секретаря по делам стран Дальнего Востока А. Гарриманом и его заместителем Р. Хилсменом, бывшим директором разведки госдепартамента. Телеграмма предписывала попытаться еще раз оказать на Дьема давление и заставить его предпринять «немедленные и серьезные шаги» к умиротворению буддистов, дабы не допустить нежелательного для США развития событий. Одновременно Лодж должен был заявить главным военным руководителям о том, что «США сочтут невозможным продолжать оказание помощи правительству Южного Вьетнама, как военной, так и экономической, если не будут немедленно приняты указанные выше меры...»²¹.

Зная, что генералы Минь, Дон, Ким и Кьем решительно настроены в пользу переворота, госдепартамент предлагал в этой телеграмме: «Вы

²⁰ У. Бэрчетт. Указ соч., с. 277.

²¹ US Congress, Senate, Select Committee to Study Governmental Operations with Respect to Intelligence Activities, Alleged Assassination Plots Involving Foreign Leaders. An Interim Report. 94-th Congress, 1-st ses., Report N 94-465. November 20, 1975. Washington, 1975, p. 218.

можете также заверить тех военачальников, которых сочтете нужным, что мы окажем им прямую поддержку в течение переходного периода... Посол и другие лица, находящиеся в различных районах страны, должны незамедлительно изучить все возможности замены нынешнего руководства и разработать подробные планы, касающиеся доступных способов устранения Дьема...»²²

В телеграмме из Сайгона от 25 августа сообщалось о результатах совещания, в котором участвовали посол Лодж, американские генералы Харкинс и Уид (начальник штаба Харкинса), а также один из ответственных сотрудников резидентуры ЦРУ. Все они восприняли директиву госдепартамента как «основополагающее решение Вашингтона» и заверили, что «приложат все усилия, чтобы выполнить данные им инструкции»²³. Как будет потом утверждать У. Колби в своих мемуарах, «Лодж воспринял это послание госдепартамента как прямой приказ подготовить переворот против Дьема и поручил резидентуре ЦРУ в Сайгоне обсудить этот вопрос со своими агентами и разработать план переворота. Резидентура так и поступила, следуя моим инструкциям...»²⁴.

В послании Белого дома от 29 августа содержалось указание генералу Харкинсу информировать вьетнамских военных, что «США поддержат переворот в том случае, если будет достаточно шансов на его успех...»²⁵. Послу Лоджу были предоставлены полномочия по своему усмотрению в любой момент приостановить американскую помощь.

В телеграмме президента Кеннеди, отправленной в тот же день Лоджу, говорилось: «Я санкционировал все послания, которые вы получите сегодня от других инстанций, и подчеркиваю, что каждое слово в них будет поддержано мною. Мы сделаем все, чтобы помочь вам успешно завершить эту операцию. Однако вплоть до того момента, пока генералы не подадут команду начать операцию, я должен иметь возможность в любое время изменить курс и прежние инструкции... Я, разумеется, беру на себя всю ответственность за любые возможные изменения курса, равно как и за саму операцию и ее последствия»²⁶.

Итак, Вашингтон пришел к выводу, что Дьем, рекомендованный в свое время Лэнсдейлом как деятель, способный стабилизировать внутриполитическое положение в Южном Вьетнаме, оказался несостоятельным. В планах ЦРУ ему больше не оставалось места. Как писал позже в своих мемуарах «Годы в Белом доме» Г. Киссинджер, «противники Нго Динь Дьема... утверждали, что его нужно было свергнуть, поскольку, пока он оставался у власти, невозможно было вести войну против коммунистов достаточно энергично»²⁷. Инспирировав заговор генералов южновьетнамской армии, США решили избавиться от Дьема. На сотрудника резидентуры ЦРУ в Сайгоне Конейна возлагалась обязанность поддерживать с участниками переворота тайные контакты.

Одним из важных рычагов, пущенных США в ход при подготовке военного переворота, явилось ограничение американской «помощи» Южному Вьетнаму. С целью оказания давления на Нго Динь Дьема уже в августе 1963 г. была заморожена программа «торговой помощи», ежемесячный объем которой составлял около 10 млн. долл. Несколько позже южновьетнамской марионетке было объявлено о том, что США намерены постепенно вывести из страны свои войска. В конце октября 1963 г. США прекратили финансировать содержание «специальных подразделений» по охране Нго Динь Дьема и настояли на их пере-

²² Ibid., p. 219.

²³ Ibid.

²⁴ W. Colby. Op. cit., p. 210—211.

²⁵ US Congress, Senate..., p. 219.

²⁶ Ibid.

²⁷ H. Kissinger. White House Years. Boston—Toronto, 1979.

броске на фронт; за день до переворота эти подразделения покинули Сайгон.

Чтобы усыпить бдительность Нго Динь Дьема, американский посол в дни, предшествовавшие перевороту, предложил ему совершить ряд «важнейших инспекционных» поездок по стране, во время которых неустанно заверял сайгонского правителя в абсолютной «лояльности» США к его режиму. Любопытно отметить, что накануне переворота Лодж, прекрасно зная, какая участь уготована Нго Динь Дьему, с самым серьезным видом рекомендовал ему для укрепления своих позиций провести «чистку» административного аппарата, удалив из него в первую очередь Нго Динь Нью. Сайгонский диктатор пообещал рассмотреть это предложение и вскоре дать ответ, даже не подозревая, что дни его уже сочтены.

2 ноября 1963 г. в ходе санкционированного США государственного переворота Дьем, а заодно и его брат Нго Динь Нью были убиты. Характерно, что уже через несколько дней после смены власти вновь на полную мощь заработала машина военной и экономической помощи США Южному Вьетнаму.

Что касается «преданного друга и наставника» сайгонской марionетки бригадного генерала Лэнсдейла, то по весьма загадочному стечению обстоятельств за день до переворота он получил повышение — был произведен в генерал-майоры. В тот же день Лэнсдейл вышел в отставку и в следующий свой приезд в Сайгон имел уже ранг дипломатического посланника. В этом качестве он находился там с 1965 по 1968 г., то есть в самый разгар интервенции США во Вьетнаме.

Свержение Дьема не привело к стабилизации обстановки в Сайгоне. Один военный переворот следовал за другим. На протяжении 20 месяцев после свержения Дьема в Южном Вьетнаме было осуществлено 13 переворотов, а также попыток их совершения, сформировано 9 кабинетов, издано 4 конституционные хартии. Бесконечные попытки США посадить в Сайгоне «сильного правителя», который смог бы победно окончить войну, привели в результате к углублению и обострению кризиса марionеточного режима. США, несмотря на разветвленную сеть своей агентуры в Южном Вьетнаме, не могли удержать под своим контролем и направить в нужное русло борьбу за власть внутри самой администрации. Сайгонские генералы глубоко увязли в единоборстве друг с другом за лидерство в правительстве, что, по мнению американцев, не могло не ослабить их способности успешно вести боевые действия. В связи с этим Белый дом пришел к выводу, что войну необходимо «американизировать». За этим решением стояла готовность США возложить на свои войска военные и карательные функции. Крах попыток подавить национально-освободительное движение и сформировать стабильное антикоммунистическое правительство привел к расширению американской агрессии в Южном Вьетнаме и эскалации воздушных бомбардировок Северного Вьетнама.

Убийство президента Кеннеди на какое-то время отодвинуло на второй план дебаты в Белом доме по поводу американского вмешательства во Вьетнаме. Незадолго до этого в Гонолулу состоялось очередное совещание представителей высших дипломатических и военных кругов США по вопросу об Индокитае. Принимая во внимание рекомендации этого совещания, носившие подчеркнuto агрессивный характер, президент Л. Джонсон в своей первой директиве по Вьетнаму от 26 ноября 1963 г. одобрил предложенную программу нанесения нарастающих ударов по ДРВ, а также и по Лаосу для «обеспечения победы над коммунистами» в Южном Вьетнаме²⁸.

²⁸ См.: Ю. М. Мельников. От Потсдама к Гуаму. Очерки американской дипломатии. М., 1974, с. 314.

Как стало известно из преданных огласке секретных документов Пентагона, министр обороны Р. Макнамара в своей памятной записке «Обстановка во Вьетнаме», которую он 21 декабря 1963 г. направил президенту Джонсону после двухдневной поездки в Южный Вьетнам, отмечал, что резидентура ЦРУ и американское военное командование в Сайгоне, разработавшие программу тайных военных операций против ДРВ, проделали «блестящую работу».

Эта программа под кодовым названием «Оперативный план 34-А», реализация которой началась 1 февраля 1964 г., предусматривала полеты разведывательных самолетов «У-2» над территорией ДРВ, похищение северовьетнамских граждан с целью получения от них разведывательных сведений, заброску специальных групп для совершения диверсий, развертывание в широких масштабах психологической войны, обстрел торпедными катерами северовьетнамских прибрежных населенных пунктов. Предназначение этих «разрушительных мер», как они именовались в докладе, представленном 2 января 1964 г. президенту США генералом корпуса морской пехоты В. Крулаком, состояло в том, чтобы «произвести значительные разрушения, нанести экономический ущерб и создать трудности для населения».

План 34-А послужил как бы главным сценарием для проведения военных операций вплоть до августовских дней 1964 г., когда американская агрессия вступила в новую фазу. Первые его контуры обозначились в названной выше памятной записке Р. Макнамары. В ней, в частности, сообщалось: «Обстановка внушает серьезные опасения. Имеющие место тенденции, если с ними не будет покончено в ближайшие два-три месяца, приведут в лучшем случае к нейтрализации, а скорее всего — к установлению коммунистического контроля»²⁹. Выполнение плана осуществлялось под руководством министра обороны США через особую группу при комитете начальников штабов — «отделом по противоповстанческим операциям и специальной деятельности». Как отмечалось в докладе Пентагона, диверсионные операции, вплоть до «заблаговременного составления месячных графиков налетов», согласовывались с госдепартаментом и ЦРУ. Ответственность за «межведомственную координацию» несли помощник государственного секретаря Уильям Банди и Джон Макнотон. В Сайгоне операции по плану 34-А контролировались генералом П. Харкинсом³⁰.

Важное значение ЦРУ придавало так называемым отрядам гражданской обороны, пользовавшимся его поддержкой и находившимся на его полном содержании. Численность их достигала 45 тыс. человек. Участие в операции 34-А этих отрядов, представлявших собой местные карательные силы, регулировалось командованием войск специального назначения армии США.

Специальные операции ЦРУ во Вьетнаме носили крупномасштабный характер, и им отводилась первостепенная роль в военно-стратегическом планировании США. Многие из этих операций были подробно рассмотрены в материалах правительства США, опубликованных в «Документах Пентагона». Но некоторые не фигурирующие в указанных документах операции заслуживают того, чтобы упомянуть о них.

В одной такой операции участвовали нунги, населяющие горные районы Вьетнама, они воевали в свое время на стороне французов, а после 1954 г. переселились на юг. Нунги отличались особой жестокостью, и ЦРУ, зная об этом, охотно использовало их. Все секретные объекты ЦРУ во вьетнамских провинциях чаще всего охранялись нунгами, неизменно одетыми в маскировочную военную форму. Они вели наблюдение за перевозками продовольствия и других грузов северо-

²⁹ «New York Times», 13.VI.1971.

³⁰ См.: По ступеням войны и обмана, с. 49.

вьетнамцев, а также участвовали в налетах на автоколонны и в совершеннн диверсий на военных складах. Поскольку большинство нунгов было неграмотно и не могло посылать точные донесения о результатах своих наблюдений, технические подразделения ЦРУ изобрели для них специальный радиопередатчик, снабженный набором кнопок с изображениями танка, грузовика, артиллерийского орудия и т. д. Когда нунг, контролировавший дорогу, видел автоколонну, он должен был нажимать соответствующую кнопку столько раз, сколько машин проезжало мимо него. При каждом нажатии кнопки специально закодированный импульс поступал на базу, где велся учет всех перевозок. В отдельных случаях сигналы принимались самолетами наблюдения, которые в свою очередь передавали полученную информацию штурмовикам для немедленных бомбардировок заданных районов.

Одним из технических открытий, которым ЦРУ очень гордилось и которое широко применялось во Вьетнаме, была система обнаружения пользования оружием. Лицу, подозреваемому в принадлежности к НФОЮВ, обрызгивали руки специальным химическим составом, а через несколько минут направляли на руки ультрафиолетовый луч. Если цвет химического вещества определенным образом менялся, это означало, что подозреваемый брал в руки металлический предмет (предполагалось, что оружие) в течение предшествующих 24 часов. Американцев мало смущало то обстоятельство, что химическое вещество было одинаково чувствительно к любому металлическому предмету, как к сельскохозяйственному инструменту, так и к оружию, поэтому жертвой расправы мог стать человек, который до этого держал в руках простой молоток. ЦРУ считало эту систему чрезвычайно эффективной, тем более что она, как правило, применялась в сочетании с изощренными пытками.

Используя в качестве предлога спровоцированные инциденты в Тонкинском заливе³¹, конгресс провел «тонкинскую резолюцию», фактически развязавшую администрации США руки для открытого вооруженного вторжения во Вьетнам³². 13 февраля 1965 г. президент Джонсон санкционировал начало операции «Громовые раскаты», и около 50 американских самолетов, поднявшись с палуб авианосцев и тайландских баз, сбросили свой разрушительный груз на населенные пункты и промышленные объекты ДРВ. На следующий день последовал новый массированный налет. Так началась варварская воздушная война.

Как вынужден был признать впоследствии помощник государственного секретаря У. Банди, несколько проектов, которые легли в основу «тонкинской резолюции» и положили начало варварской воздушной войне Соединенных Штатов против ДРВ, были заготовлены задолго до самого инцидента.

12 июля 1966 г. в речи американского президента по радио и телевидению получила официальное оформление так называемая «тихоокеанская доктрина Джонсона». Именно тогда президент США назвал Азию тем регионом, где решаются судьбы человечества. Провозгласив Соединенные Штаты «тихоокеанской державой», Джонсон заявил об их единоличной ответственности за «умиротворение, порядок и процветание» этой части земного шара. При этом он выразил решимость США взять на себя «обязательства» по ведению вооруженной борьбы

³¹ 2 августа 1964 г. американский эсминец «Мэддокс», преследуя цели разведывательного характера, нарушил территориальные воды ДРВ и обстрелял ее патрульные суда. Защищая безопасность границ своего государства, последние отогнали эсминец в открытое море. Через два дня администрация США во всеуслышание заявила, что вьетнамские боевые корабли будто бы совершили нападение на эсминцы «Мэддокс» и «Тэрнет Джой» в международных водах.

³² Подробнее см.: М. С. Капица. Война во Вьетнаме и дипломатическая война. — «Проблемы Дальнего Востока», 1976, № 4.

с национально-освободительным движением в Азии и объявил о намерении вести войну во Вьетнаме до полной победы.

Увязнув в войне во Вьетнаме, Белый дом тщетно пытался все новые преступными авантюрами сломить волю вьетнамского народа. В период с 1968 по 1971 г. США осуществляют программу ускоренного «умиротворения». Появление на свет этой зловещей программы ставится в заслугу все тому же Лэнсдейлу. «Посол Лодж,— пишет Д. Эллсберг³³,— поручил генералу Лэнсдейлу неблагодарную работу — координировать усилия всех гражданских органов и ведомств США, направленные на «умиротворение»... Вьетнамские кадры для проведения этой программы были подготовлены, вооружены и оплачены ЦРУ».

Вскоре, после того как Лэнсдейл на полный ход запустил механизм программы «умиротворения», общее руководство ее осуществлением было возложено президентом Джонсоном на Роберта Комера, сотрудника ЦРУ, переведенного затем на работу в Белый дом. Когда в ноябре 1967 г. Комер был вызван в Вашингтон для получения очередных инструкций, президент спросил его, не нуждается ли он в чем-либо для выполнения своей миссии. Комер ответил, что ему хотелось бы, чтобы его заместителем был Колби. Джонсон сказал, что он волен взять любого, кто ему потребуется.

Уильям Иган Колби, сын армейского офицера, родился в штате Миннесота в 1920 г. Окончив в 20 лет Принстонский университет, он был призван в армию, оттуда взят в 1943 г. в УСС (так именовалась тогда разведка США) и в конце войны заброшен сначала во Францию, а затем в Норвегию. В 1950 г. он начал службу в ЦРУ. Первое время в Стокгольме, а после — в резидентуре ЦРУ в Риме. В 1959 г. Колби направляют резидентом ЦРУ в Сайгон, где его прикрытием стал пост первого секретаря посольства США. В 1962 г. он возвратился в штаб-квартиру ЦРУ, чтобы возглавить дальневосточный отдел, а позже — отдел азиатских стран. В 1968 г. после упомянутой беседы Р. Комера с президентом Колби становится заместителем Комера, которого он заменил вскоре на посту руководителя программы «умиротворения», и ему присваивается ранг посла. С 1968 по 1971 г. Колби был непосредственно связан с осуществлением этой программы³⁴.

³³ Даниэль Эллсберг, представитель Пентагона, был одним из помощников Лэнсдейла в осуществлении программы «умиротворения». Убедившись в жестокости и бессмысленности акций «умиротворения», Эллсберг, по его словам, вскоре пришел к выводу, что антивьетнамская политика США преступна. Став на сторону противников империалистической агрессии во Вьетнаме, он делает достоянием печати документы Пентагона, относящиеся к различным этапам этой интервенции, к составлению которых он был причастен. Документы содержали многочисленные свидетельства того, как в глубокой тайне готовилась, с чего начиналась и как шаг за шагом разворачивалась агрессивная война против народов Индокитая.

³⁴ Когда в 1971 г. Колби возвратился в США, его назначили на должность «специального помощника» директора ЦРУ Хелмса, фактически составившую в себе функции исполнительного директора и генерального инспектора (по степени важности — должность № 3 в ЦРУ). В конце февраля 1973 г. новый директор ЦРУ Дж. Шлесинджер сделал Колби своим заместителем и одновременно начальником управления планирования тайных операций — «департамента грязных трюков». Несколько месяцев спустя тогдашний президент США Р. Никсон в надежде избежать уотергейтского скандала предпринимает «одну из отчаянных и судорожных попыток» спасти — чистку государственного аппарата. Министром обороны становится Шлесинджер, а пост директора ЦРУ в мае 1973 г. получает Колби. Фигура Колби была настолько одной, что сразу же возникли серьезные препятствия к его назначению. Утверждение Колби вызвало в конгрессе бурные дебаты. Больше всего законодателей «смущала» его деятельность в Южном Вьетнаме. Конечно, не сама ее суть, а огласка в печати. Благодаря публикациям в прессе мировая общественность узнала, что США несут ответственность за массовое, чудовищное истребление вьетнамцев в ходе ускоренного «умиротворения», а Колби изблился в прямой причастности к убийствам и пыткам. Тем не менее сенаторы 83 голосами против 13 поставили этого человека во главе ЦРУ, и он занимал этот пост до 1975 г.

Основную часть программы «умиротворения» составляла операция под кодовым наименованием «Феникс», которую сенатор Фулбрайт назвал «программой массового физического уничтожения» представителей политической оппозиции в Южном Вьетнаме. Идея этой операции долго вынашивалась в ЦРУ. Основным ее автором был Колби. Завершение разработки операции, начатой в недрах ЦРУ, относится к 1967—1968 гг. В этот период правящие круги США пересмотрели методы и средства борьбы против южновьетнамских партизан. Агентство «Юнайтед пресс интернейшил» в распространенном им документе, интервью с представителями ЦРУ, прямо указывало, что «эта программа была выработана с целью ликвидировать кадры НФОЮВ» и предполагала на всей территории Южного Вьетнама одновременно подвергнуть репрессиям всех, кто связан с силами НФОЮВ, и тем самым нанести сокрушительный удар сопротивлению вьетнамского народа.

ЦРУ активно сотрудничало с особым отделом полиции и центральной разведкой Южного Вьетнама, широко используя их для сбора информации о НФОЮВ. При опоре на этот зловещий союз ЦРУ создало целый комплекс разведывательных центров с единственной задачей — обеспечить четкую координацию действий американских и южновьетнамских спецслужб, обмен опытом участия в программе «умиротворения» и сопоставление сведений, добываемых ими по агентурным каналам, а также путем допроса пленных, перехвата радиопередач, ареста «курьеров».

Милитаристские круги США возлагали на операцию «Феникс» большие надежды, тем более что «умиротворение», проводившееся ранее с помощью войск, которые прочесывали целые селения и подвергали репрессиям сотни людей, было признано «малоэффективным и отвлекающим много сил». Как отмечала американская печать, после основательного втягивания США в войну во Вьетнаме разведке пришлось применить целый ряд новых методов, которые не могли использовать ни правительственные учреждения, ни армия. Например, были созданы провинциальные разведывательные подразделения, не контролируемые южновьетнамскими властями³⁵.

Считая, что программа «умиротворения» не может быть реализована в полном объеме лишь силами ЦРУ, ее инициаторы и организаторы настаивали на том, чтобы придать этой программе «межведомственный характер». В середине 1967 г. была разработана совместная программа действий ЦРУ и американского командования по оказанию военной помощи сайгонскому режиму. Несколько месяцев спустя к этой программе, получившей название «Разведывательная координация и разработка», указом премьер-министра марионеточного правительства были подключены южновьетнамские органы полиции и разведки.

В июле 1968 г. президент Тхису издал декрет, подготовленный с участием Колби, в соответствии с которым по всему Южному Вьетнаму создавались комиссии по проведению операции «Феникс». В их состав вошли представители всех органов, связанных с осуществлением программы ускоренного «умиротворения». Комиссии определяли конкретные задания относительно численности южновьетнамских партизан и их сторонников, которых надлежало или взять в плен, или, согласно условиям амнистии, заставить действовать на стороне правительства, или, наконец, просто вывести из строя в результате акций военных либо полицейских сил³⁶. Особенностью операции «Феникс» состояла именно в том, что ЦРУ создало гигантскую систему слежки и допро-

³⁵ In: «Christian Science Monitor», 27.I.1970.

³⁶ Лица, подозреваемые в связях с НФОЮВ, брались на централизованный учет, и на них заводились досье. Все они разбивались на три категории: 1) руководители и активисты партии, 2) лица, занимающие другие ответственные посты, то есть кадровый состав, 3) рядовые коммунисты и сочувствующие.

сов, которая охватила всю страну, вплоть до каждой деревушки. Для проведения операции по предложению Колби были созданы специальные «местные части разведки» и оперативные группы во всех 44 провинциях и более чем в 250 округах и городах Южного Вьетнама. Части и группы сформировались из сотрудников южновьетнамской разведки, местных полицейских, военнослужащих сайгонской армии и представителей марионеточных властей. К каждой группе прикомандировывались американские «советники» (их насчитывалось в общей сложности 450 человек), преимущественно из числа военных разведчиков, имевших большой опыт проведения карательных операций. По официальным данным, опубликованным в Ханое в июле 1971 г., в операции «Феникс» участвовало 800 отрядов общей численностью 44 тыс. человек.

На первом этапе операции основной задачей было получение сведений о лицах, подозреваемых в связях с силами Освобождения или сочувствующих им. Для сбора таких сведений сотрудники оперативных групп и их агентура проникали под видом медицинских работников или технических специалистов в интересующие разведку сельские районы, создавали там свои опорные пункты и даже совершали убийства и похищения людей. Этот этап завершился составлением «черных списков» с именами и фотографиями подозреваемых. На втором этапе операции начались аресты. Американская печать не скрывала того, что группам было предоставлено право физического уничтожения задержанных.

После «допроса с пристрастием», целью которого было получение сведений о новых лицах, арестованного передавали в распоряжение властей провинции. Какое-то время его держали в тюрьме, а затем дело направлялось на рассмотрение провинциального совета безопасности. Этот совет без вызова свидетелей, а подчас и в отсутствие самого арестованного решал его судьбу. Зачастую приговоры выносились не столько на основе действительных улик, сколько по прямым указаниям разведывательных служб.

Во время слушаний в конгрессе в 1971 г. бывшие сотрудники разведки, выступавшие перед его комиссиями и в прочих инстанциях, приводили примеры пыток и других чудовищных издевательств, применявшихся теми, кто осуществлял операцию «Феникс». Известный американский автор Д. Уайз писал: «Никто из друзей или соседей Колби или даже его критиков в конгрессе при самом необузданном воображении не может представить себе, как Билл Колби приставляет электропровод к телу человека и сам включает рубильник. Нет, это не Билл Колби... Он же выпускник Принстона»³⁷. Сам Колби при этом заявлял, что, «несмотря на отдельные неприглядные стороны, такие, как убийства по политическим мотивам и физическое уничтожение подозреваемых из числа гражданского населения Южного Вьетнама, операция «Феникс» была важной составной частью военных планов США».

Как было установлено в ходе слушаний в конгрессе, за три года в ходе операции «Феникс» было уничтожено 20 587 вьетнамцев. Однако эта цифра, приведенная Колби, представляется крайне заниженной. Очевидно, значительно ближе к истине данные сайгонской администрации, согласно которым было уничтожено 40 994 человека. Операция «Феникс», как и другие акции ускоренного «умиротворения», провалилась, натолкнувшись на стойкое сопротивление южновьетнамских патриотов.

Словом, не было таких средств, методов и приемов, какими бы грязными и противозаконными они ни являлись, которые бы американский империализм, взяв на себя главную заботу о сохранении капиталистической и колониальной системы, не использовал в своей авантю-

³⁷ In: «New York Times Magazine», I. VII. 1973.

ристической политике, направленной против геронческого вьетнамского народа. «Авантюризм, готовность ставить на карту жизненные интересы человечества во имя своих узких корыстных целей — вот что особенно обнаженно проявляется в политике наиболее агрессивных кругов империализма», — отмечал Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии³⁸.

В апреле 1975 г. с полным освобождением юга Вьетнама вьетнамский народ завершил решение задач национально-демократической революции и вывел страну на путь строительства социализма. После многих десятилетий борьбы с иностранными захватчиками Коммунистическая партия Вьетнама получила возможность перенести внимание в своей работе по руководству массами с мобилизации сил для всенародного отпора интервентам на залечивание ран войны, восстановление и дальнейшее развитие народного хозяйства, укрепление обороноспособности страны и добиться на этом пути внушительных успехов.

* * *

Исторический опыт Вьетнама учит, что народ, который самоотверженно борется за свою свободу и опирается на интернациональную поддержку социалистических стран, прогрессивной и миролюбивой общественности всего мира, победить нельзя. «Закономерной тенденцией исторического процесса, — указывал Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Вьетнама товарищ Ле Зуан, — является борьба народов за свое освобождение, за новую жизнь. В наше время социализм непобедим. Система социализма несокрушима. Никакие коварные уловки и замыслы империалистов и их приспешников не смогут повернуть вспять эту тенденцию».

³⁸ XXVI съезд КПСС. Стенографический отчет, т. I. М., 1981, с. 156.

Жизнь, отданная борьбе за свободу

[к 75-летию со дня рождения Бо Гу]

А. В. Панцов

Среди многих имен героических борцов за национальное и социальное освобождение китайского народа одно из первых мест занимает имя Бо Гу — пламенного марксиста-ленинца, интернационалиста, выдающегося деятеля Коммунистической партии Китая. Вся его недолгая жизнь (он погиб в возрасте 39 лет) была до предела наполнена кипучей энергией. Человек высокой культуры, незаурядных организаторских способностей и личного обаяния, он в течение ряда лет находился в центре революционной борьбы. Несмотря на суровые испытания, выпавшие на его долю, он всегда оставался беззаветно преданным интересам партии и мирового коммунистического движения.

Бо Гу (настоящее имя — Цинь Бансянь) родился в 1907 г. в городе Нинбо провинции Чжэцзян, где его отец исполнял обязанности начальника уезда. Когда Цинь Бансяню исполнилось 10 лет, отец умер, и семья переехала на жительство к родственникам в крупный торговый город Уси, расположенный на Великом канале в провинции Цзянсу. После окончания в 1921 г. начальной школы Цинь Бансянь поступил во Второе провинциальное техническое училище, находившееся в окрестностях города Сучжоу. В этом училище он впервые познакомился с революционной литературой, после чтения которой твердо решил отдать всего себя делу борьбы за свободу и независимость родины. Активно включившись в революционную деятельность, Цинь Бансянь вскоре стал признанным вожакom прогрессивной части сучжоуского студенчества. В начале 1925 г. его избрали председателем городского студенческого союза. Тогда же он вступил в ряды национальной партии гоминьдан, а несколько позже — в Социалистический союз молодежи Китая¹.

Начало национальной революции, отмеченное бурными антиимпериалистическими выступлениями рабочего класса и студенчества, городской мелкой буржуазии в конце мая — начале июня 1925 г., застало Цинь Бансяня в Шанхае, куда он приехал после окончания сучжоуского училища с целью поступить в Шанхайский университет, который был создан в 1923 г. на базе Юго-Восточного института Шанхая усилиями активных членов компартии Дэн Чжунся, Цюй Цюбо, Чжан Тайлэя и др.

Сразу же по прибытии в Шанхай Цинь Бансянь принял участие в революционных событиях. Вместе с другими шагал в колоннах демонстрантов, протестуя против убийства на одной из японских текстильных фабрик молодого рабочего-коммуниста Гу Чжунхуна, участвовал в массовых митингах, сопровождавших всеобщую антиимпериалистическую забастовку, вспыхнувшую в начале лета. Непосредственное приобщение к борьбе шанхайских промышленных рабочих усилило в молодом революционном демократе тягу к изучению теории научного социализма. Во время непродолжительного пребывания на английском отделении Шанхайского университета он с жадностью поглощал крайне немногочисленную в то время в Китае марксистскую литературу.

Огромное идейное воздействие на Цинь Бансяня оказало знакомство с первыми пропагандистами марксистских идей в Китае, прежде всего с Цюй Цюбо, преподававшим в университете общественно-политические дисциплины, а также с находившимися в то время в Шанхае видными китайскими коммунистами Чэнь Дусю, Юнь Дайном, Ши Цуньтуном. Под их влиянием в октябре 1925 г. Цинь Бансянь вступил в КПК. Вскоре после этого он покинул университет, с тем чтобы, как он вспоминал позднее сам, «полностью посвятить себя политической работе»². Он начал работать в отделе пропаганды городского комитета гоминьдана, действовавшего тогда в подполье, с риском для жизни вел агитацию среди текстильных рабочих. Бесстрашие молодого коммуниста, его умение найти общий язык с рабочей массой снискали ему уважение как среди го-

¹ Сведения о начальном периоде жизни Бо Гу почерпнуты автором в следующих изданиях: Жунай лу. Сянган, 1946, с. 4; Лун Юньцань. Хунцисяды ван-цунь. Тайбэй, 1972, с. 41—42; Цыхай. Лиши фэньци. Чжунго сяньдайши. Шанхай, 1980, с. 131; Гэндай туюку дзиммэй дантэн. Токно, 1972, с. 479; Chinese communist who's who, vol. 2. Taipei, 1971, p. 422; D. Klein, A. Clark. Biographic dictionary of Chinese communism. 1921—1965, vol. 1. Cambridge (Mass.), 1971, p. 195; E. Snow. Random notes on Red China (1936—1945). Cambridge (Mass.), 1957, p. 15.

² Цит. по: E. Snow. Op. cit., p. 15.

родских коммунистов и гоминьдановцев, так и среди работников шанхайских фабрик. Признанием заслуг Цинь Бансяня явилось решение горкома КПК Шанхая послать его на учебу в Советский Союз.

В это время в СССР функционировало несколько учебных заведений для подготовки китайских революционных кадров, главным из которых был Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ), открытый в Москве 21 апреля 1921 г. Основной контингент университета состоял, правда, из представителей трудящихся Советского Востока, число студентов из зарубежных стран было в нем невелико. В 1924 г., например, в КУТВ насчитывалось около 40 китайских студентов. С осени 1925 г. в Москве развлеклась работа по созданию специального университета, который взял бы на себя непосредственную задачу обучения большего числа китайских революционных работников. Университету было присвоено имя великого китайского революционера Сунь Ятсена. Он начал функционировать в ноябре 1925 г.³ Именно в этот университет прибыл в ноябре 1926 г. Цинь Бансянь (путешествие из Шанхая в Москву заняло несколько месяцев).

После официального зачисления в штат студентов Цинь Бансянь с огромной энергией и воодушевлением принялся за изучение марксистско-ленинской философии, политической экономии, научного коммунизма, истории русской революции и революционных движений на Западе и Востоке, других дисциплин, которые преподавались в Университете трудящихся Китая им. Сунь Ятсена. Большое внимание уделял он также изучению русского языка. Будучи человеком огромного трудолюбия и способностей, Цинь Бансянь быстро стал одним из лучших учащихся университета, и уже в 1928 г. его наряду с некоторыми другими студентами, такими, например, как Ян Шанькунь, Хэ Цзышу, Чжан Вэньтянь (Ло Фу), привлекли к сотрудничеству в только что открытом тогда Научно-исследовательском институте по Китаю⁴. Через некоторое время вместе с Ло Фу, Ван Цзясяном и Чэнь Шаоюем (Ван Мином) он был направлен на курсы Института красной профессуры⁵. В эти же годы Цинь Бансянь под псевдонимом Бо Гу начал переводить на китайский язык произведения классиков марксизма-ленинизма, работы Г. В. Плеханова.

Деятельное участие принимал молодой коммунист и в жизни партийной и комсомольской организаций университета. Активность Бо Гу особенно возросла после поражения китайской национальной революции 1925—1927 гг., когда у части членов КПК и КСМК, в том числе и обучавшихся в Университете им. Сунь Ятсена, возникли настроения отчаяния и пессимизма, неверия в свои силы и руководящую роль Коммунистического Интернационала. Подобные настроения всячески подогревались троцкистами, на сторону которых постепенно перешла так называемая университетская рабочая оппозиция, состоявшая из студентов—выходцев из рабочих, недовольных тяжелой, напряженной программой обучения, а также отдельные националистически настроенные члены компартии и комсомола, авангардисты из КСМК⁶. Последние фактически стремились выйти из-под контроля партийных органов, отстаивая некую «авангардную» роль комсомола по отношению к партии. Вместе с Ван Мином и Ван Цзясяном Бо Гу практически возглавил интернационалистское ядро студентов, со всей решимостью и бескомпромиссностью выступивших в Университете им. Сунь Ятсена против контрреволюционных взглядов противников линии Коминтерна. Страстная борьба с троцкизмом укрепила его авторитет в студенческой среде. Вскоре после разгрома оппозиционеров он был избран секретарем Московского отделения КСМК и оставался на этом посту вплоть до своего отъезда из СССР⁷.

Бо Гу находился в Москве в течение трех с половиной лет. Срок небольшой, но в жизни этого человека — значительный. Пребывание в СССР стало для него, как и для многих других китайских коммунистов, подлинной школой марксистско-ленинской теории, практических политических знаний и пролетарского интернационализма. На всю жизнь сохранил Бо Гу любовь и благодарность к советским людям, не жалевшим ни сил, ни средств для подготовки кадров китайской революции.

В мае 1930 г. Бо Гу вернулся на подпольную работу в Китай. Он был назначен в отдел пропаганды Генеральной федерации профсоюзов, редактировал рабочие многотиражки «Лаогун бао» и «Гунжэнь сяобао». В то время в руководстве Коммунистической партии Китая руководящие позиции занимали представители левацко-авантюристического направления во главе с кандидатом в члены Политбюро ЦК КПК, заведующим отделом пропаганды ЦК КПК Ли Лисанем. Игнорируя оценки и предложения Коминтерна, леваки расценили обстановку в Китае летом 1930 г. как непосредственную революционную ситуацию. Исходя из этого, Ли Лисань и его единомышленники взяли курс на восстания и захват власти в основных промышленных центрах Китая. Тем самым они

³ Подробнее о подготовке в СССР кадров китайской революции см.: А. Пащов. Выполняя интернациональный долг. — «Азия и Африка сегодня», 1982, № 6, с. 30—32.

⁴ См.: А. М. Григорьев. Революционное движение в Китае в 1927—1931 гг. (Проблемы стратегии и тактики). М., 1980, с. 163; Sheng Yueh. Sun Yatsen University in Moscow and the Chinese revolution. Lawrence (Kans.), 1971, p. 54.

⁵ In: D. Klein, A. Clark. Op. cit., p. 195.

⁶ In: Sheng Yueh. Op. cit., p. 209—226.

⁷ См.: Луи Юньцань. Указ. соч., с. 42—43; Chinese communist who's who. vol. 2, p. 422.

рассчитывали вызвать немедленный революционный взрыв во всей стране. «Объективные» условия для победы китайской революции они видели в том, что революционный подъем в Китае неминуемо подтолкнет мировую революцию, втянет СССР в войну с Китаем и мировым империализмом. 11 июня 1930 г. лилisanевцы приняли резолюцию «О новом революционном подъеме и завоевании власти первоначально в одной или нескольких провинциях», в которой в системном виде изложили свои авантюристические и националистические идеи⁸.

Вместе с другими интернационалистами Бо Гу решительно выступил против опасных идеологических построений Ли Лисаня, много раз беседовал с отдельными коммунистами, с членом Политбюро ЦК КПК Сян Ином, генеральным секретарем ЦК Сян Чжунфа, высказывал свое несогласие лично Ли Лисаню. Выступая в июле 1930 г. на совещании работников центрального партийного аппарата, Бо Гу заклеил лилisanевскую платформу как антипартийную, призвав незамедлительно дезавуировать резолюцию от 11 июня⁹.

Левачкое руководство Политбюро ЦК отстранило Бо Гу от партийной работы, определив его точку зрения как «правооппортунистическую» и объявив ему выговор «с последним строгим предупреждением»¹⁰. Эти санкции были официально утверждены в сентябре 1930 г. на III пленуме ЦК КПК, занявшем по отношению к лилisanевской линии примиренческую позицию. «Дело Бо Гу» было пересмотрено только после того, как 16 ноября 1930 г. партийное руководство получило октябрьское письмо Исполкома Коминтерна о лилisanевщине, в котором идеи националистических руководителей КПК были подвергнуты беспощадной критике.

В декабре 1930 г. Бо Гу был назначен на руководящую работу в Шанхайскую организацию профсоюзов, участвовал в редактировании центрального органа партии газеты «Хунци» и профсоюзной газеты «Шанхай гунжэнь»¹¹. В январе 1931 г. на IV пленуме ЦК КПК, осудившем соглашательские решения III пленума и политику Политбюро между III и IV пленумами, Бо Гу был кооптирован в члены Центрального комитета Компартии Китая и выдвинут на пост заведующего отделом пропаганды ЦК КСМК¹². Вскоре после IV пленума, в апреле 1931 г., Бо Гу был избран генеральным секретарем ЦК комсомола Китая¹³.

Коммунистический союз молодежи в то время находился в крайне тяжелом положении. Авантюристический курс лилisanевцев, игнорировавших реальные условия борьбы и развернувших непосредственную подготовку вооруженных выступлений, привел, по существу, к ликвидации местных партийных, комсомольских и профсоюзных организаций, к растворению их в так называемых «комитетах действия» — органах безрассудной политики восстаний. Как указывалось в материалах декабрьского (1932) пленума Исполкома КИМ, «лилisanевщина сильно ослабила позиции китайского КСМК в борьбе за массы трудящейся молодежи. Прежде всего она ослабила ряды самого союза, на известное время превратив его в разобщенные и не связанные между собой организации. Прямым следствием этого явилось значительное сокращение численности КСМК с 30 000 до 15 300 (без советских районов)». «Глубина последствий ликвидаторских, полутроцкистских установок Ли Лисаня в КСМК, — подчеркивалось на том же пленуме, — была следствием того, что тогдашнее руководство союза не только не организовало борьбы против проводившейся, по существу, ликвидации КСМК как самостоятельной организации, а выступило активным сторонником Ли Лисаня в его борьбе против линии Коминтерна и КИМ»¹⁴.

Возглавив работу по исправлению ошибок прошлого, Бо Гу с присущим ему энтузиазмом развернул кропотливую деятельность по восстановлению комсомольских ячеек на местах, налаживанию связи с несоюзной молодежью. Руководителя китайских комсомольцев, зарекомендовавшего себя как одного их наиболее авторитетных членов ЦК КПК и заслужившего большое уважение своей бескомпромиссной борьбой с остатками лилisanевщины, начали все чаще привлекать к решению важнейших партийных вопросов, приглашать на заседания Политбюро ЦК КПК. Летом 1931 г. после ареста и казни генерального секретаря ЦК партии Сян Чжунфа Бо Гу был кооптирован в члены Политбюро и Постоянного комитета Политбюро ЦК, а в сентябре 1931 г. после реорганизации руководящих партийных органов и образования Временного Политбюро 24-летний Бо Гу стал исполняющим обязанности генерального секретаря ЦК Компартии Китая.

Он принял руководство партией в один из самых критических моментов ее истории. Слабо законспирированные городские организации терпели провал за провалом, многие талантливые партийные руководители были брошены в гоминьдановские застенки, некоторые казнены. Ряд видных работников Центрального комитета был направлен в

⁸ Подробнее о лилisanевщине см.: А. М. Григорьев. Указ. соч., с. 175—220.

⁹ См. там же, с. 200; Sheng Yueh. Op. cit., p. 231.

¹⁰ См.: А. М. Григорьев. Указ. соч., с. 200.

¹¹ In: E. Snow. Op. cit., p. 16.

¹² In: D. Klein, A. Clark. Op. cit., p. 196.

¹³ См.: Цыхай. Лиши фэньци. Чжунго сяньдаиши, с. 131; D. Klein, A. Clark. Op. cit., p. 197.

¹⁴ Цит. по: В. Н. Усов. Историческая судьба китайского комсомола (К 60-летию КСМК). — «Проблемы Дальнего Востока», 1982, № 2, с. 125—126.

советские районы, в Красную армию Китая, в силу этого они не могли принимать непосредственного участия в работе ЦК, находившегося по-прежнему в глубоком подполье в Шанхае. Не участвовала в повседневной работе центрального партийного аппарата и группа авторитетных партийных деятелей, находившаяся в Москве и представлявшая коммунистов Китая в Исполкоме Коминтерна. С советскими районами у ЦК не было постоянной связи. «Она поддерживалась от случая к случаю уполномоченными и курьерами,— вспоминал позднее военный советник ИККИ при ЦК КПК в 1932—1939 гг. немецкий коммунист О. Браун,— которые неделями находились в пути, что крайне тормозило работу. Так же обстояло дело со связью с партийными организациями в других крупных городах и промышленных районах, находившихся в сфере власти гоминьдана, в том числе и с местными бюро ЦК в Пекине, Ухане и Кантоне»¹⁵. Обособленность партийных организаций друг от друга и от ЦК укрепляла местнические и сепаратистские тенденции в партии, способствовала появлению внутрипартийных группировок. Беспринципная групповая борьба значительно подрывала боеспособность организации, отвлекала партийных руководителей от решения насущных вопросов революции. Положение в партии усугублялось недостаточной идейно-теоретической подготовкой большинства участников коммунистического движения, проникновением в среду коммунистов идей национализма, а также мощным воздействием на мировоззрение части руководящих работников настроений различных слоев крестьянства, представители которых в начале 30-х годов составляли абсолютное большинство членов партийных ячеек в сельских районах.

В данных условиях, встав во главе компартии, Бо Гу направил свои главные усилия на сохранение в КПК единства взглядов и действий, на теснейшее взаимодействие с ИККИ и его представителями в Китае, на марксистско-ленинское воспитание кадров. Его деятельность во многом способствовала улучшению обстановки в партии.

Вместе с тем Центральный Комитет КПК под его руководством не смог быстро сориентироваться в новой обстановке в стране, вызванной открытой агрессией японского империализма в Китае в сентябре 1931 г. Несмотря на выдвижение по рекомендации Коминтерна в начале 1932 г. лозунга национально-революционной войны против Японии, ЦК и его Временное Политбюро продолжали по-прежнему ориентироваться главным образом на свержение контрреволюционной власти гоминьдана, с сектантских позиций оценивая антиимпериалистические потенции национальной буржуазии и промежуточных сил. В этом их поддерживало и представительство Коминтерна в Китае. Как подчеркивал О. Браун, «представительство Коминтерна и Политбюро ЦК... все больше склонялись (в 1932—1933 гг. — А. П.) к односторонней ориентации на советские районы и гражданскую войну. Отдельные заявления об антияпонской борьбе ничего не меняли»¹⁶. Следует заметить, что в то время подобных взглядов придерживались все руководители Компартии Китая.

В конце 1932 г. условия работы в Шанхае чрезвычайно усложнились. Исходя из этого, а также вследствие того, что большинство членов ЦК находилось в советских районах, Бо Гу и другие руководители Временного Политбюро приняли решение перебазировать центральный партийный аппарат в Жуйцзинь, столицу Центрального советского района. Сразу же по прибытии туда, весной 1933 г., на совместном заседании Временного Политбюро и Бюро ЦК Центрального советского района (в него тогда входили Сян Ин, Чжоу Эньлай, Жэнь Биши, Ван Цзясян, Мао Цзэдун, Чжу Дэ и др.) произошло слияние этих двух органов. Бо Гу большинством голосов был избран руководителем расширенного таким образом Временного Политбюро ЦК партии. Он же возглавил и образованный на том же заседании Секретариат ЦК, который заменил существовавший до того Постоянный комитет Политбюро¹⁷. Помимо общего руководства партийными делами, Бо Гу взял на себя непосредственный контроль за положением в армии и ведением боевых операций, практически курируя от имени ЦК работу Реввоенсовета. Ответственность же за дела в правительстве и местных советах была возложена на секретаря Центрального комитета КПК Ло Фу¹⁸.

На V пленуме ЦК КПК (январь 1934 г.) Бо Гу был официально утвержден генеральным секретарем Центрального комитета партии и оставался на этом посту до февраля 1935 г. II Всекитайский съезд Советов избрал его в Президиум Исполкома Временного Центрального правительства Китайской советской республики.

В июле — августе 1935 г. состоялся VII конгресс Коминтерна, выработавший новый курс международного коммунистического движения — на борьбу за единство всех антифашистских и антиимпериалистических сил. Бо Гу был избран (заочно, так как находился в Китае) кандидатом в члены ИККИ. Это была высокая и заслуженная оценка его деятельности на посту генерального секретаря ЦК КПК.

Осенью 1935 г. части Красной армии, с которыми находилось большинство членов Политбюро ЦК КПК, в том числе и Бо Гу, пробившись на северо-запад, в Северную

¹⁵ О. Браун. Китайские записки (1932—1939). М., 1974, с. 11.

¹⁶ Там же, с. 16.

¹⁷ В состав Секретариата, по некоторым данным, вошли: Бо Гу, Ван Мин, Ло Фу, Ян Шанкунь, Чжоу Эньлай, Сян Ин, Ван Цзясян и Лю Шаоци (см.: Лун Юньцань. Указ. соч., с. 44). В него, очевидно, был включен и Чжан Готао, находившийся в то время в советском районе на севере провинции Сычуань.

¹⁸ См.: О. Браун. Указ. соч., с. 49.

Шеньси. После их соединения с действовавшими в тех местах войсками 15-й армейской группы, находившейся под командованием Лю Чжиданя и Сюй Хайдуна, была проведена реорганизация существовавшего до того времени Северошэньсийского советского района. Были созданы новые партийные комитеты. Высшую административную власть стало осуществлять Временное революционное правительство, получившее название Северо-Западной канцелярии. Что касается Бо Гу, то он был поставлен во главе этого центрального советского органа и первоначально занимался преимущественно вопросами внутреннего строительства местных советов, а позже — «внешиполитическими», как пишет О. Браун, делами¹⁹. Именно благодаря его усилиям, а также дипломатическим шагам Чжоу Эньлая ЦК принял меры в конце 1935 — начале 1936 г. заключить секретное соглашение с Чжан Сюэляном, армия которого непосредственно противостояла коммунистам на северо-западе, о «взаимном ненападении и сотрудничестве в целях сопротивления Японии».

В декабре 1936 г. произошли известные сяньские события (арест в Сиани Чжан Сюэляном и Ян Хучэном главы гоминьдана Чан Кайши). По рекомендации Коминтерна, активно поддержанной Бо Гу и Ло Фу, ЦК принял меры для их мирного урегулирования. В переговорах с Чан Кайши, с одной стороны, и Чжан Сюэляном и Ян Хучэном — с другой, участвовал и Бо Гу.

Мирное разрешение сяньских событий облегчило поиск путей к созданию единого антияпонского национального фронта. В апреле 1937 г. начались переговоры между компартией и гоминьданом. Бо Гу вместе с Чжоу Эньлаем и Линь Боцюем входил в состав делегации КПК.

Начало японо-китайской войны 7 июля 1937 г. ускорило достижение договоренности между гоминьданом и компартией. Части Красной армии, действовавшие в Северо-Западном Китае, в августе 1937 г. были преобразованы в 8-ю Национально-революционную армию, а несколько позже из руководимых КПК партизанских отрядов, оперировавших в центральных провинциях страны, была создана Новая 4-я НРА. В переговорах с гоминьдановским руководством об образовании Новой 4-й армии непосредственное участие принимал Бо Гу²⁰.

В декабре 1937 г. японская военщина оккупировала Нанкин. Правительство переехало в Ухань, где 1 июля 1938 г. был сформирован Национально-политический совет (НПС) — совещательный орган при гоминьдановском правительстве, который должен был обсуждать важнейшие вопросы жизни страны. В него вошли по согласованию с гоминьданом представители различных партий и общественных групп Китая, в том числе семь коммунистов. Бо Гу был среди них.

После падения Ухани Бо Гу вместе с другими членами НПС переехал в Чунцин, где продолжал активно добиваться реализации политики единого фронта.

Помимо огромной работы по созданию единого антияпонского фронта, Бо Гу выполнял и другие важные обязанности. В 1937 г. одно время он заведовал орготделом ЦК КПК. С образованием в декабре 1937 г. Центрально-китайского бюро Бо Гу стал одним из руководителей этого партийного органа, отвечал за кадровую политику. Вскоре его утвердили также главой и заведующим орготделом только что созданного бюро ЦК КПК по Южному Китаю²¹.

Занимаясь вплотную вопросами партийного строительства, Бо Гу делал все от него зависящее для укрепления рабочей прослойки в партии, катастрофически уменьшившейся к 1937 г. Подавляющее большинство партийцев приходилось на долю представителей различных слоев крестьянства, пауперов и люмпен-пролетариата, а также мелкобуржуазной интеллигенции. Характеризуя тогдашнее положение в КПК в беседе с американским журналистом Э. Сноу, Бо Гу с горечью признавал, что при сохранении неблагоприятного социального состава «существует реальная опасность для партии подпасть под влияние мелкобуржуазной идеологии»²². В одном из крупнейших промышленных центров Китая Ухани Бо Гу организовал вербовочную кампанию среди работников наемного труда. Его усилия привели к тому, что уже в июле 1938 г. в Ухани рабочие составили более 40 % новых членов компартии²³. Дальнейшее осуществление кампании было приостановлено оккупацией города японскими войсками.

В конце 1940 г. Бо Гу был отозван из Чунцина в Яньань, где в то время находился ЦК КПК. В мае 1941 г. он возглавил редакцию центрального органа партии, газеты «Цзефан жибао» и телеграфное агентство Синьхуа.

В феврале 1946 г., когда компартия вела переговоры с гоминьданом относительно демократизации страны, Бо Гу был послан в Чунцин. Там он присутствовал на заседании комитета по составлению проекта новой конституции Китая, участвовал в пере-

¹⁹ О. Браун. Указ. соч., с. 204.

²⁰ In: D. Klein, A. Clark. Op. cit., p. 199.

²¹ См.: Цыхай, Лиши фэньцы. Чжунго сяньдайши, с. 131; Chinese communist who's who, p. 423.

²² Цит. по: E. Snow. Op. cit., p. 23.

²³ Ibid.

говорах по освобождению генерала Е Тина, командующего Новой 4-й армией, взятого гоминьдановцами в плен в январе 1941 г.

8 апреля 1946 г. Бо Гу вместе с Е Тинем, его семьей, а также членом ЦК КПК Ван Жофэем и ответственным работником партии Дэн Фа на американском самолете вылетел из Чунцина в Яньань. Около двух часов пополудни самолет неожиданно потерял управление и потерпел аварию у горы Хэйчашань, в юго-восточной части уезда Синсянь провинции Шаньси. Все пассажиры погибли.

Гибель Бо Гу явилась тяжелой утратой не только для Коммунистической партии Китая и китайского народа, но и для всего международного коммунистического движения. Деятельность китайских коммунистов-интернационалистов, к плееде которых принадлежит Бо Гу, представляет собой часть славных революционных традиций коммунистического движения в Китае.

Советскому Дальнему Востоку — 60 героических лет

В октябре 1982 г. советский народ торжественно отметил 60-летие освобождения Дальнего Востока нашей страны от интервентов и белогвардейцев. Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР тепло поздравили с этой знаменательной датой трудящихся Дальнего Востока, воинов-дальневосточников и моряков Краснознаменного Тихоокеанского флота.

Победа в этой борьбе ознаменовала не только освобождение Дальнего Востока, но и завершение открытой вооруженной борьбы народов России против внутренней контрреволюции и внешней империалистической интервенции. «Изгнание в октябре 1922 г. интервентов и белогвардейцев с дальневосточных окраин, — отмечается в приветствии ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР трудящимся и воинам Дальнего Востока, — вошло замечательной страницей в летопись борьбы советского народа по защите завоеваний Великого Октября, свободы и независимости Родины. Никогда не померкнут в памяти советских людей легендарные подвиги воинов народно-революционной армии и партизан, водрузивших знамя Советов на берегах Тихого Океана»¹.

Борьба трудящихся Дальнего Востока за власть Советов была чрезвычайно усложнена длительной иностранной интервенцией, которая была частью согласованных действий империалистических держав и внутренней контрреволюции против власти рабочих и крестьян, установленной в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции.

Особенностью борьбы в этой части страны было то, что после разгрома интервентов и контрреволюции в центре России и Сибири Дальний Восток стал, по существу, последней базой интервенционистских и белогвардейских сил, которые стремились воспрепятствовать восстановлению советской власти в этом районе страны. Между империалистическими державами было достигнуто соглашение о разделе сфер будущих военных действий (и соответственно потенциальных сфер влияния) в России. Сибирь и Дальний Восток рассматривались как сфера влияния США и Японии.

Убедившись, что внутренняя контрреволюция, даже опираясь на финансовую помощь и поставки оружия капиталистических стран, не способна свергнуть власть рабочих и крестьян, Антанта весной 1918 г. приступила к развертыванию открытой вооруженной интервенции и

---

¹ «Правда», 23.X.1982.

гражданской войны в Советской стране. В качестве предлога для привлечения к интервенции Японии во Владивостоке было организовано провокационное убийство двух японских коммерсантов. 5 апреля 1918 г. во Владивостоке высадились японские и английские, а затем французские и американские войска. Одновременно разворачивалась интервенция в Прибалтике, на Украине, в Туркестане и Закавказье. Антанта пыталась задушить молодую Советскую Республику. «Их (интервентов. — Ред.) война с войной гражданской сливается в одно целое, — писал в те дни В. И. Ленин, — и это составляет главный источник трудностей настоящего момента, когда на сцену опять выдвинулся вопрос военный, военных событий, как главный, коренной вопрос революции»². Трудящиеся массы России и их революционная армия, несмотря на неимоверные трудности, сорвали планы внутренней и внешней контрреволюции, отстояли власть Советов.

Стремясь предотвратить военное столкновение Советской России с Японией и обеспечить на Дальнем Востоке условия для окончательной ликвидации белогвардейщины, советское правительство сочло целесообразным создание временного государственного образования, Дальневосточной Республики (ДВР), руководящую роль в которой играл рабочий класс и его партия. Для руководства подготовкой и строительством ДВР в марте 1920 г. было создано Дальбюро РКП(б). 6 апреля 1920 г. в Верхнеудинске (ныне Улан-Уде) на Учредительном съезде трудящихся Прибайкалья была провозглашена ДВР. При поддержке РСФСР была создана народно-революционная армия (НРА) во главе с В. К. Блюхером. 22 октября 1920 г. после тяжелых боев части НРА и партизан освободили Читту, которая стала столицей ДВР. Вскоре было осуществлено государственно-правовое оформление республики. Учредительное собрание приняло конституцию, согласно которой ДВР учреждалась как независимое демократическое государство, высшая власть в котором «принадлежит народу Дальнего Востока, и только ему».

26 мая 1921 г. белогвардейцы при помощи японских интервентов совершили переворот во Владивостоке, а в декабре захватили Хабаровск. Однако в феврале 1922 г. части НРА нанесли белогвардейским войскам серьезное поражение под Волочаевкой, был освобожден Хабаровск, 9 октября был штурмом взят Спасск. 25 октября НРА вступила во Владивосток. Японские интервенты вынуждены были покинуть Приморье. 14 ноября 1922 г. Народное собрание ДВР провозгласило на всем Дальнем Востоке советскую власть и, выражая волю трудящихся, объявило о присоединении ДВР к РСФСР. 15 ноября 1922 г. ВЦИК РСФСР принял декрет, по которому вся территория ДВР вошла в состав РСФСР.

В своей речи на пленуме Московского Совета 20 ноября 1922 г. В. И. Ленин сказал: «...Вы знаете, как долго тянулась гражданская война и сколько сил она взяла. И вот, взятие Владивостока показало нам (ведь Владивосток далеко, но ведь это город-то нашенький), показало нам всем всеобщее стремление к нам, к нашим завоеваниям. И здесь и там — РСФСР»³.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, с. 14.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 302—303.

Славное 60-летие трудящиеся Советского Дальнего Востока встретили выдающимися успехами в претворении в жизнь решений XXVI съезда партии, майского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС, в выполнении заданий одиннадцатой пятилетки.

За 60 лет «самоотверженным трудом советских людей Дальний Восток, — отмечалось в приветствии партии и правительства трудящимся и воинам Дальнего Востока, — превратился в крупный экономический район с многоотраслевой промышленностью, высокомеханизированным сельским хозяйством, передовой наукой и культурой. Его облик ныне определяют современные предприятия машиностроения, судостроения, энергетики, горнорудной, нефтяной, лесной и других отраслей промышленности, мощный морской торговый и рыболовецкий флот, новые социалистические города и благоустроенные рабочие поселки. Ярким проявлением братского сотрудничества и дружбы народов стало сооружение Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. Неуклонно повышается благосостояние дальневосточников. Выросли замечательные кадры квалифицированных рабочих, колхозников, инженерно-технической и творческой интеллигенции. В братской семье народов Советского Союза малые народности Дальнего Востока в короткий исторический срок прошли путь от отсталости к прогрессу, от феодализма к социализму.

Все это — убедительное свидетельство больших преимуществ советского государственного и общественного строя, торжества ленинской национальной политики КПСС, результат монолитного сплочения советских народов вокруг родной Коммунистической партии»⁴.

Созидательный труд советских дальневосточников требует стабильных мирных условий, и советское правительство всегда стремилось стремиться решать международные проблемы на Дальнем Востоке на принципах мирного сосуществования государств с различным социальным строем, всестороннего сотрудничества, развития и укрепления экономических, научно-технических и культурных связей со странами региона. Вскоре после Великой Октябрьской социалистической революции, 3 декабря 1917 г., в обращении советского правительства «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» были сформулированы основополагающие принципы взаимоотношений с народами азиатских стран: равноправие, взаимное уважение, дружба и всестороннее сотрудничество.

В предвоенные годы усилия советского правительства были сосредоточены на борьбе против угрозы империалистической агрессии. Жизнь убедительно показала, что человечество могло бы избежать жертв и лишений, которые выпали на долю многих народов Европы и Азии, если бы западные державы прислушались к искренним и настойчивым призывам СССР обуздать германский фашизм и японский милитаризм.

В послевоенные годы КПСС и советское правительство неустанно ведут борьбу за мир и широкое сотрудничество со всеми странами Дальнего Востока. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду подчеркива-

⁴ «Правда», 23.X.1982.

лось: «Есть район, где разработка и применение мер доверия — с учетом, разумеется, его специфики — могли бы не только разрядить обстановку на месте, но и стать делом, очень полезным для укрепления основ всеобщего мира. Это — Дальний Восток, где соседствуют такие державы, как СССР, Китай, Япония. Там имеются также американские военные базы. Советский Союз был бы готов провести конкретные переговоры по мерам доверия на Дальнем Востоке со всеми заинтересованными странами»⁵.

Сам факт победы над интервентами и их белогвардейскими марионетками на Дальнем Востоке России имел непреходящее международное значение и существенно повлиял на судьбы народов зарубежного Дальнего Востока. Эта победа содействовала укреплению антимпериалистических сил, создала благоприятные внешнеполитические условия для развития революционно-освободительного движения в регионе, прежде всего в Монголии и Китае. Окончательное утверждение советской власти в этой части нашей страны означало также создание мощной преграды на пути агрессивного японского милитаризма, на пути империалистической экспансии вообще.

---

⁵ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 28—29.

Натиск империализма на АСЕАН

В. П. Барышников,
кандидат исторических наук

Характерной чертой нынешней внешнеполитической линии США является стремление осуществить имперские амбиции, распространяющиеся чуть ли не на весь мир. Идеологическим прикрытием экспансионистской программы США служит антикоммунистическое мессианство, бесцеремонное вмешательство в жизнь других народов, попытки добиться своих целей путем безудержной гонки вооружений и тотальной милитаризации, нагнетания международной напряженности, создающей угрозу всеобщему миру. На этот путь Соединенные Штаты стремятся вовлечь и своих союзников по агрессивным пактам. Вывод XXVI съезда КПСС о резком возрастании агрессивности политики империализма, прежде всего американского¹, получает все новые многочисленные подкрепления.

В официальном реестре сфер «жизненно важных интересов США», провозглашенном в Вашингтоне, значится и Юго-Восточная Азия, являющаяся объектом неприкрытого империалистического экспансионизма. Американские военно-монополистические круги до сих пор не могут смириться с тяжелым поражением, которое потерпела вооруженная интервенция США во Вьетнаме и других странах Индокитая. Сегодня основные надежды на укрепление позиций империализма в Юго-Восточной Азии связываются у США и других капиталистических держав с вовлечением Ассоциации стран ЮВА (АСЕАН) в русло империалистической политики, с использованием этой региональной организации в военно-стратегических целях «наподобие НАТО». Ставка делается на навязывание странам АСЕАН доктрины противодействия «советской и вьетнамской угрозе».

Империалистический натиск на АСЕАН имеет и другую подоплеку. США и другие империалистические страны в условиях, когда их экономика переживает хронические депрессивные явления, растет инфляция и безработица, делают попытки использовать развивающиеся страны вообще и страны АСЕАН в частности как своеобразный амортизатор указанных явлений. С этой целью Запад стремится усилить зависимость стран АСЕАН от иностранного капитала, принудить их затрачивать громадные средства на наращивание военного потенциала и т. д.

Все это противоречит тем задачам, которые ставили перед собой Индонезия, Малайзия, Сингапур, Таиланд и Филиппины, создавая полтора десятилетия тому назад Ассоциацию стран Юго-Восточной Азии, а именно: содействие хозяйственному, социальному и культурному развитию объединенными усилиями стран — членов ассоциации и укрепление мира и стабильности в регионе. Учредительная сессия совета министров иностранных дел пятерки, состоявшаяся в Бангкоке в августе 1967 г., опубликовала декларацию, в которой указывалось, что «АСЕАН является региональной организацией, главная цель которой состоит в создании мирного, процветающего и жизнеспособного сообщества путем коллективных усилий в экономической, социальной и культурной сферах». Конкретизируя эту программу, Бангкокская декларация поставила в повестку дня

¹ См.: Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 4.

деятельности АСЕАН ускорение экономического роста, социального прогресса и развития культуры, содействие миру и стабильности в регионе, активному сотрудничеству и взаимной помощи в экономической, социальной и культурной областях, в научно-технической и административной сферах. Декларация предусматривала также сотрудничество между членами АСЕАН в подготовке кадров и проведении научных исследований, налаживание более эффективного взаимодействия в области сельского хозяйства и промышленности, в расширении торговли, совершенствовании транспорта и связи, повышении жизненного уровня и т. д.²

Для реализации указанных задач была создана соответствующая организационная структура, предусматривавшая координацию деятельности АСЕАН во всех сферах сотрудничества на ежегодных встречах министров иностранных дел, созываемых по очереди в столицах государств-членов, а также на совещаниях руководителей ведомств. В 1976 г. в Джакарте был учрежден секретариат организации. Помимо этого, создана система специальных и постоянных комиссий экспертов для осуществления региональных проектов сотрудничества в области экономики, культуры, техники, а также в социальной области.

На первой сессии совещания в верхах стран — членов АСЕАН на острове Бали в феврале 1976 г. была принята дополнительная программа сотрудничества в области экономики, в соответствии с которой с 1977 г. введена система торговых преференций в рамках АСЕАН на такие товары, как рис и сырая нефть, продукция, производимая на промышленных предприятиях АСЕАН, и пр.

На этой же встрече стороны подписали договор о мире и дружбе, декларацию сотрудничества и солидарности АСЕАН, заложив тем самым основу для политического и дипломатического взаимодействия.

С самого начала деятельности АСЕАН члены этой организации стремились путем активизации регионального сотрудничества гарантировать условия для сохранения независимости и для социально-экономического прогресса перед лицом непрекращавшегося давления со стороны международного монополистического капитала, добивавшегося неокOLONИАЛИСТСКОГО подчинения региона.

Нельзя сбрасывать со счетов и внутренние пружины процесса регионализации ЮВА. Правящие круги и буржуазия стран АСЕАН с помощью классовой консолидации стремились воспрепятствовать углублению и развитию революционного движения трудящихся. При этом делалась ставка на поддержку со стороны международной буржуазии путем сохранения военного присутствия Запада в Юго-Восточной Азии, а равно и финансово-экономической ориентации на крупнейшие капиталистические державы, в первую очередь на США и Японию, хотя с самого начала было ясно, что подобные связи не могли быть равноправными и расширяли возможности проникновения неокOLONИАЛИСТСКИХ сил в АСЕАН.

Прошедшие полтора десятилетия показали, что реализация позитивных целей ассоциации в экономической области привела к определенному прогрессу. Вместе с тем решение задач, провозглашенных при создании АСЕАН, наталкивается на серьезные трудности, проистекающие не только из тяжелого наследия колониального прошлого, но также из сохраняющейся зависимости государств — членов ассоциации от всех кризисных явлений в экономике капиталистического мира, от неустойчивой внешнеторговой конъюнктуры и пр.

Экономическим фундаментом стран, входящих в АСЕАН (за исключением Сингапура), остается сельскохозяйственное производство и горнодобывающая промышленность, хотя за последние годы было достигнуто продвижение вперед в осуществлении ряда совместных индустриальных проектов АСЕАН, призванных прежде всего обеспечить снабже-

² *Ип: The Meeting of ASEAN Head of Governments. Kuala Lumpur, 1977, p. 26*

ние стран региона химическими удобрениями: производство суперфосфатов (Филиппины), мочевины (Индонезия и Малайзия), а также соды (Таиланд). Кроме того, было намечено организовать на совместной базе выпуск дизельных моторов (Сингапур), автопокрышек (Индонезия), деталей станков (Малайзия), газетной бумаги (Филиппины), телевизионных кинескопов (Сингапур) и некоторых других товаров.

Стороны ставят также вопрос о возможности реализовать некоторые проекты путем активного сотрудничества в рамках ассоциации по таким проблемам, как производство продовольствия, создание регионального центра защиты растений, совместных исследований рыбных и лесных ресурсов, обеспечение кормовой базы животноводства, обучение и подготовка кадров для сельского хозяйства.

Следует, однако, заметить, что региональное взаимодействие стран АСЕАН в ведущих отраслях экономики пока не получило широкого развития и зачастую носит лишь характер пожеланий. Между тем объективные условия для интеграционных процессов в хозяйственной сфере довольно благоприятны. Для государств — членов ассоциации характерны достаточно устойчивые среднегодовые темпы роста ВВП, которые в 1960—1973 гг. для Индонезии составляли 4,7 %, Малайзии — 6,7, Филиппин — 6,3, Таиланда — 7,6 и Сингапура — 10,4 %. В расчете на душу населения среднегодовой прирост ВВП за тот же период для указанных государств достиг соответственно 2,4; 3,9; 3,3; 4,8 и 7,1 %³.

Однако для углубления интеграции и для реализации намеченных проектов у стран — членов АСЕАН подчас не хватает финансовых средств, технологических знаний и кадров. Помимо этого, страны АСЕАН не могут избежать конкурентной борьбы между собой на внутреннем и мировом рынках в связи со слабой диверсификацией промышленного и сельскохозяйственного производства, а также ввиду неравномерности их экономического развития.

Удельный вес сельского хозяйства в валовом внутреннем продукте остается весьма высоким. В Индонезии доля сельского хозяйства составила 40 %, в Малайзии — 32, Таиланде — 28, на Филиппинах — 29 %⁴. Уровень индустриализации стран АСЕАН повышается весьма медленно. Можно лишь отметить повсеместное развитие обрабатывающих отраслей промышленности (на середину 70-х годов их доля составляла в Малайзии 20 %, Таиланде — 17, на Филиппинах и в Сингапуре — 21, Индонезии — 9 %)⁵.

Для государств — членов АСЕАН остаются непреодолимыми серьезные социальные проблемы. Прежде всего не решена задача повышения жизненного уровня трудящихся и увеличения рабочих мест. В первой половине 70-х годов число безработных в странах АСЕАН увеличивалось ежегодно на 20 %⁶. В 1975—1985 гг., по данным ООН, только в Малайзии, Таиланде и на Филиппинах поисками работы заняты почти 13,5 млн. человек⁷.

Страны ассоциации, как уже отмечалось, в значительной степени зависят от инвестирования капиталов развитыми империалистическими государствами, поскольку собственных средств для реализации намеченных целей хозяйственного развития у них явно не хватает. Это обстоятельство используется западными монополиями для активного проникновения в регион с целью сохранения и укрепления здесь своих пози-

³ In: Wu Yuan-li, Wu Chun-hsi. Economic development in Southeast Asia: the Chinese Dimension. — Stanford (Cal.), 1980, p. 5—6.

⁴ См.: Ю. М. Суворовская. Американский капитал в странах Юго-Восточной Азии. М., 1978, с. 54.

⁵ См. там же.

⁶ См.: Юго-Восточная Азия в 70-е годы: социально-политические и идеологические проблемы. М., 1979, с. 12.

⁷ In: ESCAP. Policies, Programms and Perspectives of the Development of the ESCAP. Bangkok, January 16, 1978.

ций. Внимание империалистических держав к Юго-Восточной Азии мотивируется не только геополитическими соображениями, диктуемыми ее стратегическим местоположением, большей территорией (свыше 3 млн. км²) и многочисленным населением (около четверти миллиарда человек), но и наличием там важного стратегического сырья и емкой сферы приложения капитала. Достаточно упомянуть, что пятерка стран, составляющих АСЕАН, обладает богатейшими природными ресурсами и достаточно обширным внутренним рынком. Она является крупным производителем олова, меди, нефти и других видов сырья, а также дает на мировой рынок более 80 % натурального каучука и манильской копры, три четверти тропической древесины ценных пород, 60 % пальмового масла, половину сбора кокосовых орехов и перца, а также рис, сахарный тростник, ананасы, бананы и др.⁸

Эти природные богатства стран ЮВА являются объектом хищнической эксплуатации транснациональных корпораций. В эту сферу иностранные монополии вкладывают огромные средства, пытаются сохранить Юго-Восточную Азию в качестве своего сырьевого придатка. На долю американских монополий в настоящее время приходится 23 % всех иностранных инвестиций в странах ЮВА. Выступая в августе 1978 г. перед представителями АСЕАН, тогдашний госсекретарь США С. Вэнс признал, что государства ассоциации являются «одним из крупнейших источников сырья для Соединенных Штатов Америки». На одном из совещаний между представителями США и АСЕАН американская сторона, как это явствует из совместного заявления для печати, прилагала усилия для расширения своего участия в хозяйственных, в том числе индустриальных, проектах в странах АСЕАН. С этой целью она добилась учреждения двустороннего комитета по экономической координации. В 1975—1980 гг. через экспортно-импортный банк было ассигновано 2 млрд. долл. на эту деятельность⁹.

Теми же причинами объясняется и выдвинутая в 1977 г. японская доктрина «особых отношений» с АСЕАН, в основе которой лежит стремление японского капитала вытеснить своих конкурентов и привязать к себе Юго-Восточную Азию. Именно с этой целью премьер-министр Японии Д. Судзуки весной 1981 г., вскоре после формирования своего кабинета, совершил поездку по всем пяти странам АСЕАН, в ходе которой стремился обеспечить постоянное увеличение поставок в Японию из региона нефти, каучука, олова, никеля, бокситов, сельскохозяйственной продукции. На долю АСЕАН приходилось свыше 20 % всех прямых зарубежных инвестиций Японии (по данным на 1977 г.)¹⁰. Одновременно миссия Д. Судзуки преследовала цель добиться расширения в этих странах рынков сбыта японских готовых изделий. Согласно характеристике японского экономиста Ёсио Мацуи, Юго-Восточная Азия по своему значению для Японии уступает лишь Соединенным Штатам. В районе ЮВА (в основном в странах АСЕАН) наблюдается подлинная экспансия японского капитала. В 1977 г. прямые инвестиции в страны пятерки превысили 4,5 млрд. долл. (3128 млн. в Индонезии, 425 млн. в Малайзии, 381 млн. на Филиппинах, 370 млн. в Сингапуре, 277 млн. в Таиланде)¹¹. Японские монополии в ожесточенной конкурентной борьбе с США завоевали важные позиции практически во всех отраслях государств региона. Засилье

⁸ Малайзия производит 46 % натурального каучука и 38 % олова; Филиппины — около 70 % кокосового масла и 6 % хромовой руды; Индонезия и Таиланд — соответственно 29 и 11 % каучука («Чжунгуи яньцзю», 1976, т. 10, № 6). Сингапур является мировым торговым центром, а также крупным поставщиком промышленной продукции.

⁹ Ип: «US Department of State Bulletin», 1981, vol. 81, 2046.

¹⁰ См.: В. В. Самойленко. АСЕАН: политика и экономика. М., 1982, с. 116—117.

¹¹ См.: Ёсио Мацуи. Топан адзана-но иншон киси (Японские промышленные предприятия в Юго-Восточной Азии). Токио, 1979, с. 40.

японского капитала, неравноправный характер отношений между Японией и странами АСЕАН не могут не вызвать сильные антияпонские настроения в регионе.

Следует отметить, что эта экономическая экспансия японского монополистического капитала в странах АСЕАН является по всем признакам лишь началом. Объявленное премьером Д. Судзуки намерение Японии не только исполнять в Юго-Восточной Азии экономические функции, но и «добросовестно играть активную политическую роль» говорит о замыслах, идущих значительно дальше. Во всяком случае, в странах АСЕАН, по заключению профессора Гавайского университета Н. Сэйдзи, серьезно опасаются установления в регионе экономического господства Японии¹². Министр иностранных дел Филиппин, например, высказывался недавно против слишком большой экономической зависимости АСЕАН от Японии.

Деятельность иностранного монополистического капитала носит откровенно эксплуататорский характер. Попытки правительства стран АСЕАН добиться большего равноправия в отношениях с империалистическими партнерами не приводят к желаемому результату. Договоренность об осуществлении ряда проектов с США, Японией, Австралией, Новой Зеландией, Канадой и ЕЭС используется последними для усиления зависимости АСЕАН от капиталистического мира.

В некоторых странах Запада ставятся протекционистские барьеры на пути товаров из Юго-Восточной Азии. К примеру, английские власти ввели недавно ограничения на импорт текстильных изделий из АСЕАН, что угрожает серьезным экономическим ущербом Малайзии, Таиланду, Филиппинам и Сингапуру. В то же время правительство Англии пыталось не допустить осуществления «новой экономической политики» в Малайзии, предусматривающей резкое сокращение закупок английских товаров для уменьшения зависимости от иностранного капитала. Такого рода напряженность в сфере экономики возникла у Англии и в отношениях с другими странами АСЕАН.

Политика протекционизма западных держав, наносящая серьезный экономический ущерб странам АСЕАН, вызывает растущее противодействие последних. На совещании министров иностранных дел государств — членов АСЕАН в мае 1982 г. в Маниле, на всех последних двусторонних встречах на правительственном уровне между этими странами и США, Японией и «Общим рынком» было заявлено о твердой решимости АСЕАН бороться с протекционизмом и осуществлять необходимые меры против этих стран и транснациональных корпораций, создающих помехи в их экономическом развитии. Борьба против протекционизма и других проявлений неокOLONиализма является составной частью выступлений стран АСЕАН за установление нового экономического порядка. В этой борьбе важную роль играет как расширение внутрорегионального экономического сотрудничества, так и развитие контактов с Советским Союзом и другими государствами социалистической системы.

Экономическое неравноправие развивающихся стран Юго-Восточной Азии в отношениях с Западом ведет к усилению политического давления последнего на эти страны, к вовлечению их в гонку вооружений и к участию ассоциации в военно-политических акциях империализма в регионе, прежде всего в стратегии, направленной против разрядки.

Такая направленность политики империалистических держав в отношении Ассоциации стран Юго-Восточной Азии сопряжена с глобальной антикоммунистической стратегией империализма. Уже сейчас Пентагон активно использует Малаккский пролив для переброски кораблей 7-го флота, базирующегося в Японии и на Филиппинах, из Тихого океана в

¹² In: «Asia Pacific Community» (Tokyo), 1978, № 1, p. 39.

Индийский. Для этой цели используется и лежащий во внутренних водах Индонезии пролив Ломбок. Определенные военные обязательства связывают с Соединенными Штатами Филиппины и Таиланд. Стало постоянной практикой использование гаваней и портовых сооружений стран АСЕАН военно-морскими силами США и их союзников. Многочисленные военные представители стран НАТО, Австралии и Новой Зеландии, посещающие государства — члены ассоциации, делают акцент в своих переговорах на так называемой советской угрозе, на разжигании страхов перед социалистическими странами Индокитая. Государственный секретарь США А. Хейг, например, летом 1981 г. призывал в Маниле государства — члены АСЕАН объединиться, чтобы «противостоять советской угрозе».

Стратегическое планирование Пентагона рассматривает Юго-Восточную Азию как мост, соединяющий американские военные структуры в западной части Тихого океана и на Ближнем Востоке. Чтобы сделать этот замысел реальностью, Соединенные Штаты стремятся, как писала недавно «Нью-Йорк таймс», «способствовать укреплению и сплочению АСЕАН, развивая военный потенциал государств — членов ассоциации для оказания ей поддержки США в переброске войск из западной части Тихого океана в Индийский океан и район Персидского залива»¹³.

Заместитель помощника министра обороны США Р. Армитидж во время недавних слушаний в подкомиссии по делам Восточной Азии и Тихого океана при сенатской комиссии по иностранным делам ратовал за упрочение военных связей между Соединенными Штатами и государствами АСЕАН. Отметив важность таких связей с Малайзией, Сингапуром и Индонезией, он особенно выделил Филиппины, назвав эту страну «краеугольным камнем американской военной структуры» в ЮВА и плацдармом, с которого вооруженные силы США могут осуществлять боевые операции в Тихом и Индийском океанах.

В связи с этим империалистические державы уделяют важное внимание вооружению АСЕАН. Военная «помощь» НАТО подчас буквально навязывается правительствам стран АСЕАН. По подсчетам «Фар истерн экономик ревью», в 1975—1980 гг. объем этой «помощи» увеличился с 317 млн. долл. до 820 млн. Военные поставки США в зону АСЕАН за 1977—1980 гг. оцениваются в 2,5 млрд. долл. В 1982 финансовом году Вашингтон ассигновал на цели «обеспечения безопасности» Филиппин, Таиланда, Индонезии и Малайзии соответственно 100, 80, 45 и 12,5 млн. долл. Вместе с тем Запад, в первую очередь США, ведет дело к тому, чтобы принудить страны АСЕАН затрачивать больше средств на военные цели. В апреле 1982 г. министр обороны США К. Уайнбергер во время поездки на Филиппины требовал от своих союзников готовности «к великим жертвам». В результате в странах ассоциации быстро растут бюджетные расходы на оборону. В последние годы они выросли до 18—27 % национальных бюджетов. В 1975—1980 гг. эти расходы удвоились, причем в 1980 г. возросли на 47 % по сравнению с предыдущим годом.

Военные ассигнования Филиппин в 1983 г., как это явствует из проекта бюджета, значительно превысят уровень 1982 г. В Таиланде эти расходы возрастут на 12 %. Такая же тенденция характерна и для других стран АСЕАН.

Следует отметить, что закупки оружия производятся прежде всего в США, что приносит громадные доходы американским военным монополиям. Вместе с тем разворачивается военная промышленность и в АСЕАН, в первую очередь в Сингапуре и на Филиппинах.

США и их союзники стремятся интенсифицировать прямое военное сотрудничество с АСЕАН. Вашингтону, как известно, удалось добиться

¹³ Цит. по: «Правда», 7.IX.1982.

продления срока аренды двух крупных военных баз на Филиппинах (Кларк-Филд и Субик-бей). Американская военщина вновь усиливает свое присутствие в Таиланде. С ноября 1981 г. самолеты 7-го флота США постоянно используют бывшую американскую базу Утапао, а также участвуют в отработке боевых операций таиландской армии. Две эскадрильи австралийских истребителей «Мираж» постоянно дислоцируются на военно-воздушной базе «Баттеруорт» (Малайзия). Военский контингент новозеландской пехоты расквартирован в Сингапуре. В ноябре 1980 г. состоялись совместные военно-морские маневры Австралии и Индонезии в Японском море. В Южно-Китайском море в марте 1981 г. прошли американо-сингапурские учения военно-воздушных и военно-морских сил. Активизируется военное сотрудничество стран АСЕАН и с Южной Кореей, которая претендует на роль крупного поставщика вооружений.

Это военное сотрудничество с государствами АСЕАН, осуществляющееся пока на билатеральной основе, руководство НАТО хотело бы сделать многосторонним, гальванизовав, в частности, Манильский договор (США, Филиппины, Таиланд), «пятистороннюю договоренность об обороне» (Англия, Австралия, Новая Зеландия, Малайзия, Сингапур), теснее связать АСЕАН с военной группировкой АНЗЮС. Развитие военных контактов в рамках указанных альянсов, а равно и аналогичных двусторонних связей внутри АСЕАН рассматривается в военном планировании НАТО как промежуточная ступень для трансформации ассоциации в милитаристскую организацию, являющуюся дополнением к империалистическим военным блокам. Пентагон явно намерен пополнить за счет АСЕАН свою систему «передовых рубежей», которая в настоящее время включает Японию, Южную Корею, АНЗЮС.

Вся практика отношений государств — членов АСЕАН с США, Японией и другими империалистическими странами свидетельствует о попытках империалистических и гегемонистских сил помешать развитию ассоциации в соответствии с целями Бангкокской и Куалалумпурской деклараций, предусматривающих укрепление национальной независимости, ускорение экономического и культурного прогресса, обеспечение мира и безопасности в Юго-Восточной Азии. Главное средство, применяемое Соединенными Штатами и другими гегемонистскими силами, — это запугивание стран Юго-Восточной Азии так называемой коммунистической угрозой. Таким путем делается попытка осложнить ситуацию в регионе, столкнуть АСЕАН с социалистическими странами Индокитая под фальшивым камуфляжем «кампучийской проблемы».

Нельзя сказать, чтобы в странах — членах АСЕАН не замечали тех подводных камней, которыми усеян фарватер этой опасной политики западных держав. Руководящие деятели указанных стран официально заявляют о неприемлемости намерений некоторых кругов превратить АСЕАН в военную группировку.

Правительства государств — членов ассоциации отказались подчиниться диктату НАТО об участии в пресловутых санкциях ряда западных стран против Польши и Советского Союза (с этой целью в Юго-Восточную Азию в феврале 1982 г. специально выезжал тогдашний министр иностранных дел Англии Каррингтон). Вместе с тем в АСЕАН дают себя знать серьезные опасения в связи с намерениями США и других западных держав содействовать милитаризации Японии¹⁴.

«АСЕАН создана для мира, — заявил недавно министр иностранных дел Индонезии М. Кусумаатмаджа корреспонденту газеты «Компас». — Мы не хотим враждовать с другими странами, и прежде всего с соседями. Мы не хотим вмешиваться во внутренние дела других государств».

¹⁴ In: «Far Eastern Economic Review», 1981, № 3, vol. 3, p. 23.

Подобные заявления делали и другие государственные деятели стран АСЕАН.

Вместе с тем в политике руководства стран АСЕАН очевидна непоследовательность, которая не только является результатом давления извне, но и проистекает из антикоммунистической предубежденности буржуазных правительств стран — членов ассоциации и их ориентации на империалистический мир. В итоге повисают в воздухе декларации АСЕАН о намерении создать «мирное сообщество», «содействовать миру и стабильности в регионе», не говоря уже о торжественном обязательстве государств — членов АСЕАН, провозглашенном на форуме министров иностранных дел ассоциации в 1971 г., о решимости предпринимать усилия по превращению Юго-Восточной Азии в «зону мира, свободы и нейтралитета», независимую от вмешательства посторонних держав «в любой форме и любым образом»¹⁵.

Разрыв между целями этой декларации и нынешними политическими реалиями АСЕАН особенно отчетливо проявляется в нежелании укреплять связи с социалистическими государствами Индокитая, являющимися составной частью региона Юго-Восточной Азии.

Как известно, после поражения американской интервенции в Индокитае начали развиваться позитивные региональные процессы в отношениях государств с различным общественно-политическим строем. Были установлены дипломатические отношения государств — членов АСЕАН с Вьетнамом и Лаосом, состоялся обмен правительственными делегациями, были заключены некоторые полезные межгосударственные соглашения. На встрече премьер-министра СРВ Фам Ван Донга с руководителями деятелями всех стран АСЕАН в сентябре — октябре 1978 г. было продемонстрировано общее намерение углублять взаимные контакты на базе принципов мирного сосуществования. Премьер-министр СРВ дал официальные заверения в уважении независимости и суверенитета государств региона, а также в невмешательстве в их внутренние дела. СРВ, заявил он, больше всего нужен мир, у нее «нет никакого намерения посягать на суверенитет соседних государств», и она готова в двустороннем или коллективном порядке заключить со странами АСЕАН договоры о взаимном ненападении¹⁶.

Однако после того, как Вьетнам оказал содействие кампучийскому народу в ликвидации режима, грозившего самому существованию кхмерской нации, страны АСЕАН поставили искусственные барьеры на пути развития позитивных тенденций в межгосударственных отношениях в ЮВА, выступив с весьма односторонней трактовкой событий в Индокитае и требуя вывода вьетнамских войск из Кампучии, находящихся там по просьбе правительства НРК, как предварительного условия восстановления нормальных связей с государствами Индокитая. 12-я сессия министров иностранных дел стран АСЕАН в Бали (июнь 1979 г.) даже объявила Вьетнам «агрессором» в отношении Кампучии¹⁷.

Подобная позиция совпадает с антивьетнамской позицией международных империалистических и гегемонистских кругов, которые заинтересованы в том, чтобы сохранять напряженность в Юго-Восточной Азии, использовать полпотовцев для срыва процесса национальной реконструкции Кампучии. Социалистические страны Индокитая рассматривают требование вывода вьетнамских войск из Кампучии в момент, когда устранена угроза безопасности стран Индокитая и когда Таиланд продолжает оказывать помощь и поддержку полпотовцам и другим реакционным кхмерским силам, как действие, лишшающее СРВ, НРК и ЛНДР права

¹⁵ In: «Bangkok Post», 29.XI.1971.

¹⁶ In: Southeast Asian Affairs 1979. Institute of Southeast Asian Studies, Singapore, 1979, p. 61.

¹⁷ In: «Asian Survey» (Berkeley), 1979, vol. 19, № 12, p. 1185.

на самооборону, наносящее ущерб безопасности этих стран, а также усиливающее угрозу миру и стабильности в Юго-Восточной Азии¹⁸.

Страны АСЕАН оказались вовлеченными в широкую враждебную кампанию международной реакции против социалистических государств Индокитая, присоединившись к таким позорным акциям, как блокирование прав НРК на представительство в ООН, участие в так называемой международной конференции по Кампучии в июле 1981 г., попытки консолидировать альянс кхмерской реакции путем создания так называемого коалиционного правительства «Демократической Кампучии», нагнетания напряженности вокруг Индокитая.

Одновременно влиятельные круги ряда стран АСЕАН отвергают мирные инициативы Вьетнама, Лаоса и Кампучии, направленные на оздоровление обстановки в регионе и развитие отношений добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества. В частности, в АСЕАН не нашли отклика мирные конструктивные предложения, выдвинутые на шести конференциях министров иностранных дел Вьетнама, Лаоса и Кампучии, состоявшихся в 1980—1982 гг. Негативная реакция со стороны АСЕАН последовала, например, на решения министров иностранных дел трех стран (Вьетьян, июль 1980 г.), предложивших АСЕАН широкую программу внедрения в отношения между всеми государствами ЮВА принципов дружбы, доверия и мирного сосуществования. Не встретили отклика и важные инициативы конференции трех стран Индокитая в Хошимине (январь 1981 г.). Как известно, СРВ, ЛНДР и НРК в дополнение к прежним предложениям высказались за проведение регионального форума государств Индокитая, АСЕАН, а также Бирмы с целью обеспечения мира, стабильности, дружбы и сотрудничества в ЮВА на основе принципов равенства, взаимного согласия, уважения независимости, суверенитета и территориальной целостности каждой страны, отказ от навязывания воли одной группы государств другой, а также от вмешательства извне. Правительства стран Индокитая выразили стремление подписать с государствами — членами АСЕАН соответствующий договор. Они заявили также о готовности заключить договор о мирном сосуществовании с КНР.

Большой позитивный заряд несут и важные предложения трех стран Индокитая, выдвинутые в июле 1982 г. В них учтены и пожелания стран АСЕАН, что относится, в частности, к решению СРВ и НРК уже в июле 1982 г. вывести значительную часть вьетнамских войск с территории Кампучии. Правительство НРК выдвинуло также проект создания зоны безопасности по обе стороны границы с Таиландом и выразило готовность обсудить с таиландскими властями все вопросы, связанные с превращением пограничных районов в зону мира и безопасности, чтобы территория одного государства не использовалась для нападения на другое.

Страны Индокитая предложили созвать международную конференцию для обсуждения различных аспектов ситуации в ЮВА с участием стран Индокитая, АСЕАН, входящей в регион Бирмы, пяти государств, участвовавших ранее в конференциях по Индокитаю (СССР, Китай, США, Франция, Англия), а также Индии.

Последовательно миролюбивый курс социалистических стран Индокитая создает предпосылки для утверждения в Юго-Восточной Азии атмосферы мира, стабильности и взаимопонимания. Только в условиях конструктивного диалога между всеми странами ЮВА возможно решение тех задач, которые стоят перед народами региона. Без переговоров и сотрудничества, без поисков взаимопонимания может лишь обостриться внутрирегиональная конфронтация и осложниться и без того весьма беспокойная ситуация в Юго-Восточной Азии. Такой путь для стран АСЕАН был бы чреват вовлечением их в орбиту опасной империалисти-

¹⁸ См.: Нгуен Ко Тхатъ. За прочный и надежный мир в Юго-Восточной Азии. — «Международная жизнь», 1981, № 1, с. 34.

ческой и гегемонистской политики, отказом от конструктивных целей, заложенных в программе ассоциации, угрозой отклонения от пути независимого развития.

Советский Союз, исходя из своей принципиальной ленинской политики мирного сосуществования государств с различными общественно-политическими системами, постоянно выступает за развитие отношений со странами — членами АСЕАН на фундаменте взаимной выгоды, уважения суверенитета и территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела друг друга. На XXVI съезде КПСС Л. И. Брежнев заявил, что СССР не видит препятствий к налаживанию доброго сотрудничества с государствами, входящими в Ассоциацию стран Юго-Восточной Азии¹⁹. Успешно расширяя на двусторонней основе торгово-экономические, культурные, парламентские и другие связи с указанными государствами, Советский Союз вместе с тем стремится содействовать укреплению духа доверия и равноправного сотрудничества в Юго-Восточной Азии в целом. Именно этим продиктовано советское предложение о разработке и применении мер доверия на Дальнем Востоке. Советское правительство, позитивно оценивая важную инициативу Вьетнама, Лаоса и Кампучии по превращению Юго-Восточной Азии в зону мира, в феврале 1981 г. направило странам АСЕАН обращение, в котором указало на большое значение конструктивного диалога между государствами Индокитая и ассоциации для устранения трудностей, существующих в отношениях этих стран. В обращении подчеркивалось, что превращение ЮВА в зону мира явилось бы эффективной гарантией обеспечения безопасности и суверенных прав народов этого района и внесло бы существенный вклад в дело утверждения мира и стабильности в Азии и за ее пределами²⁰.

¹⁹ См.: Материалы XXVI съезда КПСС, с. 14.

²⁰ См.: «Правда», 22.11.1982.

Исторические факты и их фальсификаторы

Ю. И. Огнев

Историкам нередко приходится сталкиваться с грубейшими фальсификациями исторических фактов. Этим грешат многие видные буржуазные политические деятели и ученые. Отдавали дань этому и многие президенты США. Но администрация Рейгана, пожалуй, превзошла в этом всех своих предшественников. Не иначе как беззастенчивую, грубую фальсификацию истории следует рассматривать и проведенную в мае 1982 г. по инициативе правящих кругов США кампанию в связи с так называемым 100-летним юбилеем установления дипломатических отношений между США и Кореей. Президент США не только превозносил неравноправный договор, который США навязали Корее 22 мая 1882 г., но и предложил Сеулу объявить по этому поводу «Неделю национального празднования».

Общеизвестно, что именно после подписания силой навязанных Корее неравноправных договоров с Японией (26 февраля 1876 г.) и Соединенными Штатами (22 мая 1882 г.) начался период колониального грабежа и закабаления Кореи. Однако вопреки всем известным историческим фактам США пытаются обелить этот колониальный, грабительский договор между США и Кореей, внушить корейцам, будто бы, как заявил президент Рейган в интервью корейскому изданию журнала «Ридерс дайджест», «со времени установления корейско-американских дипломатических отношений в 1882 г. дружба между двумя странами все время укреплялась». В резолюции Комиссии сената США по международным отношениям, принятой в связи со «100-летием дипломатических отношений между США и Кореей», утверждалось, что «за прошедшие 100 лет две страны развивали успешное сотрудничество в области культуры, торговли и обеспечения безопасности», что корейцы обязаны США освобождением, что американцы отдавали свои жизни не ради амбициозных претензий правящих кругов США на мировое господство, не за обеспечение позиций США в Южной Корее, а «ради защиты Корейской республики от агрессии». Даже привлечение южнокорейских войск к позорной вооруженной агрессии США против Вьетнама было изображено как «яркая страница» в корейско-американских отношениях. К юбилейной дате был приурочен визит в Южную Корею в мае с. г. вице-президента США Дж. Буша, который привез в Сеул личное «поздравительное» послание президента США, встретился с сеульскими правителями и выступил на специальной сессии «национального собрания» Южной Кореи.

У всех более или менее осведомленных людей деятельность Вашингтона и Сеула в связи с этой датой вызвала естественный вопрос: какие цели преследовала очередная кампания фальсификации истории? Какими соображениями руководствовались Вашингтон и Сеул, прибегая к очередной идеологической диверсии? Ее подоплека в некоторой степени раскрывается в статье директора Центра международной политики США Д. Ранарда, сотрудника дипломатической службы в отставке, который в 1970—1974 гг. возглавлял Управление по делам Кореи в госдепартаменте США. «В течение многих лет, — писал он в одном из апрельских номеров «Нью-Йорк таймс», — представители Пентагона, пытаясь оправ-

дать военные бюджеты на Капитолийском холме, с гордостью указывали на Южную Корею как на страну, всегда готовую принять американские войска. Теперь, после того как 18 марта 1982 г. в Пусане был совершен поджог американского культурного центра, США сталкиваются с антиамериканизмом, не имеющим прецедента за сто лет существования дипломатических отношений с Кореей... Сегодня новое поколение корейцев относится к Америке все более критически, и это понятно. Восемнадцать лет поддержки покойного генерала Пак Чжон Хи и столь же щедрая помощь его преемнику генералу Чон Ду Хвану подорвали репутацию Америки... Вашингтон жестоко ошибается, если считает поджог в Пусане кознями коммунистов, как это пытается сейчас предать Сеул. Южнокорейские диссиденты — это не «испорченные юнцы», как, согласно сообщением, заявил наш посол Ричард Уокер... Среди корейской интеллигенции и корейских студентов усиливается мнение, что наши солдаты находятся там не столько для того, чтобы защитить их свободу, сколько для того, чтобы защищать наши капиталовложения и торговлю»¹. Делая столь откровенное признание, профессор Д. Ранард приходит к выводу о том, что «антиамериканизм налицо также во всех странах Тихого океана». При этом он ссылается на письмо одного из видных религиозных деятелей Филиппин, направленное в США, в котором отмечается, что филиппинская молодежь «считает, что Америка вооружает наших солдат, чтобы те убивали своих соотечественников — филиппинцев»². Таковы реальные факты. И уж если Вашингтон и Сеул предприняли попытку празднованием «100-летия дипломатических отношений» нейтрализовать рост антиамериканских настроений в Южной Корее, то они избрали весьма неудачный повод, ибо договор 1882 г. является одной из наиболее позорных страниц в истории отношений США с Кореей, которая может вызывать у корейцев лишь самые неблагоприятные для США воспоминания.

Не случайно эта провокационная затея Вашингтона и Сеула вызвала глубокое возмущение и решительный протест общественности Корейской Народно-Демократической Республики, которая расценила ее как грубое надругательство над национальными чувствами всех честных корейцев. В связи с этим ЦК Единого демократического фронта Кореи выступил с заявлением о преступлениях американских империалистов против корейского народа за прошедшие 100 лет. По всей КНДР проходили митинги протеста. В Пхеньяне состоялась всекорейская научная конференция, на которой выступили видные корейские ученые-историки, разоблачавшие преступные действия американского империализма. В центральной прессе КНДР был опубликован меморандум министерства иностранных дел КНДР, в котором отмечалось, что «мероприятия, проведенные американскими империалистами и их южнокорейскими марионетками по случаю 100-летия корейско-американского договора, и поднятая ими шумиха по поводу так называемых корейско-американской «дружбы», «добрых отношений» и «сотрудничества» преследуют цель привить южнокорейскому народу идеологию низкопоклонства, преклонения перед Америкой, с тем чтобы увековечить оккупацию Южной Кореи Соединенными Штатами, способствовать дальнейшему проведению ими агрессивной грабительской политики и поощрению политики национального предательства»³.

В многовековой истории Кореи, отмеченной героической борьбой корейского народа за свое независимое национальное развитие, против многочисленных попыток порабощения его иноземными завоевателями, история империалистической, колониалистской политики США занимает

¹ «New York Times», 29.IV.1982.

² Ibid.

³ «Нодон синмун», 21.V.1982.

весьма видное место. В американской историографии предпринималось немало усилий к тому, чтобы, фальсифицируя подлинные факты, оправдать политику грабежа и преступлений колонизаторов в Корее. В корееведческой историографии прослеживается прямая связь концепций представителей реакционного направления с политикой правительства США в отношении Кореи, с политической пропагандой и идеологической обработкой общественного мнения. Возрождаются старые колониалистские концепции и создаются новые. Так, например, когда в конце XIX и начале XX в. правительство США, заключив сделку с японскими империалистами, содействовало установлению колониального господства Японии в Корее, в США получили широкое распространение концепции о неспособности корейского народа к самостоятельному существованию, восхвалялась цивилизаторская миссия колониальных держав, высказывались прямые рекомендации Японии не рассматривать Корею как суверенное государство. В новое время, когда США оккупировали Южную Корею и превратили ее в свою вотчину, не случайно американские историки стали выдвигать идеи о «различии исторических судеб» двух частей Кореи (Северной и Южной), обусловленном якобы доминирующим влиянием внешнего мира, осуждать борьбу против иностранных захватчиков, якобы обеспечивающих политическую стабильность на Корейском полуострове, которая будто бы до сих пор регулируется внешними силами, и т. д.⁴

Ныне такого рода фальсификации истории империалистической политики США в Корее послужила широкая пропагандистская кампания, инспирированная правящими кругами США и их южнокорейскими пособниками по поводу так называемого 100-летия корейско-американских дипломатических отношений. Вашингтон и Сеул, видимо, полагают, что не искусственные в политическом отношении обыватели поверят грубым вымыслам о том, будто бы США в отличие от других империалистических сил были и остаются другом, могущественным покровителем и благодетелем корейского народа, защитником его суверенитета и национального самоопределения. При этом ни Вашингтон, ни Сеул нисколько не смущает, что этот пропагандистский трюк, как говорится, ставит все с ног на голову.

Американо-корейский договор 1882 г., как известно, явился одним из плодов резко обострившейся во второй половине XIX в. борьбы крупнейших капиталистических хищников за территориальный раздел мира, за захват колоний. Корея в этот период явилась одним из объектов колониальной экспансии на Дальнем Востоке со стороны многих держав, стремившихся навязать Корее неравноправные договоры и утвердить там свое влияние. США были одной из первых капиталистических держав, начавших наступление на Корею с целью ее закабаления с помощью грубой силы.

Общеизвестны, например, следующие исторические факты. В 1866 г. корейская береговая охрана сожгла американское вооруженное судно «Генерал Шерман», с которого заокеанские колонизаторы пытались высадиться на корейскую землю и навязать Корее «торговый договор». В 1868 г. американцы организовали новую военную экспедицию; высадили десант на корейскую территорию, грабили население, разрушали священные для корейцев гробницы. Жители Кореи дали достойный отпор грабителям. Американцам не удалось заставить Корею открыть для них порты.

Весной 1871 г. американская военная экспедиция в Корее была подготовлена под непосредственным руководством госдепартамента США. Ее возглавили командующий американской эскадрой в Азии Д. Роджерс

⁴ См.: История Кореи (С древнейших времен до наших дней), т. 1. М., 1974, с. 4—8.

и посланник США в Китае Ф. Лоу. Высадка десанта на острове Канхвадо сопровождалась грабежами и мародерством. Корейцы и на этот раз дали героический отпор американским интервентам. Мужество, бесстрашие, самоотверженность корейских воинов, по свидетельству историков, поразили и испугали американцев, и командование эскадры вынуждено было отдать приказ покинуть Корею.

По договору между США и Кореей, подписанному 22 мая 1882 г. в Тяньцзине, американцы получили в Корее права консульской юрисдикции, экстерриториальности, а также религиозной пропаганды. Это был типичный неравноправный колониалистский договор, который предоставлял американским капиталистам «право» на эксплуатацию природных богатств Кореи, различные преимущества в торговле и позволял грубо попирали суверенные права корейского народа.

Американских колонизаторов интересовали в Корее ее природные богатства, главным образом золото, в грабеже которого они весьма преуспели. Соединенные Штаты уделяли также большое внимание идеологической экспансии, используя деятельность американских миссионеров в Корее, которая щедро субсидировалась правительством США.

Чтобы прикрыть грабительский характер договора 1882 г., Соединенные Штаты Америки, как известно, внесли в его текст пункт о «добрых услугах», взяв на себя обязательство оказать Корее помощь в случае, если какая-либо держава станет угрожать ей порабощением. Однако в тяжелый для Кореи момент, когда после японо-китайской войны 1894—1895 гг. Япония заняла в Корее господствующие позиции и над Кореей нависла непосредственная угроза колониального порабощения, Соединенные Штаты предали Корею и стали тайно от корейцев поощрять действия японских захватчиков. Соединенные Штаты вместе с Англией фактически поддержали японскую экспансию в Корее, исходя из собственных империалистических планов, из стремления ослабить позиции царской России на Дальнем Востоке и укрепить там собственное влияние. Корея, таким образом, стала игрушкой в дипломатических маневрах США.

Корейское правительство в то время, ссылаясь на обязательство, взятое Соединенными Штатами по договору 1882 г., обращалось за помощью, но США не выполнили своего обязательства.

Именно Соединенные Штаты оказали активную дипломатическую и большую финансовую помощь Японии в подготовке войны с Россией и в японской экспансии в Корее. Поражение России в войне с Японией устранило главное препятствие на пути закабаления Кореи Японией. А правительство США, имевшее с Кореей договор о «дружбе и взаимной помощи», еще до окончания войны между Японией и Россией дало свое согласие на захват Кореи Японией. Это согласие было оформлено 27 июля 1905 г. протоколом беседы между премьер-министром Японии Кацура и военным министром США Тафтом. Тафт заявил, что правительство США не будет возражать против установления японского протектората над Кореей. В обмен на это Япония отказывалась от своих претензий на Филиппины, захваченные Соединенными Штатами⁵. В этом тайном сговоре еще раз проявился хищнический характер империалистических держав — США и Японии, поработителей чужих народов. Особенно позорную роль при этом сыграло правительство США, которое своими «дипломатическими» действиями выразило презрение к судьбе Кореи — жертве японской агрессии. Когда Япония в ультимативной форме, под угрозой оружия предложила корейцам подписать «договор», по которому над Кореей устанавливался протекторат, корейский император вновь обратился к президенту США Теодору Рузвельту с письмом, в

⁵ См.: И. Кравцов. Агрессия американского империализма в Корее (1945—1951 гг.). М., 1951, с. 12.

котором просил правительство США оказать помощь Корее против японской агрессии. Президент США не ответил на это письмо. После установления японского протектората над Кореей правительство США признало его законным и вскоре, в конце 1905 г., отозвало свою дипломатическую миссию из Кореи. С тех пор фактически закончилась история так называемых дипломатических отношений между США и Кореей в 1882—1905 гг., и она возобновилась уже в новых условиях и в не менее позорном для Соединенных Штатов варианте — как история отношений США с южной частью Кореи после более чем 40-летнего разрыва и создания в 1948 г. так называемого правительства Южной Кореи во главе с американским ставленником Ли Сын Маном.

В американской и южнокорейской историографии отчетливо просматривается стремление затушевать позорную роль Америки в колонизации Кореи Японией, фальсифицировать политику царской России в корейском вопросе. Однако историкам США нелегко изыскивать аргументы, чтобы как-то объяснить тот факт, что именно Россия пыталась сохранить статус независимости корейского государства, что после поражения России в войне с Японией последней удалось установить протекторат над Кореей.

Не выдерживают критики и тезисы американской историографии о «добрых отношениях» США и Кореи после заключения между ними договора 1882 г. Соглашение Тафта — Кацуры, по которому США признали японский протекторат над Кореей в обмен на американское господство на Филиппинах, является ярким примером прагматического подхода, которого придерживались США в отношении Кореи в ранний период их отношений⁶.

Активно поддерживая захватническую политику Японии, Соединенные Штаты руководствовались при этом и другими корыстными соображениями, получая взамен от Японии поддержку своих экономических интересов в Корее, создание благоприятных условий для продолжения американского колониального грабежа Кореи. Как отмечалось в меморандуме МИД КНДР, американские империалисты и после утверждения японского господства в Корее поставляли туда по высоким ценам излишки своей продукции, а вместо них вывозили из Кореи золото, серебро и другие драгоценные металлы. Только из четырех корейских рудников — Унсанского, Суанского, Чхансонского и Чиксанского — американские бизнесмены вывезли в 1909—1920 гг. 80 % всего золота и серебра, добывавшегося тогда во всей Корее⁷.

История «дипломатических отношений» США и Кореи (1882—1905) — это история американского соучастия в колониальном грабеже и порабощении Кореи, история политического предательства Кореи Соединенными Штатами, которая при явном и тайном содействии последних перестала существовать как самостоятельное государство и попала в рабство к японским империалистам.

* * *

Вопреки историческим фактам американская пропаганда и историография изображают Соединенные Штаты освободителем Южной Кореи от японского колониального ига в 1945 г., гарантом «свободы и демократии» и благодетелем в последующий период. В этой связи необходимо, видимо, вспомнить некоторые подлинные события послевоенной истории.

⁶ In: «Journal of Northeast Asian Studies», vol. 1, № 1, March 1982, p. 58.

⁷ См.: «Нодон синмун», 21.V.1982.

Прежде всего войска США никогда не освобождали Корею и даже не принимали участия в ее освобождении, а пришли в Южную Корею уже после капитуляции Японии как оккупанты. Следует напомнить также, что не американские, а советские войска в августе 1945 г., нанося удары по частям Квантунской армии Японии, с боями вступили на территорию Кореи. В боевых операциях по освобождению Кореи участвовали соединения советской 25-й армии под командованием генерал-полковника И. Чистякова и части Тихоокеанского флота под командованием адмирала И. Юмашева⁸. В течение августа и сентября 1945 г. в северной части Кореи были разоружены, взяты в плен и затем эвакуированы все японские войска, жандармерия и полиция, полностью упразднен аппарат японского колониального господства, созданы условия для обеспечения национальной независимости страны. Освобождение северной части Кореи Советской Армией вызвало подъем демократического движения на Юге Кореи. Хотя советские войска и не были на Юге, деятельность японской администрации там была парализована самими корейскими патриотами, которые по собственной инициативе отстраняли от управления японскую администрацию, брали власть в свои руки.

Прибытие американских войск в Южную Корею в сентябре 1945 г. (спустя месяц после капитуляции Японии) лишь осложнило политическую обстановку в стране. За день до высадки американских войск в Южной Корее главнокомандующий вооруженными силами США на Тихом океане генерал Д. Макартур обратился к населению Южной Кореи с воззванием, объявив, что вся власть на территории Кореи к югу от 38-й параллели будет осуществляться войсками США⁹. А командующий войсками США в Южной Корее генерал Д. Ходж сразу же оповестил корейское население о том, что оно обязано по-прежнему подчиняться японской администрации, соблюдать установленные японцами законы и порядки до тех пор, пока в Корею не прибудет достаточно американского персонала. И лишь под давлением возмущенного корейского населения 14 сентября 1945 г. были официально отстранены от власти японский генерал-губернатор Нобуюки Абэ и персонал японской администрации¹⁰.

Военно-дипломатическая деятельность США в Южной Корее в этот период была направлена на то, чтобы способствовать внедрению американских монополий в южнокорейскую экономику и укреплять свои позиции, широко используя реакционную корейскую эмиграцию, которую они в течение многих лет готовили к роли своей агентуры в Корее. В октябре 1945 г. американское командование доставило в Южную Корею пресловутого Ли Сын Мана, который сразу же стал с помощью американских властей претендовать на роль правителя всей Кореи.

Разместив свои войска в Южной Корее, США использовали этот удобный случай для осуществления колониалистских вождедений, имевших столетнюю историю. Используя режим военной оккупации, США под видом «японской собственности» на 85 % захватили южнокорейскую экономику в свои руки¹¹, превратили Южную Корею в рынок сбыта своих залежалых товаров, под предлогом «помощи» сбывая Южной Корее по монопольным ценам излишки своей продукции. Американская пропаганда ныне широко рекламирует эту так называемую помощь США Южной Корее, называя разные цифры в пределах 10 млрд. долл., включая военные поставки. Однако она тщательно скрывает тот факт, что, как отмечалось в меморандуме МИД КНДР, со времени освобождения Кореи по сегодняшний день американские империалисты выкачали из Южной Кореи — в форме прибыли от капиталовложений, неэквива-

⁸ См.: Международные отношения на Дальнем Востоке в послевоенные годы, т. 1 (1945—1957). М., 1978, с. 70.

⁹ См. там же, с. 74.

¹⁰ См. там же.

¹¹ См.: «Нодон синмун», 21.V.1982.

лентного торгового обмена, платы за содержание американских войск и пр. — 120 млрд. долл. прибыли¹².

К печальным «заслугам» США в послевоенный период надо отнести и их последовательные усилия, направленные на раскол корейской нации. Именно по вине США не было выполнено решение московского Совещания министров иностранных дел, которое предусматривало создание Временного корейского демократического правительства, была сорвана работа созданной в этих целях Совместной советско-американской комиссии. В нарушение союзнической договоренности в том, что вопросы послевоенного мирного урегулирования являются компетенцией Совещания министров иностранных дел и правительств союзных держав, США добились включения корейского вопроса в повестку дня II сессии Генеральной Ассамблеи ООН и взяли курс на создание в Южной Корее зависимого от США сепаратного правительства.

Что касается Советского Союза, то он решительно выступал против этой антикорейской акции, против какой-либо формы вмешательства во внутренние дела корейского народа, включив в повестку дня той же сессии свой проект резолюции о выводе советских и американских войск из Кореи, предложив также пригласить представителей корейского народа для участия в обсуждении корейской проблемы¹³. Однако США использовали свое влияние в ООН, чтобы без участия корейских представителей протолкнуть свой собственный проект. Создание Временной комиссии ООН по Корее вызвало волну митингов и протестов в Южной Корее, а народная власть Северной Кореи (а не советские власти, как это не без скрытого умысла представляют американские политологи) запретила въезд комиссии ООН на территорию севернее 38-й параллели. В США и Южной Корее склонны «забывать» и такую «деталь», что сама комиссия вынуждена была признать невозможность выполнения возложенных на нее функций и вначале решила вернуть свой мандат Генеральной Ассамблее¹⁴. И только под нажимом США и созданного проамериканским большинством на II сессии ГА ООН Межсессионного комитета Временная комиссия ООН приняла рекомендации о проведении выборов только на территории Южной Кореи¹⁵. Следует при этом оговориться, что ООН в 40-х и 50-х годах, то есть в период доминирующего влияния Вашингтона в этой организации, приняла под его нажимом немало незаконных резолюций, и резолюция о создании Временной комиссии ООН по Корее была одной из первых такого рода позорных акций.

Временная комиссия ООН, в которой большинство принадлежало зависимым в то время от США странам (в их числе Австралия, Канада, Сальвадор, Филиппины, Тайвань), санкционировала проведение 10 мая 1948 г. так называемых выборов в Южной Корее в условиях пребывания там американских войск и чрезвычайного положения. «Избранное» в такой обстановке «национальное собрание» приняло конституцию, продиктованную ему американским командованием. Президентом так называемой Корейской республики был назначен Ли Сын Ман, который долгое время выполнял роль послушной марионетки в руках США и только в апреле 1960 г. был свергнут в результате героического народного восстания.

Создание американцами в 1948 г. антинародного марионеточного режима в Южной Корее явилось решающим шагом к искусственному расколу корейской нации, что резко осложнило обстановку на Корейском

¹² См.: «Нодон синмун», 21.V.1982.

¹³ См.: Советский Союз и корейский вопрос (Документы). М., 1948, с. 70—71.

¹⁴ См.: Объединенные Нации. Доклад Межсессионного комитета Генеральной Ассамблеи, 22 июля 1948 г. Док. А/583, с. 4.

¹⁵ См.: ООН. ГА. Официальные отчеты. 3-я сессия, дополнение № 9 (А/575), т. 1, с. 32—33.

полуострове и способствовало в конечном итоге возникновению кровопролитной войны в Корее.

Несмотря на продолжающуюся военную оккупацию Соединенными Штатами Южной Кореи, Советский Союз, не дожидаясь согласия США, в одностороннем порядке вывел в 1948 г. свои войска из Северной Кореи, предоставив корейцам самим решать свои внутренние дела, и никогда больше не посылал их в Корею.

Таковы действительные факты, которые ныне грубо искажаются американскими фальсификаторами в расчете на тех, для кого 50-е годы стали уже историей. Это полезно напомнить сознательно или несознательно заблуждающимся южнокорейским националистам, которые пытаются ставить на одну доску политику США и СССР в Корее.

* * *

Пропагандистская машина США, фальсифицируя многие аспекты империалистической политики в Корее, особенно изощренно прикрывает позорную роль правящих кругов США в организации и осуществлении вооруженной агрессии в Корее в 1950—1953 гг. Однако как бы ни пытались США и их пособники представить себя «спасителями» и «благодетелями» корейцев в столь трудный для корейского народа период, кровавая и преступная авантюра Соединенных Штатов навсегда останется самой позорной страницей в 100-летней истории американской агрессии в Корее. Цели, которыми руководствовались американские интервенты, направив свои вооруженные силы для вмешательства во внутренние дела корейского народа, не имеют ничего общего с интересами последнего. Соединенные Штаты вели войну в Корее за интересы монополистического капитала, за сохранение своего империалистического господства в Южной Корее, которое оказалось подорванным в результате начавшейся в Корее гражданской войны.

В наше время, когда мир сталкивается с новыми поползновениями США на военное превосходство, с опасной гегемонистской политикой администрации Рейгана, особенно полезно вспомнить о том, что развязывание агрессивной войны в Корее было непосредственно связано с головокружением у американских правящих ястребов от преувеличенного представления о военном превосходстве США над Советским Союзом, с курсом на установление мировой гегемонии США, который тогдашний президент США Трумэн стал навязывать американскому народу с первых дней прихода к власти.

Среди существенных препятствий на пути к осуществлению империалистических целей США на Дальнем Востоке, таких, как принципиальная антиимпериалистическая политика Советского Союза, демократические процессы в Японии и Китае и др., было и неистребимое стремление корейского народа к подлинной независимости. На борьбу с этими препятствиями была и направлена послевоенная политика США, которая и привела к вооруженному столкновению на Корейском полуострове. Провал планов установления господства США в Китае не остановил, а, напротив, подтолкнул американских политиков к активному вмешательству во внутренние дела народов Азии для достижения своих корыстных целей. Именно этим целям и служило вмешательство вооруженных сил США в гражданскую войну в Корее. Интервенция США в Корее отвечала интересам американских и японских монополистов. В США сразу же после начала войны в Корее ощутили лучшие времена военного бума периода второй мировой войны.

Таким образом, истоки корейской авантюры США заключались не в самих американско-южнокорейских отношениях, а в агрессивном характере глобальной политики США. Империализм США, который начал играть уже в то время роль мирового жандарма, ожидал лишь благоприятного

повода для начала агрессивных действий, рассчитывая ликвидировать молодую народную власть в Северной Корее, тем самым нанести удар национально-освободительному движению и укрепить подорванные позиции империализма в Азии. И Корея стала жертвой, ее территория — удобным для американцев плацдармом, а южнокорейцы — средством для достижения их империалистических целей.

В связи со 100-летием так называемых дипломатических отношений, отмеченным в США и Южной Корее, полезно вспомнить, хотя бы кратко, некоторые факты «дипломатической» деятельности США этого периода.

Известно, что еще до начала военных действий в Корее 7-й флот США был направлен в Тайваньский пролив, были приняты меры по укреплению вооруженных сил США на Филиппинах, усилены позиции США в Индокитае.

В то время когда американские бомбы уже падали на корейскую землю, США, используя послушное им большинство, протасили в Совете Безопасности ООН незаконные резолюции в поддержку американской агрессии в Корее. Эти резолюции принимались в то время, когда представитель СССР в знак протеста против нарушения законных прав КНР в ООН не участвовал в работе Совета Безопасности, а место Китая как постоянного члена Совета незаконно занимали представители Тайваня.

«Войсками ООН» в Корее были объявлены фактически американские и южнокорейские войска. Только под давлением США позже в корейской аванюре приняли символическое участие мелкие подразделения некоторых союзников США. Не случайно в США называли корейскую войну «войной г-на Трумэна».

Тактика Трумэна — Ачесона в корейской войне строилась в расчете на то, чтобы избежать непосредственного столкновения с вооруженными силами СССР или КНР, обратив всю мощь своих сил против многогрозного корейского народа.

Лишь благодаря настойчивым инициативам СССР, получившим широкую международную поддержку, удалось остановить кровопролитие в Корее и договориться о прекращении военных действий. Именно США в течение двух лет затягивали переговоры в Паньмыньчжоне, выражая стремление «воевать в Корее до последнего корейца».

В правящих кругах США серьезно рассматривались планы применения в корейской войне атомного оружия. Только твердая позиция Советского Союза сорвала планы американской военщины, намеревавшейся повторить трагедию Хиросимы и Нагасаки на корейской земле. В результате возросшей мощи СССР и утраты Соединенными Штатами атомной монополии расчеты Вашингтона на применение атомного оружия в Корее провалились.

Жертвы, понесенные Соединенными Штатами в корейской войне во имя их империалистических целей, не могут идти ни в какое сравнение с теми огромными жертвами и страданиями, которые понес корейский народ во время этой позорной авантюры американских правящих кругов.

Политика США в Корее в период корейской войны характеризовалась грубым великодержавным презрением в отношении корейского народа и враждебностью к его национальным интересам.

В результате войны политическая и военно-экономическая зависимость Южной Кореи от Соединенных Штатов еще больше усилилась.

Договор о «взаимной обороне», подписанный между США и сеульскими «боевыми соратниками» по преступной войне, создавал основу для милитаризации Южной Кореи и подготовки южнокорейского плацдарма к новой войне.

Отмечая так называемый 100-летний юбилей дипломатических отношений с могущественной империалистической державой — Соединенными Штатами, южнокорейские власти должны были подвести итоги этих, как они утверждали, отношений «дружбы и сотрудничества». Каковы же в действительности эти итоги?

Вашингтон сохраняет Южную Корею как свою вотчину, плацдарм антикоммунизма и военную базу Пентагона, добивается нагнетания напряженности на Корейском полуострове, сохранения раскола корейской нации любыми средствами. США при этом опираются в Южной Корее на американские штыки и американское военное командование, в подчинении которого находятся сеульские правители. В их услужении находятся также крупные южнокорейские предприниматели, связанные с монополиями США и Японии.

Внутриполитическая обстановка в стране остается исключительно напряженной. Южнокорейские правители отметили 100-летний юбилей очередным финансовым скандалом и арестом некоторых деятелей из среды правящей южнокорейской элиты, обвиненных в незаконном присвоении крупных денежных средств. Неделя «национального празднования» совпала с антиправительственными выступлениями демократической общественности страны, отметившей 2-ю годовщину военного переворота в Южной Корее, совершенного южнокорейской военщиной во главе с генералом Чон Ду Хваном при прямой поддержке Вашингтона, и установления военно-фашистского режима. В городе Кванджу, где два года назад было зверски подавлено народное восстание и убиты тысячи мирных жителей, состоялся массовый траурный митинг.

Правящие круги США давно уже ведут двойную игру в Южной Корее, выступая под маской сторонников демократии, чтобы тем самым отвести от себя гнев и возмущение политикой своих ставленников и предотвратить рост антиамериканских настроений в стране. На деле перспективы демократизации Южной Кореи никогда не были предметом заботы американских правящих кругов, которые всегда предпочитали опираться на «твердую власть». Исторические факты свидетельствуют о том, что Соединенные Штаты не раз предавали дружественно настроенную к ним южнокорейскую оппозицию диктаторским режимам. Так, США осудили репрессивный режим Ли Сын Мана после его свержения в апреле 1960 г., но затем способствовали приходу к власти военной хунты во главе с Пак Чжон Хи и поддержали установление его репрессивного правления. Так было и после устранения Пак Чжон Хи в 1979 г., когда США, растоптав свои обещания и надежды южнокорейского населения на «либерализацию» сеульского режима, способствовали подавлению народного восстания летом 1980 г. и сделали ставку на военных, способствуя укреплению диктатуры Чон Ду Хвана.

Однако главной опорой американского господства, как и прежде, являются вооруженные силы США, дислоцированные на территории Южной Кореи. В 1978 г., как известно, было создано так называемое объединенное командование вооруженными силами США и Южной Кореи, которое возглавляют американские генералы. Пентагон под ширмой «объединенного командования», по существу, полностью взял на себя командование южнокорейскими войсками, тогда как южнокорейские генералы не имеют никакого отношения к войскам США, которые только формально числятся под «объединенным командованием». Через южнокорейскую военщину, находящуюся в подчинении Пентагона, Вашингтон полностью контролирует политическую обстановку в стране. Поэтому не без основания режим военных диктаторов во главе с нынешним президентом Чон Ду Хваном называют марионеточным. Недавно на должность командующего объединенными американо-южнокорейскими вооружен-

ными силами назначен генерал-лейтенант Роберт У. Сенниуол, сменивший на этом посту генерала Джона Уикхэма. По сообщениям печати, в подчинении Р. У. Сенниуола будут и 40-тысячный армейский корпус США в Южной Корее, и южнокорейские войска, а также части 8-й армии США, дислоцированные в других районах западной части Тихого океана.

Южной Корее ныне отводится важное место в новых военно-стратегических планах Вашингтона. Администрация Рейгана объявила Корейский полуостров районом «жизненно важных интересов» США, выразив готовность «применить вооруженные силы» для его «защиты»¹⁶. Фактически — для защиты от корейского народа, так как извне ему, кроме США, никто не угрожает.

Южная Корея остается одним из крупнейших получателей американского оружия. На 1983 финансовый год США выделяют Сеулу военную помощь в размере 280 млн. долл.¹⁷.

Южная Корея ныне превращена в сплошную казарму. Южнокорейский режим имеет под ружьем 600 тыс. солдат, входящих в состав трех армий, 1240 тыс. резервистов, местные охранные отряды численностью 2800 тыс. человек, 4400 тыс. человек входят в отряды гражданской обороны, 1,5 млн. студентов и учащихся, юношей и девушек проходят регулярную военную подготовку. Таким образом, при населении в 38 млн. человек приблизительно 10 млн. человек в Южной Корее прямо или косвенно привлекаются к военной подготовке¹⁸. Военные расходы Южной Кореи, сообщила газета «Паэзе сера», составляют примерно 3 млрд. 700 млн. долл., что равняется 6 % ВВП и 35 % государственного бюджета. Это тяжелое бремя для южнокорейской экономики, которая увязла в долгах до такой степени, что сумма задолженности по иностранным займам составляет 54 % ВВП. Одних только процентов по займам Сеул выплачивает более 3,5 млрд. долларов в год.

Продавая оружие сеульскому режиму, Вашингтон одновременно предоставляет ему возможность обучения военного персонала на полигонах, в военно-технических училищах и академиях США. Воспитанные американскими «опытными» инструкторами, южнокорейские курсанты и слушатели занимают затем ключевые позиции в командовании южнокорейскими войсками, а некоторые из них — в правительственных учреждениях и ведомствах Сеула, проявляя готовность по-армейски выполнять указания из Вашингтона.

Безудержное вооружение Соединенными Штатами своих сеульских подручных создает опасный очаг потенциального военного пожара. И у миролюбивых народов, естественно, возникает подсказанный суровой логикой вопрос: где же предел длящемся многими десятилетиями процессу наращивания горючего материала на Корейском полуострове и к каким последствиям он может в конце концов привести?

Столь опасную провокационную политику в Корее Вашингтон пытается представить как проявление «заботы» о мире, о безопасности Южной Кореи, а также Японии. Однако разыгрываемое им «благородное бескорыстие» никого не может ввести в заблуждение. Южная Корея нужна Вашингтону не только как объект эксплуатации и выгодного бизнеса, что, естественно, повышает заинтересованность американского империализма в обеспечении стабильности проамериканского режима в Южной Корее. В не меньшей степени Южная Корея нужна Вашингтону и как важный военный плацдарм стратегического значения. Армию и военные сооружения южнокорейского режима вашингтонские стратеги дав-

¹⁶ См.: Меморандум МИД КНДР. — «Нодон синмун», 21.V.1982.

¹⁷ См.: «Красная звезда», 11.VI.1982.

¹⁸ Эти данные приводила римская газета «Паэзе сера» (26.III.1982) со ссылкой на представителя южнокорейцев, проживающих в Японии и располагающих надежными сведениями.

но уже рассматривают в качестве придатка своих вооруженных сил для выполнения как региональных, так и глобальных задач. Американские охотники воевать чужими руками уже использовали в 60-х годах южнокорейских солдат в своей позорной агрессивной войне во Вьетнаме и ныне усиленно вооружают южнокорейских вояк, рассчитывая использовать их для осуществления собственных империалистических целей.

В корейской политике нынешней администрации США нельзя не заметить стремления к более активному подключению Сеула к осуществлению своей гегемонистской внешней политики в дальневосточном регионе. Это находит свое выражение, в частности, в повышении готовности вооруженных сил США и Южной Кореи к взаимодействию в проведении военных операций с применением не только обычных средств поражения.

Как явствует из высказываний высокопоставленных деятелей Пентагона, намечаемое Соединенными Штатами обновление «ядерных средств театра военных действий», то есть размещение в различных странах ракет — носителей ядерного оружия среднего радиуса действия, касается не только Западной Европы, но и Восточной Азии, которая так же, как и Западная Европа, превращается в передовой рубеж так называемой «ограниченной ядерной войны»¹⁹. Во время посещения Сеула министром обороны США К. Уайнбергер публично декларировал антисоветские цели размещения на территории Кореи 40-тысячного американского корпуса, на вооружении которого находится ядерное оружие (по разным данным, от 600 до 1000 ядерных боеголовок), обеспеченное различными средствами доставки. Известно также о намерении Вашингтона оснастить корабли 7-го флота США, имеющего базы в Южной Корее, крылатыми ракетами, несущими ядерные заряды, и разместить на юге полуострова нейтронное оружие²⁰. Американский «ядерный зонтик» в Южной Корее, который Пентагон навязывает под предлогом защиты от несуществующей опасности, представляет собой лишь неуклюжую маскировку агрессивных замыслов Пентагона, стремящегося создать «стратегический перевес» и военное превосходство США на Дальнем Востоке, с тем чтобы диктовать свою волю странам региона. Курс на развитие наступательного потенциала, отработка действий в условиях ядерной войны в ходе крупномасштабных маневров говорят об откровенно агрессивном характере мероприятий Вашингтона, на поводу у которого идет послушный ему сеульский режим.

В соответствии с военной доктриной об «ограниченной ядерной войне» вашингтонские стратеги рассчитывают ограничить замышляемый ими ядерный конфликт рамками какого-либо региона, например Корейского полуострова или Японских островов. Во имя своих империалистических целей они, как видно, готовы пожертвовать жизнями миллионов корейцев, так же как и японцев, стремясь в то же время отвести возмездие от США. И правители Сеула, предоставляя корейскую территорию под военные базы США, где Пентагон размещает ядерное оружие, играют жизнью своего народа, ставят его под ответный удар в случае осуществления Вашингтоном своих авантюристических планов. Вряд ли есть необходимость доказывать, что провокационная политика Вашингтона в Корее противоречит интересам корейского народа, делу мира и стабильности на Корейском полуострове.

* * *

Происки империалистов встречают мужественное сопротивление корейских патриотов, не желающих быть игрушкой в руках авантюристов.

¹⁹ См.: «Правда», 9.IV.1981.

²⁰ См.: «Известия», 2.VII.1982.

В наши дни сложилось такое положение, когда империалистам приходится изворачиваться и думать о том, каким путем и какими средствами, в том числе пропагандистского, идеологического характера, подкреплять свои военно-политические позиции даже в таких странах, как Южная Корея, где им удалось завоевать господствующее положение. Именно это обстоятельство толкает Вашингтон на всякого рода идеологические и психологические диверсии, заставляет выработать и интенсивно пропагандировать нужные ему стереотипы мышления.

Одним из наиболее коварных стереотипов, навязываемых общественному мнению американскими пропагандистами и учеными-политологами, является тезис о том, что мирное урегулирование и мирное объединение в Корее реально неосуществимы в обозримой перспективе и что ситуация, сложившаяся на Корейском полуострове, является якобы «тупиковой». В этой связи хотелось бы напомнить слова Леонида Ильича Брежнева: «Тупики на международной арене сами по себе не возникают. Они создаются искусственно. Это можно сказать практически обо всех конфликтных ситуациях и нерешенных проблемах. За ними в конечном счете стоят корыстные империалистические интересы, шовинизм, нежелание считаться с общей ситуацией в ядерную эпоху.

Политическая мудрость сегодня состоит в том, чтобы общими усилиями настойчиво и терпеливо добиваться решения проблем, которые чреватy угрозой всеобщему миру»²¹.

Сложность решения проблем Корейского полуострова очевидна и бесспорна. Но она вызывается главным образом тем, что правящие круги США никак не могут расстаться с мечтой об «американском руководстве миром», стремятся вершить судьбы других народов и государств, проводят политику насилия и неокOLONиализма. Именно по вине США сложилось столь напряженное положение на Корейском полуострове, где США ведут массированные военные приготовления, разжигают гонку вооружений, препятствуют решению жизненно важных национальных проблем корейского народа, грубо вмешиваясь в его внутренние дела.

Принципиально иной является позиция СССР по корейской проблеме. Советский Союз строго придерживается политики невмешательства во внутренние дела корейского народа, выражает солидарность с борьбой корейских патриотов за мирное демократическое объединение Родины без вмешательства извне, выражает готовность сделать все, чтобы способствовать созданию благоприятных условий для решения корейских проблем мирным путем в соответствии с рекомендациями Организации Объединенных Наций.

²¹ «Правда», 3.VI.1982.

Лу Синь и борьба за реализм в китайском кино

*С. А. Торопцев,
кандидат филологических наук*

Проблемы адекватного отражения действительности все еще актуальны для китайского искусства, в котором до сих пор дебатруется, что должно преобладать — правдивость или тенденциозность. При этом далеко не всегда учитывается замечание Ф. Энгельса о том, что тенденция должна оставаться незаметной для читателя. Итогом становится явное вульгаризаторство такого рода: «Правдивость не определяет художественной ценности произведения... Тенденциозность следует рассматривать как более важное мерило ценности искусства»; «Да, мы говорим, что правда — жизнь искусства, но это только метафора... В мире есть вещи выше, чем жизнь»¹. В таких условиях проблемы реализма не могут оставаться только художественными, они неизбежно выходят на политическую орбиту, и борьба за реализм как метод адекватного действительности отражения жизни стала в КНР политической борьбой между силами, цепляющимися за антиреалистическую лакировку, свойственную левацкой «эстетике», и теми, кто видит в реализме (и социалистическом в особенности) метод, который поможет китайскому искусству сбросить путы средневековой нормативности и новейшего вульгарного социологизаторства.

У истоков современного реалистического метода в китайской литературе стоял великий писатель Лу Синь, чей столетний юбилей отмечался в сентябре прошлого года во всем мире, в том числе и в нашей стране. На научной конференции в Институте востоковедения АН СССР было показано, что творчество гениального новатора — ориентир для всех видов литературы и искусства Китая, в том числе и для кинематографии, в которой поиски реалистического метода, борьба за реализм теснейшим образом связаны с произведениями, идеями и личностью Лу Синя.

Жизнь писателя пришлось в основном на начальный этап развития кинематографии в Китае, когда она еще даже не могла претендовать на звание «искусства», существуя в форме ярмарочного аттракциона. Лишь к последним годам жизни писателя в китайском кино наметились определенные сдвиги, и в лучших произведениях прогрессивного «левого кино» на экране стали появляться элементы реальной действительности, подлинные заботы человека. Разглядеть в «балагане» завтрашнее большое искусство мог только зоркий человек, великий мыслитель. В России таким провидцем стал М. Горький, в Китае — Лу Синь. Кинематографом он начал интересоваться в 1916 г., работая

¹ «Гуанмин жибао», 22.XII.1981; «Жэньминь жибао», 21.IV.1981.

в министерстве просвещения. Интерес этот пока был незначительным: с сентября 1916 по февраль 1925 г. в дневнике отмечено лишь 13 посещений кинотеатра. Причины этого — и в низком уровне самого кино, и в нелегкой жизни писателя, и в слабой кинофикации севера страны. После 1927 г. сначала в Гуанчжоу, затем в Шанхае, ведущем кинематографическом центре Китая, Лу Синь начинает ближе знакомиться с кинематографом: за несколько последующих лет в дневнике появляется более 130 записей о фильмах.

Что смотрел писатель? Пока трудно ответить на этот вопрос с достаточной полнотой, поскольку отрывочные сведения были систематизированы лишь в книге «Лу Синь и кино», выпущенной в КНР осенью прошлого года и нами еще не полученной. В одном из писем он замечает: «Я не знаю, посещаете ли Вы кино. Я посещаю. Меня не интересуют такие фильмы, как «Похищение красавицы», «За сокровищем», я предпочитаю фильмы об Африке, о Южном и Северном полюсах, так как мне думается, что сам я никогда не побываю там, а получить некоторое представление об этих местах могу лишь по кинофильмам»². Это его позиция начала 30-х годов. Но даже много раньше, в период работы в министерстве просвещения в Пекине, он предлагал «использовать двигающееся кино для обучения» и считал, что «в будущем, вероятно, так и произойдет»³. Сын писателя Чжоу Хайин вспоминает: «Когда фильмы подходили для детей, отец позволял мне сопровождать его — или, можно сказать, специально со мной шел на фильм. Иногда он посылал мать сводить меня и двоюродных сестер на мультфильмы вроде «Микки-маус»⁴. Много конкретных названий в детской памяти не удержалось — он называет «Сон в летнюю ночь» по Шекспиру, «Чапаев», который они всей семьей смотрели в советском консульстве в Шанхае⁵, и еще два-три фильма такого же высокого художественного уровня, но этого уже вполне достаточно, чтобы сделать выводы о точном художественном чутье писателя, помогавшем ему делать правильный выбор именно тех произведений, которые в дальнейшем отобрала сама история (а также о вполне современных педагогических принципах писателя, считавшего пригодным для детского восприятия не только специфически детскую продукцию, но и серьезную классику — как бы поводырля для неокрепшего сознания ребенка).

Познавательная функция, таким образом, представлялась писателю одной из важнейших функций кинематографии, которую он рассматривал не просто как вид развлечения (он не отвергал развлекательность в качестве формы преподнесения содержания), но как инструмент общественного воздействия, социального воспитания зрителя. В таком ракурсе привычное конфуцианское морализаторство должно было отступить перед изображением реальности. Если писателю хотелось экранной Африкой восполнить недостающую ему и не виденную им Африку реальную, то ему требовались не рассуждения вокруг Африки, не дидактические витийства, а просто реальный облик. Тем самым он ждал от кинематографа адекватного отражения действительности, реального ее образа, который дал бы ему представление о самой подлинной действительности, ее не искажающее.

Эта мысль особенно важна с точки зрения широчайших пропагандистских возможностей киноискусства. О них тоже думал Лу Синь, потому и перевел главу об агитационном воздействии кино из книги прогрессивного японского киноведа Акиры Ивасаки «Кино и капитализм», в предисловии специально подчеркнув, насколько важна пропа-

² Лу Синь. Собр. соч. в 4-х томах, т. 4. М., 1956, с. 236—237.

³ «Дачжун дяншан», 1961, № 10, с. 18.

⁴ «Жэньминь жибао», 2.IX.1981 (3-я часть печатавшихся в нескольких номерах воспоминаний Чжоу Хайина о Шанхае 30-х годов).

⁵ См. там же, 3.IX.1981 (4-я часть воспоминаний).

гандистская сторона кинематографии. В тесной связи с этой мыслью находится и его реакция на американский фильм «Душа партийца», который в Шанхае осенью 1927 г. пользовался славой «революционно-го». Лу Синь же счел фильм реакционным: в картине представляла извращенная версия русской Октябрьской революции, которая, по мнению писателя, могла лишь оттолкнуть от революционной идеи потенциальных союзников пролетариата⁶.

Точной оценке возможностей киноискусства у Лу Синя способствовал его теоретический и практический интерес к советским работам. Лиге левых писателей он рекомендовал переводы советских киносценариев, сам переводил труды Плеханова и Луначарского. Именно в переводе Лу Синя впервые пришли в Китай процитированные Луначарским ленинские слова «из всех искусств для нас важнейшим является кино», подчеркивающие агитационную силу этого вида искусства. Лу Синь старался не пропускать советских фильмов, изредка показывавшихся в Китае, видел «Путевку в жизнь», «Маринеток», «Потомка Чингис-хана», «Чапаева», который, по воспоминаниям писательницы Сяо Хун, произвел на него большое впечатление⁷, документальный фильм Дзиги Вертова «Похороны Ленина». «Дубровский» стал последним фильмом его жизни. «Советские фильмы велики и воодушевляют людей», — говорил Лу Синь⁸.

Передовые произведения зарубежного киноискусства (писатель сумел также познакомиться с комедиями Чаплина и сразу понять их величие как произведений настоящего искусства) помогали Лу Синю увидеть возможное будущее отечественного кино. Однако современное ему состояние китайской кинематографии внушало лишь тревогу, и Лу Синь констатировал в одной из своих публицистических статей: «Герои отечественных фильмов хотя и представляются их авторам добродетельными рыцарями и под бровями у них всегда хитринка шанхайского или заграничного образца, но если взглянуть, то добродетельных рыцарей из них не получается»⁹. За свойственной писателю едкой иронией встает мысль о том, что массовая продукция пытается воссоздавать традиционные трафареты, однако в итоге получается лишь бледная копия классических оригиналов, не приносящая успеха и кино.

Это опасение в отношении возможностей отечественного киноискусства препятствовало писателю дать согласие на экранизацию собственных рассказов. А тяга к этому появилась у кинематографистов еще при жизни Лу Синя. Это можно понять. Произведения Лу Синя были, по сути, завтрашним днем литературы и искусства Китая, которые в первой трети XX в., за немногими исключениями, еще пребывали на уровне средневековой эстетики с ее плоскостным рисунком, однональными персонажами-масками, чей внутренний мир с трудом просматривался за обилием действий и диалогов. Прогрессивные китайские литераторы, познакомившись с вершинами европейской и американской литературы и искусства, искали отечественных эквивалентов и находили их пока только у Лу Синя, впервые в истории китайской литературы обратившегося к психологии своих героев. Хун Шэнь, один из основателей Лиги левых писателей, внесший свой вклад и в развитие кинематографа, предложил экранизировать «Подлинную историю А-Q». Лу Синь не дал согласия. Причину этого разъясняет его переписка с писателем Ван Цянанем, который написал по «Подлинной истории А-Q» сценарий «Женщины и хлеб» и жаждал одобрения автора. Лу Синь счел, что сценарий извратил его произведение, гипертрофиро-

⁶ См.: «Дачжун дяньин», 1981, № 7, с. 18.

⁷ См. там же, 1961, № 10, с. 18.

⁸ «Дяньин ишу», 1979, № 4, с. 43.

⁹ Цит. по: «Дачжун дяньин», 1961, № 10, с. 18.

вав комедийность, превратив ее в фарсовость, тогда как сам он «вовсе не ставил перед собой цель создать комедию или трагедию...»¹⁰.

Иными словами, писатель понимал, что современный ему китайский кинематограф ограничен рамками жанра и амплуа, средневековой нормативностью, которые могли помешать ему приблизиться к человеку, заглянуть в его внутренний мир, а ведь именно этот путь начал в китайской литературе сам Лу Синь, открывая в китайском искусстве новую страницу: художественное исследование психологии простого человека, дотоле китайскому искусству неведомое. Писатель понимал, что кинематография того уровня, на каком оставалась она в Китае 20-х, а в массовом масштабе и 30-х годов, станет эксплуатировать только сюжеты, фабулы, ситуации, конфликты, внешний рисунок образов его произведений. А это ни в коей мере не могло быть эквивалентом реалистическому методу писателя.

Впервые китайское кино обратилось к творчеству Лу Синя в фильме 1956 г. «Моление о счастье» — экранизации одноименного рассказа 1924 г. из сборника «Блуждания». Этот сюжет, надо сказать, за десятилетие до того был зафиксирован на пленке в форме фильма-спектакля «Вдова Сялиня» («Сялинь сао»). Однако это было не «чистое» кино, а «консервированный театр», причем театр не современный, а традиционный (жанр юэцзюй). Не исключено, что определенная скованность времени и места, перенасыщенность диалогами, изменение композиции, приближенной к привычной хронологической повествовательности, некоторая дидактичность, не свойственная Лу Синю, — все это следы театрального влияния на экранизаторов «Моления о счастье», невольно испытавших на себе власть популярного спектакля и не сумевших преодолеть это влияние, то есть выбравших между новаторством писателя и консервативной традиционностью спектакля более привычные формы.

Кинематография КНР первой половины 50-х годов находилась еще в трудном периоде ломки и становления. После 1949 г. нити преемственности она протянула лишь к документалистике Освобожденных районов, создававшейся в специфических, напряженных условиях военного окружения, когда главное для искусства — сила его агитационного воздействия, немедленный стимулирующий эффект, на который следовало равняться зрителям. Послевоенное демократическое киноискусство гоминьдановских районов (1946—1949) в таких своих лучших образцах, как «Вороны и воробьи», «Дорога в восемь тысяч ли, луна и облака», «Весенние воды текут на восток», «На реке Сунгари», «Огни во всех домах», сделало шаг к проницанию во внутренний мир героя. Однако молодая кинематография КНР не установила преемственные связи с этим направлением китайского кино, о чем свидетельствовала критика фильма «Жизнь У Сюня», прошедшая в 1951—1952 гг. Ведущие кинематографисты КНР были теми самыми прогрессивными творческими работниками, которые снимали лучшие фильмы послевоенного Китая: Ся Янь, Сунь Юй, Ян Ханьшэн, Цай Чушэн, Ши Дуншань, Бай Ян, Чжао Дань, Юань Мучжи. Они не могли отвернуться от самих себя, от работ, которые по праву должны были составлять их гордость и славу китайского кино. Несомненно, они хотели в новых условиях развивать достигнутые успехи. Один из них, Сунь Юй, режиссер еще с 20-х годов, снял в 1950 г. «Жизнь У Сюня», продолжив линию «дегеронизации» и психологического исследования фильмов второй половины 40-х годов. Конечно, У Сюнь — буржуазный реформатор, пытавшийся с помощью бесплатных школ для бедняков «просвещать народ», — не был тем ге-

¹⁰ Лу Синь. Собр. соч., т. 4, с. 116—117.

роем, которого следовало выводить на передовые рубежи в стране, приступившей к строительству социализма. Но не был он и тем «реакционером», каким хотела представить его редакционная статья, опубликованная в «Жэньминь жибао» 21 мая 1951 г.

Несомненно, что одной из важнейших целей кампании 1951—1952 гг. было отмежевание от реалистических тенденций кинематографии предыдущего периода, которые могли неблагоприятно сказаться на внедряемой в искусство КНР левацкой «эстетике». После провозглашения КНР эта «эстетика» была канонизирована и стала энергично внедряться в искусство (как часть общественной жизни страны), подавляя все прочие эстетические системы. Качественно этот процесс завершился в 1958 г. выдвинутым так называемого «творческого метода сочетания революционного реализма с революционным романтизмом» в качестве сначала ведущего, а затем единственного метода китайского искусства, не терпящего сосуществования ни с каким другим, в первую очередь с социалистическим реализмом. «Да, все знают, что никто не устанавливал такого закона, будто разрешен только один «изм», а прочие не допускаются. Но все знают и то, что неписаное правило было куда каким вредоносным!» — ставит точки над *i* сегодняшний критик¹¹, и другой вторит ему, уточняя: «Заговоришь о социалистическом реализме — сочтут, что выступаешь против революционного романтизма»¹². После оформления этого «метода» эволюция левацкой эстетики шла уже по линии количественного нарастания, охвата все более широкого круга видов и жанров искусства, двигаясь к абсолютному господству в период «культурной революции», когда уже не могло появиться ни единого произведения, оппозиционного «методу».

Главными принципами такой эстетики, легшей в основу «метода сочетания», были, во-первых, требование не реалистического отражения действительности, а «фильтрации» и «концентрации» ее до такой степени, чтобы в итоге получилась «идеализированная», подвергшаяся лакировке картина, в которой правдивость абсолютно подчинена неестественно выпяченной тенденциозности. А во-вторых, — деление литературы и искусства на два неравноценных потока — «для актива» и «для масс», — что означало создание элитарного искусства для узкого круга потребителей и снижение художественного уровня массового искусства, в таком виде неспособного выполнить важнейшую функцию учителя народа и поднять его культурный ценз до вершин мировой культуры.

Характеристика произведений, удовлетворяющих этим требованиям, сводилась к понятию «утилитарность». Так, постановщик фильма 1952 г. «Бой на юге, сражение на севере» (в зарубежном прокате — «От победы к победе») Чэн Инь характеризовал свое произведение таким явно не искусствоведческим языком: «Основная тема фильма — великие стратегические идеи Мао Цзэдуна в освободительной войне»¹³. В кинематографии под влиянием такого утилитарного подхода вырисовывалась тенденция к иллюстративности, в которой фильм существовал не как самостоятельное исследование автономных жизненных процессов, а в виде вторичной иллюстрации текущего тезиса, политического лозунга.

Абсолютно возобладала эта тенденция уже во второй половине 60-х годов, в 50-е же годы она расширялась в борьбе с противоположной ей тенденцией реалистического отображения. Пропорции правдивости и тенденциозности в работах этого периода менялись в зависи-

¹¹ «Дяньин ваньсюэ», 1980, № 3, с. 13.

¹² Там же, № 1, с. 85.

¹³ «Дачжун дяньин», 1952, № 15, с. 3.

мости от таланта авторов, но нередко и их умения балансировать между политическими требованиями, спускаемыми сверху, и собственными художественными воззрениями. Так, например, стилистически в одном ключе были сняты фильмы 1950 г. «Стальной солдат» и «Народные бойцы», задачей которых был показ мужества, стойкости солдата-коммуниста, превосходящего врагов-гоминьдановцев и по своим боевым, и по политическим, и по человеческим качествам. И в том, и в другом фильме правдивость нескрываяемо отступала на второй план перед акцентированной тенденциозностью, оценкой, навязываемой зрителю чаще не вместе с реалистическим изображением, а вместо него. Но в «Стальном солдате» дидактика умело дозирована, в образе главного героя покоряет цельность (в этом несомненная заслуга и исполнителя Чжан Пина, отказавшегося от традиционной сценической акцентировки, с какой в китайском кино было принято изображать героический характер), его желание и умение думать, анализировать ситуацию, в какую он поставлен волей авторов. Причем нельзя не отметить с удивлением, что постановщиком фильма был тот самый Чэн Инь, который через два года в следующем своем произведении, «Бой на юге, сражение на севере», уйдет в абстрактность псевдомасштабности. Но примерно то же самое оказалось на экране в фильме «Народные бойцы», где главный герой не живет, а демонстрирует образцово-показательные реакции в стандартизованных ситуациях. Словно авторы создавали учебную ленту с типичными задачками и единственным ответом. Вот один пример из «Народных бойцов»: часть, в которой служит Лю, выбивает гоминьдановцев из его родной деревни и идет дальше, а командир разрешает Лю задержаться на пару дней, чтобы побыть с семьей; Лю немедленно отказывается и произносит по этому поводу горячую речь. У автора сценария, писателя Лю Байюя, есть рассказ «Возвращение домой», в котором этот же мотив отказа бойца покинуть отряд ради встречи с семьей разработан психологически тонко и убедительно. В фильме же господствует риторика, и кажется, будто самопожертвование и вообще вся героика Лю — не проявление его характера, не сознательная реакция, а всего лишь нормативы некоего «кодекса чести», которому он следует, не раздумывая над их смыслом и целью. Среди яростного боя Лю вдруг поднимается в окопе во весь рост, будто презирая врагов, а их пули свистят рядом, не задевая его. По внешнему рисунку эта сцена может напомнить знаменитый эпизод расстрела Тимоша из «Арсенала» А. Довженко. Но у советского режиссера — откровенная условность, метафора, символичность которой дополняет наше реальное впечатление, вскрывая сущность героя. В китайском же фильме была попытка овеществить тенденцию во внешне правдоподобных декорациях, и несозвучие тоналностей привело к резкой дисгармонии, упрощенный символ уничтожил реалистичность, а стремление представить всю эту сцену как реально возможную уничтожило символ. В этом ярко проявилась хаотичность эстетических представлений кинематографистов КНР на первом этапе их деятельности, когда шла борьба двух тенденций — реалистической и лакировочной.

Вот на такой фон и легла экранизация лусиневского рассказа «Моление о счастье», предпринятая в 1956 г. сценаристом Ся Янем и режиссером Сан Ху. Герои Лу Синя — простые люди со своими житейскими заботами, история которых рассказана либо в сатирическом ключе, либо с лирическими интонациями, — и стиль великого писателя не соответствовали главному течению кинематографии КНР начала 50-х годов, ориентированной на героя, поставленного на котурны. Таким образом, уже сам факт обращения к творчеству Лу Синя можно рассматривать как попытку дать реалистический противовес ведущему направлению — вульгаризованной тенденциозности и идеализации.

Попытка эта в полной мере не удалась. Раскрывая впоследствии ведущие мотивы трансформации рассказа в фильм, Ся Янь употребил слово «упрощение», объясняя, что если читателем рассказа «в основном была интеллигенция», то фильм должен был быть направлен к «широким массам трудящихся»¹⁴. Нет никакого сомнения, что над авторами довлела та самая вульгаризация, рассекающая искусство на элитарное и общедоступное. На поверхность фильма в итоге вышла неприкрытая тенденциозность — явно не лусиневского свойства. Это хорошо видно на примере такого добавления к тексту рассказа, как придуманная для фильма сцена в храме: вдова Сялиня вносит деньги в храм, дабы искупить грех второго замужества (после смерти мужа вдове положено отправиться вслед за ним к «желтым источникам»), однако на земле это ей не помогает, и в глазах фанатиков она остается «грязной», — тогда она бросается в кумирню и в испуге рубит порог ножом, мстя за обман. Идея, которую передает сцена, у Лу Синя присутствует, но она передана опосредованно, логикой человеческих отношений. Экранизаторы, видимо, посчитали, что это слишком тонко, малопонятно для «широких масс», и, сохранив нюансы оригинала, вписали лобовой эпизод. Сделанные в фильме добавления, подобные сцене в кумирне, многие зрители сочли «подрисовкой ног змее» — лишним, ненужным, разрушающим особый лусиневский лаконизм, новую для китайской литературы и художественно важную особенность произведений писателя.

Лаконизм повествования создает у Лу Синя современный темп, разрывает старую китайскую художественную традицию, еще не оторвавшуюся окончательно от устной формы и потому блуждающую в деталях и повторах, порождает дистанцию между неторопливо развивающейся действительностью и автором, рассказывающим сегодня о делах вчерашних. Кроме того, игра контрастов вносит в текст авторскую оценку, ту самую тенденциозность, но преподносимую не декларативно, а художественным языком. На экране же от лаконизма ничего не осталось, и новаторский стиль оригинала превратился в привычный, как бы нарочито замедленный рассказ о неторопливой, тягучей жизни в деревенской глуши конца династии Цин. Зрители начинают замечать консервативность старой деревни и ее боязнь новизны, неприятие всего, что выходит за рамки привычного, ее противодействие объективному общественному прогрессу. Трудно сказать, что двигало постановщиками, сменившими функцию темпа — психологическую на социальную. Если они сделали это неосознанно, то оказались рабами консервативного мышления, устойчивой традиции, возобладавшей над новаторскими приемами Лу Синя. Если же трансформацию эту они произвели обдуманно, тогда можно сделать вывод, что они не захотели оказать сопротивления вульгарному социологизаторству, требовавшему от искусства внимания не к внутреннему миру, не к личностному, а к прямолинейным проявлениям социальной роли персонажа.

Эта тенденция сказалась и на воплощении в кино КНР образа самого Лу Синя — в незавершенном фильме 1962 г. «Жизнь Лу Синя». Известный критик Цюй Байинь, чей «Монолог о новаторстве в киноискусстве» (1962) вызвал переполох в стане леваков своими резкими нападениями на «стереотипы», разрушающие искусство, заметил по поводу опубликованного сценария фильма, что Лу Синь — слишком крупная историческая фигура, достойная показа крупным планом, а в данном случае он используется как подсобный персонаж, лишь для того, чтобы «выразить эпоху»¹⁵. Такое впечатление от сценария складывается не потому, что Лу Синю в нем дано мало материала, — напротив, он

¹⁴ Ся Янь. Некоторые вопросы создания киносценария. Пекин, 1959, с. 79.

¹⁵ «Дяньин ишу», 1962, № 2, с. 3.

присутствует почти в каждой сцене. Но ведь в истории Лу Синь остался прежде всего как писатель, он реализовал свою общественную роль именно через писательскую деятельность. А писателя-то в сценарии «Лу Синь» и не оказалось. Мыслитель, философ, революционер — все, что угодно, кроме писательской деятельности, которая бегло охарактеризована в нескольких поверхностных эпизодах, где Лу Синь — лишь регистратор происходящих событий, хроникер, не дающий оценки происходящему. Лу Синь, разумеется, не был таким хроникером, и писательская деятельность была его высокой социальной миссией, его важной ролью в обществе. Презрительное же отношение леваков к интеллигенции, к творческому труду мешало увидеть в писательстве социальную роль, а вульгаризаторская эстетика требовала высвечивания именно социальной роли. Вот откуда происходит парадоксальное отсутствие в сценарии Лу Синя-писателя — он противоречил заданной концепции.

Но следует заметить, что вина за это не лежит полностью на авторах. В периодике было опубликовано несколько журнальных вариантов сценария, показывающих последовательную его трансформацию к тому тексту, который был утвержден инстанциями для экранизации. Так вот, в первоначальных вариантах этой стороне деятельности Лу Синя уделяется гораздо больше внимания, а затем эта линия была сокращена, явно не без вмешательства администраторов, осуществлявших политический надзор. В начале 1977 г. в статье, подписанной коллективом «Кабинета изучения Лу Синя», рассказывалось: «Когда в 1960 г. началась работа над кинофильмом «Жизнь Лу Синя», премьер Чжоу дал в сентябре 6 указаний создателям фильма, в первую очередь подчеркивая: необходимо руководствоваться оценкой Лу Синя, данной председателем Мао в работе «О новой демократии», вновь и вновь отстаивать высокую оценку Лу Синя, данную председателем Мао: «Не только великий писатель, но и великий мыслитель и великий революционер». Но Чжоу Ян и другие в марте следующего года заявили, будто «Лу Синь никогда не был политическим деятелем», «не надо изображать, будто Лу Синь был тесно связан с политической борьбой»... Такова была борьба двух политических линий в процессе работы над «Жизнью Лу Синя»¹⁶. В начале 1977 г. Чжоу Ян, еще по инерции предыдущего десятилетия, выступал от имени оппозиционной творческой интеллигенции (тогда как на самом деле до 1966 г. он был ревностным проводником главенствовавшей «линии»), и, следовательно, из приведенного пассажа явствует, что деятели литературы и искусства не предполагали игнорировать писательскую деятельность Лу Синя, но оказались вынужденными это сделать под давлением политических руководителей.

Фильм «Жизнь Лу Синя» не увидит экрана теперь, видимо, никогда: осенью 1980 г. умер исполнитель главной роли Чжао Дань, так что ни о каких доработках уже не может быть речи. Впрочем, в последние годы кинематографисты КНР решили заново попытаться воплотить историческую фигуру великого писателя. Фильмы пока не сняты, но опубликовано несколько сценариев. В биографическом сценарии «Сяо Хун» — о писательнице, современнице Лу Синя — он сам на втором плане, появляется лишь в трех эпизодах, скорее как элемент фона, высвечивающего фигуру главной героини. Однако тут видна интересная заявка на будущее, намек на то, что кинематографисты подходят (или, скорее, готовятся подойти — ведь еще неизвестно, осуществится ли это) к иным тональностям в изображении классика современной литературы. Во-первых, Лу Синь в сценарии — писатель и только писатель, так что даже социально-политические воззрения, высказываемые в диалогах, выдают в нем именно писательский интерес к обществу.

¹⁶ «Гуанмин жибао», 15.1.1977.

Во-вторых, это не бронзовый монумент, а человек, нарисованный теплыми, живыми мазками. Попытка многообещающая, хотя застарелая болезнь «служения политике» сказалась и тут — в сценарии не упоминается беседа о советских фильмах, приведенная в воспоминаниях Сяо Хун.

Осенью прошлого года был опубликован сценарий Люй Дана «Господин Лу Синь»¹⁷, в котором Лу Синь — уже первоплановая фигура, помещенная в историческую ситуацию 1927—1931 гг., то есть хронологически сценарий продолжает «Жизнь Лу Синя». К сожалению, новый сценарий перенял и даже усугубил социологизаторские болезни своего предшественника. Здесь опять нет Лу Синя-писателя, если не считать одного эпизода: писатель корректирует перевод стихотворения Петефи и в связи с этим комментирует общую литературную ситуацию в стране. Этого слишком мало для изображения классика современной литературы: ведь даже если автор и намеревался акцентировать иные общественные роли Лу Синя, он не мог, не уходя от объективности, представить всесторонний облик Лу Синя без тщательного изображения его литературной деятельности. А то, что сценарист вознамерился показать прежде всего мыслителя, публициста, критика, явствует уже из временных рамок: 1927—1931 гг. были периодом прежде всего публицистической активности писателя. Сценарист потерпел поражение, ибо все эти стороны деятельности Лу Синя были вторичны — после писательской, а сценарист пытался дать им самостоятельную жизнь. Ведь даже единственный литературный эпизод несет нагрузку политическую, причем с современным подтекстом: конфликт в этом эпизоде состоит в том, что леваки 30-х годов отбрасывали Петефи за «сентиментальность», противопоставляя ему «лозунговость» Маяковского. Лу Синь же ратует за более объективную оценку и того и другого, считая, что оба нужны прогрессивному искусству (это явный намек на сегодняшнюю ситуацию, при которой основная масса творческих работников тяготеет к преодолению идущих из недавнего прошлого левацких тенденций).

Если говорить только о художественной структуре образа главного героя, то он мог бы произвести приятное впечатление своими человеческими качествами, индивидуализированными чертами, из которых складывается не скелет типа, но характер, для которого общественно-политическая деятельность — свойство души. Однако забвение писательского аспекта для фигуры такого уровня, как Лу Синь, — это не просто художественный просчет, а продолжение привычного вульгаризаторства, попыток приспособить образ Лу Синя для пропаганды текущего политического курса. Во имя этого «служения политике» автор позволяет себе даже тенденциозное искажение подлинных фактов. Лу Синь в 1927 г. писал мало, поскольку, по свидетельству Сюй Гуанпин, «еще плохо разбирался в обстановке»¹⁸. В сценарии же он выступает как пророк, для которого не существует неясностей и будущее открыто. Подобные черты образа говорят нам, что на метод его создания повлияла неизжитая лакировка, которой было пронизано искусство предшествовавших трех десятилетий:

Сегодня на кинематографистов давит много более сильная антиреалистическая традиция, чем в 50-х — начале 60-х годов: ведь в арсенале этого антиреализма — десятилетие «культурной революции», когда было сначала «расстреляно» все предшествовавшее киноискусство, объявленное «реакционным», «перевоспитаны» или просто уничтожены кинематографисты, а на последнем этапе стали создаваться фильмы,

¹⁷ «Дяньин вэньсюэ», 1981, № 9, с. 14—48.

¹⁸ Цит. по: Л. Д. Позднеева. Лу Синь. Жизнь и творчество. 1881—1936. М., 1959, с. 274.

отвечающие уже тем критериям, которые на основе вульгаризаторской «эстетики» абсолютизировала «культурная революция». Среди ярлыков, которые в 1966, 1967 и в последующие годы навешивались почти на все фильмы КНР (как и на китайские, снимавшиеся до 1949 г., и зарубежные), наиболее часто повторяются такие, как «средний герой», трагизм, «искажение героического облика» и пр. То есть главное неудовольствие вызывали именно реалистические тенденции отражения действительности: ведь «средними героями» именовались «маленькие люди», вся огромная масса «не-героев», существовавшая в промежутке между героическими вершинами и отрицательным болотом, те простые люди, для изображения которых требовалась бытовая палитра, а не привычные «возвышенные» или гротеск. Соответственно «искажением героического облика» казалась манера наделять героя человеческими черточками, слабинками. Жизненная коллизия, в столкновении с которой человек оказывается не в силах победить разрушительные тенденции, не имела права на отображение в искусстве — таково было содержание уничтожающего ярлыка «трагизм».

Ни одной из таких характеристик нет в фильмах, которые снимались в период 1973—1976 гг. Отработанные в «образцовых революционных спектаклях» каноны догматически воплощались и в произведениях кинематографии. «Их персонажи номер один» — не люди, а ангелы, их отрицательные персонажи — не люди, а дьяволы, — ядовито характеризует гипертрофированную тенденциозность «образцовых революционных спектаклей», задавившую правдивость, сегодняшний критик, не приемлющий лакировки. — В этой драчке ангелов с дьяволами зрителям не нравились ни те, ни другие... Очевидно, что реализм превращает ангелов и дьяволов в людей, антиреализм превращает людей в ангелов и дьяволов... Эта тенденция — удобный способ сокрытия истины¹⁹. Нормативность эстетических требований была ужесточена до такой степени, что, скажем, за зеленым цветом была намертво закреплена ассоциация с бурно крепнущими силами революции, за солнцем — намек на «председателя Мао», за ночью как временем суток — «обязанность» символизировать террор реакции; отрицательный персонаж никогда не мог появиться в центре кадра, такой просчет мог послужить основанием для политических обвинений. В фильме 1974 г. «Пик зеленой сосны» телега, управляемая «классовым врагом», двигалась всегда на объектив — как бы натываясь на препятствие, а когда кнут был в руках «крестьянина-бедняка», олицетворяющего все политические добродетели, — телега бодро катилась в глубину кадра по «дороге, указанной председателем Мао». Доходило до трагикомических курьезов. Действие в этом фильме происходило в деревне Северо-Востока в холодное время года, когда трава и листва пожухли, опали, потеряли свой «революционный» цвет. Однако авторы — об этом писала пресса — решили обезопасить себя от возможных обвинений в «контрреволюции» и повесили в крестьянских двориках сушеной зелени, еще не обесцветившейся, а заодно и связки жгучего красного перца, столь любимого Мао Цзэдуном (который, по воспоминаниям Владимира, считал, что всякий революционер обязан любить этот овощ).

В таких фильмах не существовало человека со своими собственными, индивидуализированными чертами, помещенного в конкретную обстановку и реагирующего на нее в соответствии со своими личностными особенностями. На экране словно бы в стерильно обобщенных ситуациях лабораторного опыта действовали запрограммированные механизмы. Цель подобных структур была вульгарно поучающая: навязать населению стереотипы поведения.

¹⁹ «Дяньши вэньсюэ», 1980, № 7, с. 87.

Творчество Лу Синя с подобным «искусством» несовместимо. И не удивительно, что в десятилетие «культурной революции» не было попыток экранизации лусиневских рассказов.

После 1976 г. кинематография КНР постепенно становится более объемной. Теоретики и публицисты заговорили о необходимости пересмотреть отношение к методу «сочетания революционного реализма с революционным романтизмом» — основному препятствию к переходу китайского искусства на путь реализма. В 1979—1980 гг. прошла дискуссия о творческом методе, о реалистическом отражении, о соотношении правдивости и тенденциозности, о давнем призыве «писать правду». В рамках этих обсуждений в журнале Чанчуньской киностудии появилась статья, в которой с новыми для Китая интонациями анализировался путь развития советского искусства как первопроходца социалистического реализма²⁰. Вспоминая выдвинутые М. Горьким требования особой тенденциозности в произведениях социалистического реализма, рассматривающих действительность как бы «с высоты», китайские критики специально оговаривают, что в конкретной исторической ситуации советского искусства того периода эти требования соединялись с правдивостью изображения, а не подавляли ее. В случае абсолютизации тенденциозности, отмечается в статье, искусство уходит от реальности, изображает жизнь в «долженствующих формах». Этот тезис авторов явно направлен против лакировочных тенденций «метода сочетания» и использует опыт советского искусства как аргумент в пользу насущных перемен в киноискусстве КНР.

В отдельные фильмы стали проникать новые принципы отражения действительности, тяготеющие уже не к искусственным, надуманным, лакировочным конструкциям, а к правдивости, к признанию автономности и суверенности внутреннего мира каждого человека. Разумеется, все эти поиски далеко еще не сложились в систему современного художественного мировоззрения и существуют пока лишь как отдельные ее элементы, не всегда связанные даже внутри одного произведения. Порой, и даже слишком часто, «модернизация» отдельных элементов формы приобретает самодовлеющее значение, не помогая, а лишь затрудняя постижение содержания. Так, например, происходит в фильмах «кунфу», некритично копирующих эту печально известную гонконгскую серию: трюкачество, аттракционность не только не способствуют раскрытию духовного мира персонажей, но, наоборот, лишают их характерности.

И тем не менее, скажем, в фильме «Сяохуа» молодая актриса Чэнь Чун, манерой игры несколько напоминавшая Тянь Хуа в ее первом фильме «Седая девушка» (1950), создает образ не штампованными приемами, она «живет» в кадре. Интересно экспериментирует с цветом оператор, пытаясь сменой тональностей передать игру настроений. В фильме «Улыбка страдальца» воспоминания, галлюцинации, миражи, введенные без прокладок в текущую реальную действительность, образным способом формируют политический контраст 50-х годов и «культурной революции». Главный герой этой картины журналист Фу Бинь не принимает левачества, господствующего в стране, однако его образ решен в таком ключе, что в предыдущие десятилетия он немедленно «заслужил» бы осуждающий ярлык «среднего персонажа». Это человек, для которого нет априорных моделей, заранее заготовленных штампов поведения, в конкретных ситуациях он принимает нестандартные решения. Борец против зла, он не сразу осознает, в каких формах необходимо вести эту борьбу, он ищет эти формы на глазах у зрителя, постепенно расставаясь с политическими иллюзиями. Такая структура образа, созданная в соответствии с реалистическими принципами, указывает на возникновение в

²⁰ См.: «Дяньин вэньсюэ», 1980, № 9, с. 2—8.

киноискусстве КНР новых тенденций, отличных от «идеализации» прошлых лет.

Таким образом, сегодняшнее обращение кинематографистов к творчеству Лу Синя, с одной стороны, затруднено из-за усилившегося в период «культурной революции» антиреалистического направления, но, с другой стороны, вливается в общий поток реалистических поисков, ведущихся в литературе и искусстве КНР последних лет. Вышедшие осенью 1981 г. «Лекарство» и «Скорбь по ушедшей» — принципиально новый этап освоения произведений основоположника современной реалистической китайской литературы. Если в «Молении о счастье» 1956 г. на первый план вышла несвойственная Лу Синю вульгарная тенденциозность, чрезмерно резкие, слишком явственные политические акценты, нанесшие ущерб образному слою, то сегодняшние экранизации постарались подвести зрителя к тенденции через образную структуру. В «Лекарстве», например, небольшие размеры которого потребовали расширить текст, добавления в первую очередь усиливают линию казненного революционера Ся, чтобы оттенить контрастный ее параллелизм с линией умирающего от чахотки Сяошуаня, которого не смогла исцелить даже такая «панацея», как кровь казненного. Фигура революционера — повод для социологизаторских переживов, привычной для кино КНР политической актуализации. Однако авторы «Лекарства» не пошли по этому пути, нарушающему художественную цельность рассказа (как это произошло с «Молением о счастье»), и мотивы добавлений искали в самой ткани первоисточника.

С таким же уважением к лусиневскому тексту отнеслись экранизаторы «Скорби по ушедшей» — молодые сценаристы и один из лидеров сегодняшнего киноискусства КНР режиссер Шуй Хуа (в советском прокате были его картины «Седая девушка», «Лавка Линя», «Семья революционеров»). Верность стилю писателя режиссер, как отмечал он сам, видел в поиске «визуальных эквивалентов слову», «визуальных метафор», он экспериментировал с темпом, то ускоряя, то задерживая действие, и в традициях национальной живописи экономил средства при передаче внутреннего мира героев²¹. Он не отказался от формы монолога, в какой был построен рассказ, и это стало новаторским приемом для кино КНР. Выразительно наполняет образы эпизод в театре на спектакле по пьесе Ибсена «Кукольный дом» и последующее жаркое обсуждение — эта сцена ненавязчиво, но четко раскрывает идею эмансипации женщины и намекает на причины фатального краха судьбы Цзюаньшэна и Цзыцзюнь, хотя кинематографистам, вооруженным сегодняшним пониманием историзма, следовало бы сильнее подчеркнуть неодинаковость мировосприятия мужчины и женщины в Китае: вина Цзюаньшэна в том, что он ждал от жены равного понимания и поведения, но исторический опыт у них был различен. Политически резок, оставаясь при этом в художественных рамках (что так свойственно публицистике Лу Синя), эпизод с машиной милитариста, проезжающей по улице: суетится полиция, разгоняя народ, но вдруг на улице появляется пара иностранцев с собачкой, перегораживая улицу и останавливая машину важного генерала. Через весь фильм проходит линия собачки Асуй, в первых и последних кадрах скупающей под дождем, бездомной, выброшенной, — этот образ подчеркивает идею трудностей поиска новых путей после разрыва с семьей. К сожалению, исполнитель главной мужской роли Ван Синьган, еще в 60-е годы игравший преимущественно бравых молодых солдат, не сумел полностью отойти от шаблонов тех лет, передавая лишь наружное действие, но не раскрывая в полной мере внутренний мир своего героя Цзюаньшэна.

²¹ In: «China Reconstructs», 1981, № 9, p. 51.

В целом, однако, по степени адекватности реалистической глубине оригинала «Скорбь по ушедшей» — значительная веха и на пути освоения творчества Лу Синя, и на пути перехода китайского кино к реализму. «По своей конструкции и художественным приемам, — справедливо отметил критик И Цзюнь, — фильм во многом вырвался за пределы традиций китайского кино... Эстетический поиск и художественный стиль Шуй Хуа по тонкости, серьезности, чистоте, глубине в основе своей близки Лу Синю»²². Этот стиль предполагает реалистическое отражение действительности, образный художественный язык, делающий неназойливой тенденциозность, отказ от проповеднической назидательности, углубление в психологические мотивы поведения персонажей, их личностную структуру, демонстрацию индивидуальных реакций в конкретно обусловленных общественных ситуациях.

Развитие киноискусства в этом направлении, однако, не находит должной поддержки. Дело в том, что реалистическое изображение действительности, приложенное к актуальным проблемам сегодняшнего Китая, встречает противодействие. Трагедию «культурной революции» кое-кто предпочитает считать «перевернутой страницей», тогда как кинематографисты тяготеют к анализу этого тяжелого урока истории в надежде не допустить его повторения. Такая позиция возводит труднопреодолимую преграду на пути китайского киноискусства к реализму, без которого оно не может иметь достойного будущего. И обращение к творчеству Лу Синя представляется важнейшим шагом в овладении приемами реалистического отражения действительности.

²² «Вэньхуэй юэкань», 1981, № 9, с. 87.

На выставке китайской керамики и фарфора

Л. И. Кузьменко

Государственный музей искусства народов Востока, основанный в 1918 г., является научным центром по изучению культуры, искусства, археологии стран Азии и Африки. Его коллекции, которые ежегодно пополняются, насчитывают более 40 тыс. произведений. Значительное место среди них занимает собрание произведений китайского искусства (около 20 тыс. экспонатов). В этой коллекции особо можно выделить раздел живописи и каллиграфии с периода Сун (960—1279) до XX века. Большой интерес также представляют древние ритуальные изделия V—III вв. до н. э. из нефрита, бронзы, коллекция костюмов и тканей периода Цинь (1644—1911), изделия из слоновой кости, ценных пород дерева, полудрагоценных камней, резного и расписного лаков. Одной из лучших в музее является коллекция керамики и фарфора.

Сотрудники отдела Дальнего Востока, где изучается проблематика китайского искусства, ведут большую научную работу, прежде всего связанную с обработкой музейных фондов, широко пропагандируют искусство стран Востока — читают лекции, публикуют статьи.

За последние годы отделом были проведены следующие научные конференции: «Символика и изобразительные мотивы в искусстве стран Дальнего Востока», «Природа и человек в дальневосточном искусстве», «Жанр «цветы и птицы» в изобразительном искусстве и литературе стран Дальнего Востока».

Музей проводит большую экспозиционную работу на основе главным образом произведений китайского искусства. Популярностью пользовались такие выставки, как «Классическая живопись стран Дальнего Востока», «Декоративное искусство Китая», «Ювелирное искусство Востока», «Цветы и птицы в дальневосточном искусстве», «Классическое искусство Китая XIV — середины XVII вв.».

Среди недавних выставок музея — «Керамика и фарфор Китая», которая представляет около 400 экспонатов и построена по хронологическому принципу, с древнейшего периода (III тысячелетие до н. э.) по 50-е годы XX столетия.

Авторы выставки стремились показать не только развитие стилистики данного вида искусства, но и ту художественную среду, в которой существовал китайский фарфор, его органическую связь с другими видами искусства. Поэтому экспозиционными средствами воспроизведены уголки традиционного интерьера, где фарфор гармонировал с резным деревом, лаками, живописными произведениями, а также уголки «антикварной» лавки и искусственный декоративный садик. Своеобразно художественное решение экспозиции — деревянные причудливые конструкции создают условный образ традиционной китайской архитектуры, яркий колорит оформления еще больше усиливает это впечатление.

Керамика является древнейшим видом искусства, существовавшим с эпохи неолита, когда сосуды лепились от руки, расписывались минеральными красками, а затем обжигались. В III тысячелетии до н. э. стали применять гончарный круг, что привело к появлению более совер-

шенных форм тонкостенных сосудов. Как правило, роспись создавалась в виде геометрических орнаментов, имевших магическое значение: сложные вихреобразные спирали, волны, ромбовидные узоры, стилизованные цветы. В экспозиции представлено несколько коний сосудов так называемого периода Яншао (IV—III тысячелетия до н. э.). Естественно, в любой коллекции древностей могут быть пробелы, так и в ГМИИВ отсутствует керамика периодов Шан и Чжоу (II—I тыс. до н. э.), интересных тем, что именно в то время появляются тонкостенные сосуды выполненные с применением каолина — белой глины, основного компонента фарфоровой массы.

В конце периода Чжаньго (примерно в III в. до н. э.) появляется зеленоватая глазурь. Химический анализ показал, что по содержанию минеральных веществ произведения этого времени близки к фарфору. Дальнейшее совершенствование теста и глазури произошло в периоды Хань (III в. до н. э. — III в. н. э.) и Вэй (IV—VI вв.). В это время изделия с зеленоватой поливой были уже широко распространены. Характерными образцами являются небольшие сосуды изящной формы с рельефными поясками вокруг тулова и модели колодцев, найденные в погребениях Ханьского периода. Представлены в экспозиции и образцы ханьской неглазурованной пластики. Это маленькие, схематично выполненные фигурки рабов, слуг, танцовщиц, фантастических животных, которые играли в погребениях роль своеобразных оберегов. Нерасчлененные фигурки кабанов служили вкладышами в руках умершего.

Подлинной загадкой является один из интереснейших экспонатов — голова мужчины из обожженной глины с сидящей на ней трехлапой жабой. Произведение, выполненное с высокой степенью реализма, было найдено в погребении обезглавленного полководца и приставлено к его телу. Символика образа не выяснена, хотя этот экспонат изучали как советские, так и зарубежные исследователи. Трехлапая жаба на голове может быть связана с даосскими представлениями, тогда как следы синей краски на скульптурном изображении указывают на буддийскую иконографию (в это время буддизм проникает на территорию Китая).

Несколько образцов пластики относятся к IV—VI вв. Это погребальные фигуры чиновников в позах, выражающих скорбь. Вероятно, к вэйскому периоду относится и весьма своеобразная ваза, выполненная из каолина и покрытая глазурью нежно-голубого цвета (музейными сотрудниками еще ведется работа по уточнению времени ее создания). Изящную форму вазы с вытянутым яйцевидным туловом дополняют ручки в виде фигурок химероподобных существ, заглядывающих внутрь сосуда. Их хвосты раздваиваются и превращаются в декоративные волюты, симметрично ложась в виде рельефов на тулово сосуда.

В вэйский период эксперименты в керамическом производстве с белой глиной приводят к созданию прекрасных образцов тонкостенного фарфора, являющегося одним из видов усовершенствованной керамики.

В эпоху Тан (VII—X вв.) первые образцы фарфора поставлялись в основном императорскому двору и вывозились на экспорт, что подтверждают раскопки в Самарре близ Багдада, где нашли образцы китайского фарфора, датируемые VII—VIII вв.

Если первоначально изделия с зеленоватой глазурью должны были подражать драгоценному нефриту, то в процессе усовершенствования черепка и глазури фарфор уже выделяется как самостоятельный вид искусства. Появились изделия, обладающие белизной, особой пластичностью, спекаемостью массы. Чтобы выявить эти новые качества, изобретается белая стекловидная глазурь, которая стала цениться выше селадоновой (зеленовато-серой). Центром производства таких изделий стал город Синчжоу (провинция Хэбэй). Как свидетельствует эстетический трактат «Книга о чае» (VIII в.), «синчжоуский фарфор ценят выше сосудов Юэ, и верно, фарфор из Синчжоу как снег, как серебро».

Но более широко распространенными все еще остаются изделия из темной глины, покрытые так называемыми «пятнистыми» глазурями — желтой, зеленой и коричневой. Изделия, декорированные подобным образом, также представлены в экспозиции. В музейной коллекции имеются и образцы мелкой погребальной скульптуры, раскрашенной или покрытой глазурями.

Вследствие обширных связей Танской империи со странами Ближнего Востока появляются иноземные мотивы в декорировке и формах изделий, что также нашло отражение в экспонатах выставки.

Изменение стиля живописи и архитектуры следующего периода, периода Сун (X—XIII вв.), новые эстетические веяния не могли не сказаться и на художественных поисках в области керамики и фарфора.

Керамика X—XIII вв. — это подлинная вершина искусства, связанная с новыми философскими идеями, широкой космогонической символикой, литературой. Появление фарфора не ослабило интереса к простой глине, в которой мастера стремились выявить красоту материала, его богатые пластические возможности. В период Сун существовало множество керамических центров, каждый из которых специализировался на создании определенного типа керамики. Но для изделий всех печей характерно было общее — удивительная гармония и благородство форм, певучесть абриса, изысканно сдержанные оттенки глазури и изящество строгой росписи.

Это время расцвета селадоновых изделий, производимых в печах Лунцюань (провинция Чжэцзян), их глазури имеют различные оттенки — от бледно-зеленого до темно-серого. Изысканная цветовая гамма образуется в результате взаимодействия закиси железа, содержащейся в глазури, и кислорода воздуха в печи. Изделия «лунцюань» делались или с гладкой глазурованной поверхностью, или с рельефным узором, усиливающим игру светотени на поверхности. Одно из лучших произведений этого типа в экспозиции — ваза с скульптурным изображением дракона, помещенным вокруг оплечья. Изделие очень пластично, так как несколько тяжеловесные формы скрадываются стекловидной глазурью с обильными натеками. Глазурь дополнена сеткой кракелюр¹, которые высоко ценятся в тот период.

В период Сун главным образом шло технологическое освоение глазури, что связано с художественными запросами эпохи. Черепок оставался еще тяжеловатым и плотным, все внимание уделялось совершенствованию стекловидной поверхности. Чашки «цзяньяо» предназначались для чайной церемонии, которая, зародившись в VIII в., получает большое распространение в период Южной Сун (XII—XIII вв.). Теоретики чайной церемонии считали, что лучшим «обрамлением» для зеленоватой пены взбитого чая является черная или голубая глазурь.

Чашки, представленные в экспозиции и являющиеся классическими образцами, предназначенными для чайной церемонии, имеют сложный оттенок, скорее коричневый, чем черный, с различными вкраплениями в глазури. Эта глубокая, дающая неожиданные иллюзорные эффекты глазурь являлась адекватным выражением иллюзорности мира в воззрениях чань-буддийских философов, развивших этику и эстетику чайной церемонии. Характер глазурованной керамики, предназначавшейся для чая, соответствовал духу самой этой церемонии — внимание концентрировалось на поверхности изделия, где в глубинах мерцающей глазури, в абстрактных пятнах, растворяющихся в ней, в скорописном изображении открывался простор для ассоциативной фантазии человека, созерцающего данное произведение. В изделиях «цзюньяо» с не-

¹ Кракелюр — мелкая сетка трещинок на стекловидной глазури, возникающая вследствие особой термической обработки изделия.

бесно-голубой глазурью, среди которой неожиданно выделяются малиновые пятнышки с фиолетовым ореолом, элемент случайности, намек проявляется с особой силой — пятна неправильной формы с зыбкими очертаниями могут рождать самые причудливые образы. Процесс незавершенности (а эта эстетическая категория в сунский период была очень важной), который проявился прежде в монохромных пейзажных свитках с асимметричной композицией или в скорописной каллиграфии, отразился и в приемах декорировки керамических изделий. Это скорописный, нарочито небрежный рисунок черной или коричневой краской по кремоватому ангобу сосудов мастерских Цычжоу (провинция Хэбэй), а в глазурованных изделиях — небрежное покрытие изделий глазурью, образующее резкий контраст стекловидной изысканной поливы и шероховатого грубого черепка. Этот прием отражает бытовавшие в те годы воззрения о том, что важен прежде всего сам процесс, путь достижения совершенства.

В период Сун продолжает совершенствоваться не только грубоватая керамика, но и тонкостенный фарфор с белой глазурью, поставляемый императорскому двору. Такие изделия назывались «динъяо». Они украшались изящной подглазурной гравировкой или невысоким рельефным декором. Такова экспонируемая чаша на узкой кольцевой ножке со стенками в виде лепестков мальвы. В отличие от белой керамики фарфор имеет более тонкий и звонкий черепок, что достигается введением в керамическую массу минерала циши, представляющего естественный конгломерат полевого шпата и кварца.

В период Юань (XIII—XIV вв.) тонкий черепок с белой глазурью начинают дополнять контрастной росписью подглазурным кобальтом или медной краской. В это время в керамическое производство усиленно проникают иноземные влияния, прежде всего ближневосточные и среднеазиатские. Это сказалось в выборе самых неожиданных композиций, усложненности форм сосудов, яркой полихромии декора. Появляется роспись, подчеркивающая членение изделия, орнаментальные мотивы, заимствованные из перегородчатых эмалей и рисунков иранских тканей. Ярко-бирюзовые глазури в сочетании с черной подглазурной росписью указывали на прямые связи с иранскими декоративными изразцами.

В музейном собрании юаньский период представлен лишь несколькими образцами керамики, самые интересные из которых принадлежат к типу «цычжоу». Сохраняя лучшие традиции предыдущего периода Сун, изделия XIII—XIV вв. приобретают новую стилистику — линия рисунка становится более тонкой, каллиграфической, появляется сюжетная роспись в клеймах с прихотливым абрисом, в композицию вводится скорописная каллиграфия, обрамленная растительным орнаментом.

С воцарением династии Мин в 1368 г. происходит дальнейшее развитие искусства и различных ремесел, среди которых фарфор занимает ведущее место. Уже первые императоры новой династии обратили внимание на производство фарфора, которое почти целиком концентрируется в городе Цзиндэжэне (провинция Цзянси). Именно в его окрестностях находились богатые запасы каолина, циши и кобальтовой руды. О распространении фарфора в этот период говорят не только литературные источники, но и само разнообразие предметов, которые время сохранило для нас. Из фарфора делали блюда, чаши, вазы, ложки и даже полголовники, садовые табуреты, большие, «драконовые» аквариумы. Известно, что керамические и фарфоровые изразцы применялись для облицовки архитектурных сооружений, а декоративная скульптура с яркими глазурями украшала крыши зданий. Такие элементы архитектурных украшений в виде фантастических львов «шицзы» можно видеть на выставке. Раздел минского фарфора в экспозиции

небольшой, но вполне дает возможность представить различные приемы декорировки того периода.

В начале правления династии Мин преобладающую роль в декоре играл растительный орнамент, чаще всего сделанный в подглазурной технике кобальтовой краской. Этот вид росписи очень сложен и требовал большого профессионального мастерства, температура обжига в печи должна быть не ниже 1400 °С. Среди подобных изделий следует отметить чашу с фестончатыми краями, слегка граненую, на каждой грани которой изображен пятнистый олень. Кобальтовая краска здесь спокойного синего тона, рисунок мягкий, непринужденный. Стилистика и сюжет росписи позволяют датировать это изделие серединой XVI в. Композиция росписи на тарелках, также экспонированных на выставке, соответствует определенной логике и выделяет членение изделия. В росписи преобладают следующие мотивы: пионы, «даосские драгоценности», «играющие мальчики».

В XVI в. появляются цветные легкоплавкие эмали: зеленая, желтая, бледно-фиолетовая. К правлению Чжэнцэ (1506—1521) относится «императорская» чаша, декорированная яркими эмалями — по ярко-желтому фону отчетливо выделяются распластанные по тулову изображения драконов. Рисунок чаши выполнен в своеобразной аппликативной манере. Образ дракона становится особенно популярным в период Мин, он был связан с древней космогонической символикой, в которой нашли отражение тогдашние представления об устройстве вселенной: дракон олицетворял водную стихию, порожденную гармоническим взаимодействием сил неба и земли.

Широкие возможности декорировки фарфора появились с усовершенствованием цвета черепка до ослепительно белого и в результате постепенного обогащения красочной палитры.

В конце XV в. развивается новый способ декорировки — «уцай» («пятицветная»), сочетающий зеленую, желтую, фиолетовую эмали, надглазурную кораллово-красную и подглазурный кобальт. Популярными композициями, выполненными в этой технике, сочетающей надглазурную и подглазурную роспись, становятся изображения золотых рыбок, женщины с детьми в саду, цветов и птиц. К концу периода композиции расписных изделий усложняются, появляются новые сюжеты: исторические сцены, изображения буддийских и даосских божеств. На первый план часто выдвигается символическая нагрузка, подчиняющая себе и художественную форму.

На рубеже XVI—XVII вв. вновь намечается усложнение форм, сочетающих нагромождение шаровидных и конусовидных элементов, появляются большие раструбы, динамичное расширение ножек книзу. В декоре этих изделий преобладает полихромная роспись. Многие исследователи выделяют изделия двух последних периодов династии и начало следующего периода Цин в группу так называемого переходного фарфора (20—80-е годы XVII в.). Это, как правило, крупные вазы с крышками или неестественно вытянутые цилиндрические сосуды с очень коротким горлышком. Кобальтовая роспись обычно имеет сероватый искусственно создаваемый оттенок или же, наоборот, интенсивно фиолетовый на фоне молочно-белой, слегка пузырчатой глазури. К этой группе можно отнести экспонируемую вазу с церемониальной сценой. Включение в композицию изображения мальчика с лotosовым листом, сидящего на цилине (фантастическом животном), носит символический смысл пожелания «благородных сыновей».

Реже встречается в этот период полихромная роспись. Такова ваза в виде кубка, имеющая большое горло с широким раструбом и со средней шаровидной частью, расписанная в технике «уцай» — каждая часть вазы подчеркнута определенным сюжетом: здесь можно видеть и пейзаж, и жанровые сцены, и изображения плодов и птиц. По стилю

росписи она является переходной от эпохи Минь к периоду Канси (1662—1722) — кобальт очень темный, железная красная сгущена до винного оттенка, зеленая эмаль является к ней контрастным дополнением.

Своеобразная «карандашная» манера росписи «переходных» изделий напоминает стилистику гравюры на дереве, с которой Китай знакомится в начале XVII в. Контур подобного рисунка состоит из своеобразных точек или мелких штришков, художественный эффект достигается так называемым визуальным сфокусированием мелких деталей. В этой манере чувствуется стремление передать манеру и настроение живописных монохромных свитков, чему помогает явно выраженное вертикальное построение пейзажей на поверхности вытянутого тулова изделия. Примером может служить ваза, роспись которой изображает горный пейзаж.

В период Канси продолжается дальнейшее совершенствование фарфоровых изделий и качества их росписи. В начале династии Цинь еще продолжается некоторый подъем в области культуры, но с конца XVIII в. поступательное движение в керамическом производстве постепенно затухает. К 1680 г. в Цзиндэчжэнь были восстановлены печи, а затем их количество увеличивается в пять раз. Именно в этот период создаются оригинальные трактаты о фарфоровом производстве, и среди них — «Цзиндэчжэнь таолу». Он состоит из десяти глав, снабжен планами этого города и иллюстрациями. В трактат вошли многие сочинения, написанные о фарфоре более ранними историками, писателями и поэтами.

Стилистика произведений периода Канси построена на ярких контрастах. Форма изделий, обычно четкая, геометрическая, сочетается иногда с легким каллиграфическим рисунком. Нередко в самом рисунке присутствует контраст фона, заполненного мелко разработанным орнаментом и неожиданными «прорывами» в нем в виде клейма различных причудливых форм с заполнением их фона тонким свободным рисунком. Типичными для этого периода являются четкие четырехгранные вазы, а также большие тарелки с отлогим бортом, покрытые геометрическим орнаментом и имеющие клейма с росписью, изображающей бабочек, рыбок или цветы. Можно встретить еще один характерный прием — сочетание белоснежного фона с яркой росписью, решенной в аппликативной манере. Эти неожиданные приемы соответствуют эстетическому принципу, распространенному в цинский период, — красота заключена не в самих элементах, а в их комбинации.

Количество и разнообразие произведений этого периода позволяет выделить их в группы — по принципам декорировки и технологическим особенностям.

В экспозиции выставки представлена интересными произведениями свободная роспись кобальтом, использующая чисто живописные приемы с тоновыми переходами. Такова, например, ваза с шарообразным туловом и высоким широким горлом, переходящим в раструб, по белому черепку наложена роспись с сюжетом «цветущая мэйхуа». Классической является большая цилиндрическая стопка для кистей, сюжет росписи которой несет глубокий символический подтекст: сосна, бамбук и слива трактуются как «три друга холодной зимы» — символ негибаемой воли.

Сложная технология отличает изделия типа «фэньцин» («брызганный кобальт»). Художественный эффект здесь достигается выдуванием кобальтового порошка через бамбуковую трубочку на еще влажный фарфоровый черепок с резервированными участками. Кобальтовая краска слегка припудривает поверхность, создавая особую бархатистую вибрирующую фактуру. Темный, звучный «брызганный кобальт» обычно применяли в комбинации с росписью в клеймах железной красной или

в стиле «зеленое семейство». На одной из ваз с изящным цилиндрическим туловом в клеймах выполнены пейзажи. В кобальтовой росписи, достигшей к тому времени особой чистоты и звучности, богатство оттенков удачно сочетается с белоснежной блестящей глазурью. Своеобразен прием сплошного заполнения фона кобальтом с тоновыми переходами, изображающими трещинки льда, и применением резерва, предназначенного для изображения белых цветов мэйхуа. Такова ваза с крышкой типа «гуань» для новогодних подношений. Цветы мэйхуа, расцветающие в начале февраля, олицетворяют идею слияния начал «инь» и «ян» (букв. «небо» и «земля»). Само декоративное решение сосуда также подчеркивает идею взаимодействия контрастов, образующих гармоническое единство. Колорит построен на активном взаимодействии ослепительно белой глазури и яркого фиолетового кобальта. Рисунки точно следуют округлости вазы, вторя изысканности формы.

Подчас на поверхность сосуда переносятся целые композиции, заимствованные из живописных произведений или вышивок. Связан этот процесс с усовершенствованием технологии обжига, получением тонкого черепка, белой глазури и большого числа новых глазурей и эмалей и, конечно же, со сменой эстетических взглядов. В начале XVIII в. особенно чувствуется стремление к изощренному декоративизму, измельченности элементов композиции, но с сохранением чувства материала, подчинения декора форме.

Большая группа изделий в собрании музея принадлежит к наиболее распространенному типу «зеленое семейство» — по стилистике росписи, где господствует максимальное заполнение поверхности путем применения клейм с разнообразными сюжетами. Сам термин «зеленое семейство» достаточно условен, он появился в трудах западных авторов и дан по признаку преобладания в колорите зеленой эмали нескольких оттенков, причем дополнительными цветами к нему являются бледно-желтая, бледно-фиолетовая («цвет баклажан») эмали, контур намечается коричневой или черной краской, иногда вводится железная красная кораллового оттенка. Плотные блестящие эмали позволяют создавать росписи как в свободной живописной манере, так и в чисто аппликативной. Узор одной из ваз подобного типа носит название «парчовый», он служит декоративным дополнением, обрамляя клейма, и образован применением бледно-зеленой эмали с наложением на нее черных стилизованных хризантем в виде звездочек и частым нанесением черных точек. С двух сторон тулова вазы в больших вертикальных прямоугольниках со своеобразными фигурными скосами углов помещены сюжеты в жанре «цветы — птицы». Композиция клейм, хотя и отдаленно, напоминает вертикальные свитки. Несмотря на разнообразие клейм в композиции — это и прямоугольники, и листья, и лепестки лотоса, — форма сосуда воспринимается довольно органично благодаря симметричному расположению филенок и общему зеленоватому колориту.

Мастера стремились нарушить однообразие орнамента, максимально насытить декор информацией в виде намеков поэтического и литературного характера, различными пожеланиями и сентенциями. Иногда не только зашифрованный в причудливый ребус декор, но и сама форма сосуда вплетается в сложную систему символики, что отражало своеобразное мировосприятие китайцев той эпохи, связанное с постоянным общением с природой.

Интересным примером является сосуд для вина уплощенной формы в виде стилизованного иероглифа «счастье», своеобразный курьез; своей формой сосуд скорее напоминает графическое произведение мастера-виртуоза. Роспись сплошь заполняет черепок, лишь в центральном прямоугольном клейме на светлом фоне помещено изображение Шюэ-синя (божества долголетия) с журавлем.

Очень часто благопожелательный текст зашифровывался в причудливые ребусы, составленные по омонимическому принципу. Так, сюжет росписи блюда с изображением «близнецов Хэхэ» (относящиеся к концу правления Канси, на что указывает обилие коралловой краски и золота), непосредственно заимствован из народной гравюры-лубка, но с учетом повышенной декоративности изделия и особенностей его композиции. Борта блюда выделены мелко разработанным растительным орнаментом, который прерывается клеймами в виде срезанных листьев, в клеймах изображены цветы и бабочки. Центр внутренней части блюда изображает стилизованные заросли лотоса, вписанные в круг с крупными цветами, решенными при помощи тоновых переходов, на фоне которых в технике резерва изображены играющие дети-близнецы. Данное изображение можно трактовать следующим образом: изображенный в руках одного из мальчиков музыкальный инструмент «шэн» созвучен слову «шэн» — рождаться, лотос («лянь») созвучен слову «непрерывно», а все изображение является пожеланием «непрерывного рождения сыновей».

В собрании есть несколько скульптур начала XVIII в. Фигуры божеств, святых, знатных дам изображены стоящими на постаментах или сидящими, их пропорции обычно сокращены, фигуры кажутся приземистыми. Мастер декоративно насыщает элементы костюма (обычно расписанного в стиле «зеленое» или «черное семейство»).

Тип «черное семейство» представляют несколько экспонируемых произведений. Распространение подобного принципа декорировки связано с появлением легкоплавких эмалей, которые, как правило, наносятся на бисквит (неглазурованный черепок). Эмаль одновременно выполняет роль и росписи, и глазури, придавая поверхности гладкость и блеск. Черная эмаль наносится с применением техники резервирования и последующим заполнением резервированных участков светло-желтой, фиолетовой и зеленой эмалями. Для усиления звучания черной поверхности ее покрывают тонким слоем прозрачной зеленой глазури. Сюжет росписи большой четырехгранной вазы этого типа отражает древние космогонические воззрения и носит название «времена года». Каждая грань сосуда посвящена определенному сезону с изображением цветка-символа: сливы мэйхуа, пиона, лотоса и хризантемы. Прекрасная роспись с введением кораллово-красной краски выполнена изящной кистью с тоновыми переходами. Вариации сюжета «времена года» отражены в другой аналогичной вазе, где изображены ветви хризантемы и мэйхуа, плавно перетекающие с одной грани на другую, что зрительно округляет сосуд.

Период Канси и следующий за ним Юнчжэн (1723—1736) — время расцвета изделий с монохромными глазурями. Причем их многообразие настолько велико, что для передачи тончайших оттенков им давались самые причудливые названия. Это и «жертвенно-красная», и «цвет оленьей печени», и «яблочко-зеленая», и «желтая, как угорь», «куриный жир» и др. Даже оттенков белой глазури было несколько, например «белая, как зубы» или «белая, как рыбий пузырь». Формы изделий предельно просты, изысканны, это бутылеобразные сосуды с плавными переходами от одного элемента изделия к другому. Очень популярны были формы «мэйпин» с грушевидным туловом и очень коротким и узким горлышком. Они предназначались для изображения только одной ветви цветущей мэйхуа, символа Нового года, олицетворения гармонии в мире и женской красоты. Декорировали глазурями и небольшие изделия: скульптурные изображения животных, сосуды для воды на «столе ученого»², небольшие туалетные флаконы и табакерки.

² «Стол ученого» — эстетический набор «образованного человека», включающий сосуды и подставки для кистей, тушечниц, печати, наборы плиток художественной туши и т. п.

Кроме «жертвенно-красной» глазури изумительно глубокого малиново-красного оттенка, на выставке можно видеть и глазури «яобянь-хуа» («пламенеющие»), для которых характерны неуловимые тональные переходы от малинового к фиолетовому, достигавшиеся путем особого процесса обжига. В период Юнчжэн намечается тенденция к повышенной изощренности форм, но не к перегруженности декором, а, скорее, к чуть заметным пропорциональным смещениям. Входят в моду вазы с очень высоким горлом, вытянутым цилиндрическим туловом. Чувствуется особое стремление к блекловатому колориту, кобальт становится приглушенным, сероватым. Лучшие изделия этого периода отличаются изяществом формы и колористической сдержанностью. Усиливается также мода на реминисценции Сунской эпохи, особенно в принципах декорирования. Завоевывают популярность монохромные изделия типа «селадон» или «свет луны» (нежно-голубая глазурь). Возобновляется тончайшая гравировка под глазурью или слегка заметная рельефная лепка. Интересным приемом стало дополнение блеклых глазурей подглазурной росписью медной краской с изображением летучих мышей, рыбок или драконов в медальонах.

В 10—20-е годы XVIII в. появляется новый тип полихромной росписи с введением нежно-розовой эмали. Подобная декорировка называется «розовое семейство». В росписи использованы живописные приемы с преобладанием асимметрии. Кисть тонкая, изящная. Одно из лучших экспонируемых изделий подобного типа — блюдо с сюжетом «восемь коней под ивой», где блестяще продуманная композиция гармонирует с формой круга. Эмали разнообразны и в то же время слегка приглушенного звучания.

Ко второй половине XVIII в. для изделий становится характерной повышенная рафинированность, асимметрия, применение блекловатых тонов, подчас несколько суховатая четкая роспись. Все более распространенными типами декорирования становятся «розовое семейство» покрытие больших ваз кобальтом, роспись золотом. Появляется декор с обильным заполнением поверхности сюжетами «тысяча цветов» или «сто птиц», золотом покрываются и рельефные изображения. При создании небольших изделий применяют черепок «чженьготай» («яичная скорлупа») с яркой росписью эмалевыми красками и преобладанием розовой, фиолетовой, зеленой и черной.

Художественные достижения в фарфоровом производстве на протяжении последнего столетия Цинской династии были неравнозначными. В 10-е годы XIX столетия происходит развитие стилистической линии конца XVIII в., но с еще большей перегруженностью орнаментальными мотивами, с излишней сухостью в их разработке. Характерно заполнение поверхности сосудов темно-малиновой эмалью или кораллово-красной железной краской с применением клейм и покрытием доньшка и внутренней стороны сосуда ярко-фисташковой эмалевой краской. Таковы парные вазы с шаровидным туловом и очень большим раструбом, расписанные яркими эмалями, на желтом фоне которых выделяются стилизованные цветы пионов. По стилю они могли бы быть отнесены и к концу правления Цяньлун (1736—1796), но наличие фисташковой эмали требует более поздней датировки — периодом Цзяцин (1796—1821).

Часто применяются тонкая гравировка по эмали («сграфитто»), медальоны, обрамленные причудливыми виньетками.

Для следующего периода, Даогуан (1821—1851), характерно преобладание росписи эмалевыми красками или кобальтом по чистому белому черепку. Следует отметить особое качество прозрачной глазури — белой, чистой, без инородных темных вкраплений. Для стилистики росписи характерны четкость формы и рисунка, целиком лежащего в пределах заданного контура, обычно намеченного бледно-голубой

подглазурной кобальтовой краской. Формы изделий обычно просты, преобладают вазы с яйцевидным туловом, многогранные кашпо, разнообразные чаши. В изделиях этих лет чувствуется выверенность всех элементов композиции, соотношения формы и декора, хотя нередко подобный рационалистический подход утрируется, подавляя непосредственность, присущую изделиям XVIII в. Наряду с имитацией различных стилей можно выявить и новые, ранее не встречавшиеся черты. Это некоторая бледноватость высветленных эмалей. В изделиях, подражающих стилю периода Юнчжэн, наглядно проявляется стремление к рафинированности, некоторому аскетизму декорировки. Излюбленным приемом является роспись «доушай», сочетающая надглазурную и подглазурную роспись, а также роспись кораллово-красной краской с золотом по белому черепку.

На выставке ряд изделий XVIII — начала XIX в. относится к группе «экспортных» изделий. При декорировке фарфора использовались сюжеты европейских картин, гравюр (библейские или мифологические), популярны были пасторальные и «галантные» сцены. В данном разделе большой интерес представляет аптекарская банка, сделанная по заказу Петра I, с изображением герба Российской империи.

Вторая половина XIX в. — время господства эклектики, соединения черт различных стилей в композиции одного изделия. Развитие экспорта и большой спрос со стороны иностранцев приводили к некоторой небрежности в росписи, экономии времени на технологических операциях, введению излишней пестроты, активному использованию золота, грандиозных «исторических» сцен. Заметно подражание в керамике другим материалам, распространяются изделия под бронзу, стекло, камень, перегородчатую эмаль. Появляется соединение селадоновой глазури с рельефными изображениями, расписанными кобальтом или белой глазурью. Кракелированная светлая глазурь соединяется с росписью в стиле «розовое семейство», изображавшей исторические или литературные сцены. Эмали здесь очень яркие и контрастируют со сдержанным фоном. Во второй половине XIX в. вырабатывается характерный прием — членение монохромной вазы, а ее рельефные дополнения покрывались темно-коричневой железной краской, чтобы имитировать старую бронзу.

Если в период Канси — Юнчжэн изделия декорировались только одной монохромной глазурью, например типа «жертвенно-красная», то в конце XIX в. эта глазурь используется лишь как фон, на который положена яркая эмалевая роспись в стиле «розовое семейство». К концу столетия забываются многие технологические приемы, но к 10-м годам XX в. мастера вновь начинают постепенно возрождать старые секреты. Появляется черепок «яичная скорлупа», расписанный яркими эмалевыми красками, где преобладают розовая и черная. Сюжеты росписи посвящены в основном историческим и жанровым сценам.

На выставке представлены и лучшие образцы изделий 50-х годов, решенные в традициях классического периода. Возрождаются многие художественные и технологические приемы. В Цзиндэчжэни вводится много новшеств: начали применять электрический круг для формовки и шаровую мельницу для размалывания каолина. В эти годы производилось 62 вида цветной глазури. Особенно популярны «селадоны», «пламенеющая», «свет луны», «щеки опьяневшей красавицы». Широко применялась подглазурная роспись кобальтом и медной краской, например в декоре сосуда типа двойной тыквы. Получает распространение и роспись белого глазурированного черепка эмалевыми красками с использованием традиционных сюжетов: бабочек, цветов лотоса, рыбок и т. д.

Продолжало развиваться и керамическое производство, использующее темные глины. В Исине (провинция Цзянсу) эти изделия славят-

лись тонкостью и звонкостью черепка, гравировкой или рельефной лентой. Ручки чайников и чашки имели форму веток сливы или стволов бамбука.

Сложна по технике декорировка блюда, выполненного в 1954 г. Оно покрыто бледно-коричневой, неравномерно наложенной глазурью. На светлом фоне отчетливо выделяются ажурные темные силуэты бабочек причудливой формы, напоминающие рисунки народных бумажных вырезок. После четырехкратного нанесения черной глазури на поверхность блюда были наложены вырезанные из бумаги изображения бабочек, а затем через бамбуковую трубочку выдувалась желтая глазурь, смешанная с черной для создания неровности фактуры, после чего следовал высокотемпературный обжиг.

Своеобразны работы народного скульптора Лю Чуаня, создавшего серию образов знаменитых китайских поэтов и художников древности. Их лица выполнены из коричневой неглазурованной глины, а одежда покрыта кракелированной серовато-голубой блестящей глазурью. В экспозиции представлены скульптурные изображения поэтов танского периода, живших в VIII в., — Ду Фу и Ли Бо.

Данная экспозиция — результат долгой работы сотрудников в области собирательской деятельности и атрибуции. Выставка, экспонируемая в залах музея, дает возможность показать стилистическое развитие искусства керамики и фарфора. Она демонстрирует талант безымянных мастеров, которые из поколения в поколение передавали тайны своего мастерства, отражавшего длительную эволюцию философско-эстетических представлений многих столетий.

Япония — КНР: кредитно-финансовые отношения

Ю. П. Шупов

Проблемы кредитования японского экспорта в Китай, так же как и общего финансирования торговли и экономического сотрудничества, постоянно выступали в качестве центральных на всех этапах торгово-экономических отношений между двумя странами. Масштабы и характер этих отношений всегда тесно увязывались с широким контекстом межгосударственных связей Японии с КНР, обуславливались общим подходом Японии и других империалистических держав к китайской проблеме, изменениями в политике Пекина по отношению к различным группам стран. Конкретное материальное наполнение кредитно-финансовых связей зависело в то же время и от особенностей экономического развития каждого из партнеров в данный отрезок времени.

Эволюция расчетов в торговле между Японией и КНР происходила по мере изменений в организационной структуре торговли, ее товарной номенклатуре, торгово-политических концепциях обеих стран по отношению друг к другу.

В первые годы становления японо-китайской торговли она осуществлялась преимущественно в форме бартерных сделок, не требующих от сторон крупных затрат валютных средств. Так, уже в первом гражданском торговом соглашении (июнь 1952 г.) определялось, что расчеты будут осуществляться на базе бартера с установлением цен в английских фунтах стерлингов.

В 1955 г. китайская сторона поставила вопрос об установлении прямых связей между центральными банками обеих стран. Этот пункт был даже включен по настоянию китайской делегации в текст 3-го гражданского соглашения (май 1955 г.), в котором заявлялось, что центральные банки Японии и КНР заключат платежное соглашение. Позже, в марте 1958 г., при заключении 4-го гражданского соглашения стороны оговорили пункт, который гласил, что по достижении межправительственной договоренности по платежам обе стороны соглашаются установить непосредственные контакты между инвалютными банками.

Из-за отсутствия дипломатических отношений торговля между Японией и Китаем в первые годы образования КНР велась на базе отдельных контрактов, заключаемых китайскими внешнеторговыми объединениями и японскими фирмами. Первая попытка заключения торгового соглашения, которое могло бы придать этой торговле более организованный характер, относится к 1952 г. Три члена японского парламента посетили Пекин и подписали с Китайским комитетом развития международной торговли 1-е японо-китайское торговое соглашение, которое именовалось сторонами «частным» или «гражданским», поскольку оно не получило поддержки и одобрения японского правительства.

Всего в период 1952—1958 гг. было заключено четыре «гражданских» соглашения¹.

Отсутствие непосредственных связей между банками Японии и Китая как результат неурегулированности межгосударственных отношений между ними серьезно тормозило развитие взаимной торговли. Японские фирмы были вынуждены прибегать к помощи банков третьих стран для открытия счетов в китайских банках и их посредничеству в инкассации платежей и осуществлении переводов. Все это, естественно, требовало дополнительных расходов.

Большим тормозом на пути развития экспорта в Китай был также сохраняемый длительное время запрет правительства Японии на использование государственных средств для финансирования японо-китайской торговли. Даже в тот период, когда другие западные страны стали широко практиковать при поставках на китайский рынок комплектного оборудования различные варианты среднесрочного кредитования, включая финансирование из государственных источников, правящие круги Японии не решались прибегнуть к кредитам государственного Экспортно-импортного банка (ЭИБ) в торговле с Китаем, ставя тем самым в неблагоприятное положение своих экспортеров. Такая позиция правительства Японии, идущая вразрез с инте-

¹ Подробнее см.: Ниттю бэки хаидобукку (Хрестоматия японо-китайской торговли). Токио, 1971, с. 60.

ресами деловых кругов страны, мотивировалась весьма сложными политическими отношениями в треугольнике Япония — США — Тайвань. В области же кредитно-финансовых отношений между Японией и КНР необходимо обратиться хотя бы кратко к периоду начала 60-х годов, поскольку события того времени оказали большое влияние на всю сферу их хозяйственных связей.

В декабре 1962 г. крупная компания искусственных волокон «Курасики район» заключила контракт на поставку в Китай комплектного оборудования для завода по производству винилона на сумму около 30 млн. долл. После длительного изучения этого вопроса японским правительством в сентябре 1963 г. было одобрено финансирование через ЭИБ указанной сделки². Первый в истории японо-китайских отношений случай финансирования на долгосрочной основе из средств государственного банка вызвал резко отрицательную реакцию как США, так и Тайваня. Американское правительство решительно воспротивилось предоставлению рассрочки платежей Китаю, расценив ее как экономическую помощь этой стране. Под давлением «невидимого прессы» США и шумного официального протеста со стороны чанкайшистского режима правительство Японии вынуждено было прекратить использование кредитов ЭИБ в японо-китайской торговле. В частности, оно не одобрило уже подписанные на тех же условиях два контракта — на поставку текстильной компанией «Нитибо» второго завода винилона (на сумму около 30 млн. долл.) и судостроительной фирмой «Хитати дзосэн» сухогрузного судна (3,7 млн. долл.). Весной 1965 г. оба контракта были аннулированы китайской стороной. По этой же причине не состоялись и многие другие сделки, находившиеся на различных стадиях переговоров.

Лишь в августе 1965 г. стало известно, что бывший премьер-министр Японии Сигэру Ёсида в мае 1964 г. адресовал правителям Тайваня письмо, в котором он от имени правительства заверил чанкайшистские власти, что в отношении Китая будут одобряться только частные кредиты, а средства ЭИБ не будут использоваться для этой цели по крайней мере до конца 1964 г.³ Хотя это так называемое «письмо Ёсиды» носило частный характер, ни в 1964 г., ни в последующие несколько лет (вплоть до 1972 г.) японское правительство ни разу не дало разрешения на кредитование Китая из фонда ЭИБ. Откровенно враждебная позиция Токио в отношении Пекина, естественно, вызвала соответствующую реакцию в Китае, проявившуюся не только в заявлениях в китайской прессе, но и в конкретных мерах по ущемлению интересов японских фирм, занятых в японо-китайской торговле, в частности посредством введения более дискриминационного режима в отношении пребывания их представителей в Китае по сравнению с западноевропейскими бизнесменами.

Известно, что, кроме политических целей, КНР имела намерение посредством сделок с крупными японскими монополиями обеспечить поставки комплектного оборудования и другой продукции тяжелой промышленности, получение которой через «дружественные» фирмы в значительных количествах и по приемлемым ценам не представлялось возможным. Фактическое запрещение финансировать японский экспорт оборудования в КНР через ЭИБ сделало японские фирмы менее конкурентоспособными на китайском рынке по сравнению с западноевропейскими экспортерами.

После того как китайская сторона объявила о расторжении заключенных ранее контрактов с компаниями «Нитибо» и «Хитати дзосэн», могло показаться, что китайское руководство вновь свернет торговлю с Японией, как это было в 1958 г. в результате известного инцидента с китайским флагом в Нагасаки. Однако хотя декларации китайской стороны с осуждением действий японского правительства следовали одна за одной, на деле КНР проводила твердую линию на дальнейшее развитие торговли.

Следует указать, что правительство Японии продолжало длительное время сохранять запрет на государственное кредитование экспорта в Китай. Признаки изменений политики Токио в этой области начали проступать более или менее отчетливо лишь в конце 60-х — начале 70-х годов. Именно к этому времени относятся известные трансформации в западных оценках роли Китая в системе международных отношений. Ключевым моментом в этом процессе явилось решение правящих кругов США об изменении официальной политики в отношении КНР, ознаменовавшееся сообщением президента США Р. Никсона о намерении совершить поездку в Китай.

После 8-летнего перерыва, 25 декабря 1972 г. кабинет министров Японии одобрил лежание на столах правительственных ведомств заявки от пяти японских фирм на использование кредитов ЭИБ Японии под экспорт в Китай комплектного оборудования. Следует иметь в виду при этом, что данное решение было принято уже после нормализации дипломатических отношений между Японией и КНР (29 сентября 1972 г.).

Снятие японским правительством ограничений на кредиты ЭИБ по времени совпало с очередным периодом активных закупок Китаем оборудования в западных странах, так называемым «третьим этапом» внедрения иностранной технологии, приходившимся примерно на 1972—1974 гг. За это время Китай импортировал около 170

² См.: Тодаэй бэжэ-но гэндзэ то тэнбо (Состояние и перспективы торговли Восток — Запад). Токио, 1965, с. 60.

³ См.: «Майнити», 18.IX.1971.

комплектов оборудования на общую сумму 2,6 млрд. долл.⁴ Значительная часть этой суммы — около 790 млн. долл. — пришлось на Японию. При этом ЭИБ Японии принял участие в кредитовании экспорта большей части этого оборудования на условиях рассрочки платежей. По завершении «третьего этапа» внедрения иностранной технологии в Китае японо-китайская торговля оборудованием резко пошла на убыль. Основной причиной этого стало общее резкое ограничение Китаем закупок иностранного оборудования в связи с нехваткой валюты. Несомненно, отрицательно сказалась на внешнеэкономических связях Китая проводившаяся в 1975—1976 гг. кампания против «идуших по капиталистическому пути».

В то же время на свертывание японо-китайской торговли оборудованием повлияли и чисто экономические факторы, к ним в первую очередь можно отнести довольно жесткие по сравнению с западноевропейскими условия японских кредитов.

Проблема урегулирования расчетов в японо-китайской торговле особенно обострилась после заключения между странами в феврале 1978 г. долгосрочного (до 1990 г.) торгового соглашения. Китайская сторона по этому соглашению получила у Японии льготные условия кредитов. Однако посетивший Китай в сентябре 1978 г. министр внешней торговли и промышленности Т. Комото разъяснил китайским руководителям мотивы, в силу которых Японии невозможно было предоставить кредиты Китаю из средств ЭИБ на условиях ниже 7,25 % годовых, зафиксированных в кредитной договоренности («джентльменском соглашении») западных стран. Такая, казалось бы, труднообъяснимая с точки зрения интересов японских экспортеров «пунктуальность» правительства Японии по выполнению положений «джентльменского соглашения» объясняется настороженностью других его участников, опасавшихся «кредитного демпинга» японских фирм на китайском рынке. Эти опасения выразились, в частности, в требованиях правительства США, чтобы Япония применяла более жесткие, чем Италия и Франция, условия кредитования при экспорте оборудования в Китай. Во время пребывания в Японии в августе 1978 г. министр экономики ФРГ О. Ламбдорф также обратился к японскому правительству с призывом придерживаться «общей линии Запада» в вопросах кредитования Китая, не создавать излишней конкуренции на китайском рынке и тем самым не предоставлять Китаю односторонних выгод⁵.

В этих условиях начались усиленные поиски с обеих сторон путей и средств решения кредитных проблем, от которых во многом зависела дальнейшая судьба торгово-экономических связей двух стран, в частности выполнение долгосрочного соглашения и наметившихся к тому времени проектов совместной разработки природных ресурсов. В деловых кругах Японии отмечался настоящий ажиотаж в заключении сделок о поставках в Китай многих видов комплектного оборудования и материалов, предусмотренных долгосрочным соглашением. В подавляющем большинстве контрактов фиксировалось намерение китайских организаций платить за товар наличными или оговаривались близкие к наличным формы платежей.

В гонку за китайскими заказами наряду с японскими включились также экспортеры западных стран, с которыми к началу 1979 г. Китай заключил контракты по импорту оборудования на несколько миллиардов долларов. С Японией же только в период с ноября 1978 по январь 1979 г. были совершены сделки на сумму около 800 млрд. иен (порядка 4 млрд. долл.)⁶. Необходимость в оплате крупного импорта определила решительный поворот Китая к широкому заимствованию иностранных кредитов.

К концу 1978 г. Пекин обеспечил на Западе получение ряда банковских кредитов, поэтому в переговорах с Японией он мог, имея на руках конкретные соглашения, использовать их как основание для получения японских кредитов на условиях по крайней мере не хуже западноевропейских, а учитывая большую заинтересованность японского бизнеса в китайском рынке, и на более благоприятных для Китая условиях.

Полагая, что японское правительство недостаточно уступчиво в переговорах по кредитным вопросам, китайская сторона решила прибегнуть к более решительным мерам. В конце февраля 1979 г. из Пекина в адрес восьми крупнейших торговых фирм, а также компаний-производителей «Синниттэцу», «Хитати» и «Исикавадзима — Харима дзюкогё» были направлены короткие телеграммы идентичного содержания: «В связи с тем что проблема финансовых расчетов между Китаем и Японией остается нерешенной, китайское правительство не одобрило заключенный с вашей фирмой контракт под номером X»⁷.

Выяснилось, что такая произведенная в одностороннем порядке «приостановка действия» распространяется на контракты по поставке различного японского оборудования на общую сумму около 600 млрд. иен (3 млрд. долл.). Объектом приостановленных сделок оказалось также комплектное оборудование для Шанхайского (Баошаньского) металлургического комбината, хотя уже состоялась с участием в

⁴ In: «China Newsletter, JETRO», June 1978, p. 9.

⁵ In: «Japan Times», 30.VIII.1978.

⁶ См.: «Тоё кэйдзай», 24.III.1979, с. 56.

⁷ «Business Japan», 1979, № 5, p. 30.

качестве почетных гостей около ста видных представителей японского делового мира церемония закладки этого предприятия, рассматриваемого сторонами как «символ японо-китайского экономического сотрудничества»⁸.

Встревоженные таким поворотом событий, не укладывающимся в рамки обычаев международного бизнеса, японские деловые круги в срочном порядке начали обсуждение ситуации, анализ причин, в силу которых Пекин пошел на такую решительную меру. В качестве такой причины назывались политические факторы, изменения в направлении экономического развития и др., приведшие к существенным корректировкам 10-летнего плана развития народного хозяйства КНР и к отказу от него в 1979 г.

Но все же определяющей причиной действий китайской стороны в отношении японских партнеров явилась острая нехватка средств у Китая для проведения в жизнь первоначально намеченных программ⁹.

В любом случае японские экспортеры оказались в весьма щекотливом положении. Имея на руках заключенные контракты, эти фирмы, естественно, уже включили их в свои производственные программы, взяли кредиты в банках под обеспечение этих программ и т. д. Более того, часть оборудования по некоторым контрактам была готова к отгрузке и находилась на складах отправителя в ожидании платежа заказчика. Сообщение из Пекина о «замораживании» контрактов оказалось «сюрпризом» для представителей деловых кругов¹⁰.

Тем временем из Пекина стали поступать предложения отдельным японским фирмам о пересмотре ранее оговоренных в контрактах условий, преимущественно относящихся к переходу платежей от наличных к различным формам рассрочки. В Пекине также было объявлено об откладывании многих проектов промышленного строительства, под которые были заключены импортные сделки с Японией.

При таких обстоятельствах японское правительство под нажимом заинтересованных деловых кругов форсировало решение кредитной проблемы, одной из самых злободневных и запутанных в отношениях двух стран.

Президент ЭИБ Японии М. Такэути и директор Банка Китая Бу Мин подписали 15 мая 1979 г. в Токио генеральное соглашение о предоставлении КНР несвязанного ненового банковского кредита в сумме 420 млрд. иен (около 2 млрд. долл. по текущему курсу). Кредит обеспечивался из фондов ЭИБ. В счет этой суммы финансируются отдельные проекты по разработке в Китае месторождений нефти и угля. Ставка по кредитам в рамках этого соглашения устанавливалась в 6,25 % годовых, то есть на относительно низком для того времени уровне и во всяком случае на более предпочтительных для дебитора условиях, чем предписывалось «джентльменским соглашением» (7,5 %). Период погашения колебался в пределах от 5 до 15 лет, что зависело от конкретного проекта, под который предоставлялась определенная сумма в рамках общего лимита. Таким образом, генеральным соглашением устанавливались общие параметры кредитов, а конкретные суммы и цели финансирования определялись в ходе переговоров на деловом уровне.

Почти одновременно (18 мая 1979 г.) также в Токио большая группа японских коммерческих банков достигла договоренности с делегацией Банка Китая о крупном финансировании китайских закупок в Японии в счет двух кредитных обязательств на общую сумму 8 млрд. долл.

Примерно к середине 1979 г. общая сумма кредитов, обещанных Китаю западными странами, включая Японию, достигла весьма внушительной суммы — свыше 20 млрд. долл., из которых порядка 18 млрд. долл. предоставлялось по линии государственных кредитных институтов и около 3,5 млрд. долл. — на частной основе¹¹.

Можно констатировать, таким образом, что в результате активной экономической дипломатии Китаю удалось добиться получения на Западе ряда кредитов, достаточных не только для покрытия текущих валютных обязательств, но и для оплаты импорта нескольких крупных комплектов оборудования, а также для финансирования проектов разработки некоторых видов природных ресурсов. В то же время не оправдались надежды на получение сверхльготных условий по этим кредитам. За исключением кредита ЭИБ Японии, все западные кредитные авансы по государственной линии предоставлялись на жестких условиях, предписываемых в отношении социалистических стран «джентльменским соглашением». Частные кредиты предоставлялись по очень высоким ставкам, которые являются экономически выгодными и оправданными лишь при условии высокой мобильности и оборачиваемости заемных средств. Добиться этого в тогдашних условиях развития народного хозяйства Китая не представлялось возможным. Китаю не удалось добиться «золотой середины» в кредитных отношениях с Западом — получения льготных условий при сохранении независимости китайской экономики от мирового капиталистического хозяйства. Импералистические державы хотели бы увязать свою «благотворительность» в отношении Китая с более четкими

⁸ «Business Japan», 1979, N 5, p. 31.

⁹ См.: «Дайямондо», 17.III.1979, с. 101; «Тоё кайдзай», 24.III.1979, с. 55.

¹⁰ «Far Eastern Economic Review», 1.VI.1979, p. 46.

¹¹ In: «Japan Economic Journal», 29.V.1979; «Экономисутто», 4.IX.1979, с. 8.

надеждами на включение его в систему международных капиталистических отношений взаимной зависимости.

Таким образом, очевидный приоритет политических целей Запада в Китае перед получением там прибылей предопределил относительную монолитность западных держав в кредитной политике по отношению к этой стране.

В июне 1979 г. состоялась 2-я сессия ВСНП пятого созыва, на которой были внесены существенные коррективы в программы экономического развития страны.

Основная материальная предпосылка, заставившая сокращать прежние экономические программы Китая, — нехватка средств. Эта проблема оставалась и при принятии урезанных планов «урегулирования». Как показал опыт последующих лет, по-видимому, у Китая не было особой проблемы обеспечения на кредитном рынке Запада заемных средств практически на любые суммы. Но вопрос заключался в их стоимости. Использование дорогих кредитов могло привести к такой ситуации, когда Китаю пришлось бы получать кредиты для погашения своих старых долгов по импорту комплектного оборудования, которое еще не введено в строй и не выпускает продукцию, то есть не компенсирует производственных расходов.

В начале сентября 1979 г. Китай направил в Японию делегацию во главе с заместителем премьера Госсовета КНР Гу Му. Было очевидно, что центральным пунктом в программе его визита являлось достижение договоренности с японским правительством о крупномасштабных кредитах через посредство государственного фонда зарубежного экономического сотрудничества. Указанный институт финансирует развивающиеся страны, предоставляя им под различные проекты по межправительственным соглашениям кредиты стоимостью 1,25—4,25 % годовых и с периодом погашения от 20 до 30 лет.

Китай запросил Японию предоставить ему кредиты на огромную сумму — 5,5 млрд. долл. (около 1,2 трлн. иен) под 8 проектов развития экономической инфраструктуры, в том числе три проекта строительства ГЭС общей мощностью около 6 млн. кВт, три проекта строительства и модернизации железных дорог и два — реконструкции и расширения морских портов¹². Сумма запрошенных Пекином кредитов равнялась стоимости «помощи», предоставленной Японией всем (!) развивающимся странам за предшествовавшие 3—4 года¹³.

Обращает на себя внимание весьма быстрая реакция японского правительства на это предложение китайской стороны, хотя проблема представлялась сложной со многих точек зрения и прежде всего в плане отношений Японии с развивающимися государствами, а в этой группе — со странами — членами АСЕАН. Такая оперативность японской стороны объясняется наличием договоренности между Японией и США по вопросу предоставления кредитов Китаю по государственной линии, достигнутой ранее — во время проведенного в Вашингтоне в мае 1979 г. совещания между М. Охирой и президентом Дж. Картером. Как комментировал его министр иностранных дел Японии С. Сонода, «это японо-американское соглашение базируется на соображениях глобальной и азиатской стратегии. Западные государства должны позитивно подойти к вопросу оказания помощи Китаю в его усилиях по модернизации, с тем чтобы включить Китай в орбиту капиталистической экономики и исключить любую вероятность китайско-советского рукопожатия»¹⁴.

Именно боязнь такого «рукопожатия» рассеяла последние сомнения империалистических держав и стимулировала их более решительные действия в отношении Китая, включая экономическую поддержку.

Перед визитом премьер-министра М. Охиры в Пекин (декабрь 1979 г.) правительство Японии сформулировало основные положения предоставления кредитов Китаю таким образом, чтобы эти кредиты отвечали, с одной стороны, генеральному курсу западных стран в отношении КНР, а с другой, не вызывали бы острой критики стран Юго-Восточной Азии. Японский кабинет объявил три принципа этой «помощи»: 1) она не будет использована Китаем для усиления его военной мощи; 2) будет балансироваться с «помощью» Японии пяти странам — членам АСЕАН; 3) размеры ее будут координироваться с кредитами и займами, предоставляемыми Китаю Соединенными Штатами и западноевропейскими странами¹⁵.

Прибывший в Пекин 5 декабря 1979 г. М. Охира привез обещание предоставить Китаю кредиты в иенах по официальной линии на общую сумму, эквивалентную 1,5 млрд. долл. Первая часть в сумме 50 млрд. иен (около 200 млн. долл.) обеспечивалась уже в 1979 фин. г., то есть до конца марта 1980 г. На 1980 г. и последующие годы суммы должны согласовываться в ходе двусторонних переговоров, но их уровень будет не ниже 50 млрд. иен в год. Условия кредитов: стоимость — 3 % годовых, срок погашения — 30 лет, включая 10-летний льготный период¹⁶.

Таким образом, в результате этого визита японского премьер-министра в Китай была официально оформлена принципиально важная акция Японии — предоставление

¹² Ип: «Asahi Evening News», 1.IX.1979.

¹³ См.: «Нихон кэйдзай», 8.IX.1979.

¹⁴ «Daily Yomiuri», 26.VIII.1979.

¹⁵ Ип: «Japan Times», 7.XII.1979.

¹⁶ Ibid.

КНР кредитов. Хотя сумма обещанных на первом этапе японских кредитов заметно уступает запрошенной Китаем, однако она превышает общий лимит всем пяти странам АСЕАН.

Такая относительная сдержанность японского правительства в определении размеров кредитов Китаю объясняется рядом факторов внутреннего и внешнего порядка. Внутри страны имеется немало противников предоставления средств Китаю по линии Фонда зарубежного экономического сотрудничества, который формируется преимущественно за счет ассигнований из госбюджета, то есть в конечном итоге налогоплательщиками. Выделение из бюджета значительных сумм для льготного финансирования Китая при тяжелом состоянии внутренних финансов, естественно, противоречит национальным интересам страны. Другой аспект критики состоит в том, что вряд ли кого может ввести в заблуждение ссылка японского правительства на предоставление кредитов в таких формах, которые бы исключали возможность использования ее Китаем в военных целях. Не случайно в этой связи даже на заседании исполкома правящей ЛДП, состоявшемся непосредственно перед поездкой Охирэ, ряд его членов высказал опасения, что «помощь» Китаю равносильна военному сотрудничеству с этой страной¹⁷.

К числу внешних факторов, помимо отрицательной реакции большинства развивающихся государств, надо причислить боязнь правящих кругов Японии оказаться слишком глубоко втянутыми в отношения с Китаем. Предоставление даже умеренных сумм всегда сопряжено с потенциальным риском. Поэтому, как отмечала японская печать, «должны быть найдены также варианты кредитов, которые бы могли застраховать (судьбу этих кредитов. — Ю. Ш.)»¹⁸.

Таким образом, решение Токио предоставить кредиты Пекину не сразу в полном обещанном объеме, а ежегодно, относительно небольшими партиями увязывается со стремлением по возможности сократить размер потенциального риска. Не исключено, что для японских правящих кругов более выгодной представляется тактика ежегодного урегулирования сумм и условий кредитов Китаю, так как это позволяет им постоянно контролировать ситуацию, поставить Японию как донора в более выгодное положение в переговорах с Китаем, сделать китайскую сторону более сговорчивой в том, что касается различных проблем внутренней и внешней политики. Если Токио обнаружит, что Пекин недостаточно лоялен по отношению к Японии или позволяет себе шаги, идущие вразрез с интересами японского империализма, имеется возможность в любой момент прекратить оказание этой «помощи».

Очередной тур переговоров между Японией и Китаем по кредитно-финансовым вопросам проходил в декабре 1981 г., когда стороны после весьма длительного обсуждения договорились о ряде кредитов на общую сумму 300 млрд. нен, включая кредит банковского консорциума на сумму 70 млрд. нен. Конкретное соглашение по последнему было подписано сторонами (от Японии участвуют 43 коммерческих банка) 4 января 1982 г. Сумма его эквивалентна 318 млн. долл.¹⁹ В счет его будут финансироваться китайские закупки оборудования и материалов для Баошаньского металлургического и Дацинского нефтехимического комбинатов.

* * *

Современные японо-китайские кредитно-финансовые отношения являются результатом значительных и сложных изменений, происходивших во всех сферах сношений между двумя странами, равно как и изменений общей позиции империалистических государств по отношению к Китаю. Конкретные условия и масштабы японских кредитов обуславливаются в значительной мере готовностью Китая предоставить благоприятные условия японским вкладчикам капитала. При всем разнообразии факторов и мотивов, влияющих на развитие связей в этой сфере хозяйственной деятельности, по-видимому, следует признать, что определяющей является общая, пока что хорошо скоординированная, позиция западных государств, не позволяющая Пекину получать западные кредиты, включая кредиты по линии официальной «помощи», без каких-либо ответных уступок империализму.

Если абстрагироваться от политических обстоятельств кредитных связей между двумя странами и принять во внимание только чисто экономическую их сторону, то можно констатировать, что оживление практики кредитования японского экспорта и совместных проектов экономического сотрудничества в разработке природных ресурсов Китая содействовало расширению возможностей торгово-экономического обмена между Японией и КНР. Это нашло отражение в первую очередь в весьма существенном росте взаимного товарооборота в последние годы. Так, в 1981 г. объем японо-китайской торговли достиг 10,4 млрд. долл., показав по сравнению с 1980 г. прирост в размере около 10%. Однако кредиты и займы сами по себе не могут гарантировать нарастание товарооборота пропорционально их размеру без наличия такого ба-

¹⁷ In: «Japan Times», 28.II.1979.

¹⁸ «Japan Times», 6.IX.1979.

¹⁹ In: «Japan Petroleum and Energy Weekly», 22.II.—1.III.1982, p. 14.

зисного фактора, как нормальное функционирование механизма народного хозяйства. Программы урегулирования в Китае привели к резкому уменьшению китайских заказов на машины и оборудование, равно как и закупок черных металлов, которые составляют основу японского экспорта в эту страну. Сохранившиеся на весьма высоком уровне поставки машино-технической продукции в 1980 и 1981 гг. были результатом китайских заказов, размещенных в 1978—1979 гг. Таким образом, в ближайшие год-два можно предполагать ослабление, если не абсолютное снижение темпов японского экспорта в КНР, что соответственно затормозит движение всей японо-китайской торговли. В этом же направлении действует и такой фактор, как сдерживание темпов экспорта в Японию китайской нефти — основного платежного средства Китая (в 1981 г. — около 50 % стоимости всего китайского экспорта в указанном направлении)²⁰.

В то же время, видимо, можно говорить об определенном стимулирующем воздействии японских кредитов на развитие торгово-экономических связей Японии с КНР в период после 1985 г., когда будут постепенно вступать в строй проекты разработки ресурсов нефти на китайском шельфе и угольных месторождений в ряде районов Китая, осуществляемые на базе делового, включая их финансирование японской стороной, сотрудничества двух стран.

---

²⁰ Намечками долгосрочного соглашения (1978 г.) на 1982 г. предусматривалась поставка 15 млн. т. нефти в Японию, тогда как на указанный год объем заключенных контрактов остался на уровне 1981 г. (около 9 млн. т).

Сотрудничество Вьетнама в рамках СЭВ

М. П. Петров

Торгово-экономическое и научно-техническое сотрудничество Вьетнама с Советским Союзом и другими странами — членами СЭВ играет весьма важную роль в становлении и укреплении народного хозяйства СРВ. Развитие экономического сотрудничества с социалистическими и другими государствами имеет особое значение для СРВ, совершающей прямой переход от мелкого производства к крупному социалистическому производству.

Указывая на важность упрочения экономических связей СРВ с социалистическими странами, разделения труда, сотрудничества и взаимной помощи в духе социалистического интернационализма, вьетнамские руководители считают, что, используя международное сотрудничество, прежде всего со странами социализма, необходимо приобретать передовую технику, делать более рациональным разделение труда внутри страны и повышать экономическую эффективность, всемерно способствовать строительству материально-технической базы социализма и постепенному улучшению жизни народа¹. Именно реальный социализм, отмечают в СРВ, демонстрирует пример воплощения в жизнь подлинно равноправных взаимовыгодных отношений между государствами, так как экономические связи между странами социалистического содружества позволяют им добиваться новых больших успехов в развитии народного хозяйства и повышении благосостояния народов. Вместе с тем вьетнамские руководители рассматривают сотрудничество Вьетнама с братскими странами социализма как хороший пример для развивающихся стран, решивших избрать путь социалистического развития, минуя этап капитализма².

Тезис о дальнейшем укреплении сотрудничества между СРВ и братскими странами в экономической области нашел правовое обоснование в договорах, заключенных во второй половине 70-х годов между Вьетнамом и странами социалистического содружества. Статья 2 Договора о дружбе и сотрудничестве между СССР и СРВ от 4 ноября 1978 г. гласит: «Высокие договаривающиеся стороны будут объединять усилия для укрепления и расширения взаимовыгодного экономического и научно-технического сотрудничества в целях ускорения социалистического и коммунистического строительства, неуклонного повышения материального и культурного уровня жизни народов обеих стран. Стороны будут продолжать долгосрочное координирование своих народнохозяйственных планов, согласовывать перспективные меры по развитию важнейших отраслей экономики, науки и техники, обмениваться знаниями и опытом, накопленными в социалистическом и коммунистическом строительстве».

Л. И. Брежнев особо указал, что советско-вьетнамский договор «прежде всего призван служить интересам мирного созидательного труда наших народов, интересам социалистического и коммунистического строительства в наших странах. Это — самое главное»³.

Связи СРВ с СССР и другими братскими странами — членами СЭВ в торгово-экономической области имеют огромное значение для укрепления вьетнамской экономики, развитие которой происходит в специфических условиях — стране нанесен огромный ущерб многолетней агрессивной империализма и вооруженным вторжением экспансионистов весной 1979 г. Следует учитывать и то, что со времени освобождения юга страны в обеих частях Вьетнама долго сохранялись различные социально-экономические структуры. В выступлениях вьетнамских руководителей отмечалось, что в народном хозяйстве СРВ, сильно разрушенном войной, враждебной политикой и блокадой, все еще существуют большие трудности и диспропорции⁴.

Практика создания фундамента социалистической экономики во Вьетнаме показывает, что установление и развитие разносторонних связей с Советским Союзом и другими социалистическими странами является фактором, позволяющим СРВ использовать для формирования материально-технической базы социализма преимущества социалистического способа производства и достижения современной научно-технической

¹ См.: IV съезд Коммунистической партии Вьетнама. М., 1977, с. 43.

² См.: «Новости Вьетнама», 1979, № 6, с. 15.

³ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи, приветствия, статьи, воспоминания, т. 7. М., 1979, с. 502.

⁴ См.: Я. Н. Пивоваров, М. П. Писаев. Развитие народного хозяйства Социалистической Республики Вьетнам. М., 1980, с. 169.

революции. Пример Вьетнама показывает, что экономически отсталая в прошлом, зависимая страна, вступив на путь социализма, творчески применяя общие принципы и закономерности социалистического строительства с учетом конкретных исторических условий, опираясь на коллективный опыт стран социализма и сотрудничество с ними, может добиться существенных сдвигов в социальном и экономическом развитии. В СРВ придается особое значение глубокому изучению и творческому использованию, учитывая специфику Вьетнама, опыта Советского Союза, других братских стран в социалистическом строительстве.

Сотрудничество СРВ со странами — членами СЭВ в области экономики направлено как на решение задач индустриального развития СРВ, так и на создание материальных условий для постепенного повышения жизненного уровня населения страны. Об этом свидетельствует практика экономического сотрудничества в течение второй пятилетки СРВ (1976—1980) и на современном этапе. Масштабы этого сотрудничества неуклонно расширяются, формы его обогащаются.

Яркий тому пример — советско-вьетнамское экономическое сотрудничество, которое ныне охватывает большинство определяющих отраслей народного хозяйства СРВ: электроэнергетику, добычу угля, химию, машиностроение, промышленность строительных материалов, геологоразведку (поиск нефти, газа, других полезных ископаемых), рыболовство, сельское хозяйство и пр.

Удельный вес продукции, вырабатываемой на предприятиях, сооруженных с советской помощью, составляет: 25 % по выработке электроэнергии, 89 — угля, 100 — олова, серной кислоты, апатитов, суперфосфата, 61 % — металлорежущих станков⁵.

В 1976—1980 гг. Советский Союз оказывал Вьетнаму техническое и экономическое содействие в проектировании и строительстве 94 важных народнохозяйственных объектов⁶.

Среди объектов, сооружаемых при советской помощи, — такие крупные, как гидроузел «Хоабинь» мощностью 2 млн. кВт на реке Да (Черная), ТЭС «Фалай» мощностью 640 тыс. кВт, угольный карьер Каошон мощностью 2 млн. т угля в год, оловянный рудник «Тингук», нефтехранилище, завод дизельных моторов в Годаме, домостроительные комбинаты в Ханое, Хайфоне и Суанмае, цементный завод Биншон мощностью 1,2 млн. т в год.

Одним из важных направлений советско-вьетнамского сотрудничества является оказание Советским Союзом содействия в развитии крупнейшего в СРВ Куангбиньского угольного бассейна. К настоящему времени здесь дают уголь созданные при техническом содействии СССР три крупнейших разреза этого бассейна: Хату, Кокшай, Деонай. Вводится в строй новый мощный разрез Каошон, который считается образцовым как по темпам строительства, так и по уровню использования современной техники.

При содействии СССР намечается строительство во Вьетнаме тракторного завода мощностью 20 тыс. тракторов в год, завода кузнечно-прессового оборудования мощностью 20 тыс. т литья и 12 тыс. штук поковок в год, завода по производству запасных частей к автомобилям и тракторам, металлургического комбината мощностью 1,5 млн. т стали. Начаты подготовительные работы по строительству азотно-тукового завода, продолжается сооружение суперфосфатного завода Ламтхао мощностью 300 тыс. т суперфосфата в год⁷.

Большое внимание в ходе советско-вьетнамского экономического сотрудничества уделяется вопросам создания материальной базы для повышения жизненного уровня народа Вьетнама. Показателем этого стало сооружение в республике домостроительного комбината большой мощности, предприятий легкой и пищевой промышленности, в том числе ряда чайных фабрик, а также объектов сельского хозяйства.

В ходе координации народнохозяйственных планов на 1981—1985 гг. были выявлены дополнительные возможности расширения экономических связей двух стран. Примером тому служит подписание 3 июля 1980 г. советско-вьетнамского соглашения о сотрудничестве в проведении геологической разведки и добыче нефти и газа на континентальном шельфе юга СРВ⁸.

Все новые формы обретает советско-вьетнамское сотрудничество в области сельского хозяйства. В южновьетнамской провинции Шонгбе при техническом содействии СССР началось строительство крупнейшего в СРВ специализированного района по производству натурального каучука площадью 50 тыс. га. В ближайшие годы государство получит первые тонны латекса — ценного технического сырья, важной статьи вьетнамского экспорта.

Советский Союз содействует росту механизации сельского хозяйства Вьетнама. Советские тракторы и другие сельскохозяйственные орудия успешно работают на полях страны.

Советско-вьетнамское сотрудничество в области подготовки национальных кадров для Вьетнама имеет огромное значение для решения хозяйственных задач, стоящих перед страной. К концу второй пятилетки с помощью СССР было подготовлено

⁵ См.: «Известия», 1.XI.1979.

⁶ См.: Я. Н. Пивоваров, М. П. Исаев. Указ. соч., с. 163.

⁷ См.: «Экономическая газета», 1980, № 29, с. 19.

⁸ См.: «Правда», 4.VII.1980.

62 тыс. вьетнамских специалистов и квалифицированных рабочих, в том числе 11 тыс. человек прошли обучение на предприятиях и в учебных заведениях Советского Союза⁹.

Успешно развиваются торговые отношения между СССР и СРВ. Так, за 25 лет сотрудничества (с 1955 по 1980 г.) внешнеторговый оборот между СССР и Вьетнамом возрос в 146 раз. Лишь за годы второй пятилетки СРВ (1976—1980) он увеличился в три раза. На долю СССР приходилось в течение этого периода 85 % внешнеторгового оборота¹⁰. Советский Союз поставлял в СРВ в возрастающих количествах машины и оборудование, запасные части, нефтепродукты, прокат черных металлов, цемент, хлопок, продовольствие.

Орган ЦК КПВ журнал «Тапти Конгшан» отмечал: «...Советский Союз продолжает обеспечивать очень важную часть наших потребностей в сырье, топливе, материалах, различных видах оборудования и основных товарах широкого потребления, помогая таким образом Вьетнаму преодолевать многочисленные трудности первых послевоенных лет»¹¹.

В силу целого ряда причин, обусловленных тяжелым экономическим наследием, агрессиями, вмешательством извне, вьетнамская экономика не в состоянии обеспечить производство такого объема экспортных товаров, который мог бы полностью компенсировать импорт из СССР. Например, в 1978 г. вьетнамский экспорт покрывал поставки из СССР примерно на 50 %. В этой ситуации СССР предоставлял Вьетнаму льготные кредиты для покрытия дисбаланса в торговле между обеими странами, что позволяло стране выделять больше средств для сферы накопления, строительства социалистической экономики.

В нынешнем пятилетии (1981—1985) в СРВ намечено осуществить совместное строительство 40 новых объектов, имеющих большое хозяйственное значение, а также продолжить строительство объектов, начатых в 1976—1980 гг. Развертываются работы по добыче нефти и газа на южновьетнамском шельфе. Предусмотрено значительное увеличение поставок вьетнамских товаров в СССР, в частности свежих и консервированных овощей и фруктов в районы советского Дальнего Востока¹².

В 1981 г. был подписан ряд важных советско-вьетнамских документов, которые дали мощный импульс развитию технико-экономического сотрудничества между СССР и СРВ в нынешнем пятилетии.

В апреле 1981 г. были подписаны соглашение и протокол о сотрудничестве в области труда между СССР и СРВ, в соответствии с которыми советская сторона приняла тысячи вьетнамских рабочих для работы на промышленных предприятиях Советского Союза.

19 июня 1981 г. было заключено соглашение о создании совместного советско-вьетнамского предприятия по разведке и эксплуатации нефти и газа на континентальном шельфе юга Вьетнама. Это открывает путь к созданию вьетнамской нефтегазовой промышленности, росту которой отводится особо важное место в деле социалистической индустриализации СРВ.

В июле 1981 г. в Москве был подписан протокол о результатах координации государственных планов СССР и СРВ на 1981—1985 гг. Плановые органы Советского Союза и Вьетнама согласовали основные направления экономического сотрудничества обеих стран на эти годы, а в некоторых областях экономики — и на более длительный период. Главное внимание было уделено вопросам, связанным с оказанием Советским Союзом технического содействия в развитии топливно-энергетических отраслей промышленности и транспорта Вьетнама, обеспечению роста взаимного товарооборота за счет увеличения поставок машин и оборудования, ряда сырьевых товаров из СССР, некоторых видов продукции лесного и сельского хозяйства, а также легкой промышленности из СРВ.

Была достигнута договоренность, что в текущем пятилетии плановые органы СССР и СРВ продолжают работу по углублению и совершенствованию сотрудничества в области плановой деятельности.

24 июля 1981 г. в Москве были завершены переговоры и подписано соглашение между правительствами СССР и СРВ об экономическом и техническом сотрудничестве в 1981—1985 гг. Важным событием в сотрудничестве двух стран стало подписание 30 июля 1981 г. соглашения о товарообороте и платежах между СССР и СРВ за тот же период, предусматривающего увеличение объема взаимных поставок почти на 90 % по сравнению с 1976—1980 гг.

В ноябре 1981 г. в Москве было подписано советско-вьетнамское соглашение о поставках товаров из СССР в СРВ в 1981—1982 гг. Вьетнамские товарищи особо отмечают, что, относясь с пониманием к трудностям Вьетнама, Советский Союз и другие страны социалистического содружества предоставляют ему льготы в области капитальных вложений, цен и пр. Они увеличили поставки товаров первой необходимости, которые СРВ ранее приходилось импортировать из несоциалистических стран.

⁹ См.: «Тюен чун», 1979, № 11, с. 43.

¹⁰ См. «Нян Зан», 12.VII.1980; «Экономическая газета», 1980, № 29, с. 19; «Внешняя торговля СССР», 1979, № 11, с. 3.

¹¹ «Тапти Конгшан», 1979, № 6, с. 33—34.

¹² См.: «Правда», 8.IX.1981.

Вьетнамская сторона стремится расширить производство, увеличивать объем экспорта, должным образом выполнять все соглашения об экономическом сотрудничестве с СССР и другими странами — членами СЭВ¹³.

Новый этап развития экономического и научно-технического сотрудничества между СССР и СРВ требует от трудящихся Вьетнама еще больших усилий для успешного претворения в жизнь совместных программ и планов, выполнения обязательств вьетнамской стороной в соответствии с подписанными соглашениями. Задачей трудящихся СРВ является эффективное использование советской помощи и сотрудничества с Советским Союзом, неукоснительное, строгое выполнение соглашений, подписанных с СССР. Тем самым, отмечают органы массовой информации СРВ, вьетнамский народ сможет внести свой весомый вклад в укрепление и развитие вьетнамо-советской дружбы, усиление всего социалистического содружества¹⁴.

Советский Союз является ныне главным торговым партнером СРВ. На СССР приходится около 60 % внешнеторгового оборота Вьетнама. Так, на долю поставок из СССР приходилось, например, до 100 % импорта нефтепродуктов и хлопка, свыше 90 % импорта продовольствия, значительная часть импорта проката черных металлов, химических удобрений, продукции машиностроения и других товаров, крайне необходимых для народного хозяйства СРВ.

Вьетнамские экономисты подчеркивают высокую эффективность помощи СССР и других социалистических стран. Так, в 1981 г. значительных успехов добились трудящиеся горнодобывающей промышленности и энергетики, то есть тех отраслей, в развитии которых Вьетнам особенно активно сотрудничает с Советским Союзом и другими странами СЭВ. В 1981 г. производство электроэнергии, например, возросло по сравнению с 1980 г. на 4,4 %, каменного угля — на 11,7 %, олова — на 2,7 %. Важно отметить и то, что в 1981 г. в СРВ был собран рекордный урожай продовольственных культур.

В марте 1982 г. Совет Министров СРВ принял постановление о строительстве ключевых промышленных объектов Вьетнама. Эта мера правительства направлена на то, чтобы сосредоточить силы на быстрейшем вводе в действие самых важных объектов, от которых зависит подъем народного хозяйства, а также избежать распыления материальных средств и людских ресурсов. Совет Министров утвердил список из 42 первоочередных объектов¹⁵. Главное место в списке занимают крупные стройки вьетнамо-советского сотрудничества. Сам перечень ключевых объектов убедительно свидетельствует о важной роли советского технико-экономического содействия в создании основ социалистической индустрии Вьетнама. Концентрация усилий на ключевых объектах уже дает зримые результаты. Возросли темпы работ на сооружаемых с советской помощью гидроузле Хоабинь, ТЭС «Фалай», цементном заводе «Бимшон», суперфосфатном заводе в Ламтхао, заводе дизельных двигателей «Шонгконг», на строительстве моста «Тханглонг» через реку Красную, береговой базы совместного предприятия по разведке и эксплуатации нефтегазовых месторождений на континентальном шельфе Вьетнама и других объектов.

В выступлении на V съезде КПВ, состоявшемся в марте 1982 г., глава делегации КПСС член Политбюро ЦК КПСС, Секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев отметил, что советскими и вьетнамскими партийными и хозяйственными органами проделана огромная работа, чтобы продвинуть дальше экономическое сотрудничество с учетом реальных возможностей СССР и СРВ. Это поможет вьетнамскому народу быстрее и эффективнее осваивать природные ресурсы своей страны, по-хозяйски использовать уже созданный немалый производственный потенциал¹⁶.

Успешно развивается в текущей пятилетке научное сотрудничество СССР и СРВ. Вьетнамские друзья заявляют о своем стремлении и далее совершенствоваться и развивать научные связи с советскими учеными. В Постановлении Политбюро ЦК КПВ «О мерах по развитию науки и техники», принятом в апреле 1981 г., особо подчеркивалась необходимость расширять всестороннее сотрудничество с СССР и другими странами — членами СЭВ¹⁷.

В ноябре 1981 г. была отмечена 30-я годовщина сотрудничества между СССР и Вьетнамом в области подготовки специалистов с высшим образованием. Показательно, что если в 1951 г., когда в СССР прибыла первая группа вьетнамских студентов, их насчитывалось всего 21 человек, то в 1981/82 учебном году советские вузы приняли на учебу 1027 вьетнамцев. За 30 лет сотрудничества, с 1951 по 1981 г., советскими вузами было выпущено около 10 тыс. специалистов-вьетнамцев¹⁸.

Период, прошедший после государственного воссоединения Вьетнама в 1976 г. был отмечен активным развитием торгово-экономических связей СРВ с другими странами социалистического содружества.

Перевод сотрудничества между ними на долгосрочную основу создал благоприятные условия как для более четкого перспективного планирования, так и для учета

¹³ См.: Бюллетень ВИА, 5.VII.1981.

¹⁴ «Нян Зан», 3.XI.1981.

¹⁵ См. там же, 11.III.1982.

¹⁶ См.: «Правда», 28.III.1982.

¹⁷ См.: «Нян Зан», 20.IV.1981.

¹⁸ См.: «Ханой мой», 21.XI.1981.

текущих потребностей. Этот качественно новый этап братских отношений играет важную роль в социалистическом строительстве во Вьетнаме, а также в развитии тех отраслей экономики, которые способствуют увеличению экспортных ресурсов СРВ.

Так, ГДР оказывает Вьетнаму содействие в развитии черной металлургии, в создании предприятий по ремонту оборудования и бытовой техники. Специалисты из ГДР оказывали помощь в строительстве сталепрокатного цеха в Тхайнгуене, завода тонкого проката в Зяшанге, домостроительного комбината. По совместно разработанным специалистами ГДР и СРВ планам предполагается создать 42 мастерские по ремонту техники, обработке древесины, изготовлению учебных пособий и одежды. Специалисты из ГДР работали над восстановлением и реконструкцией города Виня — центра провинции Нгетинь, который был практически полностью разрушен во время агрессии американских империалистов. Завершилась реконструкция типографии газеты «Няи Зан», осуществлявшаяся при техническом содействии ГДР.

СССР помогает СРВ в строительстве объектов электроэнергетической, машиностроительной и легкой промышленности. При содействии Чехословакии были построены обувная фабрика в Хайфоне, лесопромышленный комбинат, лесопильни в Вине и Тханьхоа, строится шарикоподшипниковый завод около Ханоя, ТЭЦ, предприятия машиностроения и легкой промышленности и другие объекты.

ВНР участвует в строительстве предприятий по производству электротехнических изделий, инструментов, холодильного оборудования, мебели, медикаментов, а также в проведении геологоразведочных работ. Венгерские специалисты оказывают содействие в сооружении хлебозавода, холодильника, мебельной фабрики, в создании профессиональных учебных заведений, в разработке проекта благоустройства города Хонгая — центра Куангбиньского угольного бассейна.

ПНР оказывала в годы второй пятилетки содействие СРВ в развитии угледобывающей промышленности и транспорта. Польские специалисты оказали помощь в восстановлении и реконструкции предприятий по ремонту железнодорожного подвижного состава в Заляме, в строительстве судовой верфи в Байтае, завода строительной арматуры в Ханое, сахарного завода в Вандьене и др.

НРБ оказывает помощь Вьетнаму в добыче и обогащении медной руды, строительстве энергетических объектов, а также в налаживании производства подъемно-транспортного оборудования, холодильных установок, электродвигателей и других объектов.

Куба ведет работу по созданию плантаций сахарного тростника, развитию мясо-молочного животноводства. Кубинские архитекторы разработали проект восстановления города Донгхоя.

Успешно развиваются торгово-экономические связи СРВ и МНР. Техническое содействие Вьетнаму оказывает СРР.

Важную роль в осуществлении торгово-экономического сотрудничества СРВ с братскими странами играют межправительственные комиссии по экономическому сотрудничеству. В рамках комиссий успешно действуют подкомиссии по научно-техническому сотрудничеству, транспорту и др., которые осуществляют контроль за сотрудничеством в тех или иных отраслях.

Сотрудничество плановых органов в рамках существующих двусторонних межправительственных экономических комиссий стало качественно новым моментом хозяйственного сотрудничества СРВ со странами СЭВ на современном этапе. Такое сотрудничество осуществляется с 1974 г. между плановыми органами СРВ и СССР и другими странами СЭВ. Оно содействует более рациональному оказанию СРВ экономической помощи, формированию структуры народного хозяйства республики с учетом международного социалистического разделения труда, что в свою очередь создает условия для устойчивого роста взаимного товарооборота.

Новый этап развития экономики Вьетнама, требующий активного использования преимуществ экономического и научно-технического сотрудничества СРВ, в первую очередь со странами социализма, обуславливает необходимость совершенствования сложившихся форм взаимодействия экономики СРВ с мировым социалистическим хозяйством. Осуществляется постепенный переход Вьетнама во внешнеэкономических связях с социалистическими странами с традиционных каналов внешнеторгового обмена к производственному сотрудничеству. Эта форма сотрудничества получает в последние годы известное развитие, в частности осуществляется сотрудничество в области переработки поставляемого сырья.

Ле Зуан неоднократно подчеркивал важность для Вьетнама активного участия его в международном разделении труда, в сотрудничестве стран социалистического содружества с использованием таких форм, как создание смешанных предприятий, производство на кооперационной основе, обмен продукцией, изготовление товаров на основе сырья заказчика и т. д.¹⁹

Вьетнам активно участвует в деятельности Совета Экономической Взаимопомощи. В СРВ высоко оценивают многогранную деятельность СЭВ, который, как отмечает вьетнамская пресса, ныне «превратился в могущественную экономическую организа-

¹⁹ См.: «Коммунист», 1980, № 4, с. 94.

цию, насчитывающую в своем составе десять стран, расположенных на трех континентах — в Европе, Азии и Америке, и целый ряд государств-наблюдателей»²⁰.

Вьетнам неоднократно получал технико-экономическую помощь от братских стран на многосторонней основе. Государства — члены СЭВ на коллективной основе оказали содействие в восстановлении и вводе в эксплуатацию в декабре 1976 г. исключительно важного народнохозяйственного объекта — железной дороги «Единство», соединяющей Ханой и Хошимин. Советский Союз предоставил в этих целях 300 км рельсов, 5 тыс. т химикатов для пропитки шпал, тысячи тонн металлоконструкций для строительства мостов; ВНР — 700 т оборудования, НРБ — бетономешалки, ГДР — пневматические прессы и автокраны, ПНР — рельсы и дизельные генераторы.

Разрабатываются и находятся в стадии реализации другие проекты оказания членами Совета Экономической Взаимопомощи на многосторонней основе содействия Вьетнаму в хозяйственном строительстве, в решении сложных экономических и социальных задач, стоящих перед СРВ.

По решению 74-го заседания Исполкома СЭВ была создана рабочая группа по помощи Вьетнаму. Одной из тем изучения во многих странах — членах СЭВ стала проблема содействия Вьетнаму в механизации сельского хозяйства.

В 1977 г. СРВ вступила в члены Международного инвестиционного банка и Международного банка экономического сотрудничества.

Важным шагом в деле расширения сотрудничества Вьетнама с братскими странами на многосторонней основе явилось принятие СРВ в члены Совета Экономической Взаимопомощи в июне 1978 г. на XXXII сессии СЭВ.

Давая высокую оценку решению сессии СЭВ о приеме СРВ в члены этой организации, вьетнамская общественность отмечала, что Вьетнам является социалистической страной с богатыми природными и трудовыми ресурсами, значительным народнохозяйственным потенциалом. Прием СРВ в члены СЭВ создаст более благоприятные условия для развития потенциальных возможностей страны, ускорения процесса социалистической индустриализации, продвижения вперед, к крупному социалистическому производству²¹.

Решение братских стран принять СРВ в члены СЭВ стало поистине историческим событием в жизни вьетнамского народа, которое знаменует новый этап в развитии экономического сотрудничества и отношений взаимопомощи между СРВ и другими странами — членами СЭВ. С вступлением в Совет Экономической Взаимопомощи перед Вьетнамом открылись новые перспективы экономического развития. Одновременно СРВ получила возможность вносить посильный вклад в развитие народного хозяйства всего социалистического содружества.

На 87-м заседании Исполкома СЭВ, проходившем в Улан-Баторе с 27 сентября по 1 октября 1978 г., была достигнута договоренность о сферах сотрудничества, в которых Вьетнам может принять участие, были согласованы конкретные области участия СРВ в деятельности органов СЭВ. По оценкам вьетнамских экономистов, сферы сотрудничества, в которых Вьетнам сможет принять участие, многообразны. С учетом своих природных условий СРВ в перспективе сможет увеличить поставки братским странам ценных пород древесины, продовольственных и технических культур, таких, как кофе, чай, каучук, цитрусовые, ананасы, бананы. Недра Вьетнама богаты различными полезными ископаемыми (медь, олово, апатиты, бокситы, уголь, нефть), страна располагает значительными трудовыми ресурсами. Все это создает реальные предпосылки для долгосрочного и многостороннего сотрудничества на основе специализации и кооперирования.

На этом же заседании страны СЭВ приняли решение оказать содействие СРВ в сооружении объектов, ранее начатых с помощью Китая, в частности моста «Тханглонг» через реку Красная. На заседании были рассмотрены вопросы развития народного хозяйства СРВ на 1981—1985 гг.²²

В январе 1979 г. Комиссия по научно-техническому сотрудничеству стран — членов СЭВ приняла решение о предоставлении помощи и сотрудничестве с СРВ. На 89-м заседании Исполкома СЭВ (27—29 марта 1979 г.) было принято решение оказать помощь Вьетнаму в восстановлении разрушенных в феврале 1979 г. народнохозяйственных объектов в пограничных провинциях. Это решение СЭВ было с признательностью встречено трудящимися Вьетнама.

Делегация СРВ во главе с премьер-министром Фам Ван Донгом участвовала в юбилейной, XXXIII сессии СЭВ в Москве в июне 1979 г. В выступлениях на сессии вьетнамских представителей подчеркивалось, что вступление СРВ в СЭВ увеличило возможности совершенствования хозяйственных связей СРВ с братскими странами, создало условия для преодоления трудностей, ускорения строительства социализма. Говорилось о возможностях СРВ производить и поставлять государствам социалистического содружества каучук, кофе, ананасы, ряд ценных технических культур, лесоматериалы, а также увеличить добычу угля, производство продукции добывающей промышленности и стройматериалов. Вьетнамская сторона приветствовала инициативы, направленные на дальнейшее расширение помощи Вьетнаму. Со своей стороны Вьетнам

²⁰ «Новости Вьетнама», 1979, № 6, с. 12.

²¹ См.: «Нян Зан», 2.VII.1978.

²² См.: «Новости Вьетнама», 1979, № 6, с. 15.

обязался прилагать максимум усилий с целью более полного и эффективного использования этой помощи²³.

XXXIII сессия СЭВ приняла решение распространить на СРВ принципиальные Положения Комплексной программы социалистической экономической интеграции о специальных мерах по ускорению развития ее экономики, чтобы содействовать усилиям героического вьетнамского народа в социалистическом строительстве. Этот шаг направлен на координацию усилий стран — членов СЭВ по осуществлению целого комплекса практических мероприятий, призванных способствовать усилению процесса сближения и выравнивания уровней экономического развития Вьетнама и других стран социализма.

В последние годы Вьетнам значительно расширил и углубил торгово-экономические связи с СССР и другими социалистическими странами, на которые приходится более $\frac{2}{3}$ товарооборота СРВ. В годы второй пятилетки СРВ (1976—1980) на страны СЭВ приходилось 95 % импорта во Вьетнам металлоконструкций, 90 % нефтепродуктов, более 80 % продовольствия, 95 % хлопка и пряжи, 70 % вьетнамского экспорта направлено в страны СЭВ²⁴. Получая из социалистических стран современное оборудование и машины, необходимое сырье и материалы, промышленные товары, Вьетнам поставляет на мировой социалистический рынок продукцию сельского хозяйства, в том числе ценные тропические культуры, товары легкой и пищевой промышленности, продукцию добывающей промышленности. При техническом содействии ГДР, ПНР, ЧССР, ВНР, НРБ, Кубы и других стран социалистического содружества в СРВ строятся десятки важных народнохозяйственных объектов.

Участию СРВ в деятельности Совета Экономической Взаимопомощи уделяется особое внимание в текущей пятилетке. В докладе на V съезде КПВ тов. Ле Зуан указал, что сотрудничество между СРВ и другими государствами социалистического содружества сделало качественно новый шаг в своем развитии после того, как СРВ стала официальным членом Совета Экономической Взаимопомощи. Вьетнам получил мощную поддержку и многостороннюю помощь стран социализма. В соответствии с подписанными между СРВ и братскими государствами договорами о дружбе и сотрудничестве и соглашениями наше сотрудничество, подчеркнул Ле Зуан, распространилось на политическую, экономическую, культурную и научно-техническую области достигло вдохновляющих результатов²⁵.

Действительно, на современном этапе практически нет такой области народного хозяйства, науки и культуры, в которой СССР и другие страны социалистического содружества не оказывали бы помощи Вьетнаму. Разносторонняя помощь братских стран, особенно стран СЭВ, вносит большой вклад в развитие отраслей современной промышленности, техническое перевооружение сельского хозяйства, обеспечение первоочередных жизненных потребностей населения Вьетнама. Эта помощь и взаимное сотрудничество являются надежной гарантией победы Вьетнама и на экономическом фронте, фактором продвижения СРВ вперед, по пути социалистического строительства.

Эффективной формой экономического сотрудничества СРВ с социалистическими странами, прежде всего со странами СЭВ, стало и научно-техническое сотрудничество, включающее обмен научно-технической документацией, взаимные командировки специалистов для ознакомления с производственными и научно-техническими достижениями, подготовку национальных кадров, сотрудничество научно-исследовательских и проектно-конструкторских организаций.

Вершиной советско-вьетнамского научно-технического сотрудничества стал совместный космический полет летчиков-космонавтов Советского Союза и Вьетнама. В 1979 г. СРВ стала десятым членом программы «Интеркосмос». 23 июля 1980 г. в Советском Союзе был осуществлен запуск космического корабля «Союз-37», пилотируемого международным экипажем — советским космонавтом В. Горбатко и вьетнамским космонавтом Фам Туаном. В ходе полета вьетнамский космонавт участвовал в выполнении многообразных научных задач — от исследований в области космической медицины и биологии, космической физики и технологии до визуальных наблюдений и фотосъемки с целью изучения природных ресурсов Вьетнама.

О расширении и качественном росте сотрудничества свидетельствует и оказание содействия Советским Союзом в сооружении в СРВ наземной станции космической связи типа «Интерспутник», которая была введена в строй в июле 1980 г. и передана в дар Вьетнаму. Станция «Лотос» позволяет обеспечивать обмен телевизионными программами между СРВ и другими странами — участницами «Интервидения», а также осуществлять телефонную связь между ними через искусственный спутник Земли.

Делегация СРВ участвовала в 98-м заседании Исполнительного комитета Совета Экономической Взаимопомощи, которое состоялось в январе 1981 г. в Москве. В ходе заседания Исполкома было подписано генеральное соглашение о многостороннем сотрудничестве заинтересованных стран — членов СЭВ в содействии ускоренному развитию науки и техники СРВ на период до 1990 г.²⁶

²³ См.: «Правда», 28.VI.1979.

²⁴ См.: «Нян Зап», 27.VI.1981.

²⁵ См.: там же, 28.III.1982.

²⁶ См.: «Правда», 17.I.1981.

На состоявшемся в мае 1981 г. в Москве 99-м заседании Исполнительного комитета СЭВ были одобрены специальные меры, включая меры в области науки и техники, направленные на ускорение развития и повышение эффективности народного хозяйства СРВ. Страны — члены СЭВ окажут экономическое и научно-техническое содействие СРВ в таких важнейших для народного хозяйства Вьетнама областях, как сельское хозяйство, геология, транспорт, энергетика, медицина, в оснащении институтов и исследовательских центров, в подготовке и повышении квалификации научных и технических кадров²⁷.

Комментируя итоги этого заседания Исполкома СЭВ, вьетнамские товарищи указывали, что специальные меры с целью оказания помощи СРВ в эффективном развитии народного хозяйства представляют собой важный шаг к быстрому преодолению трудностей, имеющихся во Вьетнаме, и в дальнейшем развитии социалистического строительства в СРВ. Специальные меры, разработанные на 99-м заседании Исполкома СЭВ, конкретизировали решения, принятые на XXXIII заседании сессии СЭВ в 1979 г., об осуществлении Комплексной программы экономического развития и о мерах по развитию экономики Вьетнама. Это еще одно проявление братского сотрудничества в духе интернационализма и бескорыстия²⁸.

Во Вьетнаме хорошо понимают, что благодаря участию в международном разделении труда, основанном на принципах товарищеской помощи и взаимозаинтересованности, СРВ приобретает новые благоприятные условия для быстрого подтягивания уровня развития страны к уровню развития братских стран. В процессе реализации двусторонних и многосторонних программ страны СЭВ осуществляют меры, способствующие развитию таких важных отраслей народного хозяйства Вьетнама, как сельское хозяйство, пищевая промышленность, геология, угледобывающая промышленность, транспорт и др. Трудящиеся Вьетнама, указывается в прессе СРВ, отдадут все свои силы выполнению подписанных соглашений, будут наращивать производство, экономно расходовать материалы во имя повышения эффективности международного сотрудничества братских стран социалистического содружества²⁹.

Особого внимания заслуживает тот факт, что Советский Союз и другие братские страны оказывают содействие Вьетнаму в развитии топливной и энергетической промышленности, сосредоточивая внимание на разведке и добыче нефти и газа на континентальном шельфе, с тем чтобы Вьетнам мог в скором времени иметь свою нефть.

Прилагаются также усилия, чтобы помочь Вьетнаму увеличить сельскохозяйственное производство, в особенности производство продовольствия, расширить экспорт, создать предприятия по производству товаров на экспорт, развивать инфраструктуру, готовить научно-технические кадры и квалифицированных рабочих. В рамках многостороннего сотрудничества СЭВ его члены оказывают содействие Вьетнаму в активизации разведки полезных ископаемых, развитии науки и техники.

В предстоящие годы десятки тысяч молодых вьетнамцев будут посланы в вузы, техникумы и профессионально-технические училища СССР и других братских стран. По окончании учебы они вернуться на родину квалифицированными специалистами, чтобы всемерно содействовать социалистическому строительству и национальной обороне³⁰.

Стратегические принципы и главные направления внешнеэкономической политики СРВ, отметил в докладе на V съезде КПВ тов. Ле Зуан, — это расширение и укрепление всестороннего сотрудничества с СССР и развитие сотрудничества со странами — членами СЭВ на основе социалистической экономической интеграции, это активное участие в международном разделении труда, специализации и производственной кооперации в соответствующих сферах, расширение отношений всестороннего сотрудничества и взаимопомощи с Лаосом и Кампучией в целях развития экономического потенциала каждой из этих трех стран. При этом необходимо уделять особое внимание экономической эффективности, эффективному использованию кредитов и помощи Советского Союза и других братских стран, добиваться выполнения своих обязательств, международного доверия, решительно бороться с иждивенческими настроениями в отношении иностранной помощи.

В предстоящий период, указывалось в материалах V съезда КПВ, Вьетнам вместе с братскими странами приложит дальнейшие усилия для успешной реализации сотрудничества в рамках двусторонних договоров и соглашений, будет способствовать их дальнейшему развитию в процессе координации планов между странами — членами СЭВ³¹.

²⁷ См. там же, 16.V.1981.

²⁸ См.: «Нян Зан», 27.V.1981.

²⁹ См. там же.

³⁰ См.: Бюллетень ВИА, 5.VI.1981.

³¹ См.: «Правда», 28.III.1982.

Международные компании

Гонконг, Тайвань и Южной Кореи

А. В. Березной

Появление гонконгских, тайваньских и южнокорейских компаний в современном международном бизнесе, превращение их в экспортеров капитала относится к важным событиям экономической жизни региона. Эти компании все более заставляют считаться с собой всех без исключения участников международных хозяйственных связей.

Относительно быстрый индустриальный рост в Гонконге, на Тайване и в Южной Корее уже достиг той ступени, когда развивающейся крупной местной буржуазии становится тесно в узких национальных границах, когда она включается в международный раздел сфер прибыльного приложения капитала, стремясь в условиях ожесточенной конкуренции на мировых рынках отвоевать себе место под солнцем. Действительно, даже имеющиеся фрагментарные данные (регулярной статистики по этим вопросам пока не существует) свидетельствуют о том, что зарубежное инвестирование, осуществляемое этими дальневосточными фирмами, приобрело широкие масштабы и продолжает динамично увеличиваться. В Гонконге уже в 1977 г. объем ежегодно вывозимого капитала превысил иностранные капиталовложения в местную экономику. В настоящее время стоимость прямых иностранных инвестиций гонконгских компаний оценивается примерно в 2 млрд. долл.¹ На Тайване трудно отыскать крупную компанию, не имеющую по крайней мере два-три зарубежных производственных филиала. В Южной Корее насчитывается уже 150 международных фирм с подконтрольными предприятиями в 44 странах мира².

В целом ряде развивающихся стран присутствие международных компаний Гонконга, Тайваня, Южной Кореи уже оказывает немалое воздействие на внутреннюю экономическую ситуацию. В Индонезии, например, фирмы Гонконга занимают второе (после японских), а южнокорейские — восьмое место по объему иностранных инвестиций в недобывающие отрасли местной промышленности. В Таиланде из 360 иностранных инвесторов, получивших разрешение на операции в стране с середины 60-х до середины 70-х годов, около ста было представлено фирмами Тайваня и Гонконга (по данным журнала Экономической комиссии ООН по Латинской Америке)³.

Все эти обстоятельства придают большой и самостоятельный интерес исследованию зарубежных операций «новых» международных компаний, анализу их внешнеэкономической стратегии и деловой практики.

Первые шаги в зарубежной деятельности

Первые попытки создания заграничных филиалов компаниями Гонконга, Тайваня и Южной Кореи относятся к началу 60-х годов. Приоритет здесь принадлежит фирмам Гонконга, примеру которых последовали тайваньские и южнокорейские компании. Важнейшим побудительным мотивом развертывания зарубежных операций на первых порах, как в свое время и для многих западных монополий, послужило стремление сохранить за собой иностранные рынки, уже завоеванные посредством экспорта. Не случайно подобно рода «защитительное» иностранное инвестирование в значительной мере соответствовало структуре и направлениям экспортной торговли. Так, обследование зарубежных производственных филиалов гонконгских фирм показало, что $\frac{3}{4}$ из них было создано в странах, рынки которых незадолго до этого снабжались соответствующими материнскими компаниями по внешнеторговым каналам⁴. К аналогичным выводам привело обследование заграничных операций южнокорейских фирм⁵.

На рубеже 50-х и 60-х годов компании Гонконга обнаружили, что на пути их экспорта в развивающиеся страны зонтиков, фонарей, кондитерских изделий и т. п. воздвигаются протекционистские барьеры, направленные на поощрение местного производства этих товаров. В 60-е годы под угрозой оказался уже их текстильный экспорт, а в первой половине 70-х — экспорт бытовых электроприборов. Соответственно эволюционировала и структура иностранных инвестиций гонконгских фирм: от производства простейших изделий домашнего обихода и пищевых продуктов до текстиля и бытовой электроники.

В ряде случаев на путь создания филиалов в зарубежных развивающихся странах Гонконг, Тайбэй и Сеул толкало стремление использовать эти страны как

¹ In: «World Development», 1982, № 2, p. 133.

² In: «Journal of International Business Studies», 1980, № 2, p. 118.

³ In: «CEPAL Review», 1981, № 14, p. 57.

⁴ In: «The Columbia Journal of World Business», 1978, № 1, p. 41.

⁵ In: «Multinational Business», 1980, № 4, p. 5.

своего рода плацдарм для экспорта в развитые капиталистические государства. Уже в начале 60-х годов правительства западных стран разработали для текстиля и швейных изделий из Гонконга систему экспортных квот, а затем «добровольных ограничений экспорта». С целью их обхода гонконгские фирмы двинулись в Сингапур (в 1963—1964 гг., например, там было создано 15 подконтрольных текстильных предприятий), а когда ограничения распространились и на эту страну, начали создавать филиалы на Тайване, в Макао, Таиланде, Малайзии, Шри Ланка. «Поскольку ЕЭС увлекалось предоставлением беднейшим развивающимся странам квот в опережение их производственных возможностей, — отмечала по этому поводу «Интернэшнл геральд трибюн», — Гонконг может этим воспользоваться путем инвестирования, ввоза в эти страны оборудования и технических знаний, как это осуществляется в Шри Ланка»⁶. Создание филиалов на Маврикии обеспечило гонконгским компаниям практически беспрепятственный доступ в страны «Общего рынка» (в рамках Ломейской конвенции). Аналогичные стимулы лежали в основе зарубежного инвестирования фирм — производителей обуви и телевизоров из Южной Кореи и Тайваня⁷. При этом протекционистские барьеры были не единственной причиной: увеличение издержек на заработную плату в странах базирования (а в Гонконге и резкий скачок цен на землю) постоянно снижало конкурентоспособность экспортной продукции, и перемещение производства в развивающиеся государства с более дешевой рабочей силой (Индонезию, Малайзию, Таиланд, а затем и в африканские страны) представлялось естественным выходом. Характерно, что этот процесс затронул не только промышленные компании дальневосточных территорий, но частично и местный агробизнес. Так, тайваньская фирма, специализирующаяся на выращивании и переработке ананасов на экспорт, стала создавать плантационные хозяйства в Таиланде и Береге Слоновой Кости, по мере того как удорожание сельскохозяйственного труда на Тайване сделало невыгодным местное культивирование⁸.

Все же, однако, деятельность основной части зарубежных филиалов фирм Гонконга, Тайваня и Южной Кореи с самого начала ориентировалась на рынки принимающих, в большинстве случаев развивающихся стран. Здесь стала достаточно отчетливо проявляться специфика операций этих «новых» международных компаний, их особые конкурентные преимущества. В отличие от западных транснациональных корпораций (ТНК), оперирующих главным образом в отраслях, которые характеризуются высокой капиталоемкостью, интенсивной технологической базой или требуют больших затрат по маркетингу, международные фирмы дальневосточного региона устремились прежде всего в сектора производства технически простой, трудоемкой недифференцированной продукции, где основным инструментом конкурентной борьбы являются низкие цены. Так, специальное обследование филиалов гонконгских и тайваньских фирм в Индонезии обнаружило, что их средние затраты на машины и оборудование в расчете на одного рабочего были значительно ниже аналогичных показателей филиалов ТНК развитых капиталистических стран. Что же касается коэффициента «капитал — труд» (общие капитальные вложения в расчете на одного рабочего), то у западных инвесторов он более чем вдвое превышал аналогичный коэффициент у подконтрольных предприятий «новых» международных компаний. Это подтверждается, например, сравнением средних показателей капитальных затрат в расчете на одного рабочего в филиалах «новых» международных компаний и ТНК развитых капиталистических стран в Индонезии (в тыс. долл.):

	Затраты на машины и оборудование	Общие капитальные вложения
Гонконг, Тайвань и Сингапур*	4,42	8,3
Япония	8,14	18,8
США	5,37	16,9
Великобритания	5,34	19,9

* Имеющиеся статистические данные не позволяют отделить гонконгские и тайваньские филиалы от сингапурских. Однако включение последних не отразилось на искомым показателях, поскольку зарубежные операции компаний этой развивающейся страны (имеющей к тому же общие этнические корни с Гонконгом и Тайванем) характеризуются практически идентичными параметрами.

Источники: «Bulletin of Indonesian Economic Studies», 1979, N 1, p. 75.77.

В то же время обследование показало, что «новые» международные компании сосредоточили свою зарубежную деятельность на тех отраслях, которые отличаются небольшими удельными расходами на рекламу и маркетинг, а также низкими вложениями в НИОКР⁹. Таким образом, международные фирмы Гонконга, Тайваня, Южной Кореи начали заполнять в первую очередь своего рода «вакуум» в хозяйстве принимающих развивающихся стран, то есть те отрасли или сектора, которые, с одной стороны, невыгодны для проникновения западных монополий, а с другой — в которых местные предприятия еще не оперируют или действуют не столь эффективно. Именно в этих секторах «новые» международные компании могли продемонстрировать свои специфические конкурентные преимущества, основанные на овладении трудоемкой технологией мелкомасштабного производства. Подобного

⁶ In: «International Herald Tribune» (supplement), September 1978, p. S—3.

⁷ In: «Multinational Business», 1980, № 1, p. 17.

⁸ Ibid.

⁹ In: «Bulletin of Indonesian Economic Studies», 1979, № 1, p. 73—74.

рода «промежуточная» технология в условиях столь характерного для развивающейся экономики обилия дешевой рабочей силы и узости внутреннего рынка нередко находит более рациональное применение, чем современная, рассчитанная на массовый спрос, капиталоемкая и трудосберегающая, а повышенная чувствительность к снижению цен местного широкого потребителя делает ценовую конкуренцию грозным оружием.

Овладение «промежуточной» технологией может осуществляться в различных формах. В ряде случаев для этого достаточно обеспечить импорт из развитых капиталистических стран амортизированного оборудования прошлых поколений. Однако вследствие чрезвычайно слабого развития рынка устаревшего оборудования даже поиски поставщиков превращаются в серьезную проблему, не говоря уже о снабжении запасными частями и т. п. Поэтому многие международные фирмы Гонконга, Тайваня, Южной Кореи, ищущие давние коммерческие связи и солидный опыт операций в этой области, приобретают тем самым специфические конкурентные преимущества. Нередко важнейшим фактором является гибкость в вопросах подбора и установки оборудования. Последнее располагается в рамках предприятия таким образом, чтобы достичь «множественной комплементарности», то есть обеспечить возможность перевода производства в случае насыщения данного рынка на выпуск другой продукции в минимальные сроки. Например, одно и то же оборудование по металлообработке использовалось «новыми» международными компаниями для производства как камер для холодильников, так и кухонных плит¹⁰. Наконец, международные фирмы Гонконга, Тайваня, Южной Кореи не ограничиваются закупками амортизированной техники или адаптацией ее к условиям трудоемкого мелкомасштабного производства, но и сами разрабатывают и производят оборудование специально для этих условий. Показательным в этом смысле представляется данное американским экономистом Л. Уэллсом описание технологического процесса на предприятиях гонконгской международной фирмы, изготавливающей алюминиевую посуду, производство которой, по его словам, является «типичным». «Производство в Гонконге, — пишет он, — по объему составляющее примерно треть выпуска среднего японского предприятия, предполагает ручную разливку жидкого алюминия в матрицы небольшого размера. Прокатка осуществляется на оборудовании, приводимом в действие вручную и не имеющем автоматического возвратного устройства. Штамповка листового алюминия производится на оборудовании, приводимом в действие при помощи ног. Другие операции аналогичным образом приспособлены к мелкомасштабному производству. Когда фирма создала предприятие по выпуску алюминиевой посуды в другой стране Юго-Восточной Азии мощностью примерно 80 % от объема производства на отечественной фабрике, она экспортировала сюда часть применяемого оборудования»¹¹.

Кроме адаптации к условиям трудоемкого мелкомасштабного производства, к серьезным преимуществам «новых» международных компаний в конкурентной борьбе на зарубежных рынках можно отнести незначительные накладные расходы вследствие низкой заработной платы управленческого и инженерного персонала, направляемого за границу для работы на подконтрольных предприятиях (даже несмотря на то, что численность этого персонала обычно больше, чем у западных ТНК). Так, оплата труда южнокорейского инженера, например, в Саудовской Аравии в середине 70-х годов оценивалась экспертами в сумму, составляющую менее половины аналогичных расходов на английского инженера и примерно четверть на американского¹².

Роль специфических конкурентных преимуществ приобрели, наконец, и отношения международных фирм Гонконга, Тайваня, Южной Кореи с принимающими развивающимися государствами. Широкая оппозиция грабительской практике западных монополий в этих странах и надежды на то, что компании других стран представляют собой реальную альтернативу транснациональным гигантам, обеспечили «новым» международным компаниям более благоприятный инвестиционный климат. В ряде случаев существенное значение имели чисто политические мотивы. Достаточно сослаться хотя бы на довольно откровенное высказывание бывшего министра торговли Шри Ланка: «Мы отдаем предпочтение инвесторам небольших территорий, таких, как Гонконг, потому что никто не может говорить о продажности империализму в том случае, если имеет перед глазами страну, которая так же мала или еще меньше, чем мы сами»¹³. В немалой степени этому способствует и гибкая политика самих «новых» международных компаний, куда более охотно (по сравнению с ТНК) соглашающихся на организацию в принимающих странах смешанных предприятий на паритетных началах с местными партнерами или даже на предоставление последним большинства акций. Так, обследование иностранных инвесторов в Таиланде показало, что у 86 % «новых» международных компаний (среди них был особенно велик удельный вес тайваньских фирм) участие в капитале предприятия составляло 49,9 % и менее, в то время как у подавляющего большинства монополий, базирующихся в капиталистических странах (у 86 % японских, 80 % западноевропейских и 72 % американских), наоборот, 50 % и более¹⁴.

¹⁰ In: «Multinational Business», 1980, № 1, p. 13.

¹¹ The Columbia Journal of World Business, 1978, № 1, p. 43.

¹² In: «Business Week», 29.V.1978, p. 34.

¹³ In: «Hong Kong Standard», 30.X.1977, p. 6.

¹⁴ In: «Oxford Economic Papers», 1977, N 3, p. 448.

Исключенные в этом плане составляют южнокорейские международные фирмы, около 90 % прямых иностранных инвестиций которых представлено филиалами полного или преимущественного владения¹⁵.

Новые сферы и формы внешней экспансии

Со второй половины 70-х годов все больше крупнейших международных компаний Гонконга, Тайваня и Южной Кореи уже не довольствуются доступом к «промежуточной» технологии и начинают активно проникать в современные капиталоемкие и наукоемкие отрасли. «В 60-е годы, — описывает этот процесс менеджер одного из гигантских южнокорейских конгломератов «Дэву индастриал», — мы производили на базе простого труда. В 70-е годы — на поточной линии. А теперь мы сосредоточились на выпуске машиностроительной продукции, которая еще достаточно трудоёмка, но требует более высокой квалификации»¹⁶. Так, южнокорейские фирмы с необычайной быстротой превратились в крупных по международным стандартам судостроителей. До открытия своих судовой верфи в марте 1972 г. компания «Хюндай», например, практически не имела опыта операций в этой отрасли. Однако уже менее чем через два года на воду был спущен первый супертанкер водоизмещением 260 тыс. т. В конце 70-х годов эта фирма имела в своем распоряжении крупнейшие в мире (!) частные судовой верфи и могла одновременно вести строительство 35 судов различных размеров. Более того, судостроительные компании Южной Кореи, такие, как «Хюндай», в настоящее время успешно конкурируют с японскими гигантами и перехватывают у них один за другим крупнейшие заказы, включая сооружение плавучей платформы по переработке газа для самой Японии. При этом южнокорейских судостроительных фирм следуют и автомобильные. В 1976 г. компания «Хюндай мотор» (также входящая в финансовую группу «Хюндай») сконструировала собственный малолитражный автомобиль «Пони», а в настоящее время уже продает его в 42 странах мира (на Ближнем Востоке, в Латинской Америке, Западной Африке и Западной Европе), в ряде из которых уже построены сборочные предприятия. При этом цена «Пони» на 10—15 % ниже сравнимых западноевропейских моделей, хотя пока и немного превышает цены японских. Стремительно внедряются «новые» международные компании в такие ключевые отрасли современной промышленности, как химическая, общее и точное машиностроение, электроника. «В тяжелой и химической промышленности в особенности, — писал гонконгский еженедельник «Фар истри экономик ревью», — южнокорейские и тайваньские фирмы искали и закупали новейшую японскую технологию, позволяющую им соединить дешевый труд с самой передовой техникой производства для достижения новых высот как в производительности, так и в качественном отношении... И все чаще южнокорейским фирмам удается обеспечить международные стандарты качества в открытой борьбе за поставки промышленного оборудования, предлагая существенно более низкие цены по сравнению с японскими поставщиками»¹⁷. Часовые корпорации Гонконга, в совершенстве освоив японскую систему «творческого копирования», мгновенно совершенствуют последние модели японских электронных часов и продают их по всему капиталистическому миру. Тайваньская фирма «Диско электроникс» стала крупным поставщиком цветных телевизоров и терминалов для компьютеров на западноевропейский и американский рынки. На южнокорейскую компанию «Самсунг» в настоящее время приходится уже 20 % продаваемых в США черно-белых и 3 % цветных телевизоров, которые, как правило, дешевле японских. Ежегодно расходуя на НИОКР 2,1 % стоимости продаж, эта фирма внедрилась также на американский рынок микроволновых плит, высококачественных стереосистем и планирует захватить значительную часть рынка видеомэгафонов. Как заявил один из менеджеров «Самсунг», «японцы в самом деле боятся передавать нам технологию»¹⁸. В долгосрочные стратегические планы компании входит проникновение в такие отрасли, как производство ЭВМ и биохимия. Неслучайно в предстоящие три года ее вложения в НИОКР составят 230 млн. долл., а за пять лет возрастут до 600 млн. долл.¹⁹.

Повышенный интерес, который проявляют в последние годы международные фирмы Гонконга, Тайваня, Южной Кореи к самой современной наукоемкой и капиталоемкой технологии, диктуется им закономерностями конкурентной борьбы в мировом капиталистическом хозяйстве. Стремясь свести к минимуму или вообще избежать противоборства с западными монополиями, «новые» международные компании поначалу сосредоточились на том, от чего ТНК намеренно отказались, — на приспособлении технологического процесса к нуждам трудоемкого мелкомасштабного производства. Подобная адаптация к экономическим условиям, преобладающим в большинстве развивающихся стран, позволила этим компаниям развернуть во многих молодых государствах инвестиционные операции, внедриться в соответствующие сектора их промышленности. Однако, накопив

¹⁵ In: «Multinational Business», 1980, N 4, p. 5.

¹⁶ «Fortune», 10.VIII.1981, p. 179.

¹⁷ «Far Eastern Economic Review», 24.II.1978, p. 41.

¹⁸ «Fortune», 10.VIII.1981, p. 182.

¹⁹ In: «Far Eastern Economic Review», 4.VI.1982, p. 74.

опыт зарубежной деятельности и немалые финансово-технологические ресурсы, руководство крупнейших фирм Гонконга, Тайбэя и Сеула начинает все более отчетливо осознавать, что долговременная опора лишь на «промежуточную» технологию не только не обеспечит стабильного расширения операций, но и грозит в перспективе потерей имеющихся конкурентных преимуществ. «Если мы не будем повышать уровень нашей технологии, — отмечает в этой связи директор тайваньского института экономики Юй Цзунсянь, — мы потеряем нашу конкурентоспособность»²⁰.

Последствия подобного рода постепенного перехода к ориентации на капиталоемкую и наукоемкую технологию достаточно многообразны. Прежде всего появились новые стимулы зарубежного инвестирования. Применение современной технологии выявило особенно глубокие противоречия между узостью внутреннего рынка Гонконга, Тайваня, Южной Кореи и минимально рентабельным объемом производства на предпрятии. В этих условиях интенсивные операции за рубежом становятся насущной необходимостью. Конечно, в известной мере возникающую проблему реализации можно разрешить путем обычного экспорта. Но подобная стратегия всегда чревата опасностью столкновения с тарифными или иными торгово-политическими барьерами. Гораздо более надежным поэтому представляется создание заграничных филиалов. Насколько далеко может зайти такой подход, демонстрирует пример химических компаний Гонконга, которые фактически начали производство за рубежом, используя заграничную производственную базу для удовлетворения относительно скромных потребностей внутреннего рынка. С другой стороны, активное проникновение крупнейших компаний Гонконга, Тайваня, Южной Кореи в капиталоемкие отрасли промышленности привело к резкому расширению материальной базы циклических процессов в их хозяйствах, и нарастающие здесь колебания кризисного характера начинают по классической схеме выталкивать «избыточные» капиталы за границу. Так, в 1980 г. после длительного периода относительно быстрого роста южнокорейская экономика пережила серьезный спад (ВВП сократился по меньшей мере на 2%), сопровождавшийся громадной недогрузкой производственных мощностей, прежде всего в отраслях тяжелой промышленности: судостроительной, химической, электротехнической, сталелитейной, автомобильной. В последней, например, коэффициент загрузки не достигал и 40%²¹. В результате компании, оперирующие в этих отраслях, получили мощный дополнительный импульс к расширению иностранного инвестирования.

Наконец, развитие базовых отраслей тяжелой промышленности довольно быстро обнаруживало острую нехватку собственных сырьевых ресурсов в дальневосточных «новых» индустриальных зонах, что волей-неволей принуждало крупнейшие компании искать их за рубежом. Так, стремясь обеспечить гарантированные поставки сырья, ряд южно-корейских и гонконгских фирм пошли на создание подконтрольных предприятий по заготовке леса в Малайзии и Индонезии, горнодобывающих предприятий в Таиланде.

К существенным последствиям внедрения международных фирм дальневосточного региона в современные промышленные отрасли относится и географическая диверсификация их зарубежных операций. Если еще в начале 70-х годов почти исключительной сферой иностранного инвестирования этих компаний были развивающиеся страны близлежащего региона Юго-Восточной Азии (причем немалую роль в определении направлений зарубежных капиталовложений играли этнические или даже родственные связи в принимающих странах), то к концу 70-х годов их филиальная сеть не только распространяется в самые отдаленные уголки развивающегося мира (от Океании до Латинской Америки), но и все более захватывает развитые капиталистические страны. Так, уже в 1978 г. суммарное число подконтрольных предприятий южнокорейских компаний, расположенных в Северной Америке и Западной Европе, почти вдвое превышало число филиалов в Юго-Восточной Азии (см. нижеследующую таблицу).

Создавая филиалы в промышленно развитых капиталистических странах, многие «новые» международные компании стремятся обеспечить себе доступ к самой передовой технологии. Именно эту задачу ставила перед собой, например, гонконгская фирма «Микроэлектроникс», купив контрольный пакет акций американской «Монозил». «Монозил», — подчеркивает менеджер гонконгской компании, — это наше окно в мир. Она конструирует высококлассные интегральные схемы и занимается дизайном продукции, а мы делаем сборку, тестирование и упаковку»²². Все же главной целью большинства «новых» международных компаний здесь, безусловно, является непосредственное проникновение на емкие западные рынки. При этом международные фирмы дальневосточных территорий становятся все более агрессивными «новичками». Одна только тайваньская корпорация «Формоса пластикс» вложила 400 млн. долл. в химические предприятия Техаса, Луизианы и Делавера. А гонконгская фирма «Стелюкс мэнюфэкчуринг» поглотила ведущую часовую корпорацию США «Булова уотч». Внедрение на западные рынки в свою очередь принуждает «новые» международные компании уделять все больше внимания и средств рекламе и маркетингу в целом. «Ряд южнокорейских многонациональных компаний, — отмечает в этой связи американский экономист У. Тинг, — уже вступают в большую лигу рекламодателей. Обследование последних номеров «Тайм» и «Форчун» обнаружило несколько рекламных объявлений южнокорейских и гонконгских

²⁰ «Fortune», 10.VIII.1981, p. 180.

²¹ In: «The Financial Times», 9.VI.1980.

²² «Fortune», 10.VIII.1981, p. 178.

Региональное распределение зарубежных филиалов южнокорейских компаний в 1978 г.

Регион	Число предприятий	Прямые иностранные инвестиции, млн. долл.
Северная Америка	84	25,294
Западная Европа	42	2,934
Юго-Восточная Азия	66	46,898
Западная Азия	16	7,500
Африка	16	22,906
Латинская Америка	16	1,798
Океания	3	1,858
Итого	243	109,189

Источник: «Economic and Political Weekly», 1980, N 41/42/43, p. 1836.

строительных компаний Южной Кореи оперировали в 25 странах мира²³. Особую активность они проявляют в странах Ближнего Востока, строительный рынок которых, по мнению экспертов, является на сегодня одним из крупнейших и самых перспективных в мире. В 1979 г. южнокорейские компании осуществляли в регионе проекты на сумму 8 млрд. долл., что составляло около четверти этого рынка²⁴. «Когда просматриваешь список подрядчиков наиболее крупных строительных объектов на Аравийском полуострове,— отмечает издаваемый в Бейруте журнал «Коммерс дю Левант», — появляется впечатление, что читаешь телефонный справочник Сеула: Донг А, Ю Он, Дае Лим, Хюндай, и т. д.»²⁵. Наблюдателей особенно поразила быстрота, с которой южнокорейские строительные фирмы начали вытеснять с ближневосточного рынка гигантские западные корпорации, такие, как «Ральф М. Парсонс», «Флуор», «Бечтел». Успехи этих фирм во многом объясняются их возможностями обеспечить строительство дешевой и квалифицированной рабочей силой на всех уровнях — от инженеров до рядовых строителей, — которую они привозят из Южной Кореи. На 1980 г. в странах Персидского залива работало более 100 тыс. южнокорейских строителей, из них в одной Саудовской Аравии — 80 тыс. человек²⁶.

* * *

Таким образом, Гонконг, Тайвань, Южная Корея долгое время выступавшие исключительно в роли объекта приложения капитала иностранных монополий, в последние годы сами превратились в «страны базирования» компаний, оперирующих в международном масштабе и взывших на вооружение основные методы зарубежной экспансии транснациональных корпораций (прямые иностранные инвестиции, экспорт технологии). Анализ эволюционирующей внешнеэкономической стратегии этих «новых» международных компаний показывает, что, начав свою заграничную деятельность с проникновения в невыгодные для ТНК отрасли и сектора, они постепенно укрепляли свой потенциал и в настоящее время все более становятся прямыми конкурентами западных корпораций, а на некоторых рынках уже и теснят последних. Не случайно поэтому многие буржуазные экономисты поспешили включить эти фирмы в число транснациональных²⁷. Однако даже несмотря на то, что уже более десятка компаний дальневосточных территорий входит в ежегодно публикуемый чикагским журналом «Форчун» список 500 крупнейших в капиталистическом мире неамериканских корпораций (список, который считается на Западе своего рода количественным цензом для отнесения фирмы к элите транснационального бизнеса), ни одна из них пока не достигла необходимого для ТНК уровня интернационализации. Ни одна из них

²³ «The Columbia Journal of World Business», 1980, N 3, p. 85.

²⁴ In: «Y. Rhee, L. Westphal. A Note on Exports of Technology from the Republics of China and Korea. Airlie, 1978, p. 13.

²⁵ In: «Journal of International Business Studies», 1980, N 2, p. 122.

²⁶ Ibid.

²⁷ «Le Commerce du Levant», 30.VI.1980, p. 15.

²⁸ Ibid., I.IX.1980, p. 12.

²⁹ См., например: D. Heenan, W. Keegan. The Rise of Third World Multinationals. — «Harvard Business Review», 1979, N 1, p. 101—109.

не отпечатает разработанным марксистской экономической наукой качественным критерием современной международной монополии, таким, как направленная на оптимизацию корпоративной стратегии в глобальном масштабе интеграция последовательных звеньев производственной цепи «поверх национальных границ» на основе громадной концентрации производства и капитала, относительная независимость воспроизводства в рамках корпорации от воспроизводственных процессов в национальных хозяйствах, выход внутрикорпорационного разделения труда за национальные рамки и превращение его, по существу, в международное.

В то же время отказ от зачисления оперирующих в международном масштабе компаний Гонконга, Тайваня, Южной Кореи в разряд транснациональных корпораций отнюдь не означает признания принципиально иной социально-экономической сущности этого явления. Международные частнокапиталистические фирмы явились в условиях современных международных хозяйственных связей капитализма важнейшей формой интернационализации операций набирающей силу буржуазии дальневосточного региона. «Новые» международные компании превратились, по существу, в ближайший резерв транснационального монополистического капитала, так же как дальневосточные «новые» индустриальные зоны в целом — в ближайший резерв мирового капитализма. Недаром ТНК все шире развивают деловое партнерство с этими компаниями на базе общих классовых интересов, все активнее привлекают их для совместной эксплуатации других развивающихся стран.

С другой стороны, факты свидетельствуют о том, что, вопреки надеждам Запада, появление «новых» международных компаний не только не вдохнуло новую жизнь в страдающую хроническими недугами мировую капиталистическую экономику, но резко обострило раздирающие ее внутренние противоречия. Всячески поощряя воспринятую буржуазией дальневосточных территорий у Японии модель развития, ориентированного на внешнеэкономические связи, империалистические страны теперь начинают все яростнее ощущать мощь их конкуренции. Как отмечал по этому поводу вице-президент тайваньского отделения американской транснациональной банковской корпорации «Ситибэнк» М. Кэннон-Брукс, азиатские «мини-страны» стремятся прорваться в высшую лигу, чтобы соревноваться с Японией, США и Европой³⁰. И, судя по всему, старым империалистическим державам придется в будущем приложить немалые усилия для сохранения в этом конкурентном «соревновании» прежних позиций. Во всяком случае, динамическое расширение операций «новых» международных компаний показывает, что на Дальнем Востоке вырастает новый центр экономической силы, а значит, новый узел противоречий и конфликтов в мировом капиталистическом хозяйстве.

³⁰ «Fortune», 10.VIII.1981, p. 184.

Исследование по культуре социалистической Монголии

Из печати вышла монография Л. М. Гатауллиной о строительстве социалистической культуры в МНР*. В этой работе, по существу, впервые представлен весь комплекс проблем, связанных со становлением и развитием культуры социалистической Монголии, рассматриваются такие недостаточно разработанные в монголоведческой литературе вопросы, как характер, сущность и задачи культурной революции в условиях страны, совершающей переход к социализму, минуя капитализм, соотношение общих закономерностей и особенностей культурной революции в условиях МНР, периодизация истории этой революции. Проблемы создания новой культуры рассматриваются автором широко и многопланово в тесной связи с политическими и экономическими задачами того или иного этапа строительства социализма в МНР. Большое место отводится завершающему этапу строительства социализма, вопросам, связанным с состоянием, тенденциями и путями развития духовной жизни монгольского общества в период завершения строительства материально-технической базы социализма в республике.

Л. М. Гатаулина обосновывает важное положение о том, что ныне характер и темпы общественного прогресса в МНР, темпы завершения строительства социализма в большей степени зависят от интеллектуального потенциала общества, от уровня развития народного образования, науки, культуры. Культура все глубже и шире входит в производство, управление, быт, оказывает сильное и самое благотворное воздействие на все сферы общественной жизни, становится одной из основных качественных характеристик современного этапа строительства социализма в Монголии.

Важнейшим итогом культурной революции в МНР, как это показано в монографии на большом фактическом материале, является неуклонное повышение общеобразовательного уровня населения. В работе

рассматриваются вопросы состояния школьного образования на основных этапах народной революции, большое внимание уделяется организационным принципам школьной системы, содержанию, формам и методам учебно-воспитательной работы, вопросам, связанным с перестройкой общеобразовательной школы в соответствии с требованиями научно-технического прогресса и развитием общества. Особое внимание уделяется проблемам ликвидации неграмотности и малограмотности взрослого населения и превращения Монголии в страну сплошной грамотности.

Большое место в книге занимает проблема неуклонного возрастания роли науки как важнейшего компонента духовной культуры социализма. Автор показывает достижения монгольских ученых в области естественных наук, особенно сельскохозяйственной науки, в изучении богатых природно-сырьевых ресурсов страны, значительные успехи прикладных исследований технико-экономического направления, освещает основные направления исследований монгольских обществоведов, связанные с разработкой программных задач социалистического строительства — укреплением материально-технической базы социализма, совершенствованием общественных отношений и развитием коммунистического воспитания трудящихся. Автор приходит к выводу, что наука в МНР, как и во всех социалистических странах, все в большей мере становится непосредственной производительной силой, а производство — технологическим применением науки, что способствует коренному преобразованию основных отраслей народного хозяйства МНР, ускорению темпов завершения строительства социализма в республике.

На всех этапах строительства нового общества МНРП придает огромное значение развитию литературы и искусства, учитывая их роль в повышении общекультурного уровня трудящихся, формировании их мировоззрения, этических и эстетических норм в обществе и морально-политических качеств граждан. В работе подчеркивается положение о том, что МНРП последовательно выступает за укрепление принципов социалистического реализма в худо-

* Л. М. Гатаулина. Строительство социалистической культуры в Монгольской Народной Республике. М., «Наука», 1981, 280 с.

жественном творчестве, ведет решительную борьбу против всяких проявлений безыдейности и аполитичности, воспитывает творческих работников в духе марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма. В работе показано, что лучшие произведения монгольских мастеров художественной культуры выступают как важное орудие познания жизни, закономерностей общественного развития, как действенный фактор революционного преобразования действительности, как средство идейного обогащения человека, его нравственного совершенствования.

Приведенный в монографии материал свидетельствует о том, что в стране созданы широкие возможности для проявления талантов и дарований трудящихся, что народное творчество в сфере культуры получает все более интенсивное развитие, приумножая духовный потенциал страны, что трудящиеся массы из потребителей духовных ценностей превращаются в непосредственных творцов новой социалистической культуры.

Важное значение имеют разделы монографии, раскрывающие особенности формирования научного материалистического мировоззрения в борьбе против феодально-ламанской идеологии, формы и методы идейно-воспитательной работы МНРП на современном этапе. В работе подчеркивается, что важнейшим достижением культурной революции в МНР является формирование социалистического сознания трудящихся, утверждение социалистической идеологии во всех сферах духовной жизни общества, рост творческой активности и общественно-политической активности тружеников монгольского общества.

Основной вывод монографии сводится к тому, что культурная революция в Монголии вывела трудовые массы из духовного рабства, темноты и невежества, открыла им путь к вершинам знаний и богатствам отечественной и мировой культуры. В результате огромной работы МНРП по коммунистическому воспитанию трудящихся с использованием опыта КПСС и братского советского народа формируется новый человек с богатым духовным миром, широким кругозором и высокими нравственными качествами, активный и сознательный строитель нового социалистического общества, совершенствуются духовные основы социалистического образа жизни в МНР.

В заключение необходимо отметить, что опыт осуществления культурной революции в МНР, где колониализм потерпел одно из своих первых поражений, имеет важное значение для освободившихся стран Азии, Африки и Латинской Америки, особенно для тех стран, которые встали на путь социалистической ориентации, на путь борьбы за преодоление духовной отсталости и идейной зависимости своих народов. Эти страны могут с учетом своей специфики извлечь много полезного и поучительного из опыта МНР, с тем чтобы избежать многих трудностей, просчетов и неудач в таком большом и сложном деле, каким является строительство новой жизни на началах социализма, строительство новой социалистической культуры.

Ш. Б. Чимитдоржиев,
доктор исторических наук

Улан-Удэ

Право современной Японии

Борьба вокруг проблем в сфере юридической надстройки современной Японии является одним из аспектов социально-политических конфликтов между широкими массами трудящихся и правящими кругами страны. Японские прогрессивные общественные силы ведут борьбу в защиту демократических положений конституции 1946 г., стремясь добиться наполнения реальным содержанием декларируемых ею прав и свобод, против попыток пересмотра ее положений, запрещающих обладание вооруженными силами, стремления реакции легализовать их в конституции, создать возможность оснащения этих сил ядерным оружием и направленных их за рубеж. Одной из постоянных форм деятельности демократических сил Японии является борьба за отмену запрета на забастовки служащих государственных и муниципальных органов, движение против всевластия монополий, которые сумели выхолостить или обойти законодательные ограничения, принятые в период послевоенной «антимонополистической» реформы.

В этой связи привлекает внимание выход в свет книги прогрессивного японского ученого, профессора юридического факультета университета города Нагоя Ц. Инако*, написанной им специально для издательства «Прогресс». Рецензируемая монография, работая над которой Ц. Инако использовал многочисленные труды японских ученых и провел самостоятельное исследование ряда проблем, недостаточно освещенных японскими юристами, рассчитана на советского читателя.

Она состоит из трех разделов: в первом рассматриваются вопросы истории японского государства и права в период до конца второй мировой войны, второй раздел посвящен современным проблемам, в третьем дается краткий анализ главных отраслей японского права.

В первом разделе автор концентрирует внимание на основных чертах японского

* Цунэо Инако. Современное право Японии. Пер. с японского. М., «Прогресс», 1981, 269 с.

государства и права, начиная с периода феодализма. Он не только отмечает специфичность государственного строя Японии (фактическое правление «сёгуна» при номинальной роли императора) и характерные черты права того периода (его неразвитость, неограниченность от других социальных норм, отсутствие юридической науки), но и затрагивает интересный вопрос о влиянии Китая на японскую правовую систему. Как представляется, автор правильно выступает против преувеличения значения заимствований из Китая. Хотя первые японские кодексы VIII в. были составлены по образцу китайских кодексов династий Суй и Тан, их создание было призвано упрочить абсолютную власть императора. Однако, отмечает Ц. Инако, «с утратой императорским двором политической власти эти кодексы (хотя они и не были отменены) практически не применялись. Начиная с XIII в. основными законами Японии стали акты правящих феодальных кланов» (с. 30).

Рассматривая период формирования буржуазного государства и права, автор отводит центральное место истории разработки и принятия первой японской «конституции Мэйдзи» (1889), гражданского кодекса 1880 г. и уголовного кодекса 1907 г., а также анализу этих актов. Отмечая, что хотя японское правительство избрало курс на европеизацию японского права, Инако подчеркивает, что оно вело себя чрезвычайно пассивно в вопросе разработки конституции, затягивая ее принятие. Отбросив конституционные идеи Англии и Франции, правительство составило конституцию «Великой японской империи», руководствуясь германской консервативной доктриной государственного права и по образцу прусской конституции 1850 г. (с. 37—38). К сожалению, автор не раскрывает социально-экономических причин, толкавших правительство к заимствованию многих сторон германской правовой системы, влияние которой сказывается в Японии и поныне.

Анализируя содержание конституции, Ц. Инако вскрывает основанный на ней псевдоконституционный механизм государственной власти и управления, при использовании которого правящие круги Японии делали особый упор на прерогативы императора. Переходя к оценке процесса правового строительства после 1868 г., автор отмечает, что вслед за завершением «эпохи реформ после реставрации Мэйдзи» реакция перешла в наступление, что стало особенно ощутимым в связи с проблемой ввода в действие гражданского кодекса, который в своем окончательном виде также отразил влияние германского права в сочетании с традиционными японскими институтами феодального толка (с. 42—43). При подведении итогов основных шагов в области правовотворчества после 1868 г. Ц. Инако справедливо отмечает: «...в конце XIX в. в Японии в основном завершилось формирование системы буржуазного права, включающего в себя элементы феодального характера. Это право

стимулировало развитие капиталистических отношений, служило гарантией сохранения отношений помещичьего землевладения в деревне» (с. 46).

Дальнейшее развитие системы японского права на этапе империализма характеризовалось прежде всего ослаблением принципа законности (что отчетливо проявилось в уголовном кодексе 1907 г., который, не давая детальной классификации преступлений, установил чрезвычайно широкие пределы наказаний, избираемые на основе значительной свободы судейского усмотрения), а также усилением репрессивного законодательства, свидетельством чему было принятие «самого ужасного закона в довоенной Японии» — закона о поддержании общественного спокойствия, направленного на сохранение существующего государственного строя и подавление любой оппозиции (с. 50, 53).

Подобные тенденции в японском законодательстве логически сочетались с постепенной фашизацией политической системы Японии под давлением военщины и бюрократии, которые, отражая интересы монополий, искали выхода из экономического кризиса 1929—1933 гг. на путях войны. Как считает автор, постепенное формирование фашистской системы в рамках существующего государственного строя было характерной особенностью истории Японии в отличие от Италии и Германии. Свое мнение он подтверждает тем, что в Японии не было таких драматических событий, как захват власти фашистами и приостановка действия конституции (с. 55—56). На наш взгляд, однако, данное мнение автора (как и вопрос об особенностях японского фашизма) требует более глубокого и широкого исторического обоснования, нежели констатация формальных признаков.

Переходя к анализу процесса послевоенной демократической перестройки японского государства и права, Ц. Инако пишет в основном о роли американских оккупационных властей, оставляя вне сферы внимания широкое движение демократических сил в стране, с которым были вынуждены считаться американские и японские правящие круги. Вместе с тем автор отмечает положительное значение деятельности советских представителей в Союзном совете для Японии для целей демократизации страны (с. 66).

В работе весьма подробно рассматривается новая конституция Японии 1946 г., основные законодательные акты, принявшиеся в целях «демократизации» экономики. Признавая более прогрессивный характер новой конституции по сравнению с прежней, ее большую демократичность, автор тем не менее справедливо указывает, что закрепленные в ней буржуазно-демократические права и свободы личности носили абстрактный или программный характер. «По сравнению с конституциями западноевропейских стран, принятыми после второй мировой войны, в вопросах национализации (или возможности национализации) предприятий, принадлежащих монополиям, запрещения монополий, собственности крестьян

на землю конституция Японии, не содержащая положений об этом, относится к ряду консервативных», — отмечает автор (с. 78). Что же касается послевоенной «демократизации» экономики, то она вылилась в усиление частного капитала, поскольку «антимонополистическая» политика оккупационных властей была непоследовательной и ограниченной (с. 89).

Автор характеризует поворот оккупационной политики США в сторону усиления реакции после заключения Сан-Францисского договора 1951 г. и аналогичные изменения в правовой системе Японии (лишение государственных и муниципальных служащих права на забастовку, создание «резервного полицейского корпуса», принятие «положения об общественной безопасности» и т. д.), а также осуществляет анализ законодательства 60-х годов — периода высоких темпов развития японской экономики. При этом особое внимание автор уделяет конституционному вопросу в современной Японии (прежде всего разоблачению стремлений реакционных сил аннулировать или придать иное толкование статье 9 конституции, предусматривающей отказ от обладания вооруженными силами и права на войну как способа разрешения международных конфликтов), а также антиконституционным попыткам разработки законодательства на «чрезвычайный период», характеристике реальных прав граждан в «государстве благоденствия», становлению природоохранительного права как реакции на результаты бесконтрольной монополий, разрушающих окружающую среду.

Во втором разделе Ц. Инако поднимает интересную проблему о соотношении японского и европейского права. По его мнению, японское буржуазное право нельзя рассматривать как простую рецепцию западно-европейского буржуазного права, ибо многие специфически японские институты проявляются в области конституционного, семейного, наследственного права. При заимствовании отдельных положений западноевропейских нормативных актов они либо модифицировались в соответствии с японскими традициями, либо сокращались и упрощались (с. 132). Что касается воздействия американского права на японское в послевоенный период, то, как считает автор, японское право испытало на себе его сильное влияние в вопросах гражданских прав, конституционного надзора, местного самоуправления, в законодательстве, регулирующем отношения труда и капитала, в области уголовного процесса. Все же, пишет Инако, «влияние американского права на послевоенное японское законодательство было все же довольно ограниченным», ибо такие японские кодексы, как гражданский, гражданский процессуальный, торговый, уголовный, по-прежнему основываются на германо-романской правовой системе. Автор приходит к выводу, что «послевоенное японское право представляет собой довольно редкое по сравнению с другими буржуазными странами сочетание систем континентального и общего права, и японским юристам приходится

прилагать немалые усилия для увязки и согласования основных понятий этих двух различных систем» (с. 135).

Во втором разделе книги Ц. Инако содержится характеристика системы юридического образования в Японии, изменений в юридической науке и ведущихся в ней дискуссий, исследуется вопрос о правосознании японцев и соблюдении ими правовых норм поведения. В связи с этим положительно следует оценить стремление автора показать с точки зрения социальной психологии место и роль так называемого «гири» — своеобразного неписаного кодекса моральных норм поведения в повседневной жизни японцев. Ц. Инако отвергает мнение некоторых зарубежных авторов, полагающих, что японцы руководствуются преимущественно «гири», а не правом. Автор, на наш взгляд, убедительно доказывает, что в сознании японцев установления «гири» отнюдь не противопоставляются нормам права, но их действие вместе с тем ограничивается кругом конкретных лиц и конкретных групп, с которыми японцы находятся в повседневном общении. Действие «гири» в свою очередь во многом объясняется тем, что у японцев сильно развито чувство принадлежности к той или иной социальной группе (с. 142—146).

Третий раздел работы, посвященный главным отраслям японского права, носит характер очерка. Автор не претендует на подробный анализ этих отраслей, а стремится кратко изложить лишь их основные начала. Главы, посвященные конституционному, административному, гражданскому, торговому, семейному, наследственному и уголовному праву, содержат много интересных данных, относящихся к повседневной жизни японцев, их обычаям и нравам. В то же время эти главы убедительно доказывают, что японская система служит интересам монополий, что в японском обществе происходит процесс непрерывного углубления противоречий между подавляющей частью населения и эксплуататорским государством — выразителем интересов монополий. Хотя правящие круги порой вынуждены идти навстречу требованиям демократической общественности, выступающей за улучшение жизненных условий, за демократизацию общественной жизни, но уступки, делаемые под давлением трудящихся, носят ограниченный характер и практически не препятствуют реализации воли господствующего класса.

Несмотря на отмеченные выше недостатки, а также очерковый характер книги (что, впрочем, понятно, поскольку в ней затрагивается весьма широкий круг проблем), работа Ц. Инако содержит много интересного, подчас малоизвестного материала, дает содержательный анализ японских правовых институтов. Книга, несомненно, окажется хорошим подспорьем как для правоведов, так и для всех интересующихся проблемами современной Японии.

Л. М. Гудошников,
доктор юридических наук

Е. Г. Пащенко,
кандидат исторических наук

Англия и Дальний Восток

Книга английского историка, старшего лектора Манчестерского университета П. Лоу* продолжает тему его прежних исследований¹ и в то же время содержит обобщения многих выводов этих исследований. Сам автор характеризует книгу как «краткий обзор политики Англии на Дальнем Востоке с начала XIX в. до настоящего времени, охватывающий главным образом отношения с Японией и Китаем» (с. VII). В меньшей степени в ней рассматриваются отношения Англии со странами Юго-Восточной Азии.

В аннотации издателей указывается, что книга Лоу «объясняет рост английского влияния на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии в XIX в. и его последующее падение». С этим вряд ли можно согласиться, поскольку автор главное внимание уделяет описанию отдельных факторов из истории внешней политики Англии на Дальнем Востоке, а не ее общему научному анализу.

Одним из центральных вопросов исследования являются английские отношения с Китаем. Это главная тема первых трех из двенадцати глав книги.

Как известно, завершая завоевание Индии (к 30-м годам XIX в.), Англия одновременно поставила перед собой задачу усиления экспансии на Дальнем Востоке, в первую очередь колониального порабощения Китая. Британские колонизаторы стремились пробиться сквозь барьер самоизоляции Китая и «открыть» страну с целью превращения ее в колониальный придаток Англии. Однако, по словам П. Лоу, для Китая, стоявшего перед лицом большого количества трудностей, притязания Англии были не более чем «одной из проблем, которая была не более серьезной, чем другие» (с. 8).

Одной из форм английской экспансии в Китае была торговля опиумом, послужившая причиной первой англо-китайской «опиумной» войны. Читатель вправе ожидать характеристики войны, которая, с одной стороны, положила начало длительной экспансии международных сил империализма в Китае, а с другой, способствовала усилению антиколониаторской борьбы китайского народа. Однако в книге английского историка мы находим лишь сожаления по поводу того, что «война носила главным образом морской характер и английская армия не имела возможности продвигаться далеко в глубь китайской территории» (с. 14).

* P. Lowe. Britain in the Far East: A Survey from 1819 to the Present. London—New York, 1981, 264 p.

¹ P. Lowe. Great Britain and Japan 1911—1915. A Study of British Far Eastern Policy. New York—London, 1969; P. Lowe. Great Britain and the Origins of the Pacific War: A Study of British Policy in East Asia 1937—1941. Oxford Univ. Press, 1977.

Насильственное «открытие» Китая свергло Цинскую империю в глубокий политический и социальный кризис. Именно Англия, пишет автор, «сделала главный вклад в дело открытия Китая и распространения капитализма в Восточной Азии» (с. 40).

К концу XIX в. Великобритания стала утрачивать свое прежнее положение в Китае, хотя и была «заинтересована в сохранении своих позиций, захваченных за пятьдесят лет до этого» (с. 65). В новой ситуации борьбы за раздел Китая наиболее важные аспекты английской политики на Дальнем Востоке были «связаны с созданием англо-японского союза» (с. 72). По утверждению П. Лоу, англо-японский союз был создан исключительно в целях предотвращения «угрозы со стороны России» на границах Индии и Северного Китая. Эти выводы английского историка, однако, вступают в противоречие не только с исторической истиной, но и с фактическими данными, содержащимися в его собственном исследовании, и даже с другими его выводами и оценками. Так, несколькими страницами ниже он пишет: «Благодаря союзу с Японией Англия существенно укрепила свои позиции на Дальнем Востоке, не начиная войны с Россией» (с. 81). Накануне второй мировой войны англо-японские отношения обострились, в частности вследствие усиления позиций Японии в борьбе за раздел Китая. В связи с этим Лоу признает, что Англия «старалась не развязывать Японии руки в Китае, а пыталась всячески оградить свои интересы» (с. 115).

Глава II монографии Лоу «Конец английского влияния на Дальнем Востоке» посвящена политике Англии в этом регионе после второй мировой войны. На основе исследования большого количества специальной литературы, которая появилась в последние годы, английский историк попытался выделить причины столь быстрого падения роли Англии на Дальнем Востоке после второй мировой войны. Уделив определенное внимание послевоенным отношениям Англии с Китаем и Бирмой, автор основной упор сделал на англо-японских отношениях после 1945 г.

Английское министерство иностранных дел признавало, пишет Лоу, «необходимость реализации интересов Англии в Японии в 1945 г. и предотвращения абсолютного доминирования США в оккупации Японии» (с. 199). В то же время он указывает, что, «утверждая где-либо свои интересы, Англия не могла при этом подвергаться опасности отношения с Вашингтоном» (с. 199).

Характеризуя позицию английских представителей в Союзном совете для Японии и в Дальневосточной комиссии, Лоу утверждает, что английская сторона относилась «с некоторой симпатией к предложениям советских делегатов до тех пор, пока не началась холодная война» (с. 199). Вместе с тем вину за возникновение этой «холодной вой-

ны» он вопреки историческим фактам пытается возложить на Советский Союз.

Причины нарастания противоречий и соперничества в лагере империализма подробно исследованы учеными-марксистами на основе ленинской теории неравномерности развития капиталистических стран. На фоне этого анализ причин падения английского влияния на Дальнем Востоке в книге Лоу представляется во многом формальным и неглубоким. Так, автор сетует на то, что английские власти в своей политике на Дальнем Востоке вообще и в Японии в частности действовали «не так напористо, как прежде» (с. 197). Вряд ли можно серьезно воспринимать его вывод о том, что поскольку «капитуляция Японии произошла быстрее, чем это предполагалось», то «именно поэтому Великобритания не успела подробно разработать план» (с. 198) послевоенного устройства на Дальнем Востоке.

На самом деле одной из важнейших причин того, что Англия так и не смогла восстановить свое прежнее влияние в Японии, было резкое противодействие этому Соединенных Штатов, которые видели в Англии серьезного конкурента. Тем не менее английский историк не считает нужным упомянуть об англо-американских противоречиях, лишь замечая вскользь, что, к сожалению, «между официальными кругами Великобри-

тании и США в деле послевоенного устройства Японии не было единодушия» (с. 198).

Как считает Лоу, «консерватизм Японии в политической области плюс упадок Англии как реальной силы» явились основными причинами того, что англо-японские отношения после второй мировой войны стали более прохладными, нежели они были до 1941 г. (с. 201).

В заключение П. Лоу утверждает, что Англия, которая «была в XIX в. пионером в открытии Дальнего Востока, к последней четверти XX в. окончательно утратила там свое влияние» (с. 218). В настоящее время, с сожалением констатирует он, «былая роль Англии на Дальнем Востоке канула в прошлое» (с. 218).

Как представляется, рецензируемая книга П. Лоу, несостоятельная с методологической точки зрения и поверхностная по содержанию, объективно свидетельствует об усилении противоречий и соперничества между главными империалистическими державами в новую эпоху, а также о явном кризисе современной английской буржуазной историографии в ее попытках объяснить и оценить исторические факты недавнего прошлого.

С. И. Кузнецов
Иркутск

Антимилитаристская книга японского ученого

Книга профессора университета Сайтама Такао Камакура*, специалиста по проблемам японской экономики, выпущена издательским отделом центрального штаба Социалистической партии Японии и содержит ссылки на позицию СПЯ по ряду затрагиваемых вопросов. В потоке издаваемой в Японии литературы, проповедующей шовинизм и воспевающей «подвиги» японской армии во второй мировой войне, это — одна из немногих работ, осуждающих решительно, аргументированно, с привлечением многих фактов и статистических данных, японский милитаризм, как довоенный, так и нарождающийся сегодня. Автор занимает четкую позицию в вопросах войны и мира, гонки вооружений, отношений Японии с Советским Союзом, событий вокруг Афганистана, японо-американского военно-политического союза, экспансионистских тенденций во внешней политике Японии. Эта позиция за некоторыми исключениями диаметрально противоположна политике правящих кругов Японии.

* Камакура Такао. Нихон-но гундзика то хэйки сангё (Милитаризация Японии и производство вооружений). Токио, «Сякай синсё», 1981, 250 с.

В предисловии к рассматриваемой работе Т. Камакура указывает, что написал эту книгу не только для того, чтобы указать на факты, характеризующие развитие реакционных тенденций, усиление правого уклона и милитаризацию. Он пишет, что попытался объяснить, кто же, в сущности, выступает за милитаризацию, что служит основанием для этого и зачем вообще ведется милитаризация. «Многие люди протестуют против войны и требуют мира. Крепнет мировое общественное мнение, выступающее за ликвидацию ядерного оружия. Почему же, — спрашивает он, — несмотря на это продолжается гонка вооружений, ведутся работы над совершенствованием ядерного оружия? Эти вопросы я и попытался исследовать» (с. 4—5).

Не идеализируя обстановку в мире, Т. Камакура признает, что в настоящее время мировое антивоенное движение пока еще не смогло остановить гонку вооружений. Но он выражает твердую уверенность в том, что «движение за ликвидацию войны, ликвидацию гонки вооружений, за мир — это поистине справедливое движение, если рассматривать его с позиций интересов всего человечества и развития человеческого общества. Следовательно, это движение наверняка одержит побе-

ду. И победа эта зависит от воли каждого из нас в борьбе против войны, за мир, зависит от нашей борьбы против тех, кто руководит гонкой вооружений и подготовкой к войне» (с. 5—6). Японскому общественному мнению, справедливо указывает Т. Камакура, преподносится в основном искаженные данные о состоянии гонки вооружений, о позициях Советского Союза и США. Вместе с тем автор считает, что в японской периодической печати публикуется вполне достаточно информации для того, чтобы сделать однозначный вывод о глубоко захватившем Японию процессе возрождения милитаризма.

Большое место занимает в книге разоблачение мифа о «советской угрозе», якобы нависшей над Японией. Этот миф воскрес в последние годы благодаря стараниям правых кругов Японии, а затем дело дошло и до того, что он получил официальную поддержку японского правительства. К сожалению, кое-кто в Японии верит мифам. Т. Камакура пишет: «В последнее время мне и моим коллегам часто приходится выступать перед студентами и рабочими с лекциями об опасном характере японо-американского военного сотрудничества. И при этом нередко задают вопрос: «Вот вы говорите, что Советский Союз не нападет на Японию, а где же доказательства этому?» Характерно, что спрашивают об этом совсем не обязательно люди правых убеждений. Сам факт появления подобных вопросов свидетельствует, что пропаганда «советской угрозы» ведется довольно эффективно» (с. 14).

К чему же ведут домыслы о «советской угрозе»? Поскольку Япония якобы чересчур слаба, чтобы отразить эту угрозу, ей надо полагаться на американскую военную защиту, включая американское ядерное оружие на территории Японии. Но так, мол, не может продолжаться долго. Япония — мощная в экономическом отношении держава, и ей, говорят сторонники ремилитаризации, просто неловко рассчитывать все время на военную защиту извне, пора обзавестись и собственной мощной армией. Так в Японии насаждается мнение о том, что стране необходимо вооружаться.

Японию вооружают против Советского Союза, который никогда и никоим образом не угрожал ей и не собирается угрожать в будущем, — эта мысль проходит через всю книгу Т. Камакура. Один из разделов главы о характере военной мощи в современную эпоху целиком посвящен разоблачению мифа об «агрессивности Советского Союза». Автор пишет: «Вымыслы о «советской угрозе» возникли сразу же после революции 1917 г. в России, в результате которой родилось первое в мире социалистическое государство — Советский Союз. Затем эти вымыслы неоднократно повторялись и не представляют собой ничего нового» (с. 114). Еще в период между двумя мировыми войнами под предлогом так называемой «красной угрозы» подавляли внутренние волнения, выступления рабочих и крестьян Японии против правящих кругов. А теперь несколько модернизированный миф о «советской угрозе» стал использоваться для сохранения

господства американских монополий и подавления национально-освободительных движений во всем мире. Немало способствуют раздуванию этого мифа, к сожалению, и официальные круги в Японии.

Т. Камакура подробно показывает, как в прошлом и настоящем подобные вымыслы используются теми, кто заинтересован в милитаризации экономики и внутривнутриполитической жизни Японии, кто пытался и пытается вновь лишить японский народ завоеванных в упорной борьбе демократических прав. Япония уже не раз была зачинщиком войн на Дальнем Востоке и в регионе Тихого океана, и современные милитаристы, предупреждает автор, хотели бы снова толкнуть японский народ на старый путь внешней экспансии. Все рассуждения о «внешних врагах» Японии автор считает неверными. Сейчас настало время разъяснить: «нет опасности, связанной с угрозой агрессии против Японии со стороны иностранного государства. Совсем наоборот, опасность агрессии и войны находится в самой Японии» (с. 16—17).

Всем ходом своих рассуждений автор приводит читателей к знаменательному выводу, какой не так уж часто делается в современной Японии: «Прежде чем предаваться безосновательным мыслям о том, что нашему государству угрожает опасность внешней агрессии, мы должны поразмыслить над тем, как наши отцы оказались втянутыми в войну и что делали японские империалисты в годы войны в Корее, Маньчжурии, Китае, Советском Союзе. И прежде чем мы необдуманно присоединимся к безосновательной критике в адрес Советского Союза в обстановке пропаганды «советской угрозы», мы должны трезво поразмыслить над тем, что делают и что намерены сделать провозглашающие этот лозунг правительство США и идущие с ним в ногу правительство и финансово-промышленные круги Японии. С осознания этого начинается осуществление мечты о мире» (с. 27).

В книге последовательно раскрывается сущность агрессивной политики правящих кругов Японии в отношении Советского Союза. Сразу же после образования молодого Советского государства Япония первой среди капиталистических стран попыталась задушить Советскую власть вооруженным путем, направив в апреле 1918 г. свои войска на советский Дальний Восток. С августа по сентябрь того же года 70 тыс. японских военнослужащих высадились в Сибири, а к 1920 г. их численность достигла 175 тыс. Поводом, причем надуманным, для открытой интервенции, напоминает автор, послужило инспирированное органами японской печати сообщение о гибели в Сибири двух японцев. Вину за их смерть поспешили возложить на Советскую власть. Под предлогом защиты жизни и имущества японцев, находящихся на советской территории, и были посланы интервенты. Подлинной же целью интервенции было скорейшее уничтожение Советской власти. Об этом пишет и Т. Камакура: «Для правящих кругов Японии «красная угроза» была прямой угрозой их господству, и для ее устранения они

пошли на агрессию» (с. 115). Касаясь экспансии Японии на Дальнем Востоке в последующее десятилетие, автор прямо подчеркивает, что «и оккупация Маньчжурии, и вторжение в Китай были совершенно очевидно предприняты для достижения конечной стратегической цели Японии — войны против Советского Союза» (с. 116).

В современной Японии зачастую злонамеренно искажаются факты, связанные с состоянием японо-советских отношений в период с апреля 1941 по август 1945 г., то есть начиная с подписания акта о нейтралитете между СССР и Японией и кончая вступлением Советского Союза в войну против Японии. События этих лет нашли правильное освещение в книге Т. Камакура. В частности, он приводит известные слова тогдашнего министра иностранных дел Японии Ё. Мацуока, сказанные советскому послу 23 июля 1941 г.: «Основой внешней политики Японии является тройственный пакт, и если настоящая война и пакт о нейтралитете будут находиться в противоречии с этой основой и с тройственным пактом, то пакт о нейтралитете не будет иметь силы». Этими словами, по совершенно правильному заключению автора, «японская сторона фактически разрывала договор, подписанный всего лишь за два месяца до этого» (с. 117).

Полное нежелание считаться с пактом о нейтралитете японские правящие круги проявляли в течение всей Великой Отечественной войны, сохраняя слепо веру в победу своего союзника — фашистской Германии. Не решаясь на открытые военные действия против Советского Союза, японские вооруженные силы пытались сковать на советских восточных границах максимально большую группировку Советской Армии и постоянно нарушали сухопутные и морские границы СССР, топили и захватывали советские торговые суда. Всеми способами собиралась информация военного, политического и экономического характера, которая передавалась Германии. Таким образом, делает вывод профессор Камакура, Япония не соблюдала пакт о нейтралитете. В свете этого он считает неудивительным вступление Советского Союза в войну против Японии. К тому же, и об этом также упоминается в книге, Советский Союз заблаговременно предупредил Японию о денонсации пакта о нейтралитете.

В рассматриваемой работе затрагивается и созданная искусственно проблема «северных территорий». Чтобы хоть как-то обосновать притязания на южную часть Курильских островов, японские правящие круги ссылались на русско-японские договоры 1855 и 1857 г., в особенности на последний. Однако Япония, напоминает автор, сама нарушила этот договор и тем самым лишила себя права на него ссылаться. Во-первых, в результате русско-японской войны в 1905 г. Япония завладела южной частью Сахалина. Во-вторых, до 1925 г. Япония удерживала со времени интервенции против Советской республики и север Сахалина. Таким образом, делает вывод Т. Камакура, все территориальные статьи прежних договоров оказались перечеркнутыми. Поэтому возвра-

щение в 1945 г. юга Сахалина и всех Курильских островов, с советской точки зрения, было, по выражению автора, всего лишь «погашением исторического долга» (с. 119).

Как известно, юридическим основанием для возвращения Советскому Союзу его исконных территорий стало Ялтинское соглашение, подписанное в феврале 1945 г. Кроме того, отмечает профессор Камакура, Япония безоговорочно приняла Потсдамскую декларацию, в которой сказано, что «суверенное право Японии ограничивается островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку, а также мелкими островами, которые будут определены участниками этой декларации». Он напоминает, что и в приказе штаба генерала Дугласа Макартура за № 6670 от 29 января 1946 г. юрисдикция японского правительства распространялась на четыре основных острова и на прилегающие примерно тысячу островов, «за исключением Курильских островов, Хабомаи и Шикотана». Затем, в 1951 г., по Сан-Францисскому договору Япония в лице тогдашнего правительства во главе с С. Есида прямо отказалась от права на суверенитет над островами Курильской гряды. Обращается автор и к совместной советско-японской декларации 1956 г., положения которой японское правительство вскоре нарушило, связав себя новым «договором безопасности» с Соединенными Штатами. Все эти факты, по убеждению автора, ясно показывают, «кто препятствует миру и стабильности в японо-советских отношениях» (с. 120).

Не способствует укреплению добрососедства и позиция японского правительства по искусственно созданному «афганскому вопросу», то есть в отношении присутствия в Афганистане ограниченного советского воинского контингента, направленного в эту страну в ответ на многочисленные просьбы афганского правительства, в соответствии с советско-афганским договором и со статьей 51 Устава ООН. «С юридической точки зрения не может никоим образом быть предметом обсуждения обращение одного суверенного государства к другому суверенному государству, с которым оно связано договором о сотрудничестве, с просьбой оказать помощь для отражения военного вмешательства с внешней стороны», — обоснованно замечает Т. Камакура (с. 121).

Дан в книге отпор и утверждениям о якобы равной ответственности Советского Союза и Соединенных Штатов за продолжение гонки ядерных вооружений. Эти утверждения были, как известно, подвергнуты аргументированной критике во время пребывания члена Политбюро ЦК КПСС, министра иностранных дел СССР А. Громыко на второй специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению. На основе многих факторов в рассматриваемой книге доказывается, что «соперничество в развитии военной техники все время шло таким образом, что американская сторона постоянно опережала, а Советский Союз создавал свое оружие с целью обороны от США» (с. 78). Упоминается и американская концепция «первого удара», по существу,

открыто провозглашающая агрессивность внешней политики и военной доктрины США. «Именно правительство и военные круги США, — пишет автор, — руководят гонкой ядерных вооружений и захватили в ней инициативу» (с. 80). Автор опровергает ссылку на то, что предложено для возврата США на путь гонки вооружений послужил ввод советских войск в Афганистан. «Администрация Картера, — говорится в книге, — выдвинула новый план гонки вооружений и стала сколачивать «единый антисоветский фронт»... еще до возникновения афганского вопроса» (с. 95).

В книге прослеживается развитие японо-американских военно-политических отношений со времени подписания «договора безопасности» (1951) до переговоров премьер-министра Д. Судзуки с президентом Р. Рейганом в мае 1981 г., когда впервые эти отношения были возведены в ранг «союза». Это сделано, замечает автор, с целью добиться от Японии еще большего участия в американской военной стратегии.

Война в Корее, агрессия во Вьетнаме, «нефтяной кризис» и свержение шахского режима в Иране — вот лишь несколько предлогов, ссылаясь на которые США требуют от Японии перевооружения, пишет автор. Буквально все перемены в мире, замечает он, США по-прежнему объясняют «пронсками Советского Союза». Между тем, подчеркивает Т. Камакура, «возникновение демократических революций в развивающихся странах никим образом не объясняется ни подстрекательством Советского Союза, ни расширением сферы советского влияния» (с. 133). Что же касается японо-американского военно-политического союза, то «посредством предоставления Соединенным Штатам военных баз на своей территории Япония принимала участие в милитаристских действиях США по поддержанию своего господства и угнетению народов Кореи, Вьетнама и Ирана» (с. 135).

Автор уделяет в своей работе пристальное внимание возродившейся военной про-

мышленности Японии, уже сейчас достигшей мировых стандартов в производстве отдельных видов ракет с точным наведением на цель, самолетов, некоторых типов военных кораблей. В книге приведены многочисленные примеры экспорта японского оружия.

Сейчас в правящих кругах Японии вновь усилилось стремление воплотить в жизнь идею так называемого «Тихоокеанского сообщества», в которое наряду с Японией и США стремятся включить Канаду, Австралию, Новую Зеландию, страны — члены АСЕАН и некоторые другие государства и территории. Цель всего этого, по мнению автора, состоит прежде всего в обеспечении рынков сбыта японской промышленности, а также в обеспечении Японии стабильными поставками сырья, энергетических ресурсов и продовольствия. Автор обоснованно называет проектируемое сообщество «новым империалистическим экономическим блоком» и указывает, что с планами создания сообщества тесно связаны усиление «сил самообороны» и планы посылки их за границу, хотя бы для участия в международных войсках ООН. И действительно, речь премьер-министра Д. Судзуки в Гонолулу после поездки в июне 1982 г. в Париж, Нью-Йорк, Перу и Бразилию показала, что японское правительство хотело бы, не без влияния США придать проектируемому «Тихоокеанскому сообществу» явные черты военно-политического блока.

Ценность книги профессора Камакура не только в том, что в ней приведено большое число исторических фактов, статистических данных и что всему этому дано глубоко научное обоснование. Рассматриваемая работа привлекает внимание также личной позицией автора, страстно призывающего к усилению борьбы за лучшее будущее японского народа и всего человечества, к борьбе за мир, за разоружение.

А. А. Шмырев

* * *

Откуда пришли первые обитатели Хоккайдо?

Книга доктора исторических наук Р. С. Васильевского, в которой исследуются древние культуры Хоккайдо*, представляет большой интерес с археологической, этнографической и исторической точек зрения. В этом труде автор впервые на русском языке обобщил данные последних лет о за-

селении прибрежных островных районов Северо-Восточной Азии, прежде всего Северной Японии.

Помимо своей ценности с точки зрения обобщения еще не вводимого в научный оборот материала по археологии, антропологии и этнографии Северной Японии в сопоставлении с Сахалином, Курильскими островами и некоторыми другими островами Тихого океана, рецензируемое исследование, осуществленное на основании полевых наблюдений, несомненно, имеет и политическое

* Р. С. Васильевский. По следам древних культур Хоккайдо. Новосибирск, «Наука», 1981, 173 с.

значение, так как из него непосредственно вытекает вывод о несостоятельности утверждений японской буржуазной историографии об исконной принадлежности Японии Курильских островов и острова Сахалина, даже если этот тезис обосновывается, как это делается в последнее время, аргументами об исторической принадлежности их айнам — первым обитателям Японского архипелага¹.

В увлекательной форме путевого дневника в работе обобщаются исследования, посвященные японскому палеолиту, и делается вывод, что одна из культур этой эпохи (техника пластин) связана с материковыми культурами Северной Азии, прежде всего Приморья и Приамурья. В пользу этого свидетельствует, например, тот факт, что в Приморском крае «обнаружен почти полный комплект всех изделий, которые рассеяно встречаются на разных стоянках Хоккайдо» (с. 153—154). Источники другой культурной традиции (техника аморфного нуклеуса, приготовление орудий из отщепов) Р. С. Васильевский усматривает в культурах центральной Японии и Кореи (с. 153), полагая, что они берут свое начало в Юго-Восточной Азии либо развились на местной основе и имеют своим истоком более ранние культуры Японских островов (с. 23).

Разбирая современные проблемы этнической истории Японии, автор правильно отмечает, что они исследуются в основном в двух направлениях — «выясняется, было ли население периода дзёмон связано с айнами и существовала ли преемственность между этим неолитическим населением и японцами» (с. 16). Но при этом отвергается, как нам представляется, без достаточной аргументации, теория о доайнском населении Японии, так называемом племени коропоккуру (с. 15).

Это племя, которое сахалинские айны именовали «тончи» или «тончи-комун», а древние японцы — «цутикумо», скорее всего, действительно обитало на Японских островах, Сахалине и Курилах до появления айнов. В пользу этого свидетельствуют материалы ранних японских хроник VIII в. «Хитати фудоки» и «Хидзэн фудоки», а также айнского эпоса «Юкар», в которых говорится, что в VIII в. после пятивековой борьбы айны вытеснили почти всех своих предшественников с острова Сахалин, за исключением племени, проживавшего в долине реки Поронай, пришедшего с низовьев Амура. В 1955 г. в этом районе были произведены раскопки в местах, где, по сведениям айнов, жили тончи, и обнаружены лодка нивхского типа, каменные орудия, глиняная посуда и другие предметы представителей охотской культуры².

В книге кратко излагаются результаты проведения в 1977 г. в японском городе Саппоро симпозиума по проблемам охотской культуры, организованного Институтом изу-

чения северных культур Евразии при Хоккайдоском университете. В связи с затронутой здесь темой о предшественниках айнов представляется существенным сделанный в подкрепление идеи советских археологов вывод японских ученых — участников симпозиума о том, что эта культура морских охотников и звероловов сформировалась на Сахалине под влиянием нижеамурских культур и генетически связана с палеонивхами (палеогияками) или находится с ними в родственных отношениях. Так, Т. Кикуги высказал мнение, что этноним «гилеми» (гиляки) китайских хроник XIII в. пришел на смену этнониму «люгуй», упомянутому в хронике династии Тан (около 640 г.) и что эти племена, судя по археологическим данным, являлись представителями охотской культуры (с. 94).

Большой интерес вызывает раздел книги «Странные камни», посвященный мегалитическим памятникам — «каменным кругам» и «каменным кучам», в центре которых нередко высится каменный столб. Особое внимание автор обращает на такие памятники, встречающиеся в составе курганных могильников в районах Сюэн и Готэнъяма, подчеркивая их бросающееся в глаза сходство с аналогичными сооружениями древних европеоидов — представителей афанасьевской и андроновской культуры юга Западной Сибири (II тысячелетие до н. э.).

Р. С. Васильевский указывает, что в связи с этим естественным является предположение о появлении курганных могильников на Хоккайдо в результате либо миграции в Северную Японию племен с Азиатского материка, либо их постепенной инфильтрации на прибрежные острова северо-западной части Тихого океана. Для доказательства этой гипотезы, как правильно указывается в книге, необходимо выявить определенные изменения физического облика аборигенного населения по сравнению с населением более раннего времени, а данных для этого «в распоряжении японских археологов нет» (с. 102). Правда, при этом надо иметь в виду, что на упоминаемых автором стоянках Онкороманай (Северный Хоккайдо) и Сусуйской стоянке (Сахалин) были найдены захоронения, относящиеся к охотской культуре (I тысячелетие до н. э.), которые по антропологическим данным останков (строевые черепа и т. п.) занимают промежуточное положение между древними европеоидами с массивными черепами, сильным подбородком и резко выраженными чертами лица — представителями афанасьевской и андроновской культур, с одной стороны, и древними нивхами, айнами и японцами — с другой³.

В пользу этого предположения свидетельствует также то, что покойников на ряде стоянок Северного Хоккайдо, принадлежащих к этому промежуточному антропологическому типу, хоронили в скорченном положении головой на запад, в отличие от ориентированных головой на восток захоронений древних айнов на юге Хоккайдо.

¹ См.: Хоппо рёдо-о кангаэру (Размышления о северных территориях). Под ред. Х. Кимура. Токио, 1981, с. 12.

² См. подробнее: «Проблемы Дальнего Востока», 1978, № 1, с. 127—157.

³ См.: Х. Фудзимото. Айну-но хака (Айнские погребения). Токио, 1974, с. 212—239.

Однако этому обстоятельству Р. С. Васильевский не придает большого значения и, возможно, поэтому делает вывод об отсутствии доказательств гипотезы о переселении на прибрежные острова коренного населения Северо-Восточной Азии. А ведь именно эти переселенцы, смешиваясь с айским населением упомянутых островов, у которого имеются «европеоидные признаки в строении лица и в пальцевых и ладонных узорах»⁴ и характерный для европеоидов расовый биохимический индекс (соотношение групп крови), могли стать связующим звеном между древними обитателями внутренних районов Азиатского континента и населением австралоидного происхождения, которое в процессе своего продвижения на север, в рассматриваемый регион, вступало в тесный этнический контакт с тихоокеанскими монголоидами.

Р. С. Васильевский излагает историю появления и эволюции концепции о чисто европеоидном происхождении айнов. Он указывает, что впервые такое предположение высказал знаменитый французский мореплаватель XVIII в. Ж. Лаперуз, а затем ее развили многие русские и зарубежные ученые, часть которых, в том числе известный японский антрополог и археолог Сакудзаэмон Кодэма, относили их к кавказской расе, распространившейся на восток до Восточного Туркестана, Южной Сибири, Монголии и, возможно, Кореи (с. 156—157). Именно этих европеоидов Азиатского материка академик А. П. Окладников рассматривал как один народ или родственные народы с единой в своей основе культурой, которые заселяли огромный пояс центрально-азиатских пустынь и степей от Памира до Хингана⁵.

Завершая обзор работ, посвященных этой гипотезе, автор книги, на наш взгляд, приходит к неожиданному выводу, что «новые археологические и антропологические исследования не подтверждают гипотезы о европейцах-азиатах (а можно ли так вообще сказать? — К. Ч.). Имеющиеся данные свидетельствуют о монголоидности древнейших аборигенов Центральной и Восточной Азии» (с. 157).

В книге приводятся имеющие широкое распространение положения об австралоидных корнях айской культуры. Истоки этой культуры, в частности ее мифологии и культов, возводят к протоавстралоидам, которые в плейстоцене обитали на ныне скры-

том под водой материке Зунда. В его состав входили большая часть Зондских островов, Калимантан, Филиппины и, возможно, Японские острова, Сахалин, а также Юго-Восточная Азия (с. 157—159).

Убедительным представляется также предположение автора о том, что «каменные круги» символизируют солнечный диск, поскольку солнце в сознании людей каменного века олицетворяло вечный круговорот и перевоплощение души умерших сородичей в живых членов рода (с. 102—103).

В книге обосновывается мысль о том, что остров Хоккайдо являлся контактной зоной между выходцами из материковой Азии и южной части тихоокеанского бассейна. Ее подтверждает оценка автором книги наскальных изображений антропоморфных фигурок и «ладьи мертвых» со сценой «переселения в загробный мир» в пещере Фугоппэ. Обращая внимание на их близкое сходство, с одной стороны, с писанинами Прибайкалья, Забайкалья, Монголии и Нижнего Амура, а с другой стороны, Индонезии и Вьетнама, Р. С. Васильевский приходит к логичному выводу о том, что в этом районе в конце I тысячелетия до н. э.—начале I тысячелетия н. э. соединились два разных культурно-исторических мира — южных морей Юго-Восточной Азии и лесов и степей Северной Азии (с. 111—112).

Континентальные истоки усматриваются также при анализе одного из культурных слоев на острове Рэбун (к юго-западу от Хоккайдо) (с. 113). Автор, по нашему мнению, правильно указывает на то, что найденные здесь топоры, наконечники стрел и подвески-украшения из обсидиана, нефрита и змеевика периода среднего дзёмона, месторождения которых на Хоккайдо и прилегающих к нему островах отсутствуют, могли быть изготовлены только из материала, доставленного с материка (с. 117).

С большим интересом читается заключительная часть книги, где содержатся новые подтверждения того, что «краниологически айны существенно отличаются от австралийцев и в то же время сближаются с американцами, проалеутами и прокоряками (очевидно, пра- или протоалеутами и коряками. — К. Ч.)» (с. 160).

Прочтя эту небольшую, но весьма полезную книгу, любой непредвзято мыслящий читатель придет к заключению, что доайским населением упомянутых районов являлись выходцы из материковой Азии — предки населения, которое входит ныне в дружную семью народов Советского Союза.

К. Е. Черевко,
кандидат филологических наук

⁴ В. П. Алексеев. В поисках предков. Антропология и история. М., 1972, с. 135.

⁵ См. подробнее: «Проблемы Дальнего Востока», 1978, № 1, с. 129.

На XXVIII Европейском конгрессе китаеведения

Очередной XXVIII Европейский конгресс китаеведения состоялся в Кембридже (Великобритания) с 5 по 10 июля 1982 г. В нем приняла участие советская делегация в следующем составе: директор Института Дальнего Востока, член-корреспондент АН СССР М. И. Сладковский (глава делегации), доктор экономических наук В. И. Шабалин, доктор исторических наук В. А. Кривцов, доктор филологических наук В. М. Солицев, доктор юридических наук Л. М. Гудошников, доктор филологических наук В. Ф. Сорокин, кандидат экономических наук В. П. Ломыкин, заведующий отделом ИДВ А. Н. Бескодаров.

По поручению Европейской ассоциации китаеведения (ЕАК) конгресс был организован сотрудниками восточного факультета Кембриджского университета под руководством доктора М. Лоуэ и проходил в колледже Ньюнэй.

Общее число участников конгресса — делегатов и наблюдателей — составило около 140 человек, это несколько больше, чем на предыдущем конгрессе в Цюрихе, хотя и меньше средней цифры за последнее десятилетие. Из Франции, Англии, Италии и ФРГ приехало по 16—20 делегатов, из Голландии, Швеции и Швейцарии — по 5—7, из Дании, Норвегии и Бельгии — по 2—4. Общее число наблюдателей от этих стран составило 15—18 человек. Кроме того, было несколько наблюдателей от США, а также с Тайваня и из Гонконга.

Наряду с учеными СССР из социалистических стран Европы на конгрессе были 3 представителя ГДР, 2 — Болгарии, 1 — Венгрии. Из КНР прибыли два сотрудника Академии общественных наук в Пекине.

Всего за время работы конференции состоялось 6 пленарных заседаний и 12 заседаний по секциям археологии, новейшей литературы, государства в Китае, даосизма, современной литературы. Организаторы планировали проводить главным образом пленарные заседания, но это резко ограничило бы количество заслушанных докладов. И так из-за недостатка времени не удалось заслушать все заявленные доклады, в том числе один — советской делегации (доклад В. П. Ломыкина «Роль Запада в модернизации Китая»). Не удался и другой замысел организаторов конгресса — устраивать по вечерам отчеты председателей заседания с критическим разбором заслушанных докладов. Во-первых, это уменьшило бы возможности прямых контактов и дискуссий между участниками, и, во-вторых, большой тематический диапазон докладов делал крайне затруднительным их квалифицированный анализ предложенным способом.

Всего на пленарных и секционных заседаниях было заслушано и частично обсуждено (нередко на обсуждение не оставалось времени) 42 доклада и сообщения научного и научно-организационного характера. Первое пленарное заседание было почти целиком (при открытии президент ЕАК произнес вступительное слово) отдано выступлениям представителей Академии общественных наук КНР. Профессор Ли Сюэцин (Институт археологии) рассказал о результатах исследований китайских археологов за последние годы (первоначально объявленный им доклад на более частную тему — о раскопках столицы древнего царства Восточное Чжоу — он зачитал на секции археологии). В своем докладе на пленарном заседании Ли Сюэцин утверждал, что китайская цивилизация является более древней и охватывала большую территорию, чем это признавалось до сих пор.

В докладе о современном состоянии китайского литературоведения, с которым выступил профессор Тан Тао (Институт китайской литературы), делался упор на большой размах исследований и разнообразие тематики по сравнению с периодом до «культурной революции». Особенно подчеркивалось изменение отношения к тем писателям первой половины нынешнего века, которые ранее критиковались как носители реакционной идеологии и проводники буржуазного влияния. Об известном деятеле чанкайшистского режима Ху Шн говорилось как о видном писателе и ученом, внесшем большой вклад в становление новейшей китайской культуры в 20-е годы. В другом своем докладе, розданном в письменном виде, — о влиянии иностранных идейных течений на выработку национального стиля в китайской литературе — Тан Тао упомянул о большом влиянии русской классики на творчество ряда виднейших китайских писателей, но в основном изложение построил на западноевропейском материале.

Более двух третей выступлений участников конгресса было посвящено различным проблемам древней и средневековой истории, археологии, литературы и искусства Китая,

что свидетельствует о достаточно устойчивой тенденции развития «классического» китаеведения в рамках ЕАК.

Вместе с тем в некоторых докладах западных синологов достаточно четко прослеживались и явные политические тенденции, в частности по вопросам русско-китайских отношений. Западнogerманский синолог доктор П. Куфус в докладе «Цинский Китай и Россия в конце XIX столетия» попытался оправдать экспансию Англии против Китая с привлечением в качестве основных аргументов оценок роли России на Дальнем Востоке в конце XIX в. британскими буржуазными синологами. Доклад П. Куфуса был подвергнут критике в развернутом выступлении главы советской делегации М. И. Сладковского, отметившего несостоятельность подобной аргументации автора доклада. Осветив международные отношения на Дальнем Востоке и дав оценку политике России в рассматриваемый период с позиций марксистско-ленинской науки, М. И. Сладковский особо подчеркнул изменение характера отношений между Китаем и Россией со времени Великой Октябрьской революции. Выступивший затем профессор О. Латтмор (видный американский ученый, живущий в Англии), по сути дела, поддержал советскую точку зрения и, продолжив критику доклада П. Куфуса, отметил также, что политика России на Дальнем Востоке носила особый, «сдержанный» характер в силу ряда внутренних и внешних факторов.

В докладе «Политика и развитие китайской марксистской историографии до 1949 г.» (доктор М. Лейтнер, Западный Берлин) имела место критика «китаизированного» подхода к марксизму-ленинизму.

Из докладов по экономическим проблемам представило особый интерес сообщение шведской исследовательницы М. Торнборг (работает в Копенгагене) на тему «Специальные экономические зоны Китая», в котором освещаются вопросы формирования экономических зон в других странах, изучения этого опыта в Китае и использования его в целях расширения ресурсов экспортной продукции и увеличения занятости в КНР.

Значительное место в работе конференции заняли выступления по проблемам государства и права, поэтому была выделена специальная секция. В докладе профессора М. Мейера (Нидерланды) «Сравнение первого и последнего закона о браке коммунистического режима в Китае» проводилась мысль об искусственном разрушении властями Китайской Советской Республики и КНР традиционной китайской семьи и о стойком сопротивлении последней этим попыткам. Подобные утверждения вызвали обоснованные возражения советского делегата Л. М. Гудошника.

Заседания литературной секции отразили растущий в различных странах Европы интерес к проблемам китайской литературы последних десятилетий. Об этом свидетельствовали доклады Э. Эйде (Норвегия) «Ибсен и развитие современного драматического театра в Китае», Г. Ли (Великобритания) «Дай Ваншу и идейная полемика в литературе 30-х годов», Лю-Сандерс (Великобритания) «Дискуссия о «туманном» направлении в современной китайской поэзии», Ф. Грунер (ГДР) «Проза современного новеллиста Ван Мэна».

Из докладов на лингвистические темы наибольший интерес вызвало сообщение кембриджских ученых о применении компьютеров для изучения и интерпретации китайских иероглифических текстов, а также доклад Дж. Касакакья (Италия) о грамматике диалекта Сучжоу и сообщение о новой методике ускоренного преподавания китайского языка. Советские делегаты выступили на конгрессе с четырьмя докладами: на пленарном заседании — В. А. Кривцов на тему «Формирование представлений о прекрасном в древнем Китае», на секционных заседаниях — Л. М. Гудошников на тему «Основные направления законодательной политики КНР на современном этапе», В. М. Солнцев на тему «Порядок слов в китайском языке и его возможные изменения», В. Ф. Сорокин «К дискуссии о творческом методе в современной китайской литературе и искусстве». Тематика и научное содержание докладов были призваны продемонстрировать широту интересов советских китаеведов, наш принципиальный и объективный подход к изучению сложных процессов в истории Китая и в современной китайской действительности. Эти доклады вызвали значительный интерес у соответствующих специалистов и не встретили серьезных возражений. Советские делегаты активно участвовали в обсуждении докладов ученых других стран и имели с ними многочисленные контакты, в ходе которых рассказывали о новейших исследованиях советских китаеведов. Был также обсужден ход работ над тремя научными проектами ЕАК — составлением многотомного аналитического словаря китайских писателей и их произведений, разработкой темы «Государство в Китае — теория и действительность» и составлением указателя к даосскому религиозному канону (советские ученые участвуют в первых двух проектах). Было отмечено, что работа продвигается успешно, хотя в ряде случаев с задержкой против первоначально установленного графика.

В соответствии с уставом Европейской ассоциации китаеведения во время работы конгресса состоялась Генеральная ассамблея членов ЕАК. На ней были заслушаны и утверждены отчет о деятельности ЕАК за два года, прошедшие со времени предыдущего конгресса, и финансовый отчет, а также были проведены выборы нового состава правления ассоциации. В связи с тем, что по уставу члены правления могут избираться не более чем на три двухгодичных срока подряд, произошло обновление половины состава правления (насчитывающего 24 члена), включая президента, одного из вице-президентов и генерального секретаря.

Новым президентом избран известный голландский синолог П. ван дер Лун (работающий ныне в Оксфордском университете), вице-президентами — М. Лоуэ (Кембридж, Англия) и В. Ф. Сорокин, генеральным секретарем — В. Идема (Лейден, Нидерланды), его заместителем — норвежская китаистка Э. Эйде. В состав правления вошли также В. П. Ломыкин от СССР, Д. Дончев от Болгарии, Б. Талаш от Венгрии, Ф. Грунер от ГДР, Р. Славинский от Польши, М. Кубешова от Чехословакии. Выступая на первом заседании нового состава правления, П. ван дер Лун подчеркнул, что он будет добиваться осуществления принципа коллегиальности при выработке решений.

В своей статье «Европейская ассоциация китаеведения», опубликованной незадолго до конгресса в журнале «Кембридж ревью», М. Лоуэ писал: «Ценность ассоциации состоит в том, что она объединяет исследования над важными по своему внутреннему содержанию темами, которыми занимаются небольшие группы ученых. Поскольку специализация в данной области знаний растет слишком быстро, проходящие раз в два года конгрессы дают исследователям возможность не только консультироваться с коллегами, занятыми сходной проблематикой, но и быть в курсе достижений в других областях». Присоединяясь к этим словам, хочется выразить надежду на дальнейшую активизацию деятельности ЕАК и расширение международного сотрудничества в различных областях китаеведения.

*В. Ф. Сорокин,
профессор*

«Проблемы Дальнего Востока» № 4-82, 1—224.

Сдано в набор 10.10.1982. Подписано в печать 17.11.1982. А11404. Формат 70×108²/₁₆.
Бумага тип. № 1. Печать высокая. Гарштура литературная. Усл. печ. л. 19,6.
Уч.-изд. л. 21,2. Кр.-отт. 362 тыс. Заказ 2586. Тираж 18 475 экз.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Москва, 119021, Zubovskiy bulvar, 17
Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Чехов Московской области